

НЕЧТО

Александр ВАРГО

ОГРАНИЧЕНИЯ: не рекомендуется
читать детям до 18 лет, лицам с
заболеваниями психики и нервной
системы, а также чрезмерно
впечатлительным и мнительным
гражданам.

Книга для тех, кто любит острые ощущения! Ярко и необыкновенно реалистично автор представляет зловещий, покрытый мраком тайный мир мусорной свалки. Здесь не только свои законы, свои нормы морали, но также свои, ни с чем не сравнимые ужасы. А начинаются они с того дня, как предводитель бомжей и уголовник Жгут, дабы надежнее спрятаться от милиции, спускается в старый заброшенный коллектор. Обитателей свалки со всеми их тяжкими грехами можно простить только за то, что они потом пережили...

- [Александр Варго](#)
 - - [ЧАСТЬ 1](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [ЧАСТЬ 2](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)

- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)

- [ЧАСТЬ 3](#)

- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)

- [ЧАСТЬ 4](#)

- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)

- [ЧАСТЬ 5](#)

- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)

■ [78](#)

○

● [notes](#)

○ [1](#)

○ [2](#)

○ [3](#)

○ [5](#)

Благодарим Вас за использование нашей библиотеки Librs.net.

Александр Варго

Нечто

*СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА, ЧТОБЫ НЕ ХВАТИЛО
ВРЕМЕНИ НА ЗЛЫЕ...*

Гюрза – ядовитая змея семейства гадюк, в длину достигает до 1,6 м, распространена в Северной Африке, Юго-Западной Азии, Закавказье, на юге Казахстана. Питается мелкими зверьками, птицами и ящерицами. Яд смертелен для человека.

Большой энциклопедический словарь

*«У меня была бомжиха, сала кипятчком,
Обещала угостить маленьким глоточком...»*

Из фольклора бродяг

Незаметно заканчивался апрель, уступая место маю. Дни постепенно становились длиннее, погода теплее, серые промозглые вечера остались в прошлом, и все такое, в общем – благодать. Особенно для неприметной категории наших сограждан, волею судьбы или случая оказавшихся в разряде «низшей касты», то есть бомжей. После трудной зимы (а она действительно оказалась очень трудной, а для некоторых – и последней: только по официальным данным, за эту зиму в Москве умерло от обморожения порядка пятисот бездомных бродяг) они, поначалу робея, щурясь от солнечных лучей, как человек, которого внезапно ослепили мощным софитом, выползали из сырых подвалов, чердаков и других всевозможных тущоб, быстро смелели и развивали активную деятельность, снуя туда-сюда, как муравьи.

По городской свалке брели два представителя сего племени. Если с определением половой принадлежности особых трудностей не возникало, – это шли мужчины, – то угадать возраст было практически невозможно. Каждому из них вполне могло быть и двадцать лет, и все пятьдесят. Одутловатые красные лица с воспаленными глазами, юрко стреляющими по сторонам (нет ли там чего ценного?), закостеневшая от бесконечной носки одежда совершенно уж неопределенного цвета благоухала, как сельский туалет. Впрочем, это не волновало бродяг. Они торопились в приемный пункт – собранного ими цветного металла хватит на два «пузыря» по 0,5 и на «запивку», а если повезет, то и на кирпич «Бородинского»...

– И-и-ых... тьфу! – сплюнул один из них, в вязаной шапочке. Шапочка была серая от пыли и грязи и давно потеряла свой натуральный цвет. – Вот она, весна... Мать ее ети... Давай, шевели булками, а то опоздаем, – прикрикнул он на своего спутника. Тот быстро моргнул и прибавил шагу.

– А че это мы в обход идем? Приемка же тут, рядом!

Бомж показал желтым от никотина пальцем на едва видневшуюся тропинку, пролежавшую между бетонным забором и старыми обветшалыми гаражами.

– Такой, блядь, крюк делаем!

Саныч облизал губы, еще раз посмотрел на заманчиво змеящуюся тропинку, которая через каких-то двести метров может вывести к заветному приемному пункту...

– Сказки, – ворчливо передразнил он Гошу.

Однако в голосе Саныча уже проскальзывали нотки сомнения, и Гоша улыбнулся, продемонстрировав отсутствие нескольких зубов, оставшиеся же были похожи на одинокие штакетины сгнившего забора. Он решил идти ва-банк.

– Как хочешь. Топай в обход, а я к тому времени уже флакон беленькой куплю. Заодно посру.

– Ладно... – не выдержал Саныч. Воображение быстро нарисовало ему картину: Гоша, этот сукин сын, покупает водку раньше него, уютно устраивается за помойкой, открывает бутылку... Нет, этого он допустить не мог. – Только быстро, а то ползешь, как беременная улитка.

– На себя бы посмотрел, помидор на лыжах, – беззлобно ответил Гоша. Тихо переговариваясь, они, хрустя разбитыми подошвами ботинок по бутылочным осколкам, сошли на тропинку и вскоре исчезли из виду. Двое были слишком взволнованы и спешили, чтобы обратить внимание на невысокую мужскую фигуру в невзрачной темной одежде, которая следила за ними уже несколько минут.

Они не прошли и половину пути, как вдруг увидели, что в нескольких шагах на изъеденной ржавчиной железной коробке сидит девушка. Даже не девушка – девчонка с немного

нескладным телом и узким, бледноватым лицом. Она тоже увидела двоих мужчин, волочивших тяжелые сумки, и кокетливо поправила красную курточку. В тонких пальцах была зажата сигарета.

Саньч и Гоша подошли к ней вплотную.

«Парламент» – с ходу узнал сигарету заядлый курильщик Гоша. Крутые сигареты. Не очень подходящее место для раскурки таких папирос, машинально отметил он. Собственно, и сама девушка не выглядела бомжихой – модные туфельки, к которым уже прилипла грязь пустыря, новенькие джинсы, плотно обтягивающие ее стройные ножки, да и куртка не какое-нибудь фуфло китайское... Что она тут делает?

Бомж непроизвольно замедлил шаг, откровенно любуясь девушкой. Она поймала его взгляд и лучезарно улыбнулась.

– Пошли, – коротко ткнул его в бок Саньч. – Че забуксовал?

– Молодые люди, у вас не будет спичек? – хлопая ресницами, спросила девушка. Словно сомневаясь, что ей поверят, она помахала в воздухе потухшей сигаретой.

Гоша с готовностью полез в карман. Для этого ему понадобилось снять с плеча сумку, проклятая лямка которой уже давно натерла ему кожу.

– Нету у нас спичек. И зажигалок тоже, – неприязненно глядя на безмятежно сидевшую красотку, ответил Саньч. – Двигай! – он снова толкнул Гошу, который все еще копошился в своих штанах. Ему вдруг стало не по себе. Будто вечер, суливший им отличное настроение и веселый подогрев в виде пары бутылей, ни с того ни с сего из прекрасного и солнечного превратился в пасмурный и хмурый. И хотя солнце все еще радостно грело их давно немые шеи, бомж ощутил странное тревожное чувство.

Гоша тем временем отыскал, что хотел, и теперь не без гордости протягивал дрожащей рукой замусоленную зажигалку, которую он нашел позавчера в переходе. Глаза его гордо искрились. Он словно совсем забыл о Саньче, о том, что хотел освободить кишечник, и даже о том, зачем они вообще пошли по этой тропинке, он видел лишь тонко очерченные губы этой девушки, ее нежные, ухоженные пальчики, между которых была зажата наполовину выкуренная сигарета, и он хотел прижать эти чудесные пальчики к своим губам.

Девушка наклонилась, окунула потухшую сигарету в трепещущее пламя зажигалки и изящно откинулась назад. Подмигнула Гоше и вежливо сказала:

– Благодарю. Я Нелли.

Губы молодого бомжа, сами того не осознавая, разъехались в улыбке:

– А я Гоша.

Вспомнив, что последний раз он посещал стоматолога лет тринадцать назад, он запоздало прикрыл рот. Однако девушка, кажется, совсем не обратила на это внимания и продолжала разглядывать его смеющимися глазами.

Саньч, с тревогой наблюдавший за этой сценой, решительно схватил сумку своего друга. Вся эта ситуация ему явно не нравилась, и он уже жалел, что поддался на уговоры компаньона сократить путь.

– Все. Я пошел.

– Э, Саньч, обожди! – Гоша нерешительно затоптался на месте, раздираемый противоречивыми желаниями. Однако Саньч продолжал удаляться.

– Какой строгий у тебя друг, – сказала Нелли. Она приоткрыла свой восхитительный ротик и выпустила тоненькую струйку дыма. – Проводишь меня?

Гоша молча кивнул, продолжая ощупывать жадным взглядом фигуру девушки. Несмотря на некоторую худосочность, у нее были выпуклые, крепкие груди, которые можно было разглядеть даже через материал куртки. Кроме того, его безудержно возбуждало то, что в глазах этой

соплячки он не видел и тени страха, не говоря уж о брезгливости. В больших карих глазах мелькали озорные искорки – и все.

«Проводить?» Он сглотнул слюну, внезапно заполнившую рот. А как же Саныч? Приемка может закрыться, все верно, но если он побежит догонять Саныча, тогда *уйдет* она... Уйдет, и он больше никогда ее не увидит – подобные люди никогда не бывают в таких местах. Одному богу известно, каким ветром ее сюда занесло... а теперь она хочет, чтобы он ее проводил.

Девушка легко соскользнула с коробки, небрежно отряхнула ржавую пыль с аппетитной попки и очутилась рядом с Гошей.

– Ну, так что? – тихо спросила она. – Ты так и будешь стоять и пялиться на меня, как баран? Или сделаешь что-нибудь? Может, тебя интересуют... мальчики? Со сладкими задницами?

Гоша от неожиданности отпрянул назад, обалдело уставившись на девушку.

– Рот-то закрой. А то пыль налетит, – с усмешкой сказала Нелли. Она затоптала окурок ногой. – Пошли, Георгий, как там тебя?

– Семенович, – голос бомжа стал хриплым.

– Георгий Семенович! – пропела девушка и многозначительно улыбнулась. Она пошла вперед. Гоша послушно поплелся вслед за Нелли совершенно в другую сторону от приемного пункта.

– Стой, где стоишь, Гоша, – мягкий голос заставил его вздрогнуть.

– Чего? – спросил он.

Нелли подошла к нему вплотную, и бомж уловил исходящий от нее запах – дезодоранта, жевательной резинки и свежего женского пота. Этот аромат сводил его с ума. Его вдруг охватило непреодолимое желание прижать эту маленькую засранку к себе изо всех сил, разорвать на ней всю одежду, а потом мять ее белое молодое тело, мять так, чтобы она кричала... Его рука автоматически легла на ее крохотное плечико.

– Просто сегодня ты умрешь, – приснула девушка, как-то странно махнув рукой. В животе Гоши что-то неприятно кольнуло.

– Как это? – улыбаясь, спросил Гоша, решив, что шутка, в общем, неудачная. Нелли потянула руку вверх, и в этот же момент внутренности молодого человека пронзила острая боль, будто кишки затянули в морской узел. Он защитил руками живот.

Нелли мягко, по-кошачьи шагнула назад.

Гоша неверяще смотрел на ладони. Они были красными. Он охнул, посмотрел вниз, и от увиденного ему стало дурно. Кишки. Его кишки, они бесформенным мешком вывалились из распоротого живота, как помои из лопнувшего пакета, который несут выкидывать в мусоропровод.

– Почему? – слабеющим голосом произнес он. Неуклюже качнулся в сторону, теряя равновесие, но на ногах удержался.

– По кочану. И по попе палкой, Гоша, – с некоторым сожалением сказала девушка. Она вытерла об лопух свое оружие – охотничий нож «Шершень». Гоша успел заметить, что перед этим с зазубренного лезвия упала капля крови. Его крови. – Не хочешь поцеловаться, малыш? – шепотом спросила она. – Поцелуй смерти, на прощание, ты как?

Ничего не видя перед собой, бомж, шатаясь, вышел на злополучную тропинку и побрел налево, в сторону приемного пункта.

Девушка проводила его спокойным взглядом, затем вытащила из нагрудного кармана крошечный мобильный телефон и набрала чей-то номер.

– Да. Ага, идет к вам, – сказала она кому-то.

«В обход. Нужно было идти в обход, – стучало в голове Гоши. Господи, какой же он кретин,

что не послушался Саныча... – Быстрее, вызвать „Скорую“...» Он быстро терял силы и знал – еще немного, и он упадет. А падать никак нельзя... Ему казалось, будто внутри него кто-то безжалостно скручивает стальную проволоку, туго перетягивая печень, селезенку, добираясь до сердца. Горячая кровь струилась между пальцев, внутренности почти полностью вывалились наружу, и молодой человек старательно поддерживал их руками.

В штанах неожиданно появился теплый блин, и Гоша не сразу сообразил, что его организм проблему с перегруженным кишечником решил самостоятельно. Перед глазами сгустился розовый туман, но он все же разглядел, что на тропинке кто-то лежит. Сделав еще два шага, Гоша споткнулся и упал на колени. От удара клубок кишок не удержался на руках и упал в грязь, прямо перед ним.

Он узнал лежащего. Это был Саныч. Узнал по одежде, потому что вместо лица увидел красное тесто.

– А-а-а-а-аааааааа!!! – не своим голосом заорал Георгий Семенович и повалился на труп своего друга. Через мгновение он умер.

Вскоре из зарослей показалась мужская фигура, за ней еще три. Откуда-то появилась девушка, назвавшаяся Нелли. Она брезгливо пнула носочком дорогой туфельки мертвое тело Гоши. Ее лицо выражало отвращение.

Один из молодых людей присел и проверил пульс Гоши. Затем поднялся и удовлетворенно кивнул. Все так же, не говоря ни слова, они исчезли. Незаметно и бесшумно, как призраки.

Трупы обнаружили только через два дня. На страшную находку наткнулся мужчина, который искал свою собаку. Его французский бульдог, которого он выгуливал, внезапно погнался за дворовой кошкой, а та бросилась к свалке. Вот так, предельно просто. Приехавшие по вызову сотрудники милиции взяли у мужчины объяснение и, закулив, стали ждать труповозку. Приближаться к начинающим разлагаться трупам они не спешили – к специфическому запаху помойки от их одежды примешивался стойкий аромат фекалий. Только после того, как мертвые тела без особых церемоний были заброшены в труповозку, мужчину отпустили. Проходя мимо куривших сержантов, он краем уха слышал, как один из них обронил какую-то фразу, из которой он расслышал только что-то по поводу тенденции.

– Две «Сибирские короны», один «Туборг» 0,33, двести грамм «Флагмана», соки – томатный и абрикосовый... Так... Еще – 500 грамм креветок, маринованные шампиньоны и один жульен.

– Что-нибудь еще?

– Пока все, – среднего роста молодой человек со светлыми волосами широко улыбнулся, и официантка не могла не улыбнуться в ответ. Захлопнув блокнот, она ушла выполнять заказ. От взгляда блондина не ускользнуло, что обратно она шла, нарочито виляя бедрами.

– Что, Гюрза, опять на сок перешел? – спросил его широкоплечий крепыщ, для которого была заказана водка.

– Перешел... Позавчера выпил пива, потом всю ночь размышлял, чем отличается диарея от поноса.

Раздался негромкий смех. Блондин тоже усмехнулся, однако его глаза напоминали две хрустальные льдинки.

– Это плохо, Гюрза. Значит, печень пошаливает, – произнес третий юноша. У него были длинные темные волосы, собранные в хвост. Он вытащил пачку и, обнаружив, что последняя сигарета переломлена пополам, обратился к сидящей рядом девушке:

– Любимая, у тебя еще осталось чем травиться?

Та утвердительно кивнула и протянула ему пачку «Парламента». Длинноволосый юноша выбрал сигарету и с наслаждением затянулся.

– Алекс, твои сегодня дома? – поинтересовалась девушка.

Тот выпустил дым и отрицательно покачал головой.

– Все в силе, – он бросил взгляд на блондина. – Гюрза, подбросишь?

Блондин молча кивнул.

Пока молодые люди лениво перебрасывались фразами, официантка принесла заказ.

Алекс поднял бокал с пивом. Лицо его было скорбно-торжественное, как у священника, принимающего исповедь у приговоренного к смерти грешника.

– Уважаемые коллеги, предлагаю тост за медицину. И успешно проведенную операцию, в частности.

Все выпили, не чокаясь. Жуля, широкоплечий крепыщ, выдохнув, опрокинул себе в глотку рюмку водки, слегка сморщился, после чего набросился на шампиньоны.

– Как твои успехи в техникуме? – спросил у него блондин.

– Как в самолете. Тошнит, а блевануть не могу, – торопливо прожевывая грибы, отозвался Жуля и хохотнул, радуясь удачной шутке. Впрочем, сидящих ребят она не особо обрадовала, девушка даже скривила губки.

– А точнее?

– Гюрза, чего привязался? – недовольно произнес Жуля. Он вытер рот и полез за сигаретами.

– Потому что я тут кое-что узнал. Тебя ведь выперли. Так? – юноша в упор смотрел своими глазами-льдинками на Жулю. На мгновение тот смутился, но быстро взял себя в руки.

– Ну выперли. А ты откуда знаешь? – он с вызовом посмотрел на блондина.

– Птичка напела. Выкладывай.

– Что?

– Все выкладывай, за что и как.

Жуля закурил, не спеша убрал пачку в карман. Рукав футболки задрался, обнажая

накачанный бицепс, который опоясывала цветная татуировка в виде затейливого орнамента с вкрапленным словом.^[1] Надпись была исполнена готическим шрифтом, и прочитать ее с первого раза удавалось не всем.

– Препод там один... Чмо педальное, затрахал уже, жизни никакой... Грозился декану докладную накатать, – лицо юноши из туповато-безразличного стало злым. – А потом вызвал и говорит: «Не могу понять, Андрей Витальевич, какого это хера вы тратите свое драгоценное время в нашем учебном заведении?»

– Ну а ты? – подал голос Алекс.

– А чего я? Я ему, типа: «Понимаете, Дмитрий там какой-то Борисыч, очень, типа, хочу строить мосты и все такое». Он смотрит на меня так жалостливо, будто я шизофреник какой, и говорит: «Очень жаль, Андрей Витальевич, но ваши знания у нас ни х... не прокатят...»

– Что, так и сказал? – не поверил Алекс, отхлебнув пива.

– Ну, типа того. – Жуля взял креветку, содрал с нее панцирь и ловко закинул ее в рот. – Сказал, что он не пустил бы гусей через мост, который бы спроектировал я.

Он наполнил рюмку из запотевшего графина.

– Ну, и дальше? – В голосе блондина проскользнули нетерпеливые нотки.

– Короче, он мне предложил валить из технаря. Я стою, совершенно офигевший, смотрю на него, а он как ни в чем не бывало: «Что-то непонятно? Вы что-то хотите, Андрей Витальевич?» И улыбается, слащаво так, гнида! Ну, я не выдержал и говорю: «Да, Дмитрий как вас там Хреныч, я кое-что хочу. Я хочу поехать к своей бабушке в деревню, целую неделю жрать там самогон, плясать на дискотеке в местном ДК с толстыми доярками и не мыться при этом, а потом приехать к вам, снять трусы и дать вам понюхать свою писю...»

Последнее слово Жули заглушил смех, даже девушка захихикала, прикрывая рот ладошкой. Довольный произведенным впечатлением, Жуля глупо улыбался, продолжая поглощать дымящиеся креветки. Не смеялся один лишь блондин, которого называли Гюрзой.

Когда все уgomонились, он наклонился поближе к Жуле и сказал:

– Очень остроумно. А что ты собираешься делать дальше, Жуля?

Юноша беспечно повел плечом.

– Там видно будет. Авось, найду какую-нибудь работенку.

– Какую? – холодно улыбнулся блондин. – Дворником? Расклейщиком объявлений?

– Да что ты прицепился, Гюрза? – вдруг разозлился Жуля. Его кругловатое лицо снова стало злым, маленькие глазки недобро сощурились. – В армии я отколбасился, ну подумаешь, не вышло с технарем... Да и не нравилось мне там никогда. Я сам разберусь, не лезь в мои дела.

– Вечером позвони мне, – не обращая внимания на его грубый тон, ответил Гюрза.

Жуля немного успокоился и допил остатки водки.

Посидев еще несколько минут, блондин спросил, обведя всех взглядом:

– Снимаемся?

Он остановил взгляд на невзрачном молодом человеке с плоским лицом. У него были бесцветные глаза, будто, когда его создавали, в палитре закончилась краска, узкий хищный рот, волосы на голове острижены почти наголо. За весь вечер он проронил лишь одну-две фразы.

– Мика, все о'кей?

Юноша кивнул.

– Девушка, будьте добры, счет! – крикнул блондин проходящей мимо официантке. Он заметил, что во время застолья она изредка бросала на него пристальные взгляды. Расплатившись, он одарил ее своей фирменной улыбкой, не без удовлетворения отметив, как вспыхнули ее щеки.

Все задвигали стульями, выбираясь из-за стола.

– Как самочувствие? – спросил Алекс у девушки, когда они остались вдвоем в машине – «Фольксваген Пассат» цвета «лагуна-металлик». Гюрза за рулем, Алекс с Нелли расположились на заднем сиденье.

– Да все в порядке, – немного капризным голосом отозвалась она. – Спать хочу.

Какое-то время они ехали в полной тишине, затем Алекс снова заговорил:

– Я уж думал, сегодня облом выйдет. А эти лохи просто случайно забрели.

– Ничего не случайно, – не отрываясь от дороги, проговорил Гюрза. – Они торопились цветмет сдать – у них полные сумки такого хлама. А этот путь самый короткий.

– Может, и так, – согласился Алекс. Он ласково обнял сонную девушку. – Что ты на этот раз придумала?

Нелли фыркнула, прижимаясь к нему.

– Там и придумывать было нечего. Он как только меня увидел, у него слюни в пять ручьев потекли... Стоит, улыбается, прямо как наш Жуля.

При упоминании о Жуле Алекс издал смешок.

– Он мне: «Меня зовут Гоша». А я ему говорю: «Я Нелли... Проводите меня». А он...

– Ты назвала ему свое имя? – перебил ее Гюрза, и что-то прозвучавшее в его голосе заставило девушку вздрогнуть. Она неуверенно посмотрела на Алекса, словно ища в нем поддержки, и медленно ответила:

– Ну да. Не вижу смысла врать, – она вдруг хихикнула. – Это нехорошо, особенно если врешь людям, которым осталось жить совсем ничего, – и девушка жестко улыбнулась. Но светловолосый юноша словно не слышал ее.

– Ты не должна была называть ему свое имя.

– Гюрза, да брось ты. Все ведь нормально прошло, – попытался вмешаться Алекс.

Тот ничего не ответил, и Алекс с облегчением подумал, что вопрос исчерпан, как вдруг машина, взвизгнув шинами, резко затормозила.

– Эй, ты что? – испуганно вскрикнула Нелли.

Блондин остановил «Фольксваген» и обернулся. Лицо его было спокойно, но Алекс знал, что тот едва сдерживается от ярости.

– Девочка, запомни, что я тебе скажу. Хочешь бесплатную путевку в Магадан? Сколько раз было сказано – никаких имен. Никаких кличек и тому подобное... запомни это раз и навсегда!

– Гюрза... – начал было Алекс, но тот его оборвал:

– Не лезь, Алекс. Мы с вами не мелочь по карманам тырим, соображаешь?!

Алекс прикусил язык. Нелли с неприязнью смотрела на блондина, красивые руки нервно теребили ляжку кожаной сумочки.

– Нелли... ты поняла? – тон Гюрзы неожиданно стал мягким. Девушка кивнула, сильнее прижимаясь к Алексу.

– Ну и ладушки, – удовлетворенно сказал Гюрза и завел машину. – Чтобы это было в последний раз, – как бы мимоходом обронил он. Алекс с Нелли переглянулись, но решили промолчать.

Остаток пути они доехали в полной тишине. Гюрза высадил их у подъезда, сухо пожелал спокойной ночи и укатил в ночь.

Прежде чем войти в дом, Алекс с Нелли проводили взглядом умчавшуюся машину.

– Что-то не нравится он мне в последнее время, – сказала девушка, зябко поведя плечами. – Какой-то он стал... Немного того, – ее тоненький указательный пальчик описал дугу вокруг виска. – Уж лучше бы он кричал на меня... Это я, в конце концов, могу понять. Но этот его вкрадчивый тон... Он действительно похож на змею.

Алекс поцеловал ее в губы.

– Пойдем, – тихо проговорил он, и они вошли в подъезд.

Светловолосый юноша, которого молодые люди называли Гюрзой, умело припарковал свой «Фольксваген», каким-то невообразимым образом умудрившись втиснуть его между потрепанной «Нивой» и забрызганной грязью «Дэу Нексия». Вылез из автомобиля, пикнул сигнализацией. Машина послушно моргнула фарами.

Юноша мягко провел рукой по блестящей гладкой поверхности капота.

– Спасибо тебе, – прошептал он и направился к подъезду.

Настоящее имя этого молодого человека было Юрий Тягушев. Двадцатилетний студент четвертого курса юридического факультета МГУ, уверенно идущий к красному диплому, обладатель синего пояса по тэквандо (именно на тренировках он и получил кличку этой экзотической змеи), с неплохими внешними данными, которые зачастую заставляли колотиться женские сердца быстрее, чем обычно.

Он поднялся на свой этаж, открыл квартиру, включил свет.

– Кляксич! – позвал он, снимая с себя куртку. Из глубины комнаты появился вальяжный кот невероятных размеров. Маленькими были только уши, трогательно свисающие по бокам массивной головы, но для шотландской породы вислоухих это являло самый шик. Кот был, как говорится, «радикально черного цвета», за что и получил кличку Кляксич.

Важно прошествовав к Юрию, кот выгнул спину и принялся тереться спиной о его ноги. Юноша ласково погладил животное и прошел в ванную. После холодного душа он проглотил бутерброд и улегся на диван перед телевизором.

Спать не хотелось. Так было всегда, после очередной акции. Странно. Казалось бы, все естество должно быть удовлетворено, внутри должны царить умиротворенность и покой, адреналином пропитаны все жилы и мышцы, эмоции выплеснуты, как кипящее масло из котла, выплеснуты на свалках, у заброшенных гаражей, на чердаках и в зловонных подвалах, но всегда после этого оставалось чувство незаконченности, какой-то незавершенности. И это не нравилось Юрию.

Собственно, все началось задолго до его знакомства с Алексом. Еще в далеком щемящем сердце детстве он помнил, как отец долго и нудно втолковывал ему, как «нехорошо ходить замарашкой» и «посмотри на этих грязнуль, неужели ты хочешь быть похожим на них!?!». Юра машинально мотал головой, обрамленной светлыми волосами, и послушно шел мыть руки, но, несмотря на все строгие запреты, его всегда тянуло смотреть на чумазых ребятишек, оживленно копошившихся в песочнице у них во дворе. Хотел ли он быть среди них? Юра не знал, а возможно, просто не задумывался, действительно ли его интересует ответ на этот вопрос.

Уже в детском саду он не нуждался в лишних напоминаниях воспитательницы о том, что необходимо вымыть руки после прогулки и все такое прочее, и та постоянно ставила его в пример другим детям. Мальчишки смеялись над ним, когда на прогулке маленький Юра тщательнейшим образом протирали качели носовым платком, прежде чем сесть на них. Мало того, после прогулки он стирал этот платок и аккуратно вешал его сушиться на батарею, чтобы во время тихого часа тот высох. Впервые увидев эту процедуру, глаза воспитательницы поползли на лоб. После вопроса Юре: «Зачем ты это делаешь?» – он невозмутимо отвечал: «Ведь после полдника снова гулять?»

С третьего класса он начал носить с собой в школу маленькую щетку и банку гуталина и постоянно подчищал обувь. По возможности, он старался не пользоваться школьными туалетами, но если терпеть уже было невозможно, он всегда подкладывал салфетки, которые тоже всегда таскал с собой. Руки мыл на каждой перемене.

Бомжей стало значительно больше, когда началась перестройка, и их количество неуклонно росло. Никакие социальные программы и громкие лозунги о повышении уровня жизни населения не могли помешать росту армии бездомных бродяг, которые стали тем, кем они стали как в силу субъективных причин, так и объективных жизненных реалий.

Юра никогда не забудет, как однажды он с отцом (тогда у них еще не было машины) ехали в метро, и на одной из станций в вагон в буквальном смысле вполз какой-то старый бомж. Происшедшая метаморфоза поразила маленького Юру – только что вагон был забит до отказа пассажирами, но стоило появиться забулдыге, как все куда-то рассосались. Пассажиры каким-то непостижимым образом ухитрились размазаться вдоль стенок, лишь бы не оказаться в опасной близости от бомжа, разве что на потолок не вскарабкивались. Тут же поплыл жуткий запах – адская смесь мочи, застоялого пота и перегара. Ничтоже сумняшеся, бомж уселся на освободившееся сиденье прямо напротив Юры с папой и занялся важным делом – обгрызанием коросты с рук, покрытых мокнущими язвами. Юра во все глаза смотрел на него, отец же брезгливо отвернулся, закрыв нос платком. На следующей станции они вышли, бомж к тому времени уже начинал ерзать, поудобнее укладываясь на сиденье, по всей видимости, намереваясь вздремнуть.

После этого прошло почти двенадцать лет, но перед глазами Юрия всегда будет стоять эта картина – очумевшие лица людей, воротящих носы от вони, и это разлагающееся нечто, которое с невозмутимым видом выгрызало с рук незаживающие болячки... И с того момента он возненавидел «их».

В метро он теперь почти не ездил, так как пересел сначала на «десятку», а потом отец (к тому времени уже переехавший с матерью в Канаду) добавил ему на «Фольксваген». Но «они» все равно постоянно напоминали о себе своим присутствием, суетливо ковыряясь в какой-нибудь урне либо выклянчивая мелочь у пивного ларька. И каждый раз при виде «их» сердце Юрия как-то странно замирало, словно предвкушая неожиданное зрелище, в голове появлялись посторонние мысли, от которых юноше порою становилось неуютно. Такими мыслями он никогда не делился ни с друзьями, ни тем более с родителями.

Его память будет всегда хранить тот случай, те чувства, что он пережил в тот момент (впоследствии он часто признавался сам себе, что подобные ощущения ему уже вряд ли придется испытать), это было сродни первому оргазму – ошеломляющему, сумасшедшему, сладкому, как холодный арбузный сок...

Это произошло на втором курсе, когда Юре было восемнадцать. Он уже год жил один, и это его вполне устраивало – родители рано приучили его к самостоятельной жизни. Стоял февраль, самая середина. Прошлым вечером у Юры в квартире отмечали какую-то вечеринку, какую – он уже и не помнил. Народ разошелся уже глубоко за полночь, у него остался ночевать лишь Андрей из параллельной группы. Он слишком усердно весь вечер смешивал виски с темным пивом, безуспешно пытаясь остаться при этом в кондиции. Наутро Андрей должен был встречать посылку из Астрахани, о чем он успел сообщить Юре, дабы тот встряхнул его в нужное время... В положенный час Андрей был разбужен и в состоянии анабиоза поковылял домой. Через минуту в дверь раздался звонок. Юрий в раздражении кинулся открывать, мысленно желая звонившему провалиться ко всем чертям. На пороге стоял взъерошенный Андрей.

– Юр, я шарф забыл, –дохнул он парами выпитого виски с пивом. – Кстати, там у тебя на лестнице бомж дрыхнет. Я бы на твоём месте ментов вызвал, вдруг он заразный, – добавил он, когда Юра протянул ему шарф.

Закрыв за сокурсником дверь, Юра некоторое время прислушивался к гулкой дробь

сбегающих по ступенькам ботинок. Он вдруг подумал, что ему совершенно не хочется спать.

Некоторое время юноша неподвижно стоял возле закрытой двери в полной темноте, слыша только собственное дыхание. Затем надел тапки и выскользнул на лестничную площадку, аккуратно прикрыв за собой дверь. На лестничном пролете между пятым и четвертым этажами он увидел «его». Впрочем, сначала Юра почувствовал жуткий запах и громогласный храп. Прикрыв нос рукой, он подошел вплотную к спящему бомжу. Надо сказать, тот спал прямо-таки по-королевски – раскинув в стороны руки и ноги, как будто бы у него выдался чертовски сложный денек и ему пришлось принимать массу ответственных решений. Облезлая ушанка закрывала его глаза от света флюоресцентных ламп, одутловатое лицо в каких-то грязных потеках, рот приоткрыт, подбородок блестел от подсыхающей слюны. Одет он был в старое демисезонное пальто, один рукав которого был почему-то обмотан шнурком. Обувь бродяги (две раскисшие кроссовки разного цвета и размера) стояла у батареи, и из его драных, похожих на дуршлаг носков торчали пятки, которые в последний раз мыли, наверное, при рождении.

Юра не отрываясь смотрел на лежащее тело, чувствуя, что, несмотря на прикрытый рукой нос, его сейчас вырвет.

– Эй, – прошептал он, осторожно коснувшись бомжа носком тапки (тапка была в виде пушистой умильной собачки, хотя самих собак Юра на дух не переносил). – Эй, вставай! – повысил он голос, видя, что «тело» и не думает просыпаться. Наконец его проняло. Как «это» очутилось в его подъезде? И куда смотрит консьерж? Он сильно ударил бродягу в бок.

– Поднимайся, срань! – крикнул Юра. Он убрал руку от носа и чуть не пошатнулся от дикого смрада – похоже, этот грязный хер еще и обделался во сне. Он снова ударил бомжа, и тот наконец подал первые признаки пробуждения. Лениво перевернувшись на бок, он приоткрыл один заплывший глаз и коротко выдал:

– Пошел на х...

После этого он надвинул ушанку еще глубже на глаза и захрапел с удвоенной силой.

Юру обуяла ярость. «Пошел на х...»? О'кей, нет проблем!

Развернувшись, он взлетел на свой этаж. Нет, он поднялся к себе не затем, чтобы вызвать милицию, и уж тем более не потому, что решил плюнуть на валяющегося в собственных экскрементах спящего бомжа и лечь спать. Шлепая задниками тапок-собачек, он прошел на кухню и щелкнул кнопкой электрического чайника. Весело замерцала оранжевая лампочка, извещающая, что вода скоро вскипит.

Когда все было готово, он достал из шкафа небольшую хромированную кастрюльку и перелил туда кипятка. Настроение заметно поднялось, внутри все пело и звенело, и Юра понял, что сегодняшний день привнес в его жизнь нечто очень важное, настолько важное, что оставалось только недоумевать, как эта мысль не посетила его раньше.

Обратно он шел не торопясь. Время было только 6:30, выходной день, и никто ничего не должен услышать и узнать.

– Привет, говно, – тихо произнес он, останавливаясь перед спящим. Тот оставался лежать в такой же «королевской» позе. Вяло сделал неопределенный жест рукой, что могло означать, будто он слышал Юру и таким образом отвечает на приветствие.

– Я принес тебе чайку, – процедил юноша и сбросил с бомжа носком своей «собачки» ушанку. Сморщился, увидев покрытый струпьями чумазый голый череп. Он вдохнул пар, шедший из кастрюльки, и после этого стал лить кипятка на лицо бродяги...

Нечеловеческий вопль испугал его, и рука дрогнула. Несколько капель воды попали на его «собачки».

Юра пришел в себя только в своей квартире, закрыв дверь на все замки. Он закрыл уши, потому что на лестнице творилось нечто страшное, и это потом долго преследовало его по

ночам. Он швырнул на пол кастрюлю, скинул с ног «собачек» и бросил их в мусорное ведро. Затем прошел в гостиную и включил телевизор, стараясь привести свои мысли в порядок, но жуткие крики, казалось, заглушали все на свете, проникая через двойную железную дверь и сводя с ума своей болью...

Неожиданно зазвонил телефон. Юра взял трубку.

– Слушаю.

– Гюрза, это Жуля, – ворвался в ухо знакомый нетерпеливый голос. – Ты сказал, чтобы я позвонил...

– Я помню. – Юноша немного помолчал, затем сказал: – Жуля, я не вправе учить тебя жизни... тебе уже не пятнадцать лет, и свои сопли ты в состоянии подтирать сам.

– Ты о чем? – В голосе Жули сквозило недоумение.

– Я о том, что пора подумать о своих перспективах. За твою выходку в технаре следовало бы дать тебе в репу, ты понимаешь, о чем я?

– Гюрза, я...

– Помолчи. Ты знал, каких геморроев мне стоило пропихнуть тебя в это заведение. А ты взял и все просрал. Тебе весело? Молодец, сегодня ты всех рассмешил. Только ребята через пять минут забыли о твоей байке, а ты оказался в жопе. Что будешь дальше делать? Раздавать у метро бумажки с надписью «ПОХУДЕТЬ НЕДОРОГО БЫСТРО»? Чтобы до конца жизни тебя называли Жулей?

В трубке некоторое время недовольно сопели. Затем Жуля подал голос:

– Не знаю, Гюрза, но почему-то только тебе я разрешаю разговаривать со мной в таком тоне. Извини, конечно, если я тебя подвел с технарем, но... не могу я так. Для меня эта учеба хуже армии.

– Хорошо, – сказал Юра, однако по его голосу было видно, что ничего хорошего он в этом не видит. Никаких, в задницу, «хорошо». – Как насчет... Охраны? А, Жуля?

– Охраны? – с сомнением протянули на том конце провода. – Сколько башляют?

– Шестьсот «зеленых», сутки через трое, плюс обеда, – пояснил Юра.

– А че делать-то? – оживленно спросил Жуля.

– Склады будешь в одной компании сторожить. Подробности завтра.

Они распрощались. Только Юра нажал кнопку «off», как тут же телефон разразился новой трелью. Молодой человек чертыхнулся.

– Слушаю! – резко сказал он.

– Это я, – послышался томный женский голос. Ива. Юра поморщился. Меньше всего он хотел сейчас слышать (а видеть и подавно) свою недавнюю подругу. У нее было редкое имя Иванна, но все ее называли Ивой. Высокая красивая девушка с волосами цвета воронова крыла. Она имела ослепительную внешность, но почему-то ее прелести казались Юре фальшивыми, она напоминала ему дорогую куклу с вечно капризно надутыми губками и бестолково хлопающими ресницами.

– Чего молчишь? – недовольно спросила она.

Гюрза скривился, как от зубной боли.

– Ива, у меня сегодня был трудный день. Я...

– А я хочу, – перебила его девушка, сделав ударение на «я», – чтобы ты сейчас приехал ко мне. Мои «шнурки» свалили к бабке в деревню и появятся только завтра вечером. Возьми креветок, тигровых, моих любимых, и...

– Ива, – в свою очередь перебил ее Юра. – Я никуда не поеду. Я уже ложусь спать, понимаешь? Созвонимся завтра.

– Завтра-а? – словно не веря своим ушам, переспросила девушка. Слыша ее голос, Юра представил, как она непроизвольно поправила свою прическу, будто кто-то мог усомниться в ее красоте. – Завтра? – повторила она глуповато. – Юра, если ты устал, я могу сама к тебе приехать...

– Нет, – отрезал юноша, с трудом сдерживаясь, чтобы не послать ее к черту. – Все, целую, – он бросил трубку, прежде чем разъяренная Ива попыталась что-то возразить. Затем вытащил шнур из розетки. Поразмыслив, он отключил и мобильный телефон.

Следующий день был выходным. Каждая акция (хотя, например, Алекс имел обыкновение называть эти мероприятия операциями, строя из себя классного хирурга, но Юре это слово не нравилось, звучало в нем что-то ментовское) была спланирована так, чтобы следующий день оставался по возможности свободным – выходным либо праздником.

Утром он сходил в церковь. Гюрза делал так каждый раз, и, стоя в храме с закрытыми глазами, он молился. За себя, своих родителей и... за тех, «других»...

Примерно в час дня о себе снова дала знать Ива, но Юра буркнул в трубку, что у него поднялась температура и он лежит пластом, не в состоянии дотащить даже до унитаза. Ива обиделась и отключилась, но юноша прекрасно знал, что утром в университете она как ни в чем не бывало повиснет у него на шее с наигранно-капризным выражением. Впрочем, он на самом деле лежал пластом на диване, но не по причине болезни – он смотрел телевизор.

Глядя на мелькающие кадры какого-то американского боевика, Юре пришло в голову, что еще ни разу за все время они не встретились на следующий день после акции, это было как бы негласным правилом – каждый восстанавливал свои физические и моральные силы как мог и как хотел. Сам он любил весь день проваляться вот так, на диване, попивая слабоалкогольный коктейль и играя с Кляксичем. Жуля, например, тоже пил коктейль (только из водки и «Жигулевского» пива) со своими дворовыми друзьями, которые уже к двадцати пяти годам выглядели на все пятьдесят. Мика уезжал в Калужскую область, где встречался со скинхедами (коим сам был в недалеком прошлом); что они делали – Мика не рассказывал, но Гюрза догадывался. Алекс и Нелли всегда шли в сауну, словно стараясь вместе с водой смыть с себя все грехи.

Вечером Юра просмотрел электронную почту – он занимался переводами и неплохо на этом зарабатывал. Несмотря на то что он был еще студентом, у него уже сложился постоянный круг клиентов, которым, кроме переводов, он давал консультации по различным юридическим вопросам.

Затем он покормил Кляксича и рано лег спать.

– Ну, и как мы сегодня себя чувствуем? – требовательно спросила Ива на следующий день, когда они столкнулись на лестнице в университете. Она уперла руки в бока и была очень похожа на разозленную супругу, которая вышла в прихожую встречать пьяного в стельку мужа.

«Не хватает только задрипанного халата и бигуди», – улыбнувшись, подумал про себя Юра. У него было хорошее настроение и никакого желания спорить с Ивой.

– Сегодня – великолепно, – сказал он, одарив ее лучезарной улыбкой. Он поцеловал опешившую девушку в щеку и приобнял за талию.

– Тягушев, тебя хрен поймешь, – буркнула она, но тем не менее прижалась к нему. – Разговариваешь по телефону – будто по тебе панихиду справляют, а в институте сияешь как пятак... Ты...

Но Юра ее перебил:

– Поедешь сегодня ко мне? Вечером? – Он слегка куснул Иву за мочку уха, и та кокетливо захихикала.

– Я не знаю... Может быть, – девушка словно находилась в глубоком раздумье, размышляя, стоит ли тратить свое время на этого непредсказуемого юношу.

– Я заеду за тобой после тренировки, – произнес Юра и, поцеловав ее на прощание, стремительно направился вверх по ступенькам, оставив Иву с открытым ртом.

«Засранец», – глядя на его спортивную фигуру, думала она. Только ему одному она позволяла обращаться с собой так, и это ее возбуждало.

Лекции пролетели незаметно, и Юра с удовольствием выскочил на улицу, вдыхая свежий воздух. Разумеется, в большом городе воздух абсолютно свежим не бывает, но после душной аудитории и нудного разжиревшего лектора по кличке Келдыш ему показалось, что он очутился в весеннем лесу.

Гюрза прыгнул в свой «фолькс» и направил машину на Преображенку, где находился клуб восточных единоборств. Как он ни гнал, но на Кольце снова образовалась пробка, и он опоздал на несколько минут. Тренер Владислав (именно он потребовал, чтобы его звали только по имени) неодобрительно покосился на запыхавшегося Юрия, который на ходу завязывал пояс, и коротко бросил, указывая на висящие над входом часы:

– Время видишь?

Юра видел. Он опоздал на семь минут, ровно столько ему придется выдержать ударов в пресс.

После «экзекуции» Юра встал в строй. Кулак у Владислава был крепче стали, и несмотря на тренированные мышцы пресса, живот Юры горел. Мог бы и не так сильно лупить, подумал он. Он знал, что Влад в общем-то доволен его успехами, но когда дело касалось дисциплины, то становился неумолим. Все знали, что повторное опоздание означало увеличение количества ударов в два раза, плюс отжимания на кулаках. Если ученик опаздывал в третий раз, он автоматически вылетал из секции...

Тренировка прошла замечательно, и Юра, усталый, но чрезвычайно довольный, сел в машину, ожидая Иву. Она опоздала минут на пять, и это было для нее настоящим прогрессом – обычно ее приходилось ждать по полчаса минимум.

Ива ловко скользнула на переднее сиденье, впусив с собой аромат каких-то новых эротических духов. С нарочитой небрежностью чмокнув Юру в щеку, она извлекла из пачки

тоненькую сигаретку, в диаметре немногим больше спички, и закурила.

– Останешься сегодня у меня? – спросил Юра, включив зажигание. Ива отметила, что вопрос прозвучал как-то обыденно, по-простому, таким дежурным тоном обычно предлагают налить водки нежданному гостю.

– Если не выгонишь. – Ива опустила окно со своей стороны.

Юноша хмыкнул. «Как же, выгонишь тебя», – подумал он, выруливая «фолькс», а вслух сказал:

– А твои предки не против, что их дочь проводит ночь у молодого человека? Я ведь даже не знаком с ними...

– Уж наверно, мне лучше проводить ночь у молодого человека, а не у старого, – перебила его Ива, стряхивая пепел в окно. Ветер моментально развеял светло-серый столбик.

– Твоя правда, – пробормотал Юра, следя за дорогой. Ива включила радио, и салон машины заполнил гнусавый голос «Муммий-тролля». Юноша поморщился и переключил радио на другую волну.

– Юрчик, оставь! – надула губки Ива. – «Завтра мы идем тратить все твои, твои – мои деньги...» – пропела она, возвращая прежнюю волну.

«Символичная песня», – промелькнула у Юры мысль.

Пока Ива весело щебетала, без особого интереса поглядывая по сторонам, он с тоской думал, что в ее обществе чувствует себя одиноким. Да, в институте ему отчаянно завидовали, переговариваясь у него за спиной, что, мол, вот это Тягушев, надо же, оторвал себе такую телку, и все такое прочее. На самом же деле он явственно ощущал, как между ними образовалась некая невидимая преграда, и в последнее время она стала расти, как мухомор после хорошего ливня. Странно только, что Ива ничего не понимает и не видит. Или не хочет видеть. Зато она прекрасно видит его финансовые возможности и не упускает случая принять активное участие в их использовании.

Машина выехала на Садовое кольцо. Он не слушал Иву. Голос сидящей рядом с ним девушки становился похож на бессвязное бормотание фанатика-богомольца. В его памяти снова стали воскресать знакомые образы, события прошлых лет, все, что касается «их», удачно проведенные акции...

Своего первого сподвижника Юра встретил случайно на дороге. У него забарахлила коробка передач, и, отогнав автомобиль в сервис, он стал «голосовать». Буквально через пару секунд перед ним остановилась пыльная «восьмерка». Так он познакомился с Алексом, а если точнее – Алексеем с княжеской фамилией Черкасский.

Юра влез в салон и тут же понял, что тот пьян. Он уже собирался выйти из машины, но чья-то невидимая рука холодно сжала все его тело, и он остался. Выяснив, что им «почти по дороге», Алекс оживился, и, пошарив на заднем сиденье, протянул Юре банку «Старого мельника». Гюрза автоматически открыл банку и сделал несколько глотков, в то время как Алекс весело болтал о том, с какой «клевой вечеринки он возвращается» и как «круто он порол ту деваху с огромными буферами».

Проезжая мимо Курского вокзала, Алекс неожиданно выругался.

– Мешки с дерьмом, – зло сказал он. Юра проследил за его взглядом и увидел стайку бродяг, чьи согбенные силуэты отчетливо выделялись в ярком свете вокзальных огней. – Я бы на месте Лужкова приказал их напалмом жечь, чтобы заразу не распространяли...

– Напалм – неэффективное средство против мешков с дерьмом, – вполголоса проговорил Юра, отхлебывая пиво и чувствуя, как застучало его сердце. – Только вони больше станет.

Алекс тем временем продолжал материть бомжей, напрочь забыв о девахе с огромными

буферами, которую он порол час назад. Выдыхая алкогольные пары, он поведал Гюрзе, что однажды на светофоре к нему подвалил один такой «мешок с дерьмом» и принялся гнусаво клянчить денег. После короткого напутственного слова пойти туда, куда не светит солнце, возле него как по команде материализовалось с десятков подобных первому оборванцев, которые принялись молча крушить его машину кусками асфальта. Алекс тогда еле ноги унес.

– А как-то раз ехал на дачу к другу – он только из армии вернулся. – Алекс явно вошел во вкус. – Ехал на электричке, тачку отец забрал. Так вот, заходит такое чмо на костылях в вагон, хоть тампонами нос затыкай. Да что там нос, он вонял так, что глаза выедало, и мухи дохли на лету. Естественно, кое-кто ему насыпал железа в пакет, а он специально медленно волочитесь, типа ждет, когда у людей сознательность проснется. В общем, доходит эта блевотина до тамбура, тут двери открываются, он костыли под мышку, и – вперед, Буденный, веди нас в следующий вагон! Бежал, падла, так, что всех вшей и блох по дороге растерял, все боялся, что до дверей не добежит и поезд без него отправится. А там снова повис на ходулях, типа, ой-ей, у меня снова ножки разболелись. Короче, все у них по-взрослому...

Алекс замолчал, следя за дорогой. Юра понял, что его словоохотливый случайный знакомый что-то недоговаривает, однако не стал просить его продолжать. Всему свое время.

Вскоре разговор перешел в другое русло. Он был непринужденным, но Юра сразу подметил, что его собеседник все собирался ему что-то сказать (возможно, даже вернуться к старой теме), но каждый раз в последний момент передумывал.

Темнело. Они катили по Краснохолмской набережной, затем свернули в какой-то переулок и выехали на пустынную улицу. Вскоре перед ними замаячил светофор. Машин впереди не было. «Зеленый» начал мигать, предупреждая о том, что сейчас загорится «желтый». Внезапно справа на дорогу выкатился какой-то бродяга в инвалидной коляске. Заприметив «восьмерку», он поехал им наперерез, очевидно, намереваясь «стрельнуть» мелочи.

Уже много дней спустя Юра спрашивал себя, смог бы он (если бы только захотел) предотвратить то, что произошло... И, пожалуй, самый главный вопрос – хотел ли он этого? Какая-то часть его самого, крошечная, но не очень добрая, сразу выдала ответ: «Конечно же, хотел. Хотел, Гюрза, еще как хотел...»

«Зеленый» сменился на «желтый», но Алекс и не думал снижать скорость. Юрий прекрасно видел бомжа в коляске, видел его и Алекс, но нога словно вросла в педаль газа. До калеки (а был ли он калекой? – тоже вопрос) оставалось каких-то десять-пятнадцать метров, Юре даже казалось, что он видит изумленное лицо бродяги, его скривившийся в безмолвном крике рот... Они переглянулись. Лицо Алекса изменилось, превратившись в безжизненную белую маску, на которой жили только глаза. Увидев эти сверкающие углы в глазницах, Юру словно ударило током – вот оно! Между их зрачками словно прошла искра, и в следующий момент машину сильно тряхнуло, послышался глухой удар. Завизжав тормозами, «восьмерка» остановилась.

– Посмотрим? – спросил Алекс. Он старался держать себя в руках, но Юра видел, как у него тряслись руки. Он обернулся назад. На дороге валялось что-то темное, бесформенное, коляска с гнутым колесом лежала на тротуаре в десятке метров от тела.

– Нет, поехали, – быстро принял решение Юра, и машина рванула с места. Они долго не решались заговорить друг с другом, но в конце концов Алекс спросил:

– У тебя какие дальше планы?

– Есть какие-то предложения? – вместо того чтобы ответить, осведомился Юра.

– Пошли ко мне. Тачку в гараж – и вперед. Нужно кое-что обсудить.

– Согласен. Только предлагаю поехать ко мне, я живу один.

Подумав, Алекс согласился. В гараже они мельком оглядели повреждения. Разбита левая фара, бампер и немного помято крыло. Ничего, дело поправимое.

Пока они шли к магазину, Алекс рассказал, чем закончилась его встреча с бомжем в электричке. Сухим, деловым тоном он поведал, что на следующий день он с ребятами пошли кого-то провожать на вокзал, где и увидели того самого псевдокалеку с двумя такими же отбросами. Он стоял на своих двоих, костыли валялись в стороне, они на сегодня выполнили свою задачу. Они пили какую-то мерзость из мутных бутылок, закусывая прогорклыми пирожками. Сейчас Алекс уже не помнит, кому из них пришла в голову идея разделаться с клошарами, но одно он помнил совершенно отчетливо – как он скидывает «хромого» попрошайку на рельсы. Выжил ли тот или был раздавлен поездом – он не знает, так как выпили в тот день слишком много...

Потом они взяли бутылку водки, кое-какой закуски и отправились к Юрию. Вообще-то Гюрза не особенно увлекался спиртным, но этот случай был исключительным, и он требовал исключительной реакции. Всю ночь они просидели на кухне в потемках, что-то горячо обсуждая, и легли спать только под утро.

Потом появился Андрей, то бишь Жуля. Туповатый, малообразованный (ему огромного труда стоило окончить девять классов), он умел в этой жизни только одно – махать кулаками. В свое время он занимался боксом, потом бросил, но тренировки не прошли для него даром. Его все называли Жулей, хотя никто не мог пояснить, в связи с чем эта кличка закрепилась за ним. Впрочем, он не обижался на нее. Когда-то в детстве Жуля с родителями жил по соседству с Юрой, однако вскоре грянула перестройка, и дела у Тягушевых пошли в гору. С семьей Жули вышло все наоборот – отец быстро спился и загремел в зону за разбойное нападение, а мать надрывалась на трех работах, безуспешно пытаясь поставить на ноги непутевого сына. Тут незаметно подкрался очередной призыв, и Жулю забрали в армию. За два года службы то микроскопическое количество серого вещества, называемое у других людей мозгами, вылетело из головы Жули с оглушительным хлопком, как пробка шампанского, и домой он вернулся если не полным идиотом, то, во всяком случае, близким к этому. Что, однако, не помешало ему присоединиться к Гюрзе и Алексу. Их стало трое.

Вскоре на горизонте замаячила Нелли. Алекс подцепил ее на какой-то «корпоративной вечеринке». Они быстренько переспали, любовь-морковь-и-все-дела, тра-ля-ля-хочу-вафля. Гюрза не знал о ее прошлом, но как-то Алекс, будучи подшофе, проболтался, что она сидела на героине, а также успела побывать в «желтом домике» с мягкими стенами, в котором можно тихо играть в солдатиков, да и то, если санитары разрешат, в общем, о жизни в Кащенко она знает не понаслышке. В данный момент она работала в какой-то парфюмерной фирме консультантом.

На вполне резонный вопрос Гюрзы, за каким хреном ему сдалась такая подруга, Алекс ответил, что та неотразима в постели и очень надежный товарищ. Несмотря на его уверения, Гюрза долго не соглашался брать ее на акции, но Алекс настоял на своем.

Мика (Михаил то есть) примкнул к ним совершенно случайно. Гюрза познакомился с ним на форуме расистов в Интернете, потом они встретились. Мика из бывших скинов, успевший отсидеть два года за жестокое избиение негра в метро. Наши правоохранительные органы с большой неохотой возбуждают дела по мотивам расовой дискриминации, не желая портить себе этими показателями статистику, и Мике в этом тоже повезло. Его привлекли по хулиганке, со спокойной душой отправив на зону в Курскую область. Убежденный расист, умеющий аргументировано отстаивать свое мнение и боготворивший идеи Гитлера, он вышел из тюрьмы совершенно иным. Нет, ненависть к людям с другим цветом кожи не исчезла. Она трансформировалась в нечто более опасное и страшное. Он легко влился в их группу, и лишь спустя некоторое время Гюрза понял: Мике абсолютно по барабану, в отношении кого проводить акции – будь то перед ним бомжи или евреи с чурками. Собственно, мотивировка его решения присоединиться к ним и участвовать в акциях не особенно волновала Гюрзу, поскольку

Мика устраивал его по двум причинам: а) он умел драться, б) он никогда не задавал лишних вопросов. Время высоких идей прошло, а эти два фактора были вполне достаточны, чтобы он стал одним из них.

... – Тягушев, ты что, спишь, что ли? – Голос Ивы вырвал юношу из воспоминаний. – Смотри, сейчас врежешься!..

Задумавшись, Юра чуть не выехал на встречную полосу, но после окрика Ивы ловко вернулся на свою.

Сделав кое-какие покупки в магазине, они поднялись в квартиру Юры.

– Кляксич! – крикнул юноша, снимая с Ивы куртку. – Выходи, подлый трус.

Предложив Иве тапки, он отправился на кухню. Кляксич не заставил себя долго ждать и тотчас вышел из комнаты. Вид у него был, можно сказать, довольный, однако, увидев в коридоре Иву, он замер, обвив хвостом передние лапы. Девушка присела на корточки. Кот внимательно смотрел на незнакомого человека, ни одна шерстинка не дрогнула на нем.

– Кис-кис! Как там тебя... Кляксич, – позвала животное Ива. «Что за дебильное имя для кота», – подумала она. – Кис-кис-кис! Кляксич-Ваксыч!

Кот не шелохнулся, только глаза настороженно изучали ее. Девушке стало немного не по себе от этих огромных ярко-оранжевых глаз, они были похожи на две сверкающие линзы, наполненные расплавленным янтарем. Ей неожиданно пришло в голову, что иногда точно такое же выражение бывает у Юры – внешне спокойное и ничем не выделяющееся, за которым изредка мелькают опасные огоньки.

Юра чем-то гремел на кухне, и Кляксич бесшумно шмыгнул к хозяину. Вскоре юноша вышел из кухни, вытирая руки полотенцем. Кот пристроился у него в ногах, невозмутимо разглядывая гостью.

– Я в душ, – объявил Юра. – Посиди пока, не скучай.

Пока он мылся, кот неподвижно сидел у самых дверей душевой, как дисциплинированный часовой, игнорируя бесплодные попытки Ивы поиграть с ним.

– Почему он меня боится? – спросила Ива, когда они расположились на уютном мягком диване перед огромным плазменным телевизором. Кот уселся на плюшевый пуфик и с интересом уставился в экран.

– Он не боится. Просто Кляксич тебя не знает, – ответил Юра, открывая бутылку «Мартини». – А раз не знает, то и оснований доверять тебе у него нет.

– Нет оснований доверять? – удивилась Ива. – Господи, Юра, какое доверие, это всего лишь кошка!

– Кот, – поправил Юра, но девушка сделала беспечный жест красивой кистью, показывая, что для нее пол этого животного не имеет никакого значения.

Некоторое время они молчали, поглощая креветки и между делом следя за происходящим на экране. Юра стал переключать каналы.

«...как порочащее честь и достоинство человека, – с важным видом вещал пузатый мужик в очках с жидким хохолком волос на лысой макушке. Внизу была сноска: „Евгений Бардин, член организации «Врачи без границ“.^[2] – Перекочевавшее из милицеских протоколов в средства массовой информации, а затем и в современный разговорный язык определение «лицо без определенного места жительства», или «БОМЖ», превратилось в клеймо для изгоев, пугало для обывателей и является оправданием бездействия власти и зачастую применения «полицеских мер»...»

– Может, что-нибудь другое посмотрим? – недовольно спросила Ива, но Юра даже не пошевелился.

«...на сегодняшний день, по данным МВД, в России насчитывается до 4 миллионов бездомных... только в Москве их более 60 тысяч... каждый десятый бомж имеет высшее образование... почти половина (около 45 %) людей, оказавшихся в столице в положении бездомных, не являются лицами без определенного места жительства. Половина из временно бездомных передвигается по бывшему Советскому Союзу в поисках работы, третью часть из них составляют люди, которые оказались в Москве и их ограбили. Каждый десятый из временно бездомных приехал в Москву для решения каких-то проблем (правовых, медицинских и т. п.).

Около 15 % среди временно бездомных – беженцы. Собственно бездомных в общей массе московских «людей улицы» – приблизительно 55 %, третья часть из них – бывшие заключенные... остальные собственно бездомные – либо продавшие или обменявшие свое жилье (многих обманули), либо оказавшиеся на улице из-за семейных проблем (разведенные, выгнанные родственниками, сбежавшие от пьющих родственников), либо потерявшие ведомственное жилье в связи с сокращением рабочих мест или просто увольнением».

– И долго мы будем смотреть эту гадость? – попробовала возмутиться Ива, но юноша даже не удостоил ее взглядом. Надувшись, девушка принялась за кровати.

«...самостоятельных нищих на улицах практически нет, все они находятся в рабстве у преступных группировок. Каждому нищему жестко определена обязательная норма дневной выручки, за невыполнение которой избивают... Норма разная, в зависимости от типа нищего. Детям от 6 до 12 лет подают больше, а потому им назначается самая большая дневная выручка до 6 тысяч рублей. „Мадонны“, то есть женщины с грудными детьми, должны сдавать в кассу сумму в 4–5 тысяч. Эти женщины редко являются настоящими матерями детей, чаще они получают детей только для работы. В последнее время „мадонн“ теснят „собачники“ – нищие с домашними животными, причем собакам часто подают охотнее, чем людям. Затем по прибыльности идут „ветераны“ – обычные калеки в камуфляже, часто на костылях или в инвалидных колясках. Их потолок – 2–2,5 тысячи рублей. Калек часто покупают в домах престарелых на Украине и в Молдавии примерно за 500 долларов, а в Москве перепродают за 1000. Детей обычно добывают в семьях алкоголиков, причем покупка обходится в 1500–1700 долларов, аренда – 200 долларов в месяц...»

– Юра, переключи, пожалуйста, – нервно проговорила Ива. – Ужас какой-то...

Программу прервали на рекламу, и Юра с неохотой переключился на другой канал, где в реалити-шоу «Дом-2» с остервенением и истерикой выясняли, кто кого трахал и кто на кого не так посмотрел. Ива заметно успокоилась.

– Не романтичный ты человек, Тягушев, – нараспев проговорила она спустя некоторое время. Ива распустила волосы, и принялась накручивать локон на изящный палец. – Мы так и будем с тобой телик смотреть, как старые пердуны? На столе только миски с семечками не хватает, а тебе – дырявого пледа на коленях. Да, и мне еще клубок со спицами.

Юра изучающе посмотрел на Иву, затем сказал:

– Ты права. Извини, я что-то сегодня слегка заторможенный.

Он принялся убирать со стола, оставив только вино и два бокала. Видя, что Ива продолжает сидеть на диване, он словно удивился:

– Ты еще здесь? Давай в душ!

– Я принимала душ за три минуты до нашей встречи. Или от меня воняет? – спросила Ива, не двигаясь с места.

– Если бы от тебя воняло, ты бы никогда не переступила порога этой квартиры, лапочка. Марш в душ!

Последняя фраза была произнесена неожиданно холодным голосом, и Ива машинально спустила ноги на пол.

– Полотенце я тебе принесу позже, – уже мягче прибавил Юра.

Когда она вышла из ванной, кровать была уже разобрана, на массивных тумбочках из красного дерева стояли длинные свечи, которые трепетали оранжевыми пятнышками пламени и источали божественный аромат лесных трав.

На Гюрзе было только полотенце, повязанное вокруг бедер. Разглядывая его, Ива не могла не отметить, как привлекательно его тело.

– Располагайся. Я скоро, – улыбнувшись, сказал он.

– Ты куда?

– В душ, – будто удивляясь недогадливости девушки, ответил Юра.

– Ты же был там, сразу, когда мы пришли? – в свою очередь удивилась Ива. Она скользнула под одеяло.

Юра собирался оставить ее вопрос без ответа, но вдруг передумал.

– Знаешь, есть такой анекдот. Молодожены после свадьбы сняли номер в гостинице. В общем, трахаются они, трахаются уже пятый день, мужику уже неважно. На седьмой день он уже ходить не может. А жена, как швейная машина «Зингер», – словно на батарейках! На десятый день, когда из мужа все соки выжаты, он еле-еле сползает на пол и тащится к ванной. Жена на него смотрит и томно так говорит: «Дорогой, ты что, мыться?» А тот оборачивается и истерично орет: «Нет, дура, дрочить!!!»

Ива криво улыбнулась.

– Ну и что? К чему это?

Юноша пожал крепкими плечами:

– Не знаю. Так, вспомнил.

Девушка вздохнула.

– Не знаю, Юра, что меня держит возле тебя, но у меня такое ощущение, что иногда у тебя шарик за ролики закатывается.

Последние слова были произнесены в пустоту, так как он уже вышел из комнаты. Сразу после этого мобильный телефон Юры издал пчелиное жужжание. Ива знала, на телефон пришло SMS-сообщение. Интересно, от кого? Уже десять вечера. Она была любопытной и решила, что ничего страшного не будет, если она взглянет, что это за сообщение.

«85 ал-во».

И все. Странно. Ива обратила внимание, что абонент, от которого пришло это странное сообщение, именовался «Хирургом».

Ерунда какая-то, подумала девушка. Набор цифр, да еще дурацкое «ал-во»... И какой зловещий псевдоним – Хирург...

Она положила телефон обратно на тумбочку, неожиданно поймав на себе взгляд кота. В этот раз он не сторожил Юру у ванной, а лежал на своем любимом пуфике, застыв, словно каменное изваяние. Только глаза жили своей собственной, удивительной жизнью, и сейчас они с явной неприязнью наблюдали за девушкой. В отблесках свечей они показались ей даже злобными.

– Что, расскажешь все своему хозяину? – хихикнула Ива, хотя ей стало немного не по себе. – Какая я противная, непослушная девчонка...

Кляксич зевнул, и Ива перестала улыбаться. Она никогда не видела, чтобы у кошки была такая огромная пасть и уж тем более такие клыки. Почти как у собаки.

В комнату вошел Юра. Сбросив полотенце с бедер, он нырнул под одеяло. Мельком глянул на лежащий телефон на тумбочке и повернул голову к девушке.

– Мне кто-то звонил?

Как можно беззаботней Ива ответила, что нет.

– Почему ты так решил? – спросила она, дотронувшись до его прохладного мускулистого тела.

– Тогда зачем ты его брала? – сухо поинтересовался Юра.

Девушка замялась.

– А откуда ты узнал, что я его брала? Ты видишь сквозь стены? – она попыталась превратить все в шутку, но Юра едва ли улыбнулся. Он стал щелкать клавишами на панели телефона.

– Тебе пришло сообщение, я не удержалась и решила посмотреть, – призналась Ива, следя за юношей. – Так как ты узнал, что я брала мобильник?

– Когда я шел в ванну, телефон лежал по-другому, – наконец отозвался Юра. – Прошу, больше не трогай его, о'кей? Только без обид.

– О'кей, – пожала плечами Ива, решив про себя, что, в общем, ей тоже было бы неприятно, если бы кто-то стал копаться в ее личных вещах, будь то даже Юра.

– Ладно, забудем, – Юра впился губами в ее рот. Его язык мягко и вместе с тем настойчиво проник сквозь ее зубы, словно пробуя на вкус девушку. Ива жарко задышала, по ее красивому телу пошли волны одуряющей истомы, груди тут же превратились в два упругих мячика с твердыми сосками, а низ живота блаженно затрепетал.

Они кончили почти одновременно. Пока Ива приходила в себя, осторожно отпивая из бокала вино, Юра снова отправился в душ.

«Елки зеленые, он в ванную как на работу ходит», – подумала девушка. И хотя она сама была большая чистюля, но, к слову сказать, меньше всего после секса ей хотелось тащиться в душ...

– Юр, – позвала она его, когда они уже погасили свечи.

– Ну?

– А что означает это сообщение?

Юноша недовольно повернулся на бок.

– Если бы я знал. Ошибся кто-то.

– И ты никогда не знал человека, который подписывается «Хирургом»? – не унималась Ива.

– Нет, – отрезал Юра. – Спи давай.

Ива многозначительно хмыкнула.

Акция должна была состояться через два дня, 8 мая. Алтуфьево было выбрано неслучайно – каждый раз акция планировалась таким образом, чтобы у доблестных представителей правопорядка не появлялось ни малейшей зацепки относительно какой-либо системности «чистки». Собственно, Гюрза полагал, что если дела о погибших бомжах и расследуются, то делается это без особого энтузиазма, но подстраховка была нужна в любом случае. Они не имели права на ошибку.

Как правило, акции проводились ежемесячно, районы выбирались по часовой стрелке, начиная с окраин. Места будущих акций тоже подвергались серьезной предварительной проверке – никогда не было случая, чтобы они бесцельно шатались по подворотням и свалкам, подыскивая себе подходящую жертву, как бритоголовые юнцы в футбольных шарфах после бутылки водки, болтаясь от безделья, спонтанно решают «показать этим черножопым». Места определял Алекс, по неписаному правилу их одобрял Гюрза. Непосредственно перед акцией на предполагаемое место он выезжал вместе с Микой, иногда даже один. Но никогда Гюрза не доверял эту часть работы кому-либо другому. Это была самая настоящая рекогносцировка на местности: готовились возможные пути отступления, выяснялись месторасположения ближайших околотков, заранее проговаривались все нюансы поведения в случае их задержания, продумывались алиби и так далее.

Форма одежды у всех была что ни на есть обыкновенная, и издалека их можно было принять за группку студентов, которые решили прогуляться после скучных утомительных лекций. Отличало их только одно – на всех, за исключением Нелли, были тяжелые военные ботинки на толстой подошве. Чтобы они не бросались в глаза, их закрывали штанинами брюк и джинсов. У каждого с собой был легкий рюкзак, в котором был запасной комплект одежды – в нее переодевались сразу после акции. «Боевая» униформа упаковывалась в рюкзак и уничтожалась каждым самостоятельно, даже если на ней не было видимых следов крови и вообще «их» следов. К следующей акции каждый из них приобретал себе новую одежду, как правило, в магазинах-распродажах.

Что касается вооружения, то тут уже было дело каждого. Нелли носила с собой короткий охотничий нож и баллончик «черемухи», Алекс использовал самодельный нож, выкованный из тракторного клапана, с кровостоками и пилой, плюс газовый пистолет, который, правда, он использовал реже, чем нож. «Не те ощущения», – признался он как-то Гюрзе, имея в виду пистолет. Жуля был проще – в рукаве он таскал с собой бейсбольную битку. А что, дешево и сердито. На ней он каждый раз делал зарубки. Для подстраховки была еще опасная бритва, но он еще ни разу не воспользовался ею. Мика никогда не расставался с устрашающего вида кастетом, оснащенным острейшими шипами, и велосипедной цепью, обмотанной несколькими слоями изолянта. В умелых руках эта цепь превращалась в страшное оружие. Гюрза же предпочитал перчатки из дубовой кожи, оббитые стальными шипами. Арсенал этим не ограничивался – на щиколотке у него всегда пристегнут подводный нож, под мышкой – травматический пистолет «Оса». За все время он лишь однажды использовал его – неожиданно в подвале старого дома, куда они нагрянули, появилось еще шесть бездомных, довольно молодых и способных дать сдачи. Ближе всех оказался Гюрза, и драться с ними в открытую он не решился. Двое из бродяг были отброшены пулями к стенке, третьему пуля попала в глаз. Больше никто сунуться не рискнул, и бомжи обратились в бегство.

Они встретились в студенческой столовой МГУ.

– Как твои успехи? – спросил Гюрза Жулю. – Звонил насчет работы?

Тот выглядел хреновато – волосы на голове торчали как у дикобраза, глаза покрасневшие, словно он отчаянно растирал их хлоркой, руки нервно подрагивали. Весь вид говорил о том, что предыдущий вечер (или ночь) Жуля провел весьма бурно и продуктивно, храбро вступив в неравный бой с самим Бахусом и охраняющим его зеленым змием.

– Звонил, – прокряхтел он, почесав под мышкой. – Завтра на собеседование, может, сразу и оформят.

Гюрза прикинул, что если бы Жуля в таком виде заявился устраиваться на работу лично к нему, он бы настоятельно посоветовал ему оформиться в первую очередь в наркологический диспансер, и как можно скорее.

– Завтра последний день перед акцией, – напомнил он Жуле. Гюрза пытливо смотрел на своего друга детства. «Он деградирует на глазах», – подумал юноша, размышляя, насколько надежен Жуля и будет ли от него толк в дальнейших акциях. Ему явно не нравилось увлечение приятеля спиртным, которое в последнее время развивалось в геометрической прогрессии. Да, никто из них не являлся в этом отношении ангелом, но перед акцией на алкоголь было наложено строжайшее табу. Впрочем, до нее оставалось еще два дня, и, может, он зря волнуется...

– Ну и что? – беспечно ответил Жуля, на его опухшей физиономии было крупно написано: «В гробу я видал все ваши акции». Гюрза раздраженно отметил, что в данный момент своей рожей Жуля мало чем отличался от тех, за кем через два дня сам начнет охоту.

– Твое дело, – он решил больше не лезть в чужие дела. Действительно, какого черта? Ему что, больше всех надо? Нашел, чью судьбу устроить. Еще и «стрелочником» в итоге окажется.

Подошли Алекс с Нелли. Они заказали апельсиновый сок и пирожные «эклер». Через минуту после них появился Мика. Как всегда с непроницаемым лицом, он молча поздоровался со всеми, уселся на стуле и сцепил перед собой руки. От внимания Гюрзы не ускользнуло, что костяшки Мики украшали свежие ссадины. Однако спрашивать об их происхождении было не в его правилах – в свою личную жизнь Мика никого не посвящал.

– Ну вот, и все в сборе, – проговорил Алекс. – Начнем, пожалуй.

– А пиво у вас тут в столовке продают? – с надеждой спросил Жуля.

– Нет, не продают. Это тебе, между прочим, университет, а не кабак, – Алекс не скрывал пренебрежения в голосе.

– Что, хреново тебе, Жуленька? – с деланным участием спросила Нелли. Она аккуратно взяла с блюдечка пирожное и, держа его двумя пальчиками, соблазнительно откусила кусочек.

– Да так, – почесал вихры Жуля. – Сок че-то неохота пить... Пива бы.

– Потом тебе будет пиво, – оборвал его Гюрза. – Давайте по делу.

– Дорогие друзья, – невозмутимо начал Алекс, и было неясно, шутит он или в самом деле говорит серьезно. – В последнее время мы достаточно успешно справляемся с возложенными на нас задачами. Тем не менее медицинская практика свидетельствует, что для полного выздоровления лечение необходимо проводить более интенсивно, иногда удваивая и даже утраивая дозы необходимых лекарств. К сожалению, наши пациенты...

– Хватит этого цирка, – неожиданно перебил его торжественную тираду Гюрза. – Всем и так все ясно. Давай конкретно.

В воздухе повисла пауза. Подобное вступление было традицией, и мало кто из них задумывался, насколько оно важно и нужно и нужно ли оно вообще.

Алекс холодно посмотрел на Гюрзу.

– Желаете сам попробовать?

– Не-а, – усмехнулся юноша. – Не вижу никакого смысла в этих глупых прелюдиях.

– Давайте уже быстрее, – взмолился вдруг Жуля. – У меня еще срочные дела.

– Знаю я твои дела, опять попрешься бухать со своими мудаками из подъезда, – сверкнул глазами Алекс, но Гюрза хлопнул ладонью по столу:

– Стоп! Проехали, хватит!

Жуля засопел, недовольно поглядывая на Алекса.

– Еще раз наедешь на моих друзей, получишь в бубен, – пообещал он Алексу.

– Жуля, ты слышал, что я сказал?! – повысил голос Гюрза. На их столик стали обращать внимание.

Такого еще не было. Между ними никогда не возникало никаких ссор, а уж тем более непосредственно перед акцией.

Алекс достал из рюкзака тетрадь. В ней лежала сложенная карта Москвы. Молодые люди склонились над ней.

– Вот, отсюда на север в паре километрах от метро идет промзона. Куча заброшенных гаражей, плюс небольшая свалка. Клиентов масса. Проверено, – чуть хвастливо сказал Алекс. Он пометил указанные места красным маркером.

Гюрза внимательно изучал крестики на карте.

– С ментами что? – спросил он.

– Рядом лес, если что – запарятся искать. Вот, смотри, – показал Алекс на карте. – Кроме того, ментовка отсюда далеко, а патрульным машинам там неудобно ездить – дороги все разбитые. Так что все должно пройти чики-пуки... Думаю, в 19.00 и встретимся. Никто не возражает? – он обвел присутствующих взглядом.

– Предлагаю в 20.00, – сказал Гюрза. – А еще лучше в 21.30, многие из них еще околачиваются на улицах, у них свой трудовой распорядок.

Несколько секунд Алекс смотрел на Гюрзу, затем сказал:

– Что ж, пусть будет восемь вечера.

– Я приеду на частнике. Кто со мной? – продолжал Гюрза.

– Можем мы с Алексом, – подала голос Нелли. Она доела пирожное и вытирала пальчики салфеткой.

– Нет. Кто-то один, – тоном, не терпящим возражений, сказал Гюрза. Алекс снова бросил на него оценивающий взгляд.

– Тогда берите Жулю, мы приедем сами, – легко согласилась девушка, накрыв ладошкой руку Алекса. Она видела, что он собирался что-то сказать, и это «что-то» стопроцентно было бы нелицеприятно для Гюрзы, но решила разрядить обстановку. Жуля, казалось, вообще не понял, что речь идет о нем. Откинувшись на стуле, он тупо смотрел в окно, изредка кряхтя по-стариковски.

– Ничего не забывать, форма одежды парадная, – решил своим долгом напомнить Алекс.

– Хорошо. Тогда в 20.00 на выходе из первого вагона. Мика? Скатаешься со мной сейчас туда? Я на колесах, – обратился Гюрза к Мике. Тот еле заметно кивнул, храня полное безмолвие. За все время он не произнес ни слова.

– Вечером я всем позвоню. Завтра – отдыхать. – Гюрза закрыл тетрадь и подвинул ее Алексу.

Заскрипели отодвигаемые стулья.

– «Завтра отдыхать»... Нашелся добродетель, отец родной. Того и гляди, жопа треснет от такой заботы, – с неприкрытой злостью бросил вслед уходящему Гюрзе Алекс.

– Забудь. Не все ли тебе равно? – сказала Нелли. – Пусть считает себя командиром, если это его так прет.

– Ну-ну, – хмуро произнес Алекс.

Ростислав проснулся в четыре утра. Не от похмелья, хотя его голова трещала по черепным швам и глаза распухли, превратившись в две тонюсенькие щелки, а глотка была похожа на пустыню Гоби. Ему приснился какой-то кошмар, будто он летит в самолете и видит, как один за другим начинают лопаться иллюминаторы, осыпая пассажиров жалящими осколками, а в прорвавшиеся дыры фонтанами хлынула кровь. Кто-то визжал, кто-то хохотал в безумии, а он только чувствовал, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой, словно они приклеены, отчего становилось еще ужаснее.

Голова болела настолько, что, казалось, мозг вскипел и лезет наружу, грозя снести черепную коробу. Рост скатился с кровати, стукнувшись лбом о комод, и, отдышавшись, поплелся на кухню, где долго и жадно пил из-под крана. Заметного облегчения, однако, сие действие не принесло – через пару минут жажда снова дала о себе знать, и он пил снова и снова, пока живот его не раздулся, а вода уже выплескивалась изо рта. Чертыхаясь, он вернулся в комнату и со стоном повалился на кровать. Спать уже не хотелось, и он включил телевизор. Головная боль немного стихла.

Мельком просматривая каналы, Рост почувствовал легкое замешательство. Он пытался вспомнить события вчерашнего вечера, но память наотрез отказывалась ему помочь, и это пугало молодого человека. Он только помнил, что снова был в зале игровых автоматов, потом подошел Лелик... Они пили пиво, затем водку, Рост несколько раз выиграл... Потом, кажется, пошли в казино, и он с кем-то сел играть в карты... Дальше темнота. Интересно, как он умудрился попасть домой? Не иначе, Лелик его довез...

«Хорошо бы узнать, в выигрыше я остался или просрал все на свете?» – размышлял он. Проверить это можно было только одним способом – вывернуть карманы. Они были пусты. В одном из них он обнаружил визитную карточку. «Квадратов Геннадий Валерьевич. Генеральный директор региональной правозащитной организации „Рубинекс“... Откуда она у него?

Квадратов... Мысли носились аллюром, перед глазами почему-то возник образ черного квадрата Малевича. Квадрат, квадрат... В мозгу шевельнулось что-то знакомое, словно он знает, о чем идет речь. Рост предпринял еще одну попытку вспомнить, но безрезультатно. Хорошо бы позвонить Лелику, да рано еще. Немного повалявшись в кровати, Рост решил принять холодный душ.

В начале девятого он все-таки не выдержал – тревожное чувство становилось невыносимым – и набрал номер телефона своего старого друга Алексея, которого по привычке он продолжал называть Леликом.

– Это я, здорово, – сказал он, услышав знакомый голос.

– Здорово, здорово, – хрипловато ответил на приветствие Лелик, однако что-то в его интонациях заставило Роста насторожиться.

– Лелик, вчера... Все было нормально? – спросил он.

– Смотря что считать нормальным, – послышался голос в трубке. – Если не считать, что ты пропердел в долг семьдесят косых Квадрату, то, можно сказать, все нормально. Ты что, ничего не помнишь?

– Постой-постой! – Рост сглотнул слюну, горло снова пересохло. – Я тебя плохо слышу, Лелик! Я что, кому-то остался должен?!

– Остался должен? Рост, вынь тапки из ушей! Семьдесят штук, ты понимаешь? СЕМЬДЕСЯТ!!! Я же говорил тебе: не садись за стол к Квадрату!

– Что еще за квадрат? – тупо переспросил Рост. Он чувствовал, как предательски задрожали

руки. Ему захотелось сесть, и он упал на колченогий стул. – Какой квадрат, братуха?

– Малевича, твою мать! – закричал на том конце провода Лелик, злясь на непонятливость Роста. – Ты что, дурачка решил включить? С ним такое не прокатит. Ты понимаешь, во что влип? Рост!

Услышав слово «Малевича», Рост с трудом сдержал истеричный смех. Так вот почему у него были такие странные ассоциации.

– Лелик, это шутка? – как можно спокойнее спросил он. Конечно, это шутка. Как он мог проиграть семьдесят тысяч? Да он и в карты-то играть особенно не умеет! Нет, как бы он ни набрался, играть в долг на такую сумму он бы никогда не стал. Это же почти две с половиной штуки баксов! Стопудово, сейчас Лелик рассмеется и скажет: «Ну ты и повелся, братуха, меньше пить нужно...»

Лелик действительно рассмеялся, но это был недобрый смех.

– Нет, Рост. Ты влетел на семьдесят штук, и мне тебя искренне жаль. Не знаю, что ты собираешься делать дальше. Слышишь меня?

– Да, – помертвевшим голосом проговорил Рост, сжимая трубку в руках. Она стала мокрой от пота.

– Он не звонил тебе еще?

– Нет.

– Я через час приеду к тебе. Никуда не уходи, ты понял?

– Да, – устало ответил Рост. Он положил трубку, попав на рычажки только с третьего раза, и невидящим взглядом уставился в стену.

Пока Лелик, друг Ростислава, собирается и едет к своему другу, введем уважаемого читателя в курс дела, для чего вернемся немного назад.

Ростислав Тихонов, двадцати девяти лет, родился на Украине. Отца у него не было, точнее, Рост ничего о нем не знал, а мать не рассказывала. У него была заурядная внешность, ничем не примечательная, но, вопреки этому, представители прекрасного пола не обделяли его своим вниманием, возможно, из-за открытой искренней улыбки и пронизательных изумрудных глаз. Кроме того, Рост имел спортивную фигуру, чему способствовали долгие тренировки и служба в ВДВ. Правда, в детстве у него были оттопыренные уши, которые с трудом скрывали даже волосы, за что его наградили кличкой «Гурвинек». Рост не особенно обижался – Гурвинек так Гурвинек. Со временем уши стали нормальные, но некоторые знакомые по привычке продолжали называть его Гурвинеком.

В школе он мало интересовался учебой, уделяя больше внимания физической подготовке. Отслужив в армии, Рост продлил контракт. Он был на хорошем счету у руководства, служба не была ему в тягость, наоборот, он будто бы испытывал острый кайф от всех лишений и прочих солдафонских заморочек, от которых любой нормальный парень, по идее, должен был бежать без оглядки. Тут грянула вторая «чеченская», и Рост уехал в Грозный, нисколько не сомневаясь в правильности выбора. Там-то Рост и встретил Лелика. Вообще-то, они держались втроем – позже к ним присоединился Руслан из Владимирской области. Волею судьбы, за четыре дня до вывода войск его смертельно ранило осколком, и он умер буквально на руках Роста.

Домой он вернулся, когда было официально объявлено о выводе войск из Чечни. Несмотря на разлуку с Леликом, они продолжали переписываться, а Рост все собирался приехать в гости. Спустя какое-то время он понял, что ему становится откровенно скучно.

В серый октябрьский день он приехал в Москву. Связался с Леликом и первую ночь провел у него. Выпили водки, вспоминали Руслана и других погибших ребят, спать легли под утро.

Москва ошеломила его, он слово окупился в исполинский водоворот. Росту никогда не

доводилось видеть такого огромного скопления людей, куда-то спешащих, озабоченных своими делами. В этой суе он чувствовал себя совершенно беспомощным, как щенок, которого внезапно забрали от матери. Лелик помог устроиться ему к себе в ЧОП – там он работал заместителем начальника по персоналу. Служба была не то чтоб уж совсем сложная, но Рост ждал от жизни другого. Через пару месяцев он затосковал. Нет, платили нормально, он регулярно отсылал некоторые суммы матери с сестренкой, но не видел никаких перспектив перед собой.

А потом началось «это»... Сперва было все невинно – они с Леликом зашли после получки в кафе выпить пива и немного поиграли в игровые автоматы. Неожиданно Рост открыл для себя, что это занятие достаточно захватывающее, учитывая, что он никогда не считал себя азартным человеком. Рост чаще проигрывал, чем выигрывал. Через какое-то время он поймал себя на мысли, что ненасытный железный ящик сожрал почти половину его зарплаты. Лелику везло больше, но в итоге он тоже остался в проигрыше.

«Тут главное – вовремя остановиться», – втолковывал ему Лелик после этого. Расстроенный Рост и сам знал такие прописные истины, но никак не мог понять, как это могло произойти именно с ним. Он всегда считал себя выше всяких азартных игр, не говоря уж о том, что был способен вовремя сказать себе твердое «нет!».

С тех пор понеслось. Теперь каждый раз после того, как у него в руках оказывались какие-то деньги, ноги сами собой несли его в эти проклятые залы. Разум подсказывал ему, что его действия не совсем правильные, даже совсем неправильные, но эти попытки воззвать к совести были настолько робкими, что тонули на корню в сладостном чувстве предвкушения игры.

Он почти перестал высылать деньги матери. Каждый раз, после очередного проигрыша, он рвал на себе волосы, проклиная свою слабохарактерность и давая зарок впредь даже не смотреть в сторону этих злополучных подмигивающих домиков. Но наступал день зарплаты, обещания казались нелепыми и неактуальными, а в мозгу успокаивающе всплывало: «Ну, это уж точно в последний разик, Рост. К тому же, если ты выиграешь, то сразу отправишь деньги маме...» Но чудес не бывает, это мифическое «если» никогда не наступало, он спускал уже не половину получки, а сразу всю, и уходил из зала под утро, злой, с красными воспаленными глазами и затуманенной никотином головой. Рост стал потихоньку влезать в долги. Сначала он занимал у Лелика, но тот быстро смекнул, что у его армейского друга не осталось никаких тормозов, и перестал давать денег. На работе к просьбе Роста о выдаче аванса тоже отнеслись с подозрением.

Справедливости ради следует сказать, что несколько раз Росту везло и он даже выигрывал крупные суммы. Казалось бы, вот она, фортуна, наконец убрала свою огромную задницу и повернула к нему свое симпатичное личико. Бери бабки и сваливай, как говорится, ан нет! И в этом вся сволочная сущность привыкания к игре, сродни наркотической зависимости, и неизвестно, от чего еще проще избавиться...

Рост никогда не забудет, как однажды он выиграл полторы тысячи долларов. Как назло, неподалеку находилось казино «Золотой Фазан» (Рост про себя называл его «Баклан»), и они с Леликом, словно загипнотизированные, направились напрямик туда. Результат был предрешен. Хорошо, Лелик отговорил Роста не закладывать золотую цепочку с крестиком, который повесила ему на шею мать перед армией.

Начались неприятности на работе. После нескольких опозданий Рост был поставлен в известность, что в случае еще одного нарушения он вылетит отсюда пробкой.

Вскоре он снова опоздал на дежурство, и его уволили без всяких объяснений. Получив небольшую сумму денег за фактически отработанное время, Рост даже не сразу сообразил, что остался без работы. Деньги были тут же проиграны. Вечером к нему приехал Лелик, и у них

состоялся серьезный разговор, чуть не закончившийся дракой. (Пикантность ситуации заключалась в том, что Рост проживал в однушке, которая принадлежала родителям Лелика. Отец Лелика работал в МИДе и часто разъезжал по командировкам, везде таская с собой супругу, то есть мать Лелика, – уж так полагалось должностным лицам его ранга. Сам Лелик жил в двушке на «Войковской».)

Так и не подравшись, армейские друзья купили водки и поехали ночевать к Лелику. В то время он уже поселил у себя миловидную брюнетку Веру, с которой намеревался сочетаться законным браком, как только соберет нужную сумму на свадьбу. Тем не менее присутствие будущей невесты не помешало друзьям спокойно посидеть на кухне и обсудить важные вопросы.

Собственно, обсуждение проблемы заняло всего несколько минут. Рост извинился перед другом, Лелик, разумеется, простил. В свою очередь поинтересовался, что Рост собирается делать дальше. Пожав плечами, тот ответил, что попробует поискать другую работу. Если ничего не выйдет – вернется домой, на Украину. На том и порешили.

Но что же случилось вчера? Рост не находил себе места от беспокойства в ожидании Лелика. Он уже окончательно пришел в себя, головная боль поутихла, но ей на смену пришла боль душевная. Рост ненавидел себя. Он, который прошел Чечню, не смог устоять здесь, перед соблазном спустить все деньги, да еще умудрился влезть в такие долги! Черт бы побрал его самого!

Он сварил себе крепкий кофе. По мере того как голова обретала ясность, события вчерашнего дня, до этого нестройным хороводом кружившие в сознании, стали постепенно выравниваться в определенной последовательности, как взвод солдат на построении. Теперь он вспомнил, что, выиграв в «Джек-поте», они с Леликом, уже хорошо набравшиеся, отправились в этот растреклятый «Баклан». Там они снова играли, Росту вроде бы даже везло, и они пили уже виски, потом подсели за какой-то столик... Потом снова темень. Рост стукнул кулаком по столу, пролив кофе на скатерть. Он не сомневался, что если с кем-то и играл, то уж точно не по своей воле. Теперь он был уверен, что в выпивку что-то подмешали.

Послышался скрежет в замочной скважине. Лелик, наконец-то!

– Ну что, он уже звонил? – вместо приветствия спросил Лелик, скидывая кроссовки.

Рост помотал головой.

– Рассказывай, – разлепил губы он.

И Лелик рассказал. И чем дальше он витийствовал, тем страшнее становилось Росту.

– В казино у тебя было около двухсот грин. Мы прошли по разу, ты выиграл еще сто. Потом подкатила «шестерка» Квадрата, позвала нас угостить, – говорил Лелик. – У меня еще тогда что-то защемило, мол, пора завязывать, нехорошая это маза – сидеть за одним столом с Квадратом.

– Ты знал его раньше? – глядя в глаза другу, спросил Рост, и Лелик кивнул.

– Знал, правда, не лично, а по слухам – наши ребята на работе базарили. И ничего хорошего о нем сказать нельзя. Вроде раньше сидел, и даже был коронован, потом вдруг занялся бизнесом, держит пару казино в Москве.

– «Баклан» тоже его заведение?

– Как раз нет, просто он любит тут бывать. Кроме того, есть информация, что с этого казино он имеет прибыль. Помнишь, ты продудел там полторы косых? Так вот, Квадрат тоже был там. И он еще тогда обратил на тебя внимание, я это сразу понял, но решил лишний раз не пугать тебя.

– У меня его визитка. Какой-то гендиректор... – Рост полез за карточкой, обнаруженной утром в кармане, но Лелик остановил его:

– Все это фуфло. Он бандюган, а эта контора – обычная крыша. Ты что, совсем ничего не

помнишь? – Он пристально посмотрел на Роста, но тот выдержал его взгляд.

– Ни хера, Лелик. НИ ХЕРА. По ходу, мне в пиво какую-то шнягу подсыпали.

– Что ж, может, и так, – рассудительно сказал Лелик. – И, скорее всего, не только в пиво, ты еще виски жрал – будь здоров, боярин! Рост, я не знаю, что на тебя нашло, но я ничего не мог поделать! Тебя словно подменили, ты и слышать ничего не хотел, даже когда просрал двадцать штук. А когда я взял тебя за руку, ко мне подкатили ухари Квадрата, я думал, они меня прямо там, под столом, и кончат.

– Что было дальше? – безнадежно спросил Рост.

– Ты написал расписку.

Брови Роста выгнулись дугой.

– Что, в натуре?

Лелик только кивнул.

– Да-а... – протянул Рост. – А на какой срок, ты-то хоть знаешь?

– Вот этого не знаю. По-моему, на неделю.

– На неделю? – вскричал Рост. – Две с лишним штуки баксов вернуть за неделю?

Лелик посмотрел на друга как на умалишенного.

– Вот дерьмо! – выругался Рост.

– Рост, не две с лишним, а семьдесят, – тихий голос Лелика прозвучал как приговор. – До тебя что, не дошло?

Росту показалось, что его треснули по затылку поленом. Уж не ослышался ли он?

– Я думал, ты понял, о чем речь, – вздохнул Лелик. – Две с половиной – куда ни шло, может, я бы сам тебе где-нибудь надыбал, но семьдесят... Извини.

Семьдесят тысяч долларов! У Роста потемнело в глазах. Он даже представить себе не мог такую кучу деньжищ, не то что держать их в руках. Ему начинало казаться, что все это продолжение кошмарного сна.

– Лелик, все пропало, – удрученно пробормотал Рост. – Какие будут мысли?

Лелик молча барабанил пальцами по столу, затем поднял на друга глаза.

– Не знаю, – честно признался он. – Чувствую себя последним гондоном, что не смог ничего изменить, но мои извинения проблему не решат, так?

– Оставь, за мои косяки не надо впрягаться, – остановил его Рост. Он напряженно думал. – Лелик, а если я просто свинчу отсюда? Насколько у него длинные грабли?

– Если бы я знал, – развел руками Лелик. – В этой ситуации я не могу тебе вообще чего-либо советовать, чтобы потом ты меня не клял всю жизнь. Я с ним на брудершafft не пил, возможностей не знаю, но...

– Что «но»? – резко спросил Рост.

– Гнилой он человек, братуха. И подлый, как я понял. Такие пойдут на все, лишь бы в наваре остаться, – Лелик говорил, не глядя на друга, словно стыдился своих слов.

– А если я просто пошлю его на х...?

– Тогда твои части тела найдут через пару месяцев на стройке или в каком-нибудь подвале. А я пойду паровозом, – поймав недоуменный взгляд Роста, Лелик невесело усмехнулся:

– Да-да, ведь Квадрат меня тоже срисовал, пока ты с ним пасьянсы раскладывал. Теперь каждый твой шаг должен быть согласован с ним. Так что я по любому раскладу с тобой в одной упряжке, и за твои фортели Квадрат будет спрашивать с меня. А если ты исчезнешь, исчезну и я. В прямом смысле слова, – последнюю фразу Лелик произнес совсем тихо.

– Бред какой-то, – сказал Рост. Он встал из-за стола и стал нервно расхаживать по кухне. – А если у меня просто нет таких бабок, он что, все равно завалит меня? Или возьмет в рабство?

– Рост, ты что, ребенок? Вроде от сиськи уже давно отлип. Не хер было играть, если знаешь,

что расплачиваться нечем.

– Да не помню я ничего, ты понимаешь?!! – взорвался Рост. Он сжимал и разжимал кулаки, будто уже душил этого ненавистного Квадрата, с которым он был всего лишь заочно знаком. – Неужели я бы по своей воле стал просирать в долг такие бабки?

– Рост, успокойся, – устало сказал Лелик. Он пригладил волосы. – Мы сейчас базарим попустому. Надо дожидаться его звонка, а там – по обстоятельствам.

Пока Рост собирался с мыслями, на кухне затренькал телефон.

– Да, – сипло проговорил Рост. – Тебя, – выдохнул он с облегчением, протягивая трубку Лелику.

Это оказалась Вера, и несколько минут Лелик на повышенных тонах говорил с ней.

– Все ей объясни, отчего да почему, – проворчал он, кладя трубку на место. Тут же раздался новый звонок. Трубку снова взял Рост, при этом Лелик отметил, как дрожит рука его друга. Он следил за выражением лица Роста, но оно не менялось, разве что немного побледнело. Через минуту, так ничего не ответив, он положил трубку.

– Ну? – дрожа от нетерпения, спросил Лелик. – Это он?

– Произведение Малевича собственной персоной. Все как по расписанию, – через силу улыбнулся Рост, но улыбка вышла кривой. – Надо ехать.

– Я с тобой, – поднялся Лелик, но Рост его остановил.

– Я и так тебе кучу геморроев доставил, братуха. Прости. Лучше дождись меня здесь, – он посмотрел на Лелика. – Очень хочется вернуться живым.

– Ты это брось. У тебя случайно выпить нет? – неожиданно спросил Лелик.

– Посмотри в холодильнике, там, по-моему, должна остаться водка.

Пока Лелик обследовал холодильник, Рост незаметно вышел.

Встреча была назначена в уютном баре на Петровке, прямо рядом с МУРом. На входе его встретила официантка, миловидная рыжеволосая девушка. Приветливо улыбнувшись, она оставила Росту меню. Впрочем, исходя из толщины его кошелька, выбирать ему особенно было нечего, и он заказал кофе. Играла спокойная музыка, в огромном аквариуме полуовальной формы неторопливо сновали разнокалиберные рыбки всех оттенков радуги. Рост немного расслабился. Увлечшись плавающими созданиями, он на некоторое время забыл о цели своей встречи и вздрогнул, когда к нему обратились по имени.

– Ростислав? – повторил мягкий голос, и Рост поднял голову. Голос принадлежал неказистому, неряшливо одетому мужичку неопределенного возраста в огромных совдеповских очках с вытянутым черепом и глубокими залысинами. Он стоял, сильно сутулясь, отчего был похож на гротескный знак вопроса. На нем болтался помятый костюм, явно великоватый, словно хозяин брал его на вырост, но в силу каких-то причин расти перестал, а костюм продолжал носить по привычке.

«Пугало огородное». Это было первое, что пришло в голову Роста, когда он увидел странного мужчину.

– Геннадий Валерьевич, – церемонно поклонился Квадрат, словно отвечая на немой вопрос Роста. Руки он протягивать не стал, да Рост и сам вряд ли бы стал ее пожимать. Квадрат сел напротив него. Сзади неожиданно возникли две рослые фигуры, но Квадрат, не оборачиваясь, сделал едва заметный жест кистью, и фигуры молча уселись за соседний столик, не переставая наблюдать за Ростом. Так приглядывает кошка за полудохлой мышью, с которой ей уже наскучило играть.

– Ну-с, юноша, – начал Квадрат, снимая очки. Глаза у него были маленькие и какого-то тусклого цвета. – Полагаю, второй раз знакомиться нам не имеет смысла – вы же помните меня? – Его крысиные глазки буравчиками впились в Роста.

Рост растеряно кашлянул. Пока Квадрат насвистывал какой-то мотивчик, шмыгая узким носом, он искоса разглядывая его и не верил своим глазам. Неужели это и есть жестокий всемогущий Квадрат, который, по словам Лелика, отсекает конечности своим должникам, имеет несколько казино? Да еще и вор в законе? По мнению Роста, он больше смахивал на рассеянного учителя-ботаника в сельской школе, который витает в облаках в окружении своих бабочек, путает ботинки и живет на одну зарплату. Одни очки чего стоят, как у черепахи Тортиллы... Врезать бы ему по башке, чтобы позвоночник в трусы провалился, и уйти спокойно домой. Возможно, Рост так бы и поступил, не будь двух мрачных мордоворотов за соседним столом.

К столику неслышно подошла официантка.

– Минералку, как всегда, – не удостоив ее взглядом, отрывисто сказал Квадрат. Перехватив взгляд Роста, рыжеволосая девушка выдавила робкую улыбку и упорхнула.

«Похоже, он здесь не впервые», – решил про себя Рост.

– Что вам нужно? – слова давались ему с усилием.

– Ростислав, не пугайтесь, все нормально, – заморгал Квадрат. Вид у него был извиняющийся, будто это Рост сейчас начнет выколачивать из него деньги. Он достал из нагрудного кармана допотопный носовой платок в крупную клетку и принялся ожесточенно протирать им стекла очков. – Да-да, такие дела... Ну, для начала расскажите о себе.

– Что конкретно?

– Все, – широко улыбнулся Квадрат, и от внимания Роста не ускользнуло, что у этого «сельского учителя» зубы дадут фору многим голливудским актерам – все как на подбор ровные

и белые, и это выглядело неестественно на фоне неуклюжих очков и мятого костюма. – Все, – повторил он, по-отечески хлопнув Роста по плечу. Юноше показалось, что его погладил стервятник, и он внутренне передернулся от отвращения.

Едва сдерживая выплескивающуюся наружу неприязнь, он как можно короче рассказал о себе.

– Вы не очень-то многословны, – отметил Квадрат, когда Рост закончил. – Вчера вы были куда разговорчивее. Например, вы не упомянули о своей службе в Чеченской республике.

– Разве это имеет какое-то значение в нашей ситуации? – спросил Рост.

– Как знать, как знать, – с печалью в голосе отвечал Квадрат, будто Рост причинял ему несравненную боль своей идиотской несговорчивостью. – Весьма трудно предугадать, что и когда может иметь значение, а в нашем случае – в особенности.

Официантка принесла запотевшую бутылку «Боржоми» и высокий бокал. Натянуто улыбнувшись, замерла в ожидании, напоминая дрессированную собачку.

– Брысь, – приказал Квадрат негромко, и девушка моментально испарилась.

– Что вы мне подсыпали? Я имею в виду, когда мы играли, – неожиданно брякнул Рост. Боковым зрением он увидел, как напряглись те двое.

– Бог мой, о чем вы? – картинно всплеснул руками Квадрат. Закончив протирать очки, он долго рассматривал стекла, словно все еще сомневаясь в их чистоте. – Никогда бы не стал опускаться до такого уровня, уж поверьте. Да-да, такие дела, молодой человек.

Рост заскрипел зубами. Глядя на дорожки от стекающих струек по поверхности бутылки с минералкой, ему начинало казаться, что он сходит с ума. Сидит тут в кафе (кстати, только сейчас он обратил внимание, что кроме них больше никого нет, очевидно, сразу после появления Квадрата на дверях бара появилась табличка «Извините, закрыто») с этим чокнутым ботаником в нелепом костюме и отвечает на его вопросы. Да кто он такой, мать его?

– Короче, что вам нужно? – спросил напрямую Рост.

Квадрат залился тонким визгливым смехом. Вдоволь нахихикавшись, он откинулся на стуле и впервые посмотрел на Роста острым внимательным взглядом. Он полез в папку, искусно отделанную кожаными вставками, и с осторожностью выудил оттуда исписанный лист бумаги.

– Мне нужно от вас выполнение ваших обязательств, – уже не улыбаясь, сказал он. – Узнаете свой почерк, Ростислав? – прищурившись, он протянул лист Росту. Тот мельком пробежал по строчкам, чувствуя, как внутри у него разливается ледяное озеро. Расписка о возврате долга. Несомненно, это его почерк. И подпись тоже его.

– Если подлинность сего документа вызывает у вас подозрение, я дам вам посмотреть видеозапись нашей игры, Ростислав. Мы ведь порядочные люди, и везде нужно следовать определенным правилам, не так ли? Да-да, такие дела...

«Если он еще раз скажет „такие дела“, я дам ему бутылкой по лбу», – начиная кипятиться, подумал Рост.

В этот момент один из верзил поднялся со своего места и, подойдя к их столику, положил перед Ростом небольшой прямоугольный пакет, заклеенный скотчем. Рост автоматически подвинул его к себе.

– Почерк я узнал, но это копия, – возразил он, осознавая, что всего лишь пытается потянуть время.

Квадрат снисходительно кивнул, показывая, что он восхищен проницательностью своего собеседника.

– Вы чрезвычайно наблюдательны, Ростислав. Это действительно копия, как вы верно заметили. Дело в том, что оригиналы подобных документов я имею обыкновение хранить в надежных местах, так, во избежание различных недоразумений. Не поймите меня превратно, я

полностью вам доверяю, но поставьте себя на мое место – вы протягиваете мне оригинал расписки, а я, пardon за мой французский, нехороший человек, редиска (хе-хе!), хватаю у вас из рук этот бесценный документ, запикиваю его себе в рот и, давясь, проглатываю, улыбаясь при этом улыбкой Моны Лизы. Какие у вас в данном случае будут гарантии?

Рост молчал, исподлобья смотря на развеселившегося Квадрата. Впрочем, веселье быстро закончилось – настроение у Квадрата менялось, как у пятилетнего малыша.

– В общем, уважаемый любитель преферанса, мне нужны деньги, – скучающим голосом сказал он. У него был такой вид, будто общество Роста ему уже порядком надоело и теперь он с огромным интересом наблюдал за плавающими в аквариуме рыбками. – И чем скорее, тем лучше.

– У меня нет такой суммы. И вы это, похоже, отлично знали, – стараясь, чтобы голос звучал уверенно, сказал Рост.

На лице Квадрата появилось страдальческое выражение.

– Сударь, что вы говорите?! А-а-ай... Да-да, такие дела... Что же вы сразу не сказали? Прежде чем сесть за стол со мной, а? – огорченно спросил он, но Рост видел, с какой яростью сверкнули его глаза. – И что вы мне предлагаете? Я не благотворительная организация, да и, при всем моем желании и уважении к вам и вашему таланту в карточной игре, я не могу себе позволить разбрасываться такими деньгами. Пожалуйста, войдите в мое положение.

Росту начинало казаться, что он бредит – со стороны все выглядело так, будто этот плюгавый знак вопроса уговаривает, и даже умоляет вернуть ему деньги.

– Мне нечего вам предложить, – сварливо ответил Рост. – Работы у меня нет, родственников за границей тоже. Даже собственной квартиры нет.

– У вас есть родственники на Украине, – как бы невзначай напомнил ему Квадрат, продолжая любоваться рыбками.

Рост дернулся, словно от пощечины, к лицу прилила краска. Как он мог об этом узнать?

– Ваша мама Галина Владимировна и сестричка Олеся. Судя по вашим словам, она очаровательна, – невозмутимо продолжал Квадрат.

– Если ты... вы попытаете приплести сюда моих родных... – зашипел Рост, борясь с искушением разорвать Квадрата на куски прямо здесь, за столом. Квадрат наконец-то оторвался от созерцания подводного мира и оценивающе взглянул на Роста.

– Ой. Помогите. Я, кажется, насрал в штаны от страха, – холодно процедил он, не сводя глаз-буравчиков с Роста. Наклонившись через стол, он приблизил свое тонкое лицо почти вплотную к Росту. – А теперь слушай сюда, щенок. Я и так потратил на такую блевотину, как ты, уйму времени, а ты только сидишь и слюни с соплями размешиваешь, как тебе херово и весь ты такой бедненький и разнесчастненький Буратино, твою мать. Ни одного дельного предложения, одни мудацкие вопросы и плач. Я даю тебе неделю. Как указано в расписке, все по правилам. В это же время, на этом месте, Ростик. Буду ждать с нетерпением.

Закончив тираду, Квадрат откинулся на стуле, и лицо его вновь приняло умиротворенно-благодостное выражение. Рост оторопело смотрел на него. Происшедшая с Квадратом перемена была настолько неожиданной, что ему даже показалось, будто с ним разговаривал другой человек.

– Смею надеяться, Ростислав, что наша встреча была бесполезной и весьма конструктивной. Полагаюсь на вашу ответственность и исполнительность, мы ведь джентльмены? – Квадрат намеренно растягивал слова, словно наслаждался звуками собственного голоса. Он стал собираться. За его тощей спиной как по команде замаячили глыбы-телохранители.

– Позвольте кое-что напомнить, Ростислав. Если в силу каких-то причин у вас возникнут

затруднения, влияющие на исполнение вашего обязательства, я буду очень признателен, если вы выйдете на связь со мной, поскольку я могу предложить вам посильную помощь в решении этой проблемы. Разумеется, не бесплатно.

Мордовороты помогли Квадрату надеть плащ. Он галантно поклонился Росту.

– Да, еще, Ростик, – уже совсем по-дружески сказал он. – Не вздумай слинять. Очень тебя прошу. Да и друг твой, как там его... Лелик-Болик... в попе колик... Пока пусть никуда не уезжает. И последнее. Береги Олесю с мамой, Ростик. Да-да, такие дела... Сам знаешь, всякое случается...

Эти слова были последней каплей. Не помня себя от захлестнувшей ярости, Рост опрокинул стол, разбив наполовину опорожненную бутылку «Боржоми» вместе с бокалом, и рванулся к Квадрату. На пути к нему моментально возник один из телохранителей, второй тут же закрыл своим телом Квадрата. Стоявший перед Ростом громила с мерзкой улыбкой ждал, затем размахнулся, намереваясь разmozжить этому вспыльчивому молодому человеку лицо. Рост нырнул под удар и ударил его правой в живот, вложив в удар всю силу. Несмотря на кажущуюся тучность здоровяка, пресс у него оказался каменным. Тем не менее он согнулся пополам, вытаращив глаза и кашляя. Следующий удар Роста пришелся в челюсть громилы, и ее хруст отозвался в мозгу Роста блаженной музыкой. С грохотом здоровяк покатился на пол, увлекая за собой еще один стол с расставленной посудой. На звон расколотых тарелок и бокалов выскочили перепуганные официанты.

Но Рост этого не видел. Перед ним мерцала только одна цель – крысиная физиономия Квадрата, в чьих маленьких глазках за толстыми стеклами очков промелькнуло что-то вроде удивления – он явно не ожидал от парня такой прыти. Правда, оставался еще второй верзила, и Рост, перепрыгнув через корчащегося на полу поверженного телохранителя, ринулся вперед. Оба его удара второй громила умело блокировал, и Рост понял, что с ним справиться будет сложнее. Пока они обменивались ударами, выискивая слабые места, Квадрат выскользнул наружу. Поняв, что он его сейчас упустит, Рост зарычал и предпринял еще одну попытку прорваться вперед, позабыв об осторожности, чем не преминул воспользоваться противник. Голова Роста взорвалась на миллиард крошечных осколков, глаза накрыл теплый занавес боли, и только перед тем, как потерять сознание, он услышал звон разбивающегося аквариума.

Возле винно-водочного магазина околачивался молодой парень крепкого телосложения с длинными волосами, затянутыми в хвост. Одет он был неброско и скромно, лицо простое и слегка наивное, на которое еще не наложили отпечаток суровые реалии повседневной жизни, в общем – обычный студент. В руках держал пакет, наполненный, судя по всему, чем-то тяжелым. На первый взгляд казалось, что юноша бесцельно слоняется у магазина, пытаясь если не «стрельнуть» денег на пиво, то уж прикурить точно. Однако если приглядеться повнимательней, то можно было заметить, что он кого-то выискивает. Через какое-то время он встрепенулся – к магазину мелкими шажками ковылял бомж. На нем были ветхие брюки, в прорехах которых лохматилась бахрома, и женская куртка-«ветровка» в подозрительных коричнево-желтых пятнах. Порванная «молния» вяло болталась на веревочке. Подойдя к витрине магазина, бомж с восхищением уставился на ассортимент за стеклом, крикая и цокая языком.

– Эй, братан! Да-да, это я тебе! – крикнул студент бомжу. Тот повернулся. – Ты вот что. Выпить хочешь? – юноша заговорщически подмигнул бездомному.

– Выпить? – протянул бомж, с опаской поглядывая на юношу. По его мнению, людям его круга выпить на улице мог предложить только полный псих. – А кто ж не хочет? Тока где денежки взять-то? – уныло спросил он. Словно в доказательство своих слов, бомж полез в карманы с явным намерением вывернуть их наизнанку, но юноша его остановил.

– Я угощаю, – улыбнулся студент. Улыбка была холодной, даже жесткой, но бродяга совершенно не обратил на это внимания. На его лице, которое представляло собой расплывшийся блин с фингалами под глазами, отразилось изумление. Затем рот разъехался в глуповатой улыбке – как это, разве такое бывает? Выпить, да еще на халяву?!

– Меня моя баба бросила, – доверительно продолжал студент, – настроение хреновое, вот, хочу развеяться, а выпить не с кем. Будешь? – Он поднес к носу клошара пакет и раскрыл его, чтобы развеять последние сомнения.

– А запивка есть? – осторожно поинтересовался бомж и, когда этот странный юноша кивнул, расслабленно выдохнул.

– Надо бы и закуси взять, – осмелел он. Студент пожал плечами и полез в карман. – На, возьми, что нужно. – Он протянул сторублевую купюру. Бомж жадно схватил хрустящую бумажку.

– Че, кильку будешь, земляк? Можно хлеб, паштет взять, – тон бомжа приобрел деловой оттенок. Он погрузился в глубокие раздумья, очевидно производя сложные арифметические действия. – Ща, я быстро, – он засеменил в гастроном.

– Только вдвоем скучно, – сказал ему студент, когда бомж вышел из магазина с белым пакетом, так непривычно выделявшимся на фоне его бесцветного серого тряпья. – Ты давай братву собери, погудим!

Бомж задумался, беззвучно шевеля губами в запекшейся корке, будто сомневаясь в нормальности студента. Тут всего три бутылки, а он собрался еще кого-то звать?! Пока он прикидывал, что к чему, студент выложил козырный туз:

– Ты, отец, не переживай, тебе хватит. У меня лавандоса много, если что – пошлем гонца за пузырем. Ну так что, зовешь братков?

Бомж испустил глубокий вздох. Что поделать, сейчас музыку заказывает не он.

– Кому надо, тот сам придет, – философски заметил он, и они направились к зеленеющей на отшибе лесополосе.

Спустя какое-то время студент понял, что те, «кому надо», не заставили себя ждать –

завидев Вадика (так звали бомжа), важно шествующего с водкой и закуской, некоторые из них заискивающе ловили его надменные взгляды и, получив милостивое разрешение, выразившееся в едва заметном кивке головы, с готовностью присоединялись к процессии. При этом физиономии присоединившихся бомжей менялись, как по взмаху волшебной палочки, – из туповато-унылых они превращались в загадочно-снисходительные, словно они каким-то образом перешли в касту избранных.

Несколько минут вереница бомжей во главе с Вадиком шла какими-то замысловатыми партизанскими тропками. Они миновали овраг, лесополосу, огромный ржавый контейнер с гниющими помоями и оказались у полуразвалившихся гаражей. К тому времени «паровоз» уже насчитывал шесть особей мужского пола. Если бы они были внимательными, то обратили бы внимание, что за ними кто-то следил. Но все внимание бездомных сосредоточилось на двух белоснежных пакетах в руках Вадика, один из которых подозрительно позвякивал, и это сладкое позвякивание вызывало у них неподдельный восторг, проникая в давно немые уши и лаская слух.

– Ну вот. Стало быть, пришли. Прошу в президентские апартаменты, – «пошутил» Вадик. – Как говорится, у нас как в Париже – только дома пониже и асфальт пожиже.

Он пригласил студента располагаться. Собственно, приземлиться было негде – вокруг была такая грязища, что неделю не убираемый свинарник показался бы номером люкс по сравнению с этим гадюшником. Центром всего было кострище, в котором валялись потемневшие от копоти консервные банки и почерневшая расплавленная пластмасса, вокруг в беспорядке раскиданы доски и обугленные бревна, а также остатки стульев. Единственное, на что можно было сесть – древнее рассохшееся кресло с перемотанными проволокой и изоляцией ножками, драная обшивка которого лоснилась от какой-то пролитой дряни. Едко пахло мочой, повсюду разбросаны битые бутылки, мятые алюминиевые банки, картонные коробки, пластиковые стаканчики, горы окурков, пакетики из-под «Доширака», полусгоревшие газеты и прочий мусор, и все это вперемешку с экскрементами, человеческого или животного происхождения, – студент не знал, да и не хотел знать. Осторожно поставив водку на более или менее чистое место, он постелил пакет на кресло, намереваясь сесть.

Увидев это, Вадик насупился, затем махнул рукой с видом: «Эх, знай мою доброту!»

Перехватив его взгляд, юноша понял, что «трон», куда он уселся, очевидно, был седалищем Вадика и он удостоен великой чести занять это почетное место. Бомжи привычно расселись кто куда, словно за каждым было закреплено определенное место, как по билетам в кинотеатре.

Не успели они открыть первую бутылку, как стали прибывать «опоздавшие». Точно акулы, учуяв запах крови, бомжи вылезали один за другим, подходили к Вадiku, последний что-то важно объяснял, после чего они выбирали себе место у кострища, причем каждый норовил сесть поближе к заветным бутылкам.

Пиршество началось. Бутылка водки пошла по кругу и закончилась, не пройдя и второго круга. Почти все пили из горла, причем никто не морщился, будто глотали они квас или лимонад. Вадик строго следил за тем, чтобы все пили одинаково, и вырывал драгоценную бутылку с не менее драгоценным содержимым, если кто-то из «гостей» чересчур увлекался.

– Ну, как тебе у нас, студент? – с деланным участием спросил у длинноволосого юноши Вадик.

– Нормально. Только грязновато, – ответил тот.

– Да ладно тебе. Грязь не сало, ее потер – она отпала, – проговорил бомж, усердно ковыряясь в носу.

– Все, что меньше пяти сантиметров, не грязь. А что больше – само отвалится, – прибавил другой бомж.

– Грязь ладно. А почему вонь такая стоит? Вы что, ничего не чувствуете? – сдержанно спросил студент, изо всех сил стараясь дышать не носом, а ртом. Вадик с тупой сосредоточенностью стал принюхиваться, раздувая не слишком чистые ноздри, и, очевидно не уловив в окружающем воздухе ничего противоестественного, беспечно ответил:

– Воняет только п...да и селедка, студент. Все остальное пахнет.

Бомжи засмеялись, и гулянка продолжалась.

Когда выпили половину второй бутылки, Вадик с молчаливым упреком посмотрел на студента, мол, я же говорил, а ты: «Братву собери...» Но студент не растерялся, и, подозревая к себе Вадика, поинтересовался вполголоса, кого он может порекомендовать как самого надежного гонца за добавкой, выделив для этой цели еще триста рублей. Важно надув впалые щеки, бомж отправил за водкой какого-то замухрышку совсем уж неопределенного пола и возраста.

– Зачем ты его одного отпустил? – спросил студент. – Его сейчас у ларьков ваши конкуренты мигом «срисуют».

Вадик отрицательно покачал головой:

– Хвостика не срисуют. Он сам кого хошь срисует, и бегают быстро.

Затем назидательно добавил:

– А одного отправил потому, как вдвоем нельзя – нажраться могут. Вот. И вообще, нужно сразу было больше пузырей брать.

Бомжи без особого интереса перекидывались нечленораздельными, только одним им понятными фразами вперемежку с отборным матом. После второй распитой бутылки они немного оживились. К тому времени подоспела свежая артиллерия, причем вместе с замызганным гонцом по кличке Хвостик появились невесты откуда взявшиеся две девицы.

Одна из них уже была подшофе и практически висела на подруге. Видок у обеих был еще тот – которая потрезвей, была одета в засаленный джинсовый комбинезон, грязный до такой степени, что блестел в лучах заходящего солнца, на ногах – старые шлепанцы и рваные носки, которые когда-то были голубыми, из дырок выглядывали пальцы с черными ногтями. Слипшиеся волосы мочалкой висели вокруг землистого цвета лица. На второй, судорожно вцепившейся в подругу, была заблеванная юбка и рваная блузка без единой пуговицы, лихо скрепленная в самых интересных местах ржавыми булавками. Сквозь блузку просвечивал лифчик в желтых пятнах. На ногах – кроссовки, причем обе на правую ногу, одна из них была перемотана скотчем, отлепившиеся концы которого болтались за хозяйкой.

– Оп-паньки, – возбужденно заелозили бомжи, неизвестно чему обрадовавшись – новой порции подогрева или обществу прибывших дам.

Студент снисходительно наблюдал за попойкой, куря сигарету за сигаретой. Изредка он с озабоченным видом поглядывал на часы, будто куда-то спешил. Сам он почти не пил – только слегка пригубил из смятого пластмассового стаканчика, который ему торжественно вручил Вадик.

– Леноч, – басом представилась студенту девица, та, которая была трезвее. Она попыталась бесцеремонно усестись к нему на колени, но тот быстро вскочил, уступая ей место, сказав при этом:

– Очень рад, присаживайтесь.

У Ленка округлились глаза, будто ей ненавязчиво предложили слетать сегодня на Марс. На ее опухшем лице появилось что-то отдаленно напоминающее мыслительный процесс, осознание того, что когда-то подобные слова для нее не были редкостью. Она неторопливо опустилась на «трон», стараясь выглядеть как можно грациозней.

– Сигарету? – предложил между тем загадочный молодой человек.

Кокетливо хихикнув, Ленок приняла сигарету и закурила, тем не менее, слегка смутившись. В это время мамзель, что до недавнего времени болталась на плечах Ленка, подала хриплый голос:

– Эта, слышь... Ленок! Я все Петьке расскажу, стерва. Вишь, клеится к какому-то... какому-то... – так и не найдя подходящего определения, она рывкнула: – Слышь меня, Ленок?!

– Светик, все нормалюшечки, – не обращая на нее внимания, отвечала Ленок, не сводя многообещающего взгляда со студента.

– Смотри. Петька те враз пистон промеж ляжек засадит, из жопы искры полетят. Будешь как Гастелло, ха-ха!

Произнеся эту обличающую и грозную фразу, Светик плюхнулась на колени к какому-то заросшему до состояния Робинзона Крузо бродяге с надетой сикось-накось вязаной шапочкой в репейниках. Студент обратил внимание, что борода Робинзона колышется, и сначала списал все на ветер, но лишь потом с омерзением понял, что вся растительность на роже бомжа кишит вшами.

Откуда-то появилась раздолбанная балалайка.

– Ты кто? – игриво спросила Ленок у студента, докуривая сигарету. Табака почти не осталось, но она все равно сделала несколько затяжек, не без удовольствия вдыхая дым горелого фильтра. – Я тебя раньше не видала.

Студент засмеялся, смех был сухой и бесцветный, как перекасти-поле.

– Так я тебя тоже раньше не видел, прелесть. Откуда такие красавицы берутся?

Ленок пьяно уставилась на юношу, пытаясь определить, не шутит ли ее собеседник. Будь она внимательнее, то заметила бы, что студент бегло осмотрел всех присутствующих, беззвучно шевеля губами, словно пересчитывая их в уме.

– Такие, как я, уже закончились, – решила блеснуть своим остроумием Ленок. – Ты сегодня с нами останешься? – В это время подошла ее очередь, и Ленок привычно схватила полупустую бутылку «Завалинки». С вожделением глядя на плескавшуюся жидкость, она запрокинула посудину, сделав несколько жадных глотков. Затем вытерла рот и протянула бутылку юноше. – Ну так че, останешься?

– С тобой – хоть на край света, – серьезно ответил студент.

– Ну, на край света не надо, – произнесла Ленок и протянула студенту бутылку, предлагая «бухануть» с ней на брудершафт за их «случайное, но очень приятное знакомство». Но тот вежливо отказался и, достав мобильный телефон, стал щелкать кнопками. Несколько бомжей многозначительно переглянулись.

– Где у вас тут отлить можно? – убирая мобильник в карман, спросил студент у Вадика, и все загоготали.

– А везде, мил человек, – растянул в улыбке потрескавшиеся губы бомж и пропел:

Я гляжу в унитаз, хохоча,
У меня голубая моча!
И х... у меня голубой!
И ваще, я доволен собо-о-о-ой!

Понятливо кивнув, студент отошел за гараж. На самом деле он не думал облегчаться. Обойдя осторожно гараж с другой стороны, он почти вплотную шагнул к веселящимся бомжам. Плотные заросли скрывали его от посторонних глаз, и он услышал интересный диалог. Один

голос принадлежал Вадиду, другой – незнакомому бомжу с простуженным голосом.

– Слышь, Вадя, нужно еще пузырь взять. Или два.

– Ща студент поссыт, я у него денег стрельну.

– А скоко у него осталось?

– Х... его знает. Я к нему в карманы не смотрел.

– А надо было... Телефон его видел, а?

– Ну.

– Может, это... того его? А, Вадя? И в карманы тогда можно спокойно глядеть, – довольный своей мрачной шуткой, «простуженный» захрюкал, что, по всей видимости, означало смех.

Вадик шумно засопел, скребя затылок. Студент, стоявший в кустах, который на самом деле был не кто иной, как Алекс, понимающе улыбнулся, будто он ждал именно этого разговора. «Вот оно, гнилое нутро обездоленных, несчастных и измученных „Нарзаном“, мать их ети. Не только сраные снаружи, да и внутри все гнилые, эти бомжи. Правильно все-таки мы решили с Гюрзой. Им добро делаешь, а они, понимаешь, „того его“... Да-а...»

– Ты скажи, что, типа, поговорить надо. А мы с Митяем сзади будем. А? – вполголоса продолжал подстрекать Вадика «простуженный», и Алексу приходилось напрягать слух, чтобы не пропустить ни слова.

Вадик все еще думал, кряхтя, дилемма казалась ему неразрешимой. В конечном итоге алкогольные пары и настойчивые уговоры друга возымели действие, и судьба «студента» была решена.

– Нема базару. Тока нужно валить сразу.

Алекс чуть не присвистнул.

– Давай, Вадя, – заторопил «простуженный», с такой легкостью задумавший ограбить, а затем убить Алекса. – Че-то он там долго ссыт.

– Да не, срет, наверно, – сплюнул Вадик и, отдуваясь, поднялся с бревна.

Алекс поспешил обойти гараж и вернуться на свое место, делая вид, что застегивает ширинку.

– О, студент, – воскликнул Вадик, изобразив на опухшем лице фальшивую радость. – Пойдем, пошептаться нужно.

– Ща, Вадя, – с расстановкой сказал Алекс. – Только спою вам одну оперу. Дай-ка свои гусли-самогуды, – обратился он к бомжу с балалайкой.

Все притихли. Алекс взял балалайку в руки. Поморщился, почувствовав ее липкую поверхность. Он положил ногу на ногу, и, перехватив влюбленный взгляд вконец окосевшей Ленки, беспорядочно затренькал дребезжащими струнами и неожиданно завопил во весь голос, нарочно картавя:

Лазлесьте вас потесить,

И частуски вам плопеть!!!

Лазлесьте для натяла

На х... валенок надеть!!!

Бомжовская братия разразилась громогласным хохотом. Захмелевшая Ленок глупо попискивала, деликатно прикрывая рот рукой, то ли из приличия, потому что так поступают все воспитанные дамы, то ли пытаясь скрыть недостающие зубы. Ее вдрызг пьяная подруга Светик уже была не в состоянии что-либо говорить и с возбуждением издавала какие-то повизгивающие звуки, медленно сползая с Робинзона на загаженные картонные коробки.

– Студент, а как тебя зовут-то? – не очень уверенно спросил Вадик. – Пьем, веселимся, а как звать-то и не знаем...

Что-то в поведении студента бомжу не понравилось. Если бы он задрал голову, то увидел, как на крыше гаража бесшумно возникла человеческая фигура.

– Зовут меня... – Алекс выдержал паузу. Он видел, как за спинами бездомных заколыхались кусты и на полянку вышли трое – Мика, Нелли и Жуля. – Зовут меня Хирург.

Он отдал назад балалайку, стараясь при этом не коснуться бомжа с исцарапанным носом. После этого вытащил из кармана пару резиновых перчаток и стал натягивать их на руки, аккуратно расправляя складочки на каждом пальце. Он делал это медленно, со вкусом, и все бомжи завороченно пялились на эту процедуру.

– Дурацкое имя, таких не бывает, – икнула Ленок, не подозревая, что ей оставалось жить несколько секунд.

– Почему же не бывает? – возразил Алекс. – Чем, к примеру, Хирург хуже Ленка?

– Ладно, уже не смешно. А перчатки зачем? Стирать собрался?

Качнувшись вперед, Ленок высморкалась прямо на землю, вытерла нос и оперлась измазанной соплями рукой в колено Алекса. На его лице мелькнула тень отвращения, однако ногу он не убрал.

– Пока не смешно, – согласился Алекс. – Зато сейчас будет ой как смешно. Обдрищетесь от смеха, гарантирую.

Он снова полез во внутренний карман. Ленок решила, что теперь самое время облегчиться и ей, но не успела она привстать, как неожиданно ее бок пронзила жуткая боль. Ноги подломились, и она медленно опустилась на колени, обхватив Алекса, будто прося его о помощи. Тускнеющий взгляд выхватил изогнутый нож, измазанный кровью.

– Сдохни, падаль, – нежно произнес Алекс, косо вонзая нож в чумазую шею девушки. Брызнула тугая струя крови, черная в начинающих сгущаться сумерках. Из рассеченной артерии послышались булькающие звуки. Алекс распустил свои длинные волосы.

Пока бомжи в оцепенении глазели на свою умирающую подругу, вышедшая из кустов троица рассредоточилась. С гаража прыгнул Гюрза. Руки в «рабочих» перчатках, шипы зловеще поблескивали, как миниатюрные лампочки на новогодней елке.

Когда Ленок перестала булькать, Алекс развернулся к застывшему Вадик. Поискал глазами «простуженного». С хищно выставленным ножом и распущенными волосами он был страшен.

– Ну что, крыса помоечная? Кого ты валить собрался? А, Вадя? Такая ваша благодарность, блядь? И где тут Митяй? – закричал Алекс, входя в раж. – Я ему тоже яйца отрежу! Где Митяй, мамку вашу туда и обратно?

Наконец началось какое-то движение. До бомжей стала доходить страшная правда, что веселье закончилось и эти ужасные молодые парни с девкой пришли сюда не поболтать, не выпить и даже не облегчиться, они пришли убивать их, убивать жестоко и мучительно. Те, кто был помоложе, стали подниматься на ноги с глухим ворчанием, ища глазами пути отступления.

Гюрза с усмешкой смотрел на серую кучку бездомных. Двенадцать рыл, плюс пьяная в жопу мокрощелка с плоской сиськой, храпящая на заплеванной коробке.

Вадик пятился назад, испуганно глядя на наступавшего Алекса, затем неожиданно подхватил с земли пустую бутылку и запустил ею в юношу. Тот увернулся, но неудачно – доньшко все же задело плечо.

– Ну, Вадя... – рассвирепел Алекс. В два прыжка он нагнал бомжа и молниеносно всадил ему нож в грудь. Затем еще раз. И еще. Захрипев, тот навалился на Алекса, дрожащими руками пытаясь достать до горла.

– С-сука, студент, – плюясь кровью, выговорил он. Алекс с легкостью отшвырнул от себя

умирающего бомжа и бросился к следующему.

Гюрза уже дрался с двумя бродягами. Одного он уложил сразу, сорвав своими перчатками ему почти все лицо, как кожуру с мандарина, второй отбивался здоровенным обуглившимся бревном. Бомж вертел им, как заправский викинг боевым топором, и постепенно вытеснил Гюрзу к самому оврагу. Пока он размахивался в очередной раз, Гюрза сорвал с щиколотки подводный нож и, пригнувшись к земле, прыгнул на бомжа, погрузив лезвие ему в пах. Бревно выпало из ослабевших рук, задев по спине Гюрзу, но тот уже мчался к другому.

Кто-то закричал. Кто-то смачно матерился. Трое бомжей, в числе которых был Хвостик, ринулись за гаражи. Жуля со зверской физиономией взмахнул бейсбольной битой и рванул за ними. Несмотря на уверения Вадика о том, что Хвостик быстро бегают, в этот раз он был явно не в форме. Удар битой сшиб его с ног, и тот упал Жуле под ноги. Еще два удара по голове, и Хвостик затих. Оставалось еще двое. «Хорошо, что Гюрзе пришлось в голову напоить эту рвань, – подумал Жуля, – они и так бегать-то не могут, а уж пьяные и подавно...»

Впереди был глубокий овраг, и бомжи остановились. В страхе глядя на приближающегося Жулю, прячась друг за друга, они затравленно глядели на него.

Нелли тоже гналась за двумя бомжами. Один упал, но продолжал ползти, издавая какие-то клопочущие звуки. Когда Нелли настигла его, он упал ей в ноги и вцепился зубами в голень. Девушка взвизгнула, но нож из рук не выпустила. Они кричали оба – Нелли от боли и неожиданности, а бомж от страха, при этом ожесточенно трясая головой, как собака, явно намереваясь если уж не откусить ей ногу, то хотя бы вырвать кусок мяса. Наконец Нелли несколько раз подряд всадила ему в спину нож, и бомж засучил ногами. Повернувшись на бок, он, не разжимая зубов, испустил дух. Не удержавшись, Нелли упала. Нога, которую не выпускал из своей пасти бродяга, пульсировала болью, словно в ней застрял рыболовный крюк.

– Алекс! – закричала она. Девушка испугалась – а вдруг этот бездомный заразный. – Алекс, помоги!

Через мгновение появился Алекс – он несясь сквозь кусты, как бешеный леопард. Однако он ни на секунду не остановился возле своей любимой, а бросился догонять второго бродягу. Если он уйдет, будут серьезные проблемы, а Нелли он поможет позже.

Видя, что от безумного молодого человека не уйти, бомж повернулся. Гневно раздувая ноздри, он выудил из недр своего тряпья оружие – кусок ржавой арматуры. Алекс увидел это. Не решаясь драться с клошаром в ближнем бою, он прибавил скорости и, подпрыгнув, ударил его ногой. Тот покатился в кусты, хлюпая развороченным носом, железный прут отлетел в траву. Алекс коршуном кинулся к нему и, присев над смердящим телом, перерезал ему горло, отскочив, чтобы на одежду не попала кровь. Только после этого он направился к Нелли.

Жуля дрался у оврага с двумя. Одному он мощным ударом биты перебил ногу, и тот, подвывая, сполз вниз в кусты, второй, еще сравнительно молодой, бомж довольно умело уворачивался, избегая ударов. Внезапно он сунул руку в поношенный пиджак и что-то кинул в лицо Жули.

– А-а-а-х, ты тварь! – заорал Жуля, хватаясь за глаза, которые вдруг вспыхнули огнем, их нещадно защипало, словно в них прыснули керосином. Перец!

Перед глазами все плыло, он чихнул. Тем не менее в багровом тумане Жуля разглядел, как бомж с ехидной ухмылкой поднял с земли длинный осколок стекла, издали напоминающий хрустальный стилет, и стал приближаться. Его не смущало, что стекло он держит голой рукой и при ударе наверняка сам серьезно поранится.

Продолжая ругаться, Жуля отмахивался битой, другой рукой вытирая катящиеся градом едкие слезы. В какой-то момент он зазевался, и бомж вонзил осколок ему в щеку. Словно испугавшись, что он наделал, бомж растерянно шагнул назад, облизывая раненую ладонь.

Теплая кровь быстро наполнила рот, Жуля языком чувствовал покрытый песком кусок стекла, и ему стало страшно. Собственно, страх придал ему дополнительные силы, и Жуля покрепче ухватился за битую. Первый удар отбросил бродягу назад, второй сшиб с ног. Жуля осторожно вытащил импровизированный «клинок» из разорванной щеки и подошел к стонущему бомжу.

– Что, мразь, – прорычал он, капая на него своей кровью. – Крутой, да?

Бездомный умер после второго удара, но обезумевший от ненависти Жуля продолжал колотить труп, пока лицо бомжа не превратилось в кровавый блин, а череп не развалился, как гнилая тыква. Затем подошел к тому, которому раздробил битой ногу, и двумя ударами покончил с ним.

Мика и Гюрза добивали оставшихся четверых. Они уже не пытались убежать, принимая смерть как неизбежность, и дрались, кто как мог. Мика орудовал велосипедной цепью, и один из них уже корчился на земле, зажимая руками разодранное лицо. Второго Гюрза достал ножом и собрался атаковать третьего, «простуженного», как откуда-то выпрыгнул Алекс, держа в руках подобранный где-то гнутый лом. Защититься у бродяги шансов не было, он просто бессвязно матерился, обреченно закрыв лицо руками. Лом вошел ему в грудь, повалив на кресло, на котором несколько минут назад сидел Алекс. Кресло с треском развалилось, подняв облачко трухи и пыли. Бомж задергал конечностями, и Алекс ударил еще два раза. Когда «простуженный» был уже мертв, Алекс плюнул на труп.

– Он похож на засушенного жука. Моя сестра в детстве их коллекционировала, – тяжело дыша, сказал он.

Мика расправился с последним бродягой и теперь вытирал цепь травой.

– Что там с Нелли? – отрывисто спросил Гюрза, оглядывая поле битвы.

– Да хер один цапнул за ногу. Пошли, поможешь. – Алекс повертел нож между пальцами.

– А Жуля где?

– Тута, – отозвался юноша, выходя из-за гаражей. Глаза все еще отчаянно щипало, и он беспомощно мотал головой. Гюрза увидел его окровавленное лицо и нахмурился.

– Сильно зацепило? – спросил он, но Жуля махнул рукой.

– Придется зашивать, – сказал Гюрза, рассматривая рану. На его лице появилось недовольство. – Тьфу, черт!

– Гюрза, давай быстрее к Нелли. Закончим и сваливаем, – поторопил Алекс.

Нелли сидела, привалившись к чахламу кустику. На ее лице застыло деревянное выражение, совершенно лишенное эмоций. Убитый ею бомж так и не разжал челюстей, глаза его закатились, выпятив непомерно большие белки, веки посинели.

Через несколько минут Алекс и Гюрза, используя нож в качестве домкрата, освободили девушку. Она задрала штанину, и все увидели красный полукруг на голени, оставленный зубами бомжа. Кожа вокруг укуса припухла.

– Ты слышишь меня? Ау, солнце! – Гюрза затормошил девушку, но она вяло вырвалась.

– Отвали, Гюрза... Меня и так тошнит, а тут ты еще трясешь...

– Значит, пришла в себя, – с удовлетворением в голосе вымолвил молодой человек. – Ладно. Посмотрим, что там у нас. – Гюрза наклонился над ногой Нелли и внимательно осмотрел ранку. – Крови нет, просто сильно сдавлена кожа. Тебе повезло. – Он поднялся на ноги. – Нужно запалить костер.

– На хера? – еле ворочая языком, спросил Жуля. Щека сильно болела, кровь никак не останавливалась, продолжая сочиться по подбородку и шее. – Шашлычка из бомжатины захотел, Гюрза?

– Слишком ты следов много оставил, тупица, – сказал Гюрза, указывая на заляпанную

кровью одежду Жули. – Здесь нужно все сжечь.

– А что с этой? – спросил Жуля, показав на валяющуюся пьяную девицу, которая уснула перед самым представлением. Гюрза мысленно позавидовал крепости ее сна.

– То же, что и с другими, – бросил Алекс. – Уважаемые коллеги, разве вы не видите, что здесь целая эпидемия? Необходимы кардинальные меры и...

– Заткнись, – оборвал его Гюрза. Он размышлял. Она спала все время и вряд ли что-нибудь вспомнит. Может, оставить ее в живых?

Пока он раздумывал, Мика подошел к ней и, перевернув на спину, молча всадил ей нож в сердце. Та даже не дернулась, лишь слегка вытянулся носок одной ноги.

Лицо Гюрзы потемнело.

– Какого черта, Мика? – негромко спросил он. – Я что, давал команду?

– Гюрза, остынь, – сказал Алекс, чистя нож извлеченной из кармана салфеткой. Он все еще злился на Гюрзу, но старался не показывать виду. Убедившись, что лезвие засияло, он бережно убрал нож. – Эта пьянь меня видела и могла запомнить. И вообще, что это – «давал команду»... С каких это пор ты у нас главный?

– Мика, ты не ответил на мой вопрос. – Гюрза не сводил взгляда с Мики.

– Расслабься, Гюрза, – процедил он. – Тут кто-то недавно базарил про безопасность, так что не парься.

«Он становится неконтролируемым. Неконтролируемым и опасным», – мелькнула у Гюрзы мысль. Некоторое время молодые люди смотрели друг на друга, затем Гюрза проговорил сквозь зубы:

– О'кей. Разжигайте!

Через два часа они сидели у Гюрзы. Все, кроме Жули – Алекс созвонился со знакомым, отец которого работал в частной клинике в Красногорске, и Жулю отправили зашивать щеку, для чего Гюрза вызвал такси. Он дал Жуле свою куртку и джинсы, а его заляпанную кровью одежду завернул в несколько целлофановых пакетов и выбросил в мусорный контейнер. Пока Мика с Алексом ходили за выпивкой, Гюрза еще раз осмотрел ногу Нелли. Она тщательно промыла кровоподтек, но Гюрза на всякий случай решил наложить на место укуса компресс.

– Ты все еще злишься на меня? – мягко спросил он.

– Видишь ли, Юра, – проговорила девушка, задумчиво глядя в окно. – Почти всегда ты оказываешься прав. Но иногда я тебя просто ненавижу. – Она встретилась глазами с Гюрзой и, не выдержав пронизывающего взгляда юноши, отвела глаза. – Ты уж извини, но я с тобой откровенна.

Гюрза улыбнулся.

– Тебе это приятно слышать? Что временами я тебя ненавижу? – спросила Нелли.

– Нет. Просто ты первый раз меня назвала по имени. Зачастую я сам забываю, как меня зовут.

Нелли уловила появившуюся в голосе молодого человека тоску.

Мика с Алексом тем временем маялись в очереди к кассе. Они взяли вино для Нелли, бутылку водки «Русский стандарт», сок для Гюрзы, ветчины, семги и пару салатов. Мика прихватил еще две банки пива.

– Наверное, я должен сказать тебе спасибо. Если бы не ты, мы точно с Гюрзой сцепились бы, – сказал Алекс. Его смущало перманентное молчание Мики, и иногда он подумывал, не с «приветом» ли он вообще. К его удивлению, Мика не оставил его реплику без ответа:

– Гюрза все верно делает. Ты зря ему предьявы кидаешь.

– «Верно делает»... – пробурчал Алекс. – Еще раз вы... нется, я его прямо на месте закопаю.

– Вряд ли, – не согласился Мика. – Гюрза крепкий орех. Хочешь честно? Я сейчас почти жалею, что выписал рецепт бомжихе, той, что дрыхла на коробках.

– Что так?

Мика замолчал, и Алекс уже подумал, что он свое на сегодня «отговорил», однако он все же нехотя, словно через силу, выдавил:

– Не знаю. Будто кто-то управлял мною. Знаешь, как в этих игрушках компьютерных?

Алекс решил промолчать, тем более подошла их очередь к кассе.

Пожар не смог скрыть следов преступления.

Страшная трагедия произошла вечером 8 мая на севере столицы в районе Алтуфьево. После тушения пожара в заброшенном гараже было обнаружено 13 трупов! По предварительным данным, все потерпевшие являлись лицами без определенного места жительства. Версия правоохранительных органов первоначально сводилась к банальной пьянке, после которой и разгорелся пожар. Однако более тщательный осмотр однозначно подтвердил, что смерть бедолаг, кстати, среди которых было две женщины, наступила незадолго до поджога. Несчастных буквально искромсали ножами, а лица некоторых были обезображены до неузнаваемости! Очевидно, злоумышленники использовали также палки или бейсбольные биты. Примечательно, что жители близлежащих домов хотя и слышали отдаленные крики, не придали этому значения, так как шумные компании и гулянки в этих местах – обычное явление, а заброшенные гаражи в летнее время всегда были излюбленным местом для бомжей. Прокуратурой округа возбуждено уголовное дело по факту убийства двух и более лиц. Теперь пинкертонам предстоит выяснить, кто же учинил столь жестокую расправу над бомжами. По неофициальной версии, драка могла произойти между такими же бродягами, не поделившими территорию с потерпевшими. В настоящее время идет установление личностей погибших...»

Жуля позвонил на следующий день. Операция прошла нормально, и швы скоро можно было снимать. Жуля настоятельно просил, чтобы их сняли как можно быстрее, так как с защитой щекой не очень удобно есть (а пить уж подавно!). Правда, его предупредили, что шрам все-таки останется, но Жуля мало обращал внимания на такую ерунду. Глаза целы, зубы целы – и то хорошо. В связи с вышеперечисленными факторами, пояснил Жуля, его визит в отдел кадров ЧОПа откладывался на неопределенное время, о чем он с чистой совестью и доложил Гюрзе. Однако тот уже принял для себя решение не лезть в личные дела друга детства и только сухо бросил, что Жуля волен поступать, как ему вздумается. Жуля с чувством выполненного долга попрощался и на вопрос, чем он собирается заняться, уклончиво ответил, что у него «кое-какие» дела. Собственно, Гюрза мог и не спрашивать – все дела Жули, за исключением акций, – керосинить на лавочке во дворе с дружбанами-забуддыгами, коим Жуля уже потихоньку, сам того не замечая, становился.

В понедельник Юра проснулся в полшестого утра. Настроение было отвратительное, если не сказать больше. Его снова глодала странная, необъяснимая тоска. Кляксич, видя дурное расположение духа своего хозяина, благоразумно ретировался на лоджию, где улегся на шкафчик и смотрел на проезжавшие машины.

Юра принял душ, вылив на себя почти полбутылки шампуня, после чего долго и с остервенением тер себя грубой мочалкой, пока тело не стало красным, как вареный рак.

На семинаре он схватил пару (впервые!) за то, что не ответил на вопрос о сущности политических учений Томаса Гоббса. Откровенно говоря, чихать хотел Юра на этого, пусть и высокоуважаемого, Томаса Гоббса вместе с его политическими учениями, и в общем-то чихать на весь университет. Поскорее бы диплом получить и свалить на фиг из России.

Преподаватель, высокая тощая женщина бальзаковского возраста, Ангелина Борисовна, с кислым взглядом и длинным носом, почему-то всегда ассоциировалась у Юры с высохшей воблой. Она была строга, но объективна и справедлива, даже дочке замдекана, учившейся в их группе, она не делала никаких поблажек. И тем не менее «банан» Юре она ставила с нескрываемой неохотой, поскольку этот молодой человек был ей симпатичен, но нарушать принципы, тем более при всех студентах, она не хотела.

Юра вполуха слушал монотонный голос кого-то из отвечавших, что-то машинально рисуя на парте. Он не мог понять причины своего настроения, его раздражало буквально все. А после лекций – тренировка. Юноша знал, что на занятиях большое значение имеет психологически положительный настрой, иначе толку от этой тренировки никакой. В памяти всплывали события 8 мая, и Юра внезапно открыл для себя, что думает об этом с удовольствием. Даже со вкусом, словно наслаждаясь каждым просмотренным в замедленном действии кадром.

– Тягушев! – нараспев повторила Ангелина Борисовна. Она с недоумением смотрела на Юру. Звонок уже прозвенел две минуты назад, и в аудитории остались он и преподаватель. – Ты что, уснул?

– Нет, извините, – пробормотал Юра, собирая тетради в сумку.

– Ты сегодня не блистал знаниями. Что произошло?

– Все в порядке, Ангелина Борисовна. Исправлюсь, – коротко сказал Юра. Преподаватель пожала плечами и вышла из аудитории.

Перед тем как уйти, Юра бросил взгляд на свое творение и плотно сжал губы. Пока он плавал в океане воспоминаний, рука жила самостоятельной жизнью и изобразила на парте

огромную виселицу.

Тренировка прошла еще хуже, чем семинары. Из головы не выходила последняя акция и не давала ему покоя. Более того, это пугало его.

«Ты стал наркоманом, – шипел внутренний голос. – Думал, побалуешься, ребятки, и вам все это с рук сойдет? Нет уж. За все платить нужно... Тебя скоро и бабы перестанут возбуждать...»

Начались спарринги. Против него вышел Сергей – высокий, почти на голову выше Юры молодой парень, немного превосходящий его как по весовой категории, так и по технике. Во всяком случае, ни одной победы над ним Юра еще не одерживал.

Начался бой. Юра вел поединок вяло, никакого желания работать не было. Практически в первую же минуту он пропустил два удара, упав на колени, затем в его мозгу что-то щелкнуло. Как переключатель на тумблере. Юра медленно поднялся на ноги и посмотрел на соперника. Лицо Сергея выражало участие с некоторой долей тревоги, и именно эта искорка произвела настоящий взрыв внутри молодого человека. Он слизнул каплю крови, выступившую из разбитой губы, чувствуя, как его охватывает прямо-таки нечеловеческая злоба. Сергей это понял по его потемневшим глазам, но было уже поздно. Один удар попал ему в скулу, затем в живот ногой, и когда Сергей согнулся пополам, Юра ударил его кулаками по ушам. Задышавшись, Сергей упал на татами, из одного уха тоненькой струйкой вытекала кровь. Юра молча стоял, тяжело дыша, и смотрел на валяющегося соперника, который, размазывая кровь по лицу, силился подняться на ноги.

«Первая победа. Поздравляю, Гюрза!»

Гневный окрик Владислава вернул Юру к действительности. Щелк! Переключатель вернулся на место. Будто какая-то туманная завеса упала с век, и он с удивлением разглядывал окружающих. Со стороны могло показаться, что он вообще не понимает, кто он и как здесь очутился.

– Вон, – тихо приказал тренер Юре, но в голосе проскальзывали угрожающие нотки. – На сегодня ты отзанимался.

Юра перевел взгляд на Влада. Вытер с губы кровь и, молча поклонившись, в полнейшей тишине направился к раздевалке.

Влад покачал головой. Ему не понравился блеск в глазах Юры. И само поведение... Не попросил прощения у партнера, не помог подняться, на его лице не было даже тени испуга, а ведь этим ударом он мог лишить Сергея слуха, если вообще не оставить калекой...

Он не хотел выгонять Тягушева окончательно, и обязательно поговорит с ним в следующий раз. Но этот ненормальный блеск в глазах... Влад словно посмотрел в лицо собственной смерти.

На обратном пути Юра купил бутылку водки и кое-какой закуски. Сев в машину, он некоторое время смотрел в одну точку. Стал накрапывать дождик, и юноша машинально включил «дворники». После чего достал мобильник и набрал номер Ивы.

Она взяла трубку сразу, словно только и ждала от него звонка.

– Это я, – слова давались ему тяжело. – Извини, что я... Ну, в общем, – Юра пришел в некоторое замешательство, и это еще больше взбесило его. – Ты приедешь?

На удивление, Ива быстро согласилась, словно боялась, что Юра передумает. Обычно каждому приглашению предшествовала длительная фаза уговоров и размышлений, но в этот раз что-то в голосе юноши заставило ее согласиться на встречу без раздумий.

– Ты что купил? – подозрительно косясь на пакет в руках Юры, спросила Ива, когда они вошли к нему в квартиру. – Я буду вино. Белое полусладкое. И сыр, мой любимый.

– Есть только водка, – тоном, не допускающим компромиссов, сказал Юра, скидывая обувь. – И килька. Моя любимая.

– Во-одка? – растерянно протянула Ива. – Я не хочу водку...

«Кто тебя спрашивает, ссыкуха», – подумал Юра, выкладывая на стол продукты. Вслух он произнес:

– Ива, если хочешь чего-то другого – топай в магазин.

– Как это? – захлопала ресницами Ива. Она выглядела совершенно обалдевшей.

– Ножками, – пояснил Юра, доставая рюмки. – На, вот деньги и ключи. Я – в душ.

Ива открыла рот, чтобы сказать какую-нибудь колкость, но решила промолчать. В таком состоянии она видела Юру впервые и терялась в догадках. Одно она знала точно – причина не в ней. Она молча вышла из квартиры. Юра отправился в ванную, по пути прикрикнув на Кляксича, который вышел его встречать. Увидев, что состояние хозяина не улучшилось, кот недовольно мяукнул и отправился на лоджию.

Ивы долго не было, и Юра уже решил, что она уехала домой, но вскоре услышал, как хлопнула входная дверь. К тому времени он уже выпил треть бутылки.

– У тебя какие-то неприятности? – спросила Ива, присаживаясь рядом. Она вытащила из пакета бутылку вина, голландский сыр и шоколадку. – Откроешь?

Юра полез за штопором.

– Ива, неприятности, или, выражаясь иначе, проблемы, есть у каждого. Так что давай эту глобальную тему оставим в стороне.

Какое-то время он возился с пробкой.

– За что выпьем? – нерешительно спросила она, когда он наполнил ее бокал.

– За сбытия мечт, – развязно сказал Юра, чокаясь рюмкой. Он выпил, при этом пролив немного на свою футболку.

Ива задумчиво смотрела на него. Что с ним? Ладно, у женщин бывают критические дни, но Юра-то? При деньгах, своя квартира, учится отлично, что ему еще нужно?!

Она включила телевизор, и какое-то время двое молча смотрели какую-то глупую комедию. Девушке стало скучно.

– Юрчик, может, в ночной клуб скатаемся? – попробовала расшевелить она юношу, но тот лишь отмахнулся:

– Тебе хочется танцевать? Или колесики попробовать?

Лицо Ивы вспыхнуло.

– Ну знаешь... Сидишь тут пнем, водку хлещешь, на меня ноль внимания... Вон, почти всю бутылку уговорил.

Он молча встал и направился к ванной. Душ – это хорошо. Он очищает. Пусть не душу, но хотя бы тело. Душ, душа... Может, в том, что эти слова однокоренные, есть какой-то смысл?

Они ополоснулись и вскоре уже лежали в постели.

– Ну? – спросила Ива, видя, что Юра не собирается ничего предпринимать. – Будем трахаться или обсуждать «Анну Каренину»?

– Ох и язычок у тебя, – произнес Юра. – Им бы кое-что другое делать.

– Готова выслушать твои предложения, – с вызовом промолвила Ива.

Юра придвинулся к девушке и впился в ее губы, поглаживая крепкие грудки. Ива тяжело задышала.

Через несколько минут юноша, тихо выругавшись, лег на спину. Ива молчала.

– Ты много выпил? – спросила она наконец. – Это бывает.

– Может быть, – хмуро отозвался Юра, глядя в потолок.

Ива встала с постели и, захватив сигареты, как была обнаженной, пошла курить на лоджию.

Юра продолжал лежать, тихо ненавидя себя. Такого с ним прежде никогда не случалось, и он не знал, в чем причина. Во всяком случае, не водка. Он и раньше занимался сексом подшофе, и все было тип-топ.

В комнату осторожно вошел Кляксич, уставившись на Юру янтарными глазами.

«Только тебя не хватало, – подумал Юра. – Пришел поддержать батьку? Боюсь, твоя писька слишком коротковата для Ивы. Ей бы сейчас осла... или коня. Ладно, иди сюда, жопсель».

Кляксич, уловив в голосе юноши располагающие нотки, вскочил на кровать и довольно заурчал. Юра стал почесывать лоб кота, ближе к пуговке-носу, Кляксич просто млел от этого, урчание стало громче, напоминая работу трактора на холостом ходу.

«Почему? – неотступно преследовала Юру мысль. – Ведь раньше все было нормально...»

Вернулась Ива, и Кляксич с неудовольствием перебрался на кресло.

– Будем спать? – небрежно поинтересовалась Ива, укладываясь в постель.

Юра молча повернул ее к себе.

– Дубль два, – странным хрипловатым голосом произнес юноша. Он прикрыл глаза и вдруг ясно представил Иву в каком-то грязном подвале, где то и дело снуют огромные крысы. Она одета в рваную хламиду, от нее невыносимо несет потом и мочой, лицо измазано сажей, она пьяна...

– Решил реабилитироваться? – откуда-то из пустоты всплыл голос Ивы, и Гюрза навалился на нее всем телом. Ему казалось, что тело девушки покрыто гниющими струпьями, одного глаза нет, а из влагища течет розовая жидкость.

– Ого! – воскликнула Ива, обнимая восхитительными ногами тело юноши. Но Юра не слышал ее, у него появилась эрекция, наверное, самая сильная за все время, сколько он себя помнил, и он с криком вошел в нее.

Ива застонала. Юра продолжал ритмично двигаться. Ива закричала, вливаясь ему в спину длинными ногтями. Она закусил губу и закрыла глаза от наслаждения, внезапным потоком обрушившимся на нее. Если бы она посмотрела на своего партнера, то увидела бы совершенно безжизненный, стеклянный взгляд зомби.

Рост нервно курил. Он стоял в уютном зеленом скверике на улице Космонавта Волкова на «Войковской» и с нетерпением ждал Лелика, который таки покинул его квартиру, пока он встречался с Квадратом. Рост купил буханку белого и теперь машинально крошил хлеб, скармливая его голубям. Он обожал кормить птиц.

Голова болела, как и разбитая скула, но больше всего Рост почему-то жалел тот огромный красивый аквариум. Когда он пришел в себя после нокаута громилы, первое, что он увидел, – симпатичная рыжая официантка, промокавшая ему ссадину влажным полотенцем, при этом он валялся в луже среди осколков аквариума. Оставшихся в живых рыбок собирал бармен. Он опускал их в большую кастрюлю, матерясь при этом так, что ему позавидовал бы пьяный электрик, неожиданно получивший разряд тока.

– Сколько я должен? – спросил Рост. Официантка сделала удивленное лицо. – За аквариум, – пояснил он, и та слабо улыбнулась:

– Геннадий Валерьевич все устроил.

– Квадрат, что ли?

Она ничего не ответила и помогла Росту подняться на ноги. Шатаясь, он поплелся домой.

Наконец вдалеке появился Лелик.

– Здорово, – буркнул он, пожав руку Росту. – Как только ты уехал, меня на работу вызвали.

А я как раз стопку опрокинул... Ну что?

– Да ничего хорошего, Лелик, – негромко произнес Рост. – А если честно, то полный п...ц.

Он вкратце рассказал другу о своем втором знакомстве с Квадратом.

– Это тоже он? – Лелик показал на ссадину, и Рост утвердительно кивнул.

– С ним была «личка». Один так, вафел, а второй нехило боксирует. Вот и... – он развел руками.

– Ну, и что делать собираешься?

– Лелик, я бы не стал больше парить тебе мозги, но этот скунс очкастый сказал между делом, чтобы ты в ближайшее время сидел тут, в Москве. Я, конечно, не думаю, что он имеет что-то против те...

– Имеет, – не дал договорить другу Лелик. Он плюхнулся на скамейку и зло сплюнул. – Эта сука везде успела. Пока ты к нему добирался, он как-то вышел на моего шефа. Хрен знает, что он ему наплел, но у меня офигенные проблемы, Рост. В общем, по ходу, придется увольняться.

– Да что случилось?

Лелик раздраженно отмахнулся, но все же объяснил:

– Пару раз мы с шефом организовывали «левые» сопровождения. Откуда-то информация просочилась, и оказалось, что те, кого мы опекали, на самом деле члены ОПГ. Все сейчас проходят по уголовному делу, и шеф пригрозил, что если я буду выкобениваться, он всех собак на меня повесит, и поеду я паровозом гондурасить в Колыму. Вот так-то, братуха.

Рост смутился.

– Лелик, прости. Если бы я только знал, что мои косяки тебе разруливать придется...

– Ладно, проехали. Я сам хорош, все эти игрульки-срульки...

Рост сел рядом. Минут пять они сидели молча, думая каждый о своем.

– Слушай, Лелик. Что ты еще знаешь о Квадрате? – после паузы спросил Рост.

– Какая теперь разница?

– Разница есть. Этот хмырь знает о нас все, вплоть до того, какие носки предпочитал мой прадедуська, а мы про него – ни-че-го. Знание противника – половина победы, помнишь?

– Да ничего я, в общем-то, не знаю про него. Я же тебе говорил, это бандит. Владеет несколькими казино, наверное, и бар, где вы встречались, тоже его. Короче, вор.

– По нему не скажешь, – сказал Рост. Он вспомнил, как резко менял манеру разговора Квадрат. – Скорее похож на полного отморозка. Такой на все пойдет.

– И что ты все-таки предлагаешь?

Рост сказал, будто речь шла о просроченном пиве:

– Да вальнуть его к такой-то матери, и делов-то. Как думаешь?

Лелик окинул друга скептическим взглядом.

– Решил поиграть в Рэмбо?

– А у тебя есть другие варианты? – в свою очередь спросил Рост. Он начал заводится, его напрягала вялость и инертность друга. – Он сделан из мяса и костей и такой же смертный, как и все. Нет Квадрата, нет и долга.

– Э, нет, братуха. Уж поверь, в его среде такая фишка не прокатит. Смерть долги не косит, можешь мне поверить. Да и к тому же, – Лелик вздохнул, – я в такие игры не играю, Рост. Тем более, этот Квадрат нужен влиятельным людям. Я бы сказал – слишком влиятельным. И если мы сделаем то, о чем ты сейчас говорил, то это наделает кучу ненужного шухера, а там, – Лелик показал наверх указательным пальцем, – не дурачки-емели сидят, сразу просекут, откуда ветер дует. Так что, если даже удастся замочить Квадрата, наши собственные жизни не будут стоить содержимого вот этой урны.

– Короче, что делать? – Рост вынул новую сигарету, но, поразмыслив, убрал ее обратно в измятую пачку. Пожалуй, нужно вообще бросать эту пагубную привычку.

– Что-что. Долг отдавать.

– Отдавать долг, говоришь? – искренне рассмеялся Рост. – Собрать семьдесят тонн за неделю? Лелик, да если я даже начну день и ночь у Большого театра своим задом торговать, то буду полгода раком стоять без сна и перерывов на обед. Да и охотников на мой тощий анус мало найдется.

Лелик серьезно оглядел предмет обсуждения, к которому так критично отнесся Рост, и они расхохотались. Это несколько разрядило обстановку.

– О'кей, давай по порядку. Ведь должен же быть какой-то выход, – снова заговорил Рост. – Предположим, я пойду в ментовку.

– А наутро меня позовут опознавать твой труп, – закончил предложение Лелик. – Потом буду срочно заказывать панихиду, только уже себе. Рост, не забывай, кто ты и кто Квадрат. Он, пусть и бывший зэк, сегодня преуспевающий бизнесмен, уважаемый, солидный человек. Менты хорошо знают, что он за субъект, но оснований для серьезных предъяв у них нет. И кто ты? Безработный хохол, приехавший покорять столицу, у которого и прописки-то нет. Для начала менты тебя оштрафуют за отсутствие регистрации и посадят в «обезьянник» для выяснения обстоятельств. Это в лучшем случае. А если будут не в духе, то еще промеж ушей и по почкам дубинкой схлопочешь. Кстати, чего доброго, еще и за психа сочтут, мол, пока там за чучмеками по горам в Чечне бегал, все болты с гайками из башки растерял.

– Ох спасибо, Лелик, – сквозь зубы проговорил Рост. – Вот уж не знал, какой я со стороны, – безработный хохол без регистрации, чокнутый в придачу.

– Не обижайся, – примирительно сказал Лелик. – Рост, пойми, слишком многое стоит на кону. Думаешь, ты, то есть мы, случайно оказались в тот вечер у Квадрата за столом? Я стопудово уверен, что таких лохов, как мы, у него целый вагон – успевай названивать и бабки собирать. Даже если его вызовут в мусорню, он припрется туда вместе с адвокатом, каким-нибудь Резником или Кучереной, и вежливо тыкнет в лоб твоей распиской. А это уже гражданский спор. Даже если проводить экспертизу, то она при любом раскладе покажет, что

почерк твой, в чем, кстати, ни ты, ни я не сомневаемся. И суд тоже будет на стороне Квадрата.

– Лелик, а я слышал, что если договор или сделка делается по пьяни, то это можно оспорить в суде. То бишь, если ты подписывал что-то в невменяемом состоянии, то и последствия недействительны.

– И кто будет доказывать твое состояние? Я? Кстати, ты посмотрел кассету? Ты сказал, что Квадрат тебе какую-то запись передал.

– Посмотрел, – угрюмо произнес Рост. На пленке он довольно оживленно беседовал с Квадратом, пил виски и играл в карты, и утверждать, что Рост находился в невменяемом состоянии, было весьма проблематично. – Не проканаает эта кассета.

– Я думаю, он тебе наркоту всыпал, – сказал Лелик.

– Сейчас-то уже по фигу, – проворчал Рост. – Мы так ни к чему и не пришли. Бабок у меня нет. Даже если дом матери продать, он от силы «пятнашку» стоит. Но не выгонять же матушку с Олесей на улицу?!

Вспомнив последние напутственные слова Квадрата, Рост с силой сжал кулаки.

– В долг мне тоже никто не даст, – он испытующе посмотрел на Лелика, и тот его понял.

– Братуха, была бы та хата, в которой ты сейчас кантуешься, моей, то, может быть, я и толкнул бы ее. Но собственник – мой батя, и если я заикнусь о продаже, его гнев будет похлеще десяти Квадратов в квадрате. Даже в кубе. Нет, ты уж извини, но с бабками у меня напряг. Максимум – могу собрать две-три штуки по закромам, это я на свадьбу скопил. Если доживу, до свадьбы, – закончил он невесело.

– Нет, – решительно сказал Рост. – Никаких закров, да и три штуки меня не спасут. – Он поднялся со скамейки. – Я могу еще пожить у тебя?

– Какой разговор. Чего решил, Рост?

– Пока ничего. А решать-то нечего, Лелик. Ладно, созвонимся, – сказал молодой человек и, не оглядываясь, пошел прочь.

Лелик молча смотрел ему вслед.

Рост медленно шел и размышлял. По большому счету, решать действительно было нечего. Если бы речь шла только о нем, он, не задумываясь, уехал бы на Украину. Но ситуация куда серьезней, плюс еще Лелик замешан. И самое паршивое, он не имел ни малейшего представления, где взять столько денег.

Рост пошарил в карманах. Две сотни, плюс мелочь. Даже на билет домой не хватит.

«Может, купить водки?» – мрачно подумал он, шагая мимо супермаркета. После недолгой борьбы с самим собой он отказался от этой затеи.

Пройдя в квартиру, Рост уселся на кухне и, не включая свет, почти час сидел сиднем, подперев подбородок руками.

Телефонный звонок вырвал его из полудремы, и Рост, уронив табурет, бросился за трубкой.

– Ростик? – раздался родной голос, и у него внутри все сжалось.

– Мама? – недоверчиво спросил он. Он оставил ей номер телефон Лелика, но она почти никогда не звонила ему: во-первых, телефона у них в деревне не было, во-вторых, слишком дорого.

– Мама, ты где?

– Я от соседки звоню, Наташи. Ростик, как ты?

– У меня все хорошо, – напряженно проговорил Рост. Зачем она звонит?

– Ростик, ты не собираешься к нам? Олеся скучает, – послышалось в трубке, и он немного расслабился.

– Возможно, скоро, – сказал он после секундной паузы. У него возникло ощущение, что

мать что-то недоговаривает. Она, видимо, сама поняла, что Рост об этом догадывается, и осторожно спросила:

– Сынок, мне плохой сон приснился. У тебя точно все хорошо?

– Да, – немного резче, чем того требовалось, ответил Рост. – Мама, оставь мне телефон тети Наташи, если что, я буду ей передавать, что и как.

Записав номер, он спрятал бумажку в карман.

В трубке послышались какие-то помехи.

– Алло! Ростик, ты слышишь меня?

– Да, слышу! – проорал Рост, но тут раздались гудки. Он медленно положил трубку на рычаг. Включил свет в коридоре и, поймав свое отражение, ужаснулся. Бледный, осунувшийся, с подрагивающими руками. Ни дать ни взять, пьянь подзаборная.

Рост вернулся на кухню и заварил кофе. Есть совершенно не хотелось.

«Если в силу каких-то причин у вас возникнут затруднения, влияющие на исполнения вашего обязательства, я буду очень признателен, если вы выйдете на связь со мной, поскольку я могу предложить вам посильную помощь в решении этой проблемы...»

Эта фраза, высказанная Квадратом, выскочила в памяти Роста из ниоткуда, как чертик на пружине из шкатулки.

– Интересно, что он может мне предложить? – вслух подумал Рост, снимая с огня турку. Кофе у него всегда получался отличный. Почему-то после разговора с матерью долговые обязательства перед Квадратом показались ему не толще стенки мыльного пузыря. У него есть мать, сестра, друзья, и это чмо Квадрат пусть подотрется своими расписками.

Квадрат позвонил, когда Рост уже собирался укладываться спать.

– Ростислав? – раздался до боли знакомый вкрадчивый голос.

– Ну? – с плохо скрытой ненавистью сказал Рост. Он представил в данный момент своего кредитора – сидит, наверное, в кожаном кресле с гаванской сигарой и бокалом виски, а на коленях какая-нибудь телка с длиннющими ногами и силиконовыми титьками до пупка...

– Вы обдумали мое предложение?

– Какое? – прикинувшись дурачком, спросил Рост.

– Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю, только мне не совсем ясно, зачем вы тянете время. Должен заметить, что у вас осталось всего шесть дней.

– Вот и прекрасно. Значит, не беспокойте меня больше, – грубо сказал Рост и швырнул трубку.

– Какие новости? – Лелик стоял в дверях, руки в боки, лицо словно высечено из камня. – Осталось два дня, ты помнишь?

В комнате стоял затхлый воздух, будто ее давно не проветривали.

– Помню, – отсутствующим голосом сказал Рост. Повернул голову в сторону друга. – Мне сегодня звонила мать. Второй раз за три дня.

– Ну и что?

– Какой-то шнырь звонил соседке, откуда обычно она мне звонит, и интересовался моей сестрой, Лелик. Он сказал, что я себя неважно чувствую и прошу их приехать сюда, в Москву.

– Ты считаешь, что это связано с ним? – приглушенно спросил Лелик. Рост не ответил. Через минуту он заговорил.

– Я обзвонил всех, кого знаю. Ходил в банки, унижался, как последний мудака. Но, – он криво улыбнулся, – для кредита нужна работа. Нужны поручители. И какой псих поручится за меня? Даже был у риэлторов, так, для очистки совести. Они оценили дом на Украине, заочно, правда. Больше пятнадцати-семнадцати косарей он не стоит, но не в этом дело, я лучше сдохну, чем позволю оставить мать и Олеську без жилья. Остается одно.

– Что же? – Лелик избегал взгляда Роста – он пугал его. Абсолютно безумный, лихорадочно бегающий взгляд наркомана, замершего в ожидании предстоящих ломок.

– Я разговаривал с Квадратом. У него есть для меня работа. В счет всего долга. Насколько я понимаю, криминал – не газоны же у него на даче подстригать. В общем, до этого момента я сам подумывал об этом, но... опыта у меня нет, а Квадрат, по ходу, в этих делах дока. Короче, Лелик, ищи меня теперь в сводках о ЧП по ящику, – Рост засмеялся металлическим смехом, и Лелика прошиб пот.

– Я как раз собирался к нему, – сообщил Рост, поднимаясь. – Отзвонюсь вечером.

Лелик не нашелся с ответом. А что тут, собственно, можно было сказать?

– Маленькая деталь, – сказал Рост уже в дверях. – Давай-ка, братуха, собирай свои манатки и вали отсюда, пока горячо не стало. Бери Верку и двигай куда-нибудь. Поженитесь позже.

– Куда? – тупо спросил Лелик. Вот так все бросить и куда-то ехать?

– Все равно. Только подальше от Квадрата. Ключи от хаты я тебе попозже занесу. Могу бросить в почтовый ящик.

Рост вышел, а Лелик остался стоять в прихожей.

Через час Рост был в том же самом кафе. Вместо разбитого аквариума стоял новый, превышающий размерами прежний, и в нем так же грациозно плавали экзотические рыбки. Почему-то от вида нового аквариума настроение Роста немного улучшилось.

Квадрат уже ждал его. В этот раз на нем был бордовый костюм, такой же нелепый и мешковатый, и неизменные очки в старомодной оправе. В противовес костюму от него исходил тонкий запах хорошего одеколона.

– А, здравствуйте, Ростислав! – обрадовался Квадрат, увидев Роста, и даже привстал со стула, протянув руку молодому человеку. У него был такой вид, словно он неожиданно встретил старого знакомого. Помедлив, Рост ответил на рукопожатие. Ладонь у Квадрата была прохладная, как змеиная кожа, и узкая, почти как у женщины.

– Да-да, такие дела... Очень рад, что вы приняли мое предложение... Рост. Ведь так вас называют друзья?

После кивка молодого человека он продолжил:

– Перейдем сразу к делу. Да, может, вы голодны? Виски, коньяк? Или предпочитаете водку?

Рост и в самом деле не прочь был бы перекусить, да и дразнящие запахи из кухни сводили его с ума, заполняя рот слюной, но он отрицательно покачал головой.

– Ну, ваше дело. Итак, прежде всего – умеете ли вы водить автомобиль? Если да, то какие категории транспорта?

Умел ли Рост водить машину? Ха, первый раз он сел в шестилетнем возрасте за руль «копейки», правда, проехав несколько метров, он тут же въехал в яблоню. Уже в пятнадцать лет Рост водил любую легковушку, «Газель», грузовики и даже трактор.

– Могу, почти все категории, – отделался он лаконичным ответом.

– Замечательно, – Квадрат отпил маленький глоточек минералки. – Как вы владеете приемами рукопашного боя, я уже видел. Между прочим, Дениска на вас затаил обиду, но, думаю, все обойдется. Да-да, это мой телохранитель, которого вы уделали. Кстати, я лишил его премии за вашу выходку. Не знаю, на что он, в итоге, обиделся – на сломанную челюсть или потерянную премию, – Квадрат довольно захихикал, будто все происходящее доставляло ему несказанное удовольствие. – Ладно, мы отвлеклись. Насколько вы метко стреляете? – он снял очки и немигающим взглядом уставился в собеседника.

«Смотрит, как удав на кролика», – подумал Рост.

– Смотря из чего, – сказал он.

– Я, конечно же, имею в виду автоматическое оружие, а не рогатку.

– Нормально стреляю, – так же кратко ответил Рост. И добавил с мрачным намеком: – Никто не жаловался.

Квадрат откинулся на стуле.

– К сожалению, у меня нет времени устраивать вам проверку, Рост. Ко всему прочему, – он усмехнулся, – вы вернулись живым из Чечни, а это много значит.

– Что я должен делать? – спросил Рост, чувствуя, как напряглись все его мышцы.

– О, как ты нетерпелив, мой друг. Ничего, что я перешел на «ты»? К слову, я тоже не обижусь, если ты станешь обращаться ко мне так же.

– Ты не ответил на мой вопрос, – медленно повторил Рост. Он положил руки на стол, и Квадрат с интересом уставился на его сбитые костяшки, натренированные многолетними отжиманиями на кулаках. Потом водрузил очки на крючковатый нос и сказал скучающим голосом, глядя куда-то в сторону:

– Ты, мой милый друг, и еще один парень через три дня должны взять инкассаторскую тачку. Да-да, такие дела...

Он произнес это так, словно сообщал Росту, что завтра обещали дождь и пусть он не забудет взять с собой зонтик.

«Ну, вот и все прояснилось» – Рост, как ни парадоксально, ощутил даже некоторую легкость. И ведь правду говорят, что неизвестность хуже всего. С другой стороны, у него возникло чувство, что его горло стянули холодным и липким жгутом.

– А подробнее можно?

– Подробности завтра, – в голосе Квадрата моментально испарились жизнерадостные нотки, и тон стал жестким. – Сегодня вечером ты идешь домой, занимаешься своим делом, трахаешь бабу или напиваешься (это твое дело), а завтра в семь утра я жду тебя у входа в бар.

– Я должен знать в общих чертах ситуацию, – не сдавался Рост. – Если...

– Заткнись, – холодно оборвал его Квадрат. – Перейдя порог этого заведения, ты сжег за собой все мосты. Денег у тебя нет, достать их неоткуда, так что захлопни хлебало и слушай старших. Никаких, в сраку, «если». Наш контракт уже начал действовать, понял меня?

Рост лихорадочно соображал. Соглашаться или дать в рыло этому сморчку? Все равно он

без охраны. По идее, он знал, что рано или поздно Квадрат предложит ему нечто подобное, однако новость о том, что ему предстоит ограбить инкассаторскую машину, была равносильна ушату ледяной воды.

– Привет Лелику. Полагаю, ты понимаешь, что о нашем разговоре никто не должен знать, – Квадрат допил минералку и отставил стакан в сторону. Он поднялся и, как бы между прочим, сказал: – Надеюсь, ты не слиняешь, Рост. Иначе первой пострадает твоя сестра.

Росту пришлось призвать на помощь всю свою выдержку, чтобы снова не сорваться с места, хотя у него руки чесались вбить этой мрази очки в затылок.

Квадрат ушел, оставив Роста одного. Мерно булькали крошечные пузырьки в аквариуме, обогащая его кислородом. В этот момент Рост отчаянно завидовал беспечным красивым рыбкам. Он сидел и смотрел на них, игриво поводящих плавниками, и думал, что, с самой первой секунды после объявления Квадратом сути его работы, он был согласен на нее. Перед глазами маячило прелестное личико Олеси, немного удивленное и трогательное в своей свежести, и ради ее безопасности он был готов на все, хоть совершить покушение на президента Америки.

В этот день, ближе к вечеру, Юра встретил ангела. Нет, он не умер, не обкурился конопля и не напился до зеленых чертиков. Он просто катил на своем «фольксе» с тренировки и ни о чем таком не думал, хотя пять минут назад у него был серьезный разговор с тренером. Он сказал, что у Юры большой потенциал и талант, которому он, к сожалению, не всегда может найти применение. Сошлись на том, что неприятный случай с Сергеем был первый и последний раз, да и сам пострадавший не держал зла на Юру.

Он съехал с Третьего кольца и в этот момент увидел Ее. Молодая девушка стояла в нескольких метрах от остановки и пыталась «голосовать», однако слабые попытки остановить спешащие по своим делам автомобили были бесплодными. Она с такой робостью держала руку, словно была уверена в том, что водитель ее проигнорирует. И машины одна за другой равнодушно проносились мимо.

- Тебе куда? – как можно дружелюбнее окликнул он.
- До 67-й больницы не добросите? – тихо спросила она. На Юру с немой мольбой смотрели огромные бархатно-серые глаза, обрамленные густыми ресницами. От этого взгляда Юру словно током ударило. – Только у меня всего сто рублей, – чуть слышно проговорила она. Юра увидел, как мелко дрожат ее губы. Замерзла, бедная.
- Садись. – Он открыл дверь, и чудное создание, бросив преисполненный благодарности взгляд, юркнуло в машину.

Они ехали в тишине, но странно – Юру вполне устраивало молчание девушки. Если сказать больше – оно успокаивало его, как легкий ненавязчивый массаж или приятная тихая музыка.

Пока они ехали, юноша боковым зрением разглядывал свою спутницу. У нее было тонкое, немного усталое лицо с правильными чертами, на щеках – умильные ямочки. Она была стройна и, несмотря на невзрачную одежду, выглядела изумительно. Тоненькая китайская курточка намокла от моросящего дождя, но даже через нее были видны два соблазнительных мячика, мерно вздымавшиеся в такт дыханию. Темно-русые волосы небрежно закреплены пятирублевой заколкой, но сами волосы были восхитительны – густые, отливающие влажным золотом. Юра подумал, что они куда привлекательнее смотрелись бы в распущенном состоянии. Руки без маникюра, почти детские, но по-своему изящные и красивые. В правом кулачке она крепко сжимала плату за проезд – пачку замусоленных десятков. От ангела исходил запах душистого мыла и чего-то еще, домашнего и родного.

«Похоже, последние деньги собрала. Интересно, что ей нужно в больнице? Небось, к хахалю своему спешит», – с ревностью подумал Юра, и эта версия неожиданно привела его в состояние, граничащее с бешенством. Когда они подъехали к воротам больницы, он внезапно понял, что должен обязательно увидеть ее еще раз.

- Возьмите, – девушка протянула ему деньги.
- Юра грустно взглянул на пачку мятых купюр.
- Они тебе будут нужней, – просто сказал он.
- Несколько мгновений девушка продолжала держать деньги, затем отвела взор:
- Я вам очень благодарна.
- Подожди! – почти закричал Юра, видя, как она вылезает из машины. Он испугался, что сейчас это небесное творение покинет его машину и он больше никогда не увидит ее прекрасные серые глаза, ее робкую улыбку и не почувствует этот родной запах...
- Если ты ненадолго, я подожду тебя и отвезу обратно, – выпалил Юра, чувствуя, как его лицо заливают краска. На самом деле он готов был торчать у этой больницы день и ночь, лишь

бы снова и снова катать по городу это сокровище.

На лице ангела промелькнула тень подозрения. Действительно, что надо этому странному молодому человеку? Денег не взял, теперь хочет отвезти обратно...

– У меня масса времени, – торопливо, словно ангел мог исчезнуть, зачастил он. – И я с удовольствием доброшу тебя обратно, если ты, конечно, этого хочешь.

Девушка улыбнулась, блеснув полоской жемчужных зубов:

– Спасибо. Очень приятно, что в наше время еще встречаются благородные мужчины.

– Так буду ждать? – с надеждой спросил Юра.

– Я могу задержаться.

– Ничего, я пока заправлюсь, – нашелся Юра. Он не понимал, что с ним творится, но перед этой нимфой он ощущал себя полным придурком и боялся, что она догадывается о том, что с ним происходит.

– Хорошо, – промолвила девушка. – Меня зовут Алиса. А тебя?

Юра решил сообщить что-то вроде «кот Базилио к вашим услугам», но решил, что сейчас юмор будет некстати, и просто назвал свое имя.

Алиса ушла, а он вернулся в машину. Естественно, ни на какую заправку он не поехал, бак был полон, но даже в противном случае он не уехал бы отсюда, боясь упустить эту чудесную девушку.

...Обратно они ехали уже как старые друзья, оживленно болтая. Выяснилось, что Алиса навещала свою мать, которой должны были удалить желчный пузырь, и тот факт, что никакого парня у нее в больнице не оказалось, заметно повысил настроение Юры. Еще больше он обрадовался, узнав, что ангел живет буквально в трех кварталах от его дома! Даже странно, что они раньше никогда не встречались. Алиса заочно училась в МГСУ на педагогическом отделении и параллельно работала помощником бухгалтера в небольшой фирме по реализации бытовых товаров. Юра выяснил, что отца у нее нет, зато есть младшая сестра Инна, которой недавно исполнилось четырнадцать лет.

Когда он набрался смелости (это Гюрза-то!) и предложил обменяться телефонами, вышла маленькая заминка.

– Ты действительно хочешь позвонить? – спросила Алиса чуть задумчиво.

– Ну, это... вообще-то да, – сбивчиво промямлил Юра.

– Давай лучше я тебе позвоню, – предложила она.

– А свой номер не оставишь? Обещаю, что не буду просто так беспокоить тебя, – поклялся Юра.

Алиса засмеялась, и от ее звонкого заразительного смеха хотелось петь от счастья.

– Дело не в этом. Просто у нас нет телефона, – объяснила она.

Юра был ошарашен. Жить в столице в двадцать первом веке и не иметь телефона?! Нонсенс! Он хотел спросить насчет мобильного, но вовремя сдержался. Судя по одежде девушки, она вряд ли могла позволить себе сотовый телефон.

– Просто наш дом относится к сектору малоэтажной застройки. В ЖЭКе нам сказали, что он не оборудован кабельным вводом. Дом старый, и, чтобы установить стационарный телефон, нужно построить недостающие линии. Тебе неинтересно? – спросила она, видя, что Юра сосредоточенно думает о чем-то своем.

– Извини, задумался.

Про себя он уже твердо решил, что подарит ей мобильник.

Юра довез ее до дома и все никак не хотел отпускать. С другой стороны, ему не хотелось показаться слишком назойливым.

– Большое спасибо, что помог мне, – чуть слышно сказала она возле подъезда. – Пока.

Скрепя сердце Юра попрощался с ней и поехал домой. В эту ночь, за последние шесть месяцев, он впервые спал крепко и без сновидений.

Алиса не давала о себе знать два дня, и на третий Юра завыл от тоски. Он не находил себе места, гипнотизируя телефон, пропустил тренировку и семинары в университете. Наорал на некстати позвонившую Иву, которая допекла его своим бесконечным нытьем о ночных клубах с шампанским. Даже Кляксич почти не показывал своих роскошных усов с лоджии, бесстрастно взирая огромными оранжевыми глазами на беснующегося хозяина.

Утром позвонила мать из Канады. Разговор не клеился, он если что-то и говорил, то невпопад. После звонка Юра околачивался возле подъезда Алисы в надежде ее встретить, но все тщетно. К вечеру, проторчав на улице без толку почти пять часов, совершенно одуревший от ожидания и неизвестности (а вдруг с ней что-то случилось?!), он сбегал к цветочному магазину и, выбрав самый дорогой букет, вернулся к дому Алисы. Он уже ненавидел этот дом, эту пятиэтажную панельную коробку, которая была в его представлении проклятой раковиной, хранившей в своих недрах чудесную жемчужину редчайшей красоты, однако упорно не желающей открываться. Номера квартиры он не знал, как и этажа, однако в теперешнем состоянии он уже был готов ломиться во все квартиры подряд. Увидев у самого подъезда играющих в мяч мальчишек, ему в голову пришла идея.

– Ну-ка, пацан, поди сюда, – поманил он одного из них, в бейсболке, нахлобученной задом наперед.

– А че? – задиристо отвечал тот.

– Ты из этого подъезда?

– Нет, а че?

– Че-че, – разозлился Юра. Он уже хотел плюнуть на свою затею, как другой парень, повыше ростом с коротким ежиком волос, сказал:

– Ну, я здесь живу. И че?

– Знаешь девушку, светленькую такую? Живет в этом подъезде.

– Алиска. Ее квартира над нашей, сверху.

Сердце Юры забилося сильнее. Еле дышащий огонек надежды постепенно разгорался.

– Хочешь полтинник заработать? Вот тридцатка, отнесешь ей цветы. Потом получишь остальное. Только не говори, кто тебя попросил это сделать.

Деньги моментально исчезли из рук Юры. Мальчишка схватил букет и убежал.

Потянулись долгие минуты. Вскоре он вышел.

– Все круто, цветы она взяла. Давай бабки, – потребовал он.

– Она дома? – спросил Юра, чувствуя, как сладко заныло под ложечкой.

Мальчуган кивнул, и Юра, заплатив мальчишке, побрел к машине. Если она не позвонит после этого, значит, так тому и быть.

Она позвонила.

– Юра? – раздался в трубке ее ласкающий слух голосок, и Юра, не помня себя от счастья, закричал:

– Алиса?! Ты где? Тебя плохо слышно!

– ...автомата ...вини, что не звонила. Маме сегодня де...

– Алло! – Юра хотел расколошматить трубку. – Ты где? У подъезда? Стой, я сейчас приеду!

Наспех одевшись, он выскочил на улицу и, прыгнув в машину, понесся к своему ангелу.

Она ждала его с улыбкой на своем прекрасном лице. Юра с трудом удержался, чтобы не стиснуть девушку в объятиях, но ограничился поцелуем ее восхитительной ручки.

– Это ты послал Ромку с цветами? – она радостно смотрела на него.

Юра многозначительно кашлянул, мол, какие пустяки.

– Мне никогда не дарили таких цветов. Спасибо, – она взяла руку юноши в свои ладошки.

– Почему ты не звонила?

– Моей маме сегодня стало плохо. Началось какое-то осложнение. Извини, но я не думала, что ты так будешь переживать...

– Ты была в больнице?

– Да, утром.

– Почему ты не попросила меня отвезти тебя? – Юра сжал ее хрупкие ладони. – Купили бы ей фруктов, цветов.

– Юр, спасибо, конечно, но мне и так неудобно перед тобой. Знаешь...

– Неудобно, когда дети на соседа похожи.

Алиса видела, что Юра недоволен. Она поднялась на носочки и чмокнула его в щеку.

– Прости.

– Пошли в кино? – предложил Юра. К себе звать ее он постеснялся.

– А что смотреть будем?

– А что хочешь. Без разницы, – ответил Юра. – Идем?

Они пошли, взявшись за руки, как влюбленные дети.

На следующий день Алиса позвонила ближе к семи вечера.

– Меня сегодня пораньше с работы отпустили, – сказала она, словно оправдываясь. – Я подумала... может, прогуляемся? Тут есть парк неподалеку. У тебя есть собака?

– Нет. А что?

– Я буду с Сэмом. Это наш мопс.

Юра посмотрел на Кляксича, который терся о его ноги, будто намекал хозяину, что тот совсем позабыл о нем.

«В самом деле, когда я последний раз выгуливал Кляксича?» – подумал Юра и спросил:

– Твой Сэм гоняет кошек?

– Нет, что ты! У нас раньше жил кот, но потом сбежал. Сэм в этом отношении очень спокойный. А почему ты спрашиваешь?

– Я возьму своего засранца, давно ему проветриться надо. Через двадцать минут у твоего подъезда, устроит?

– Договорились.

Не без труда найдя кошачий поводок, Юра взял в охапку Кляксича и поспешил на встречу.

Алиса уже ждала его. Она была одета в простенький джинсовый костюм, волосы собраны в хвост. У ее ног важно восседал Сэм – грозно фыркающий комочек с носом-кнопкой и забавными ушками. По размеру он был намного меньше Кляксича, но сверкающие глазенки предупреждали – лучше держаться от него подальше.

– Познакомьтесь. Клякс Кляксович, собственной персоной, – церемонно представил своего любимца Юра, и Алиса улыбнулась.

Они шли, о чем-то разговаривали, и юноша думал, что еще ни к одной из девушек он не испытывал того, что чувствует по отношению к этому волшебному существу. Он боялся признаться самому себе, что влюблен в Алису, даже не просто влюблен, он втрескался в нее по уши, как какой-то школьник, краснеющий и потеющий, неумело объясняясь в своих чувствах первый раз в жизни.

– Почему ты не на поводке его ведешь? – поинтересовалась Алиса.

– С кошками очень сложно идти, – отвечал Юра. – Они никогда не придерживаются одной скорости. Это тебе не собака, которая всегда бежит за своим хозяином и подстраивается под его шаг.

Сэм, важно семенявший на своих маленьких кривульках, озадаченно фыркнул и вопросительно посмотрел на Алису.

– Вот, смотри, – сказал Юра.

Он опустил разомлевающего Кляксича на асфальт. Кот недоуменно посмотрел на хозяина, словно спрашивая: «Что, уже пришли?» Юноша зашагал вперед с Алисой. Кляксич соизволил все же пару метров пройти шаг в шаг с Юрой, затем недовольно выгнул спину и уперся лапами, отказываясь идти дальше. Юра легонько подергал поводок, Кляксич сделал еще несколько шагов, затем раздраженно мяукнул и повалился на спину, начиная играть с поводком. По инерции юноша проволочил кота прямо по асфальту, и тот, перекатившись через голову, разразился сердитым мяуканьем.

– Вот так мы любим гулять, – пропыхтел Юра, подхватывая кота.

– Может, ты его просто разбаловал? – лукаво посмотрела на него Алиса.

– Такого разбалуешь. Давай сюда, вон лавочка свободная.

Когда они сели, Алиса спросила:

– Я вижу, ты больше кошек любишь? Тебе собаки совсем не нравятся?

– Да как тебе сказать... Не то чтобы уж совсем не нравились, я просто к ним равнодушен.

– Но ведь собака – друг человека, – не отставала Алиса – ей явно хотелось поспорить с этим необычным парнем.

– Собака – раб человека, а не друг. У нее нет своей индивидуальности. Кошки независимы, помнишь сказку Киплинга? Еще мультфильм такой есть. Кроме того, вспомни историю. В Древнем Египте кошка была причислена к священным животным. Если у человека горел дом, он прежде всего должен был вынести кошку, и лишь потом приступить к тушению огня. А уж за убийство кошки полагалась смертная казнь.

– Ты шутишь? – не поверила Алиса.

– Отнюдь. А потом, кошка грациозна, – Юра хотел добавить «как ты», но сдержался. – Опусть ее на сервированный стол и посмотри, как она пойдет. Уверяю, ни одной вазочки и рюмки не заденет. И опусть на стол собаку, хоть своего Сэма. Увидишь, что будет с посудой.

Мопс услышал свое имя и завертел головой по сторонам, фыркая и побряхтывая.

– Но собака всегда может прийти на помощь, – возразила Алиса.

– Не спорю, хотя опять вопрос – смотря какая собака. Много ли сможет сделать твой Сэм, если, не дай бог, к тебе вечером пристанет пьяная компания? Зато кошки обладают необъяснимым даром успокаивать нервы и снимать стресс. Собак любят больше за то, что они открыто демонстрируют свои чувства: вот, дескать, я какая, лижу своего хозяина и тапки ему ношу. Кошки привязаны к своим хозяевам не меньше, только выражают свою любовь несколько иначе. Простой пример – мне в прошлом году удалили нарыв на руке, и ранка загноилась. Так Кляксич каждый день приходил по утрам ко мне в постель и усаживался таким образом, чтобы его шерстка касалась болячки. Через пару дней у меня все прошло, и я больше чем уверен, что это не от всяких там мазей. Ладно, хватит о кошках. Закрой глаза и протяни руку.

– Очередной сюрприз? – Алиса с готовностью протянула ладошку и зажмурилась.

– Не подглядывать, – строго сказал Юра и, вытащив из внутреннего кармана небольшую коробочку, вложил ей в руку.

– Теперь можно открывать?

– Теперь да.

Алиса открыла глаза и ахнула. Мобильный телефон! Изящный, крошечный розовый «Samsung», именно о таком она мечтала!

– Завтра я помогу тебе подключиться. От тебя только паспорт потребуется. – Юра был доволен произведенным эффектом.

– Юра, это очень дорогой подарок, – тихо произнесла девушка.

– И совсем не дорогой, – сказал Юра.

В это время на соседнюю лавочку с шумом и гиканьем примостилась веселая компания из трех парней, которую разбавляла одна девица. Похоже, все были навеселе. С ними оказался громадный ротвейлер, и пса сразу же отпустили с поводка. Усевшись с ногами на лавку, молодежь стала доставать из многочисленных пакетов водку, пластиковые стаканчики, газированную воду и чипсы, сопровождая каждый извлеченный на свет божий предмет радостными восклицаниями, преимущественно состоящими из ненормативной лексики.

– У тебя должно быть средство связи, я вообще не понимаю, как можно жить без телефона, – продолжал Юра, поглядывая на молодежь. – И, наконец, должен же я знать, где ты и что с тобой?

Алиса, зардевшись, серьезно посмотрела на юношу.

– Ты действительно беспокоишься обо мне?

– Да, – сказал Юра, тоже краснея.

– Но ты же знаешь меня всего три дня. И даришь такой подарок! Нет, я все-таки не могу принять его. Он стоит, наверно, тысяч десять!

– Ты его заслужила. – Юре было неловко. На самом деле телефон стоил не десять тысяч, а все семнадцать. – Если не возьмешь, я его разобью.

Заглянув в глаза Юры, девушка поняла – этот точно разобьет.

– Я возьму, – кротко сказала Алиса.

Кляксичу надоело сидеть на лавке, и он вскарабкался на колени Юры. Тот мягко снял его и опустил на траву. Кот тут же улегся среди одуванчиков, сощулив глаза.

– Давай, лей, краев, что ли, не видишь! – донеслось с лавки. Алиса посмотрела на шумную компанию, и что-то в ее лице дрогнуло. Юра заметил это.

– Что, знакомого увидела?

– В некотором роде, – сквозь зубы проговорила Алиса. – Юра, пойдем на другую лавку.

Молодые люди курили, картинно отводя руки с сигаретами в стороны и изредка сплевывая себе под ноги. Пробки от бутылок, пакет из-под чипсов, пустая сигаретная пачка – все летело на землю. За какие-то пять минут уютная лавочка превратилась в настоящую помойку. Юра со злостью обнаружил, что если бы сейчас был один, то с превеликим удовольствием затолкал бы весь этот мусор соплякам в задницы.

В этот момент ротвейлер, спущенный с поводка веселящейся молодежью, сцепился с стаффордширским терьером. Хозяйка терьера бросилась разнимать собак. Сидящие на лавке, наоборот, радостно заулюлюкали в предвкушении захватывающего зрелища и стали подбадривать ротвейлера, громко делая ставки. В конце концов женщине удалось оттащить разъяренного терьера, и она поспешила уйти.

Ротвейлер, пометавшись из стороны в сторону, обратил внимание на лавку Алисы и Юры и огромными скачками понесся к ним.

– Юра, давай уйдем, – дрогнувшим голосом произнесла девушка. Она с испугом глядела на приближающую собаку и взяла Сэма на руки. Тот также увидел пса и угрожающе заворчал.

Ротвейлер подбежал к ним вплотную.

– Сиди спокойно, – негромко сказал Юра. Пес увидел Кляксича, безмятежно греющегося на солнышке, и, оскалившись, направился к нему.

Голоса на соседней лавке смолкли – пропустив по стаканчику, все с интересом глазели, что будет дальше.

– Отзовите собаку, – спокойно и даже как-то по-дружески вымолвил Юра.

– Че, мешает, что ли? – нагло послышалось в ответ.

– Пока нет. Я просто прошу.

На лавке рассмеялись.

– Юра, пойдем, – умоляюще глядя на юношу, повторила Алиса.

Кляксич увидел надвигающегося пса и мгновенно переменялся. Он вскочил, выгнув спину и прижался к земле. Из приоткрытой пасти раздалось шипение. Ротвейлер зарычал.

– Пацаны, уберите собаку. Прошу в последний раз, – все таким же мирным тоном сказал Юра, словно его коту в данный момент ничего не угрожало.

– Алиска?!

С лавки прыгнул высокий парень лет двадцати и вразвалочку подошел к ним. Белая мятая рубашка вылезла из штанов, брюки чем-то заляпаны, узел галстука находился в районе намечающегося брюшка. К нижней губе приклеена тлеющая сигарета, лицо в крупных угрях.

– Вот так встреча, – протянул он, выпуская дым. – Ну, здравствуй... прелесть.

Алиса побледнела.

– Здравствуй, Дима, – глухо сказала она.

– Дрон, отзови Рамзеса, – лениво обронил парень, которого девушка назвала Димой. С лавки соскочил еще один парень с рыжими вихрами, пониже ростом, но заметно шире в плечах. На нем тоже была белая рубашка, расстегнутая почти до пупка, из кармана брюк торчал мятый галстук, и Юра подумал, что эти разгильдяи здорово смахивают на студентов и, скорее всего, отмечают сданный экзамен. Рыжий был настолько пьян, что, направляясь к ним, подвернул ногу и бухнулся на землю, изрыгая ругательства.

– Рамзес! – позвал рыжий, поднявшись на ноги, и пес с огромной неохотой отошел к хозяину.

– Мы так и не договорили с тобой в прошлый раз. Ты помнишь? – поинтересовался долговязый у Алисы. Он пристально рассматривал девушку, как приемщик комиссионного магазина оценивает товар, глаза его сально поблескивали.

– Оставь меня в покое, – твердо сказала Алиса. Она непроизвольно подвинулась к Юре, который равнодушно поглядывал на двоих покачивающихся парней. Пес продолжал ворчать, Кляксич же, видя, что опасность миновала, снова принял благодушный вид.

– Отойдем? – прищурился Дима. Он икнул, и сигарета выпала изо рта.

– Нет, – ответила Алиса.

– Ты че, Алиска? – изумился Дима. Он похлопал себя по одежде, достал из нагрудного кармана новую сигарету, согнутую буквой «Г». – В натуре, совсем оборзела.

– Пошел прочь отсюда, – медленно проговорил Юра. – Шавку свою не забудьте.

– Юра, не надо... – начала Алиса.

– Юра? – презрительно перебил ее Дима. – Юра-а – толстая фигура! – издевательски пропел он, и рыжий захрюкал, давась от смеха, словно эта шутка – самое смешное, что ему доводилось слышать в своей жизни. Долговязый так и не нашел зажигалку, но сигарету изо рта не выпускал, отчего выглядел совершенно по-идиотски.

– Это че, твой новый е...рь? – Он пьяно уставился на Юру. – Ну, успел с ее дыркой познакомиться? Колись, чувачок.

– Бери Сэма и уходи, – процедил Гюрза Алисе. В ушах появился странный гул, как если бы он находился в метро, только к нему примешивался еще какой-то звон.

– Куда ты ее отправляешь, чувачок? Давайте выпьем, за жисть побазарим...

Закончить фразу долговязый не успел – Гюрза поднялся с лавки и нанес молниеносный удар в ненавистное ухмыляющееся лицо. Парень зашатался, согнутая сигарета выпала, нос лопнул, как тухлый помидор.

– Юра! – закричала Алиса.

– Иди домой, – не оборачиваясь, проговорил Гюрза. – Я скоро... Ну?!

Глаза заволокло белесой пеленой, в мозгу снова что-то щелкнуло. Краем глаза он видел, что Алису как ветром сдуло. Он облегченно вздохнул.

– Убью суку! – завизжал долговязый. Он встал на колени и долго непонимающе тряс головой, напоминая мокрую собаку. Поднялся на ноги и тут же получил новый удар, на этот раз в глаз, и снова упал. Из рассеченной брови хлынула кровь. Долговязый дотронулся до раны и с ошалелым видом уставился на измазанную ладонь.

– Эй, что там у вас? – с лавки прыгнул третий, но девица испуганно вцепилась ему в плечо. Гюрза бесстрастно наблюдал за ним, одновременно не упуская из виду рыжего.

Проходящий невдалеке с собакой пожилой мужчина в дождевике крикнул:

– Мужики, прекращайте! Я позвоню в милицию!

Гюрза повернулся к нему, и рот его растянулся в широкой улыбке:

– Все в порядке, отец. Так, поупражняться решили, кости размять.

Он шагнул к сидящему на корточках долговязому, и тот, решив что его сейчас начнут бить

ногами, опрокинулся на пятую точку и пополз назад.

– Дрон, спускай Рамзеса! – закричал он.

Дрон стоял столбом, выпятив из расстегнутой рубашки волосатое пузо, и тупо взирал на поверженного друга, очевидно, даже не соображая, что же, собственно, произошло. Вот только что его друг стоял и смеялся, а теперь весь в крови валяется на земле.

– Давай, че ты ссышь! – гнусаво заорал долговязый, брызгая кровью вперемешку со слюной.

– Если ты спустишь собаку, я ее убью, – еле слышно проговорил Гюрза.

– СПУСКАЙ РАМЗЕСА!!! – истерично выкрикнул долговязый, и рыжий торопливо убрал руку с ошейника пса.

Гюрза приготовился отразить нападение ротвейлера, но, к всеобщему удивлению, пес рванул к Кляксичу, который продолжал нежиться в траве. Злобное шипение и рычание слились воедино, Кляксич катался кувырком по траве, нанося собаке довольно чувствительные удары когтями. Затем кот прыгнул на скамейку и оскалил пасть. Шерсть у животного поднялась дыбом, глаза дьявольски сверкали. Рамзес, с исполосованным кровоточащим носом, яростно бросился на кота. Однако силы все же были неравны, и вскоре парк огласил вопль Кляксича.

Мужчина в дождевике подхватил собаку и быстро удалился.

Гюрза бросился к животным, вынимая подводный нож. Он молил бога, чтобы пес не успел добраться до шеи Кляксича. К тому времени его любимец уже истошно орал – его задняя лапа оказалась в пасти собаки, и та неистово дергала головой, будто пытаясь оторвать ее.

Подбежав к ротвейлеру, Гюрза несколько раз вонзил ему в бок нож. К воплям Кляксича добавился скулеж пса. Он задергался всем телом, но лапу кота не отпускал. Гюрза, скрипя зубами, ухватил собаку за ухо и, задрав ее голову вверх, всадил нож ей в шею, погрузив лезвие почти по рукоятку.

Боковым зрением он увидел, как в очередной раз поднялся долговязый. В грязной окровавленной рубашке и с перекошенным от ярости лицом он был и страшен и смешон одновременно. Он схватил урну и стал подкрадываться к Гюрзе. Рыжий стоял в каком-то трансе, глядя расширенными глазами на свою издыхающую собаку. От внимания Гюрзы также не ускользнуло, что парочка, сидящая с этими двумя на лавке, куда-то исчезла.

Ножом он разжал клыки псины и осторожно вытащил покалеченную лапу визжащего Кляксича. Рана была плохая, даже на ощупь он чувствовал, что кость расщеплена. Рукава рубашки тут же намочили от крови.

– Уходите, – шепотом сказал он, обводя безумным взглядом долговязого и рыжего. – Или все тут сдохнете.

Долговязый, уже намеревающийся опустить урну на голову этому психу, замер. Затем попятился назад. Рыжий стал плакать.

– Ну? – прошелестел Гюрза, и они отошли еще на несколько шагов. Рыжий, плача, подхватил безжизненное тело собаки. Затем компания быстро-быстро направилась к автобусной остановке.

Гюрза огляделся. Алисы нигде не было видно, и это его успокоило. Пора было побеспокоиться о Кляксиче – его лапа висела практически на одних сухожилиях. Юра прижал его к себе и, шепча что-то успокаивающе, рванул на шоссе.

Машины сначала притормаживали, но, видя искаженное лицо юноши и извивающегося в его руках окровавленного кота, снова давали по газам. Тогда Гюрза, рискуя быть раздавленным, выскочил прямо на середину дороги.

Перед ним, завизжав покрывками, остановилась старенькая «шестерка».

– Ты что, придурак?! – завопил водитель, грузный уса́тый мужик лет пятидесяти. Увидев немигающий остекленевший взгляд юноши, он осекся.

– В ветклинику, – прохрипел Гюрза и протянул ему стодолларовую купюру. – Быстро, командир. Времени нет.

Пробурчав что-то неразборчиво, водитель открыл дверь.

Домой Юра возвращался совершенно опустошенный. Кляксичу ампутировали лапу – этот гребаный кобель перегрыз какие-то важные сухожилия и раздробил кость. К тому моменту, когда он без очереди влетел в приемную, его любимец уже не орал, а лишь жалобно постанывал, почти как человек, с надеждой глядя на хозяина.

– Еще бы десять-пятнадцать минут, парень, и ты оставил бы его здесь навсегда – слишком много крови потерял, – сухо сказал ветеринар. – Так что не переживай за лапу. Скажи спасибо, что жить будет...

Юра вызвал такси и, выпросив у доктора простыню, бережно запеленал бесчувственное тело Кляксича. Ветеринар сказал, что действие наркоза будет долгим, и, скорее всего, кот станет спать до утра.

Только зайдя в квартиру, он вспомнил об Алисе. Интересно, дома ли она? Пока он укладывал Кляксича, позвонила Ива.

– Ну, как дела? – немного заискивающе спросила она.

Юра выпустил воздух сквозь сжатые зубы. Ему не хотелось говорить сейчас с кем бы то ни было, а уж с Ивой и подавно.

– Я сейчас занят. Сам тебе позвоню, – сказал он, прилагая все усилия, чтобы голос его звучал ровно.

– Ты всегда занят! – неожиданно сорвалась девушка. – Как ни позвоню, вечно ты весь в проблемах, бедненький какой! В общем, я иду на дискотеку. Если захочешь...

Юра так и не узнал, чего он может захотеть, так как вырубил телефон.

Тут же позвонила Алиса, и уже через несколько минут они встретились во дворе девушки.

– Ты цел? – ощупывая взглядом Юру, спросила она. – Мне было так страшно...

– Кто этот длинный? – спросил Юра.

Алиса передернула плечами, словно случайно прикоснулась к чему-то скользкому и липкому.

– Мы раньше встречались. Ничего серьезного, поверь...

– Ладно, не оправдывайся. Кто он?

– Студент, у них выпуск в этом году.

– А чего расстались? – спросил он, стараясь, чтобы его голос звучал как можно небрежней. – Хотя, можешь не говорить.

– Он стал принимать наркотики, – глядя в сторону, сказала Алиса. – Какое-то время подкарауливал меня у подъезда, потом вроде успокоился... А теперь... Как Кляксич?

В двух словах Юра рассказал об операции. Некоторое время они молчали, затем Алиса сказала:

– Юра, извини, но... что теперь будет?

– Ты о чем? – вскинул он брови.

– Ну, – замялась девушка. – Я... все видела. Правда, издалека.

– И что? – Голос Юры заметно похолодел.

– Этот придурок может заявить в милицию. И потом, что ты сделал с собакой? Ты убил ее?

– Нет, конечно, – облегченно выдохнул Юра. Значит, она не все видела. – Немного ранил, и все, когда челюсти разжимал.

– Но...

– Это была необходимая оборона, – ровно продолжал Юра. – И никакой мент не примет сейчас заявление ни от этого торчка, ни от рыжего. Почему? Во-первых, они слишком пьяны, а

во-вторых, сейчас они думают о ментовке в самую последнюю очередь. Это не те люди, которые решают свои проблемы с помощью наших доблестных дядей Степ. Но ты не бойся, никто и пальцем тебя не тронет.

Алиса доверчиво прижалась к Юре.

– Знаешь, я очень испугалась. У тебя было такое лицо... Ну, словом... я вдруг представила, как ты можешь кричать на меня. И еще я вижу, что ты можешь быть жесток. А твой нож... ты все время ходишь с ножом?

Юра принялся успокаивать ее, но все равно видел, что девушка напугана. Он осторожно обнял ее.

– Ты смогла бы выйти за меня замуж? – Юра сам не понял, как эти слова вылетели из него. Алиса подняла голову, пытаясь угадать, не шутит ли этот молодой человек.

– Как понимать твой вопрос? – спросила она, и Юра увидел, сколь сильно она смущена. – Как предложение?

– Да, – приглушенно ответил он и крепче обнял девушку. Она уткнулась прелестным носиком в его плечо.

– Ты сошел с ума, – прошептала она. – Мы знаем друг друга без году неделя, а ты... ты делаешь предложение? Обалдеть!

– Алиса, я без тебя ощущаю себя неполноценным, – выдал Юра. Он удивлялся сам себе. – Я... я не могу без тебя.

Она ничего не ответила, только вздрогнула. Так они простояли несколько минут.

– Мне надо идти, – мягко сказала она. – Завтра рано вставать.

– Пошли ко мне, – Юра был готов на все, лишь бы этот ангел не исчезал. – Пожалуйста. Если тебе рано вставать, я разбужу тебя.

– Нет, не могу.

– Но почему? – у него был такой горестный вид, что Алиса невольно улыбнулась. – Если хочешь, мы будем спать в разных комнатах. Я не позволю себе ничего лишнего...

– Не торопи события, – девушка поцеловала его в губы и быстро скользнула в подъезд. – Я позвоню тебе, – крикнула она на прощание. Дверь захлопнулась, и Юра остался один. Снова один. Он стоял и глядел на захлопнувшуюся дверь с детским недоумением. Ведь все было так замечательно.

«Она ушла. Ушла», – безостановочно долбилась в голове мысль.

Он облизнул губы, чувствуя легкий, божественный вкус губ ангела, и поплелся в ночной магазин за водкой.

Бутылка была почти опустошена. Юра прямо в обуви валялся на кровати, тупо пялясь в экран телевизора. Рядом, в кресле, лежал бедный Кляксич, он все еще находился под наркозом.

«Вот бы уколотся так, чтобы проснуться лет через пятьсот», – промелькнула мысль, и он грустно улыбнулся. Спать не хотелось, пить – тоже. Он стал перебирать в памяти события этого длинного вечера. Когда дело дошло до драки, мозг словно замешкался, и Юра, как ни силился, не мог вспомнить подробностей. Немного болел кулак, и еще Алиса что-то говорила про собаку... Ах да. Ему пришлось перерезать глотку этой суке. Точнее, кобелю. Юноша извлек нож и полюбовался на остро отточенное лезвие. Свет от люстры слепил его, и Юра жмурился от удовольствия. Неожиданно он почувствовал, как под плотной материей джинсов набухает его маленький друг. Эх, была бы сейчас рядом Алиса!

Внезапно возникшая эрекция не проходила, а снять напряжение общеизвестным способом, иными словами, задушить одноглазую змею, Юра брезговал. Одно смущало его. Из памяти не выходило окровавленное, вытянутое от боли лицо этого прыщавого мудака Димы, которому он

сломал нос.

Первой мыслью было – «Я что, болен?» Мерзкий голосок, с недавних пор поселившийся у него внутри, где-то под сердцем, злорадно заверещал, что, разумеется, он болен, иначе как объяснить, что он возбуждается от воспоминаний, да еще таких, от которых у нормального человека должны затрястись поджилки и волосы встать дыбом.

Так он и лежал с выпирающим бугорком на джинсах. Затем потянулся к телефону, набрал номер Ивы.

– Это я. Привет, – отдельно проговорил он, так как уже понимал, что его речь становится несвязной. – Ты где?

Во всяком случае, пусть это лучше будет Ива. Уж она-то точно поможет ему снять напряжение.

В трубке что-то гремело и шумело, и он с трудом различал голос Ивы среди этой какофонии. Наконец узнав адрес ночного клуба, он сказал, что сейчас приедет. Наскоро принял ледяной душ, после чего выпил чашку крепкого кофе. Захватив ключи от машины, он погладил бесчувственного Кляксича и вышел.

Он плохо помнил, как приехал в клуб и припарковал машину. Ива ждала его внизу – она курила. На ней было сногсшибательное черное платье со стразами, мерцающими в темноте, как звезды на безоблачном небе, и колготки в вызывающе крупную клетку.

«Выглядит, как шалава, – недовольно отметил Юра. – Не хватает только ценника на сиське».

– Вот он, неуловимый Джо пожаловал, – выпуская дым из покрашенного ротика, съязвила Ива. Он бесцеремонно схватил ее за руку.

– Тут есть отдельные кабинки?

– Кабинки? Прямо так, сразу тебе кабинки, Тягушев? А потанцевать? Фу, ты что, пил? – девушка сморщила напудренный носик.

– Пил, – не стал отпираться Юра. Он привлек ее к себе, в нос вломился целый букет различных духов, но, как ни странно, он не оказывал на юношу никакого возбуждающего действия. – Ну, так что?

– Сейчас узнаю. – Ива выскользнула из объятий юноши.

Очень скоро, когда пятьдесят долларов от Юры перекочевали в карман менеджера клуба, им дали ключ.

– Тягушев, я тебя не узнаю, – сказала Ива, удивленно глядя на Юру. – Что с тобой?

– Ничего. Все в норме, – как-то странно ответил он. «Номер», от которого им торжественно вручили ключи, представлял собой небольшую отдельную кабинку, в которой из мебели был только выдавший виды диван, обтянутый потрескавшимся дерматином. В кабинке царил полумрак, из динамиков у самого потолка лилась музыка.

Они разделись. Юра, когда очередь дошла до трусов, вдруг замялся. Он словно очнулся от летаргического сна. Возбуждение, от которого он не мог избавиться дома, куда-то безвозвратно исчезло, он уже хотел только одного – вернуться домой, к больному Кляксичу (а вдруг он уже пришел в себя?). А еще лучше, чтобы дома была Она – Алиса...

– Ну? – Ива толкнула его. – Чего застыл? Или ты меня стесняешься?

Она обняла его, и юноша стал машинально гладить груди девушки. Ладно, это будет в последний раз. Потом он окончательно порвет с ней и станет принадлежать только своему ангелу...

– Ты что, не хочешь меня? – жарко дыша в ухо, спросила Ива. Он погладил низ живота девушки, нащупывая заветный островок, покрытый аккуратно подстриженными волосками. Ива закусила губу.

– Давай, возьми меня, – прошептала она, прихватив зубами его за мочку уха.

Эрекции не было. Маленький друг Юры (постепенно становившийся врагом) беззащитно висел, отказываясь выручать своего хозяина.

– Не надо было пить, – нравоучительно сказала Ива, впрочем, не сильно расстроившись.

Она взяла руку Юры и стала водить ею по своему телу, постанывая. Он угрюмо лежал рядом, пытаясь вызвать в памяти эротичные образы. Однако ничего не происходило, он уже не чувствовал к этой девушке никакого влечения; губы Ивы при поцелуе напоминали сырую печень, а груди были похожи на куски теплого мяса, упакованные в полиэтиленовые пакеты. Справедливости ради стоит отметить, что несколько раз его пенис все-таки вяло приподнимался, но только лишь для того, чтобы в очередной раз упасть, и тогда Юра стал думать о другом. Он представил Иву лежащей на столе, она связана колючей проволокой. Вокруг нее сгруппировались молчаливые фигуры в черных балахонах, один из них достает пилу и начинает

делать надрезы по ее предплечьям, ляжкам, животу, груди... Кровь сочится сквозь щели в досках, собираясь в маленькие лужи на полу. В пенящиеся кровью разрезы заливается кипящее масло и сера, которая тут же поджигается. Комнату наполняет сладкий запах горящей плоти и монотонное пение, она жутко кричит, извиваясь в пароксизмах боли и страха. На полу уже пузырится целое багровое озеро из крови и масла...

Возбуждение нахлынуло внезапно, как гроза в теплый летний день. Он лег на спину, усадив Иву сверху. Девушка охнула, запрокинув голову. Юноша продолжал двигаться, насаживая ее все глубже и глубже. Обхватил руками груди и крепко сжал их, словно пытаясь выдавить все содержимое наружу. Ива закричала от боли и открыла глаза.

– Юра, – только и смогла выговорить она, ужаснувшись. Лицо юноши было похоже на звериную морду. Глаза превратились в узкие щелки, нос сморщился, рот растянулся до такой степени, что губы, того и гляди, лопнут, из уголка их потекла слюна.

Ива судорожно слезла с него, подхватывая белье. Он приподнялся на локтях все с тем же кошмарным выражением на лице. Больше всего Иву пугал его разинутый рот, в таком виде он был похож на жабу, приметившую комара. «Да он просто псих», – закралась ей мысль. Ива метнулась к двери. Заперто!

– Куда? – хрипло спросил Юра.

– Подальше от тебя, – бросила Ива. Внутри у нее все тряслось от ужаса. Она никогда не видела Тягушева в таком состоянии. – Сумасшедший придурок!

Юра закрыл рот, вытер тыльной стороной ладони слюну. Посмотрел на руку, затем на девушку.

– Тебе не понравилось?

– Перестань. Открой дверь, – девушка старалась придать своему голосу уверенность, но понимала, что едва ли это ей удастся. Понимал это и Юра, насмешливо разглядывающий Иву. Глядя, как он рассматривает ее, Ива неожиданно подумала о животном, которое с минуты на минуту собираются заколоть. В глазах юноши плескался дикий голод и нестерпимое желание его утолить, причем немедленно.

Он встал и неторопливо приблизился к ней. Несмотря на полумрак в кабине, Ива увидела, что на правой ноге юноши что-то прикреплено. Что-то продолговатое и темное...

– Скажи, Ива. Стала бы ты со мной трахаться, будь я бомжем?

Он наклонился, и в следующую секунду Ива обомлела от страха – в руках Юры появился нож. Скучного света, освещающего кабину, хватило, чтобы разглядеть тусклое лезвие с зазубринами.

– Ну, чего молчишь? Представь, что я бомж. Обдристанный и вонючий, как солдатская портянка. А? Какие бы чувства я у тебя вызвал, очень мне интересно узнать.

Он приблизился вплотную к Иве и провел кончиком лезвия по шее, затем вниз по груди, с любовью обрисовывая каждый овал, затем опустил ниже и остановился в районе темнеющего треугольника волос.

У Ивы перехватило дыхание, ей было так страшно, что казалось, еще чуть-чуть – и она обмочится.

– Открой дверь! – выкрикнула она, на глаза навернулись слезы отчаяния. Господи, как отсюда выбраться?! Даже если она закричит, вряд ли кто придет ей на помощь – тут орут в каждой второй кабине.

– Ты не ответила.

– Юра, пожалуйста, открой дверь, – стала умолять Ива. Она пыталась взглянуть в глаза юноши, узнать знакомые интонации в голосе, понять, в конце концов, что все это чертовски глупая и неудачная шутка. Но нет – на нее тупо глядели две бесформенные дыры на жутком

лице. Стоящее перед ней существо не имело ничего общего с тем Юрой, которого она знала и по-своему любила.

– Ты знаешь, как выглядят отрезанные груди? Если еще полежат денек на солнышке? – буднично спросил он, медленно водя лезвием ножа по обнаженному телу девушки. – Они похожи на протухшую лазанью.

От прикосновения холодного металла кожа Ивы моментально покрылась мурашками. Она не могла пошевелиться от охватившего ее ужаса.

– Ты красива, – подумав, добавил Юра и засмеялся. Мертвым, глухим смехом, лишенным даже намек на человеческий. Затем он отступил на шаг назад и убрал нож. Достал ключ и бросил его под ноги Ивы. – Ты красива, но ужасная грязнуля – каждый раз тебя в душ пинками гоню. К тому же, ты всего лишь дешевая шлюха. Готова за ужин в ресторане сосать с заглотом, так ведь? А будь я обычным студентом, хрен бы удостоился твоего драгоценного внимания, правильно?

Не веря в свою удачу, Ива, всхлипывая, подобрала трясущимися руками ключ.

– Ты давно мертва. Только пока не знаешь об этом, – услышала она, уже выскакивая наружу.

Рост приехал к бару без пяти семь. Когда до назначенного Квадратом срока оставалось меньше минуты, он уже решил, что на сегодня все откладывается, как из-за угла на большой скорости выехал «Ниссан Альмера» белого цвета. Переднее стекло опустилось, и он увидел знакомые крысиные глазки, спрятанные за толстыми линзами очков.

– Паркуй свой зад, Рост. Нет, не сюда. Назад, назад. Ха-ха, зад – назад, смешно, правда? – хихикнул Квадрат, явно восторгаясь собственным чувством юмора.

Рост влез на заднее сиденье. Помимо водителя и собственно Квадрата в машине находился тот самый здоровяк, которому Рост недавно сломал челюсть.

– Это Дениска, мой телохранитель. Хотя вы уже знакомы, ха-ха! Полагаю, вы не будете ссориться. Он хороший малый, только из-за твоего удара у него теперь дикция пошаливает. Денифка, пофаливает тфоя фикция, а? – Он хлопнул по плечу Дениску, и тот натянуто улыбнулся. – Да-да, такие дела, – проворковал Квадрат. Он радостно потирал сухие ладони и был в прекрасном расположении духа.

Громила зверски улыбнулся, теперь уже Росту, и он увидел укрепляющие пластины на зубах телохранителя. Затем в его руках появился черный платок.

– Не дрейфь, Рост. Никто не собирается тебя душить, – не оборачиваясь, сказал Квадрат. Дениска ловко завязал платок на глазах Роста, как можно сильнее затянув узел, так что заломило затылок. Рост сжал зубы.

– Я могу надеяться, что ты не сорвешь повязку? В противном случае буду вынужден заковать тебя в наручники, – услышал он голос Квадрата. – Молчание – знак согласия.

Всю оставшуюся дорогу (примерно час) никто не произнес ни слова. Скоро машина развила большую скорость, в приоткрытое окно влился свежий воздух, и Рост понял, что они выбрались за Кольцо. Наконец машина замедлила скорость, и они въехали в какой-то двор. Телохранитель Квадрата вывел Роста из автомобиля и провел в дом. Только там с него сняли повязку.

Рост огляделся, моргая от непривычно яркого света. Дом был бревенчатым, довольно просторным. Из мебели в комнате – только дубовый стол и две скамейки.

Дениска выложил на стол завернутую в фольгу курицу-гриль, лаваш, кусок вареной колбасы и газировку. Он развернул фольгу, и Рост уловил дурманящий запах жареной курицы, от которого у него свело желудок. Немудрено, так как все последние дни он перебивался с порошкового пюре на лапшу в пакетиках.

– Итак, сразу к делу, – сказал Квадрат, усаживаясь напротив юноши. – Жрать будешь потом. Вот карта. Объект находится здесь, видишь? Помечено знаком «плюс». Потом изучишь подробней. У вас будет «Газель» с логотипом строительной компании, спецодежду и каски Дениска привезет вечером. Вы поедете по этой дороге. У объекта вы должны быть не позднее 7.15, усек? Завтра утром Дениска отвезет вас туда, осмотритесь, что к чему, только сильно глаза не мозольте. Поехали дальше. Там, слева от объекта, прямо у фотостудии котлован, обнесенный забором. Забор убираете и делаете вид, что продолжаете работать, инструмент будет. Никто ничего не должен заподозрить, в общем, побольше реализма, как говорил Лелик в «Бриллиантовой руке», тезка твоего друга. Далее. Примерно в 7.45—7.55 к центральному входу подъедет наша машинка. Она встанет ровно напротив дверей объекта. От нее до дверей топать метров пятнадцать. Их будет двое, плюс один в машине. У тех двоих будут мешки. Скорее всего, два, может, три. Естественно, не с картошкой и не с пустыми бутылками. Вот эти мешки мне и нужны, Ростислав.

– Но, – начал было Рост, но Квадрат так хлопнул по столу ладонью, что вся еда,

разложенная Дениской, подпрыгнула.

– Все вопросы потом. Слушай внимательно. У тебя и твоего напарника будут «пээмки». ^[3] Получите непосредственно перед делом. Тех двоих нужно брать не сразу, как они вышли из машины, и не у самых дверей банка. Рассчитывай где-то на середину. Как только мешки оказываются у вас, прыгайте в «Газель». Ты берешь на себя обоих, твой напарник держит водилу. На Ленинском проспекте, рядом с парфюмерным магазином, увидишь арку, во дворе вас будет ждать Дениска. «Газель» бросаете во дворе, сами в тачку и сюда. Такие дела, Рост. Если все пройдет нормально, послезавтра к обеду ты будешь свободным от всех долгов и можешь катиться в свою Хохляндию. Вопросы?

Рост размышлял. План в общих чертах с самого начала показался ему рискованным. В такое дело не посвящают за два дня до исполнения, а уж тем более, когда твоим напарником является человек, которого ты первый раз увидишь за несколько часов до операции. Но куда больше Роста беспокоило другое. В мозгу занозой застряла фраза Квадрата: «Ты берешь на себя обоих, твой напарник держит водилу».

– Вопросы есть. Что делать с охраной? Что значит «брать»? – Рост в упор смотрел на Квадрата. Тот ничуть не смутился пристального взгляда.

– Рост, ты не маленький, должен понимать, что к чему. Рисковать я не хочу. Так что альтернативы нет.

– То есть я должен убить их? Обоих? – Рост не верил своим ушам. Ему начало казаться, что все это не по-настоящему. Действительно, еще неделю назад он пил пиво с Леликом и преспокойно себе поигрывал в «Джек-пот», а теперь во власти этого крысенка, который спокойным голосом говорит, что ему нужно будет кого-то убить? Это уже не ограбление, а заказное убийство какое-то!

– Именно так. Водителем займется твой коллега. Пойми, дурилка, если кого-то оставить, то у вас будет меньше шансов слинять. Пока эти банковские увальни докумекают, что почем, вас уже и след простыл. Да-да, такие дела...

– Не слишком ли пыльная работенка для отработки долга? – зло спросил Рост. – Между прочим, они тоже не водяными пистолетиками вооружены.

Квадрат всплеснул руками, словно отец, которого любящий сын огорчил неожиданной бестактностью.

– Рост, вся наша жизнь – игра. Пойми, что она заключается не только в картах или в твоих глупых автоматах. А риск – обязательная составляющая каждой игры, разница лишь в степени последствий для проигравшего. Ты проиграл, но я тебе даю шанс. Поэтому не будем ворошить старое дерьмо. Кстати, если уж ты заговорил насчет того, что их нужно, ну... ты понял меня. (даже здесь, в глухой деревушке, Квадрат избегал произносить слово «убийство»), то что ж... ребяташки знали, куда идут работать.

– Бронежилеты будут?

Квадрат расхохотался. Глядя на своего босса, глупо заулыбался Дениска, тускло блеснув вставными пластинами.

– Ой, уморил... Рост, ты как скажешь, ну словно в лужу пернешь, – прокудахтал он. – Может, тебе еще базуку дать и спустить на вертолете? И рожу намазать гуталином, как у Шварценеггера? Вопрос снимается, – он закончил смеяться. – Еще что-нибудь?

– Сколько примерно денег в мешках? – спросил Рост. Радостное выражение лица Квадрата померкло.

– Это не твоя забота. Достаточно того, что это мероприятие покроет твой долг полностью, а если все пройдет гладко, может, еще и на чай себе заработаешь.

У Роста снова возникло огромное желание схватить этого мерзкого очкарика и трясти его

до тех пор, пока его лысеющая башка с гнилыми мозгами не отлетит к чертовой матери.

– Теперь тебе нужно подкрепиться. Сегодня вечером познакомишься со своим напарником. Он уже стал собираться, как вдруг сказал:

– Рост, еще кое-что. Разумеется, было бы глупо отпускать вас одних. С вами поедут два моих человека. Они станут контролировать ситуацию и прикроют вас, если возникнут осложнения, хотя я верю, что все будет нормально. Но если, – голос Квадрата опустился до свистящего шепота, – ты, получив ствол, вздумаешь поиграть в ковбоя, мои люди изрешетят вас. Я не пугаю, это просто предупреждение.

Снаружи стало слышно, как подъехала еще одна машина. Через минуту хлопнула входная дверь, и внутрь, пригибаясь, чтобы не задеть головой низкий потолок, вошел второй телохранитель Квадрата, тот, который швырнул Роста на аквариум. Увидев Роста, он скорчил гримасу, которая, очевидно, по его твердому убеждению, означала улыбку.

– Это Масик. Оставляю вас одних, – засуетился Квадрат. – Увидимся завтра, после обеда.

Квадрат уехал с Дениской, оставив второго верзилу охранять Роста.

– Я Масик, – сказал тот, хотя прекрасно слышал, что Квадрат представил его Росту. – Попытаешься съ...ся – получишь по лбу. Ясно?

Рост исподлобья глядел на возвышающуюся над ним тушу. Вот так, все просто и ясно, это не Квадрат, который по два часа ходит вокруг да около, по крайней мере, тут все честно.

Масик запер Роста в дальней пыльной комнатенке, в которой была маленькая железная кровать и древняя тумбочка с незакрывающейся дверцей. В комнате пахло плесенью и сыростью. Рост уселся на кровать, пружины тоскливо заскрипели. Интересно, где он все-таки находится? За мутным, треснувшим стеклом было видно лишь бескрайнее поле, да на горизонте зеленела полоска леса.

Он плюхнулся на кровать и уставился в потолок. Через два дня все станет ясно. Рост не любил загадывать вперед, но в одном он был уверен на все сто – Квадрат не оставит его. Даже получив эти деньги.

Незаметно он уснул.

Вечером приехал Дениска. С ним был худощавый мужчина лет тридцати пяти, на глазах – черная повязка. Дениска с Масиком закрылись в комнате с телевизором, а мужчину втолкнули к Росту. Тот содрал с лица повязку и, затравленно озираясь, забился в угол, сев прямо на пол. На вопросы он не реагировал, устремив взгляд в пустоту, и Рост оставил его в покое.

На следующий день они съездили к банку. Над входом – стеклянной «вертушкой» – высились тяжелые латунные буквы, складывающиеся в сверкающее название:

Коммерческий Банк
«МЕТРОПОЛЬ»

Цепким взглядом Рост отметил, что внутри банка находятся еще два охранника, которым отлично видно, что происходит по всему периметру площадки перед главным входом. Рост обошел дом и увидел фотостудию, о которой говорил Квадрат. А вот и тот самый котлован, где им предстоит создавать видимость работы. Красные обтрепавшиеся флажки на железном заборе, которым был обнесен котлован, уныло колыхались на ветру.

«Как бы завтра в этой яме не остаться навсегда», – мрачно подумал Рост. Интересно, захватывают ли камеры наблюдения банка этот участок? Если да, то охране может показаться подозрительным, что за несколько минут перед доставкой денег вокруг этой несчастной ямки развили бурную деятельность какие-то рабочие. Кроме того, Рост обратил внимание, что выезжать со двора банка крайне неудобно – дорога достаточно узкая и выходит сразу на трассу. А если завтра тут будут стоять машины? А на главной дороге окажутся пробки? Другого пути отсюда не было, Рост помнил это по карте, которую вчера досконально изучил.

Чем больше Рост присматривался к обстановке, тем явственней он чувствовал, что решиться на подобную операцию было равносильно игре в русскую рулетку с револьвером, в барабане которого пять гнезд из шести заполнены патронами, оставляя прямо-таки ничтожный шанс на удачный исход дела.

Рост не мог понять спешку Квадрата. Даже он, не разбираясь в тонкостях банковской деятельности, знал, что деньги инкассаторская машина привозит и увозит постоянно, а следовательно, куда спешить? Может, в этот день сумма будет несколько отличаться от обычной?

Зато он понимал Квадрата в другом. К чему разрабатывать самый сложный план, напрягать профессионалов, с которыми тоже необходимо делиться? Зачем, если есть Рост, умудрившийся в неменяемом состоянии просрать семьдесят кусков баксов и с ними в придачу все свои мозги?

С этими мыслями он залез в машину.

– Все посмотрел? – ощерившись в дебильной улыбке, спросил Масик. Рост ничего не ответил, но это не задело громилу.

– Сейчас мы отъедем, выйдешь ты, тоже прогуляешься, – он ткнул толстым, как сарделька, пальцем в неподвижно сидящего напарника Роста. У того был крайне изможденный вид, похоже, он не спал несколько суток. – Слышь, ты, фуфел?!

Губы мужчины беззвучно зашевелились, глаза смотрели в одну точку. Масик рассвирепел. У него был такой вид, словно он готов был размазать по салону «Ниссана» этого полусумасшедшего мужчину. Но тот кивнул головой, показывая, что все понял.

Вечером приехал Квадрат. С ним был еще один мужчина азиатской внешности. Ему было около сорока пяти, может, чуть больше. Смуглолицый, коренастый, маленького роста, он при этом имел такие широкие плечи, что Масик и Дениска смотрелись по сравнению с ним нескладными подростками. Наверняка бывший борец, определил про себя Рост. Его предположение подтвердилось, когда вблизи он увидел уши азиата – бесформенные куски плоти, как застывающий воск.

– Это Адил, – представил смуглолицего Квадрат.

Перед тем как начать беседу, Масик обыскал Роста и его немногословного напарника. У Роста изъяли паспорт. Квадрат пояснил:

– Не обижайся, Рост, обычная конспирация. Получишь завтра, после работы. Если жив останешься, хе-хе, да ладно, шучу, шучу... Да-да, такие дела... Давайте присядем и пройдемся еще раз.

Они сели на скамейку, и Квадрат подробно повторил обязанности каждого из них.

– Адил и Масик будут с вами в машине, – сказал он в довершение. – Никакой самостоятельности, если хотите остаться живыми. Ну, вроде все. – Он утер пот со лба и посмотрел поверх очков на Роста.

– Осечек не выйдет?

Рост подобрался.

– Лично я не уверен в успехе, – сказал он, и Квадрат ослабился.

– А тебе и не надо быть уверенным, – злоеще прозвучал его голос, – ты не за это долг отработываешь. Делай, что говорят, вот и все дела.

– Как я могу что-то делать, если вот он, – едва сдерживаясь, Рост указал на сидящего истуканом мужчину, – похож на фонарный столб?! Я даже не знаю, как его зовут, а ты хочешь, чтобы завтра я с этим человеком шел на такое дело? Квадрат, это на тебя не похоже!

– Наконец-то ты начал говорить как настоящий мужчина, – краем рта улыбнулся Квадрат. – Не ссы, Рост. Он славный малый, только сегодня пробуксовывает. Что касается его имени, то называй его... к примеру, Игорьком. Или Володькой, один хрен. К твоему сведению, он все понимает, все слышит и мотает на ус. Да, вот что еще. Если же все-таки фортуна развернется к вам задом и вас заметут, забудьте все, о чем мы с вами говорили. Косите под психов, играйте в молчанку, в общем, делайте что хотите. Но если хоть один легавый услышит мое имя, лучше, ребята, вскрывайтесь прямо в камере. Иначе срок ваших жизней будет измеряться не годами, а секундами. Все, малыши, я с вами прощаюсь до завтра. Жду с нетерпением и только с хорошими новостями.

Визгливо засмеявшись, Квадрат вышел на крыльцо. Вслед за ним вышел Масик, и они еще о чем-то говорили вполголоса.

Затем их снова заперли в комнате.

– Ну, ты так и будешь молчать? – безнадежно спросил Рост. Мужчина вскинул на него глаза, и Рост поразился, сколько было в них безудержного горя и тоски. Он показал себе на рот и замотал головой.

Рост опустил на кровать, пытаясь поверить в то, что изобразил этот человек. Господи, да он немой!

– Ты не можешь разговаривать?

Тот кивнул.

– А слышишь? – без особой надежды спросил Рост, и тот энергично закивал головой. Он достал из заднего кармана брюк стержень от ручки и сделал жест рукой, показывая, что может написать. Рост вынул из тумбочки копию карты.

«Владимир», – написал тот дрожащей рукой на обратной стороне листа.

– Ты понимаешь, чего от нас хочет этот мудила? – испытующе глядя на него, спросил Рост.

Владимир кивнул, причем на этот раз его глаза злобно загорелись.

– Пиши убористо, чтобы места хватило, – посоветовал Рост «заговорившему» коллеге по несчастью. – Нам с тобой ой как много нужно обговорить...

Они обсудили все основные вопросы взаимодействия проведения операции.

«Надеюсь, ты умеешь обращаться с оружием?» – написал Владимир, и Рост криво усмехнулся. Вместо ответа он задрал рубашку на спине и продемонстрировал напарнику шрамы от осколков. Тот понимающе кивнул и снова зацарапал на бумаге:

«Я не хочу убивать. Но иного выхода при нашем раскладе нет. Эти ребята тоже не пальцем деланные, и если не мы, то они нас. Я хочу, чтобы ты это усвоил. Никаких соплей, все эмоции спусти в унитаз».

Уж этому Росту учить не нужно было. Теперь, когда перед ним стояла четкая цель, мозг, изнывающий от неопределенности все эти долгие ужасные дни, с жадностью впитывал нужную информацию, анализировал ее и моделировал возможные линии поведения при непредвиденных обстоятельствах.

«Я бы сам пришел эту суку, – глаза Владимира снова сверкнули, и Рост понял, что речь идет о Квадрате. – Но у него мои родные...»

На бумаге еще оставалось место, и Владимир немного рассказал, точнее, написал о себе. Бывший спецназовец, уволен со службы за превышение пределов необходимой обороны (покалечил грабителя при задержании). Подходящей работы не оказалось, встретил Квадрата, тот предложил войти в долю какого-то сомнительного дела. Подробности Владимир не указал, но Рост понял, что ситуация, в которой оказался его товарищ, не многим отличается от его собственной. Только, в отличие от Рост, у него есть жена и крохотная дочка, больная эпилепсией.

«Если мы не возьмем эти мешки, Квадрат убьет их». – В этом месте рука Владимира задрожала, и в уголках глаз показались слезы.

По поводу своей немоты Владимир просто нарисовал квадрат. Рост решил ничего не уточнять.

«Сработаемся, Рост. Считай, что завтра ты снова окажешься на войне. Тебе так будет легче», – миниатюрным почерком написал в уголке исписанного листа Владимир, так как свободного места уже не было.

Они легли спать далеко за полночь.

Будить Роста не пришлось, он проснулся сам. Светало, хотя над убогой кроватью и стлался свинцовый сумрак. Владимир сидел на полу, на губах играла горькая усмешка, глаза лихорадочно блестели.

«Похоже, он вообще не спал», – подумал Рост.

В дверях загремели ключи, и на пороге появился Дениска.

– Фтать, – зевая, сказал он. Пластины, поддерживающие раскрошенную челюсть, делали его речь похожей на лепет трехлетнего ребенка. Поковырявшись в ухе, он с интересом уставился на ноготь, изучая прилипшую серу. – Фяй-хуяй фами фебе фдеваете.

Росту не составило большого труда догадаться, что «фяй-хуяй» скорее всего означал чай.

– На фе про фе дефять минут. Потом переовеваться. И беф футок.

Рост обратил внимание, что телохранитель Квадрата уже был облачен в ярко-оранжевую униформу, на спине которой сиял лэйбл «Мосстройжилсервис». Адил тем временем прогрел машину.

Наскоро выпив обжигающего чаю, Рост и Владимир переоделись и вышли наружу. На них снова надели повязки и, подгоняя пинками, стали заталкивать в «Газель».

– Февелите вопой, говновавы, – поторапливал Дениска.

Рост обернулся.

– Надеюсь, дружок, мы с тобой как-нибудь закончим наш разговор. Так что скорей вылечивай свою челюсть, фефективный.

За это Рост получил по уху, но он лишь улыбнулся. Открыто и искренне.

– Ты скоро окажешься на моем месте, Дениска, – мягко сказал он и залез в салон машины. Верзила что-то буркнул и захлопнул за ними дверь.

– Ну, братка, – прошептал Рост Владимиру, – молись.

Тот улыбнулся мертвой улыбкой.

«Газель» выехала на магистраль и понеслась в сторону Москвы.

*«...В наших венах – огонь, не собачья вода,
Ночь Валгаллой в объятьях сомнет.
Я в свободу вцеплюсь, остальное отдам,
А зачем? Кто не жил – не поймет...»*

Е.С.Т. «Ночные волки»

*«У меня была бомжиха, Рак по гороскопу,
Почему-то никогда не давала в жопу...»*

Из фольклора бродяг

Юра проснулся рано. Кляксич уже пришел в себя и даже пытался ходить. Его болтало, как пирата на палубе во время шторма, который к тому же перебрал рома, он постоянно заваливался на бок – остаточные явления наркоза. Кот пытался вылизать забинтованный обрубок, однако вкус лекарства ему явно не понравился. От еды Кляксич отказался, зато выпил много воды.

«Что же с тобой сделали», – с горечью думал Юра, глядя на кота. Из красавца он в один вечер превратился в калеку. У Юры было предчувствие, что дорожки с этими студентами еще пересекутся.

Он пытался вспомнить вчерашний вечер, но тщетно. Только помнил, что приехал в клуб к Иве, о дальнейшем история умалчивает. Почему-то воспоминание об Иве вызвало у него странное чувство гадливости.

После обеда он встретился с Алисой. Они сходили в салон связи, подключили мобильник, затем поехали в больницу к ее матери. По дороге Юра купил фруктов и минеральной воды, хотя Алиса его и пробовала отговорить. В машине у него лежал еще один пакет, который он тоже собирался пронести в палату к матери Алисы.

– Как твой кот? – спросила Алиса, когда они сели в машину.

– Пока не очень, но сегодня отойдет. Завтра на перевязку.

– Юра, как ты думаешь... – Алиса прилагала усилия, чтобы ее голос звучал спокойно, но видно было, что она все еще волнуется. – Они точно не станут заявлять в милицию?

– Они, заявлять?! Это я должен подавать на них в суд за то, что они натравливали на нас своего пса.

Юра представил себе долговязого, которому он свернул нос. Нет, такой тип скорее соберет дружков и будет пытаться выловить его, чтобы отомстить. Больше на эту тему они не говорили.

Они въехали во двор больницы и вышли из машины.

– А здесь у тебя что? – указала Алиса своим очаровательным пальчиком на второй пакет.

– Надо, – уклончиво сказал Юра.

Мама Алисы ему понравилась. Худенькая, с хрупкой талией, она была примерно одного роста с Алисой, и с первого взгляда их вообще можно было принять за сестер. Лишь тонкие лучики у глаз и выступающие жилки на привыкших к работе руках выдавали ее возраст.

Юра представился.

– Надежда, – просто назвала мама Алисы свое имя. Она разглядывала его с любопытством, переводя взгляд на немного смущенную дочь. Увидев фрукты, она искренне обрадовалась.

– От этих каш уже воротит, – пожаловалась она.

Кроме Надежды в палате были еще две женщины, одну из которых отправили на процедуры.

Они поговорили о всяких пустяках вроде погоды и геополитической ситуации в стране, а Юра все никак не мог решиться сказать то, с чем он, собственно, и пришел сюда. Он чувствовал странную робость перед этими маленькими красивыми женщинами.

– Когда тебя выписывают? – спросила Алиса, и Надежда ответила, что, возможно, на следующей неделе.

– Ладно, что я вас задерживаю, – спохватилась она. – Юра, наверное, по делам спешит.

– Никуда я не спешу, – улыбнулся он. О том, что он уже неделю не появлялся в университете, Алисе он, естественно, не говорил. Он кашлянул, чувствуя, что нужный момент наступил.

– Надежда, вы не против, если мы с Алисой поженимся?

Он ожидал бурной реакции, сопровождаемой демонстративным хватанием за сердце,

оханьем и аханьем. Однако брови женщины красиво изогнулись, губы тронула улыбка.

– А она сама-то не против?

Алиса выглядела ошарашенной. Ее прелестное личико заалело, она потупила взгляд, но Юра смотрел ей прямо в глаза с вызовом, мол, я же предупреждал тебя, нечего было так долго думать...

– Я... Юра, я же просила тебя... – беспомощно пролепетала она, став похожей на нашкодившего ребенка. – Это... ну ты совсем, – совершенно растерявшись, сказала она, и Юра с Надеждой рассмеялись.

– Алиса, как я могу дать согласие, если ты не можешь сказать ничего вразумительного? – поинтересовалась мама, делая строгое лицо, но Юра заметил, что ее глаза заблестели. – Юра же не козу у меня пришел покупать!

Видя, что девушка чувствует себя неловко, Юра поспешил достать из пакета бутылку шампанского.

– Я думаю, медперсонал не будет против, – церемонно сказал он и занялся пробкой.

– Ой, тут, наверное, нельзя, – теперь уже засмущалась Надежда. – Юра, это уже лишнее...

– Все в порядке.

Его ровный и спокойный голос действовал как анестезия. Пока он открывал шампанское, мать и дочь обменивались взглядами. Женщина, лежащая на соседней койке, с неприкрытым любопытством прислушивалась к разговору.

Когда вино было розлито в пластиковые стаканчики, Юра вынул из пакета красивую коробочку с орхидеей.

– Это вам, – он протянул цветок Надежде, и женщина с благодарностью приняла подарок.

– Однако, это новость, – сказала она после недолгого молчания, чуть пригубив вино. – А сколько ты знаешь Алису, Юра?

Этого вопроса он ждал и поэтому ответил быстро:

– Достаточно для того, чтобы принять такое решение.

И все. Больше Надежда ни о чем не спрашивала. Лишь напоследок сказала:

– Вы хоть дождитесь, когда я выпишусь. Накроем стол, познакомимся с твоими родителями.

– Я не живу с ними, – тон Юры прорезали жесткие нотки. – И их мнение никак не повлияет на мое решение.

Надежда выглядела сконфуженной.

– Ну, хорошо, – заторопилась она. – Тогда до встречи.

– Юр, ты сошел с ума! – выпалила Алиса, когда они вышли на улицу.

– Почему? – удивился он. – Я сделал то, что считал нужным. Теперь все зависит от тебя. Как ты решишь, так и будет.

– О, мама родная, – пробормотала девушка, усаживаясь в машину.

«Я действительно сошел с ума. С того самого момента, как только тебя увидел», – Юра не успел переварить эту мысль, как из недр сознания всплыл знакомый голос:

«Ты давно сошел с ума. У тебя начались провалы в памяти. Тебя скоро выкинут из института.... Или посадят в тюрьму. А учитывая, что творится в твоей башке, ты скорее всего отправишься в психушку... или тебя зарежут на какой-нибудь акции...»

– Может, посидим где-нибудь? – предложил он. – Я тебя не тороплю и готов ждать сколько нужно...

– Дай мне подумать до завтра, – тихо попросила Алиса, дотронувшись до его руки.

Юра ликовал. Она не сказала «нет»! Теперь он станет молиться всем богам, чтобы она согласилась быть рядом с ним.

Они пошли в небольшой, но очень уютный японский ресторан. Алиса оказалась в нем впервые, и было забавно наблюдать за ней, когда она пыталась подцепить палочками очередную порцию «роллов». Они срывались и шлепались обратно на тарелку, разбрызгивая соевый соус. Видя мучения Алисы, Юра предложил ей вилку, но девушка продолжала стойчески тренироваться.

Он зажег свечи, когда ему пришло SMS-сообщение. Юноша вздрогнул. По какой-то необъяснимой причине ему не хотелось смотреть, кто и что ему прислал.

– Алиса, – проговорил он. В отблесках свечи он видел перед собой огромные серьезные глаза своего ангела. – Ты... останешься сегодня у меня? Я очень прошу тебя. Мне без тебя плохо.

– Правда? – произнесла она едва слышно, и Юра кивнул.

– Хорошо...

Юноша замер на мгновение, не веря своим ушам. Великие боги, она согласилась?! Нет, пожалуй, сегодняшний день самый счастливый в его жизни!

Потом они поехали домой, Алиса без всяких приглашений пошла в ванну. Сияющая и свежая после душа, запахнувшись в махровый халат Юры, она выглядела по-домашнему трогательной.

– Я могу постелить тебе в гостиной, – в голосе Юры пробивалось сожаление. Конечно, то, что она у него дома – уже счастье, но думать, что она окажется рядом с ним на одной кровати, он даже не смел. – Одеяло и подушки сейчас принесу.

– Ты оставишь меня одну? – с легким смущением спросила Алиса. – Я не хочу... спать одна.

Юра молча поднял ее на руки и отнес в комнату. Потом был рай. Юра никогда не чувствовал себя так хорошо, оргазм был, подобно цунами, ошеломительным, сладким и, на удивление, долгим. Ничего похожего раньше с ним не было.

Гюрза прочитал SMS-сообщение уже глубокой ночью. Алиса крепко спала, уткнувшись носиком в его грудь, и посапывала, совсем как ребенок.

«26 я-во».

И зловещая подпись – «Хирург».

Его словно подбросило. Второе июня, Ясенево. Он совершенно забыл, что поручил Алексу в ближайшие дни сообщить место новой акции. Осторожно, стараясь не разбудить ангела, Юра убрал телефон. Заснул он не скоро.

«Газель» припарковалась очень удобно – лицом к дороге и полузадом к воротам банка, всем видом говоря, что вырытый посередине улицы котлован интересует ее и мужчин в оранжевой спецодежде намного больше, чем какой-то там «Метрополь» с их миллионами.

– Получай пушки, – Адил сделал знак Масику. Тот выдал Росту и Владимиру пистолеты. Говорил Адил с ярко выраженным армянским акцентом.

– Патроны-то хоть настоящие? – Рост зачем-то понюхал ствол «ПМ». Ноздри кольнул запах гари, и это его не удивило. Он был уверен, что стволы наверняка «мокрые».

Адил игнорировал вопрос Роста. Он вообще старался не обращать на них никакого внимания, и его редкие взгляды на двоих были преисполнены полного презрения.

Рост с Владимиром проверили обоймы, сняли предохранители. На какой-то миг в голову Роста закралась сумасшедшая мысль – разрядить пол-обоймы в этих уродов, затем взять за яйца дожидającego Дениса и навестить Квадрата. Адил будто прочитал его мысли и жутко улыбнулся:

– Ты, пидарас, лучше думай о другом.

Рост молча проглотил обиду, он и сам видел – дуло укороченного «калашникова», покоящегося на коленях армянина, говорило само за себя.

Рост вынул из кармана платок – его, как и стержень от ручки, оставили при обыске. Он повязал его вокруг шеи. Потом они с Владимиром спрятали оружие и вышли из машины, вдыхая утренний воздух. Несмотря на то что они находились почти в центре столицы, в воздухе чувствовалась некая свежесть, которая всегда напоминала Росту о детстве. В руках у него были обрезки труб, тренога, оканчивающаяся какой-то замысловатой конструкцией вроде фотоаппарата, и рулетка. Владимир держал «уровень» и сверток с ключами. Неужели через несколько минут все произойдет?

Адил вышел вслед за ними, изображая прораба. Громко крича: «Давай, чини это дирмо», он указывал на дно ямы, где переплетались трубы, присыпанные песком и грунтом, приказывая им спуститься. Сам он стал устанавливать треногу, периодически поглядывая в окуляры, словно никак не мог разглядеть таинственные небесные тела.

На улице было тихо. Ковыряясь с трубами, Рост боковым зрением увидел, что из здания ворот вышел облаченный в черную униформу охранник банка. Он окинул цепким взглядом «Газель», задержал внимание на копошащихся Владимире с Ростом, зажег сигарету и направился к Адилу. Рост не слышал, о чем они говорили, но видел, как Адил достал из внутреннего кармана сложенные вдвое листы и принялся тыкать их в лицо секьюрити. До Роста долетали обрывки гневных фраз: «...командир... будто мне больше всех нада... а тут еще бабка жаловаться – труба газ воняет... звони мои начальники...»

Удовлетворившись объяснениями Адила, охранник щелчком ногтя отправил окурок в котлован и неторопливо удалился.

Рост посмотрел на часы. 7.40. Прямо как в известной песне.

Адил вернулся в машину. Сквозь плохо вымытое стекло Рост видел его напряженное лицо. 7.43.

Рост дал знак Владимиру вылезать из ямы. Ухватившись за руку молодого человека, тот ловко выкарабкался наверх. Рост видел, что лоб его напарника покрыт мелкими бисеринками пота.

7.45.

Из-за угла показался бордовый «Форд Фокус». Машина остановилась недалеко от ворот

банка, из нее вышел крепко сбитый мужчина лет тридцати пяти с глянцево зализанной назад прической. На нем был хороший костюм, лицо выражало уверенность и твердость характера. Он кивнул выглянувшему охраннику, и Рост понял, что он здесь неспроста. Был ли кто еще в машине, Рост не видел, так как окна были тонированы.

7.49.

Наконец показался инкассаторский броневик. Рост внутренне подобрался, бросив быстрый взгляд на мужчину возле «Форда». Но тот оставался на месте, более того, увидев инкассаторскую машину, он сделал несколько шагов навстречу. Броневик остановился прямо напротив входа в банк. Рост прикинул расстояние до дверей – как и говорил Квадрат, около десяти-пятнадцати метров. Едва они выйдут, нужно действовать. Единственное – его смущал этот крепыш в костюме. Кто он и что здесь делает?

Волоча за собой гнутую трубу, Рост заорал, обращаясь к Адилу:

– Ни хрена она не подходит, Гиви! Переходник нужен другой!

Он подошел к «Газели», и Адил опустил окно:

– Я тебе, билядь, никакой не Гиви, – вполголоса сказал он. – Понял, ишак пердячий?

– Заткнись, – зло прошептал Рост. – Ты должен нас прикрыть. Этот мужик в костюме... Он мне не нравится.

– Нравится, не нравится, нашелся пидарас... Ты с ним что, в писки-жопки-зажималки играть собрался? Пшел отсюда, – зашипел в ответ Адил. Его лицо выглядело испуганным – он тоже не ожидал появления посторонних и теперь замешкался, не зная, как действовать. Перспектива же вступать в перестрелку его однозначно не прельщала.

– Квадрат приказал прикрыть нас, – напомнил ему Рост. – Или ты, сука, хочешь на чужом горбу в рай въехать?

Но Адил уже поднял стекло, что-то тихо говоря Масику. Выругавшись про себя, Рост вернулся к котловану. Владимир складывал треногу, медленно, как в показровой перемотке фильма. Лицо его было блее бумаги.

Двери броневика распахнулись, и Рост увидел начищенный до блеска военный ботинок. Затем второй. Потом еще пару. Два охранника, один водитель, как и предупреждал Квадрат. Двери закрылись. Охранники в бронежилетах, за спинами висели помповики, в кобурах покоились пистолеты, все как положено. В глаза Роста бросились увесистые мешки в руках секьюрити. Три мешка и, судя по всему, тяжелые. Рост попытался вспомнить «Отче наш».

Мужчина в костюме подошел к одному из охранников и поздоровался с ним за руку. Троица направилась в банк.

– Вперед, Вольдемар, – процедил Рост, бережно кладя трубу на асфальт. «Отче наш» он так до конца и не вспомнил. – С водилой разберемся потом. Ты мне нужен на передовой...

Владимир облизнул потрескавшиеся губы и моргнул глазами, показывая, что все понял. Прошептав: «Господи, прости меня», Рост натянул на нос платок и бросился вперед.

Пистолет легко прыгнул в руку, почти как живой.

Первый выстрел, разорвав утренний воздух, снес впереди идущему секьюрити ползатылка, расплескав мозг студенистой массой. Он прошел по инерции еще два шага, затем его словно с силой толкнули в спину, и он грузно упал, подмяв под себя мешок, толкнув при этом плечом мужчину в костюме.

– Лежать! – страшно закричал Рост. Идущие следом охранник и мужчина в костюме быстро развернулись, причем второй сразу перекатился вбок, рука метнулась за пазуху. Почему-то именно этот жест вызвал у Роста почти животный страх, и его мозг пронзила мысль: «Если и ждать опасности, то только от него».

Тут же откуда-то справа выстрелил Владимир, и второй охранник, охнув, припал на одну ногу – пуля прошла ему бедро. Рост выстрелил в мужчину в костюме и промахнулся. Вслед последовало еще два выстрела – Владимира и мужчины в костюме. Пуля, выпущенная Владимиром, попала в горло раненному в ногу секьюриту, расплескав кадык. Охранник, продолжая сжимать в руке мешок, упал навзничь. Одновременно покачнулся Владимир, его плечо быстро темнело от крови.

– Уйди, дурак, – не сводя пистолета с «костюма», проговорил Рост. Краем глаза он видел, как из броневика выбирается третий охранник. Владимир, скривившись от боли, выстрелил в «костюм», но промахнулся. Пуля попала в огромную стеклянную дверь банка, обрушив на асфальт водопад искрящихся льдинок. «Костюм» выстрелил еще раз. На этот раз пуля попала в грудь Владимиру, и он тяжело рухнул.

Рост и «костюм» выстрелили почти одновременно. Пуля «костюма» прочертила длинную борозду в правом боку куртки Роста, лишь слегка оцарапав кожу. Выстрел Роста был удачнее – пуля отбросила «костюм» назад, но пистолета он не выронил. Из банка выскочил охранник, несколько минут назад кутивший у котлована, он что-то кричал в рацию, доставая на ходу пистолет. Рост поднял свой «ПМ», но раздался еще один выстрел, и его локоть что-то обожгло. Значит, третий секьюриту все-таки достал его.

– Руки! Руки за голову, суки!!!

Не успел Рост принять решение, как послышалась автоматная очередь. Адил! Послышался новый звон битого стекла, несколько пуль попали в переливающиеся золотом буквы «МЕТРОПОЛЬ». Отскакивая, они оставляли на них глубокие царапины. Кричащий в рацию охранник надломился и, как-то странно вытянув руки, упал на труп одного из секьюрити. Пистолет он так и не успел вытащить.

Рост обернулся, сжимая в руках ставший скользкий от пота пистолет. Водитель, ранивший его в руку, упал на колени, схватившись за живот. Очевидно, он был без жилета и теперь тщетно пытался зажать страшные раны руками.

– Быстрее, шайтан тебе в сраку! – вопил Адил, размахивая автоматом. С округлившимися глазами и «калашом» он чертовски смахивал на одного из «духов», с которыми совсем недавно воевал сам Рост. Прозвучал еще один выстрел, и Адил замер на полуслове, тело его согнулось, словно у него внезапно возникла резь в желудке, и он стал пятиться назад. Автомат выпал из его рук, с лязгом упав на асфальт.

Рост лихорадочно искал источник выстрела. Только сейчас он услышал, что в банке уже вовсю трезвонит сигнализация. Тем временем «костюм» приподнялся на локтях и стал целиться в Роста. Черное дуло пистолета едва заметно подрагивало.

– Масик, – прошипел истекающий кровью Адил. Рост навел пистолет на «костюм», нажал на спусковой крючок и похолодел – вместо привычного грохота прозвучал жалкий щелчок. Осечка! «Костюм» выстрелил, но пуля прошла мимо, пробив колесо припаркованной неподалеку «Ауди». Рост, предприняв еще пару неудачных попыток дослать патрон, бросился к автомату, который выронил Адил. Неожиданно он столкнулся взглядом с Масиком, в безмолвном ужасе наблюдавшим за бойней. Он сидел как деревянный чурбан, мертвой хваткой вцепившись в руль, и было видно, что у него нога чешется вдавить педаль газа до отказа в пол и дать деру.

Развернувшись, Рост выпустил в «костюм» весь оставшийся рожок. Тело мужчины, прошитое смертоносными пчелами, дергалось, как если бы через него пропускали ток в тысячу вольт. Наконец «калаш», зло выплюнув последнюю гильзу, замер. В воздухе плавал запах крови и дыма.

– Масик, – безостановочно повторял Адил. Лицо его стало белым, как бумага, губы

тряслись. Рост бросился к мешкам. В голове стучало: «Только бы успеть...»

Чуть не сбив по дороге сидящего в луже собственной крови Адила, он покидал мешки в распахнутые двери «Газели», затем ринулся к Владимиру. Тот тяжело дышал, веки покрылись легкой синевой. Губы что-то шептали, грудь ходила ходуном, словно у него внутри находилось что-то живое и теперь, разбуженное выстрелами, отчаянно пыталось выбраться наружу.

– Давай, братка. – Рост потащил Владимира к «Газели». Он видел, что второй охранник, находящийся внутри банка, поднял рацию и что-то торопливо говорил. Выйти наружу он не решался.

– На х... ты это говно приволок?! – взвизгнул Масик, когда Рост стал запихивать тело Владимира в машину. – Брось, слышь?!

– Пошел к ебням, – коротко бросил Рост. В руках у Масика появился «ПМ».

– Все равно Квадрат приказал вас кончить, – пробормотал он. – Какая, в жопу, разница, где.

Он навел пистолет на Роста, но тот ждал этого. В том, что скорее всего их ликвидируют сразу после ограбления, он перестал сомневаться еще вчера. Сказалось армейское чутье, благодаря которому он смог выжить в горах Чечни, но которое почему-то подвело его здесь, за столом, оббитым зеленым сукном, из-за чего и заварилась эта каша. Поднимая Владимира, он прихватил пистолет, из которого его напарник успел произвести всего три выстрела. Грохот вновь сотряс пространство, и Масик стал медленно сползать вниз. Посреди его лба чернела аккуратная дырочка, из которой толчками стала выплескиваться кровь.

«Это тебе за аквариум», – мысленно проговорил Рост. Он закрыл дверь и побежал к водительскому сиденью. Только бы успеть...

– Масик, – как заведенный, жалобно стонал Адил. – Больно, билядь! Масик!

Рост приставил к его голове дуло пистолета, но раздумал – все-таки он спас его жизнь.

– Прощай, Адил.

Он не без труда вытащил обмякшее тело Масика наружу и прыгнул за руль. Машина завелась сразу. Вся перестрелка заняла от силы минуту, даже меньше, но Росту эта минута показалась целой вечностью. Уезжая, он бросил взгляд на поле битвы – дым уже рассеялся, и его взору предстала страшная картина. Из охраны уцелел лишь водитель инкассаторского автомобиля – он все так же сидел в полной неподвижности, крепко прижав к животу руки, бессильно опустив голову.

Рост старался привести свои мысли в порядок. Этот второй охранник, находящийся в банке, конечно же, описал их «Газель», так что от машины необходимо было избавиться как можно быстрее. Он вырулил на Ленинский проспект. Рост помнил, что по ходу движения должен быть парфюмерный магазин, следом за которым будет арка.

Итак, что он имеет. Он ранен в руку, это плохо. Три мертвых охранника, один умирает, плюс «костюм» и истекающий кровью Владимир. Масик тоже мертв, Адил умрет, в этом нет сомнений.

«Не много ли жизней за одну игру в карты?» – мелькнула мысль, и Росту стало тошно.

С левой стороны появилась вывеска:

«АРОМАТ НОЧИ»

Сразу же за магазином он увидел арку. Эх, была не была... Рост въехал во двор.

Он увидел, как стоящая у подъезда зеленая «восьмерка» нервно поморгала фарами, и заглушил мотор. Во дворе почти никого не было, за исключением молодой женщины с коляской, читавшей книгу на лавочке.

– Володя, – тихо позвал Рост. Лежащий на полу мужчина приоткрыл глаза. Лицо Владимира стало изжелта-серым. Он открыл рот, что-то намереваясь сказать, но оттуда пошла кровь.

– Молчи. – Рост видел, что тот умирает на глазах, и ненавидел себя за то, что ничем не может ему помочь. Перевязать нечем, везти в больницу – все равно что убить.

За окном появилось взволнованная физиономия Дениски.

– Бабки вял?

– Помоги мне, – сказал Рост, вылезая из машины. – Он ранен.

– Фтоять, – прокартавил Дениска, наставив пистолет на Роста. – Где бабки?

– Все здесь, – сказал Рост. У него начала кружиться голова. – Мой напарник ранен, – повторил он. – Ему нужен врач.

– Х... ф ним, – пропустив мимо ушей фразу Роста, сказал Дениска. Увидел на полу «Газели» мешки, глаза его округлились, и он непроизвольно опустил руку с пистолетом. Рост с отвращением смотрел на него. Деньги вытеснили у этой обезьяны все мысли, он даже не поинтересовался, где Масик с Адилем!

– Х... с ним? – задумчиво переспросил Рост и вытащил из кармана руку с пистолетом, ствол которого все еще был теплый. Эх, как он не хочет пугать эту миловидную девушку с коляской и мирно посапывающего в ней карапуза!

Выстрел настиг Дениску, когда он, позабыв о всякой осторожности, полез в салон за деньгами.

Рост был прав – сразу после выстрела раздался плач ребенка, женщина вскочила с лавки и, закрывая собой коляску, быстро-быстро направилась к подъезду. Рост наклонился над Владимиром. Его губы уже стали лиловыми, глаза закатились. В какой-то момент веки приподнялись, он вздохнул... и умер.

Чтобы перекидать мешки в «восьмерку» и завести машину, Росту потребовалась минута. Хорошо, что этот остолоп оставил ключи в замке зажигания. Куда больше времени ушло на снятие ветровки и брюк с Дениски. Как ни было противно, но ему пришлось это сделать – в дурацкой ярко-оранжевой униформе его вычислят в два счета. Все это время во дворе стояла тишина, но Рост был уверен, что у домов есть глаза и они наверняка сейчас внимательно разглядывают его из окон и с балконов. Послышался лай собаки, и из арки показался мальчуган лет восьми с лохматой псиной на поводке. Рост выжал сцепление и, едва дыша, тронулся с

места. Мальчик проводил его внимательным взглядом. Собака гавкнула и завиляла хвостом.
Теперь его жизнь в руках божьих.

– Что это? – спросил Юра. Он осторожно взял Алису за подбородок и приподнял голову девушки. Она молчала, но по ее прекрасному лицу побежали слезы. На щеке Алисы виднелась свежая ссадина, словно по коже провели грубым наждаком.

– Что это, Алиса? – повторил Юра, на этот раз голос прозвучал жестче. Девушка не выдержала и разрыдалась.

Юноша прижал ее к себе и гладил по волосам, вдыхая одуряющий запах ее великолепных волос. От них, как всегда, исходил аромат лесных цветов и детского шампуня. Утро началось так хорошо, он пошел в институт, уладил проблемы со своими пропусками, снова стал посещать тренировки... А тут такая новость.

Пока она, давясь слезами, рассказывала, Юра подумал о том, что, увидев разбитую щеку, сразу понял, чьих рук это дело. Дима, этот гребаный шланг, торчок. Он поджидал ангела возле дома и сразу влепил ей пощечину. Цель – во что бы то ни стало узнать его адрес.

– Юрочка, прости меня, – захлебываясь, проговорила она, крепко прижимаясь к нему всем телом. – Он достал какую-то банку и сказал, что в ней кислота. Он пригрозил, что если я не скажу, где ты живешь, он сожжет мое лицо... А потом так же поступит с сестрой.

Юра сжал зубы с такой силой, что у него заныла челюсть. Черт бы побрал этого наркошу! Впрочем, вся вина за ссадину полностью лежит на нем.

– Он сказал, что ты должен денег ему и какому-то Дрону. Наверное, он имел в виду Андрея, его друга, поскольку он что-то говорил о собаке, – продолжала Алиса. Она стала понемногу успокаиваться, но ее тельце все еще дрожало, как в ознобе.

– Он ударил тебя только... по лицу? – глухо спросил Юра. Алиса, чуть помедлив, призналась, что бывший кавалер стукнул ее еще два раза, в грудь и плечо.

– Ты дала ему мой адрес? – как можно мягче спросил Юра.

Алису снова затрясло.

– Юра, прости...

– Да или нет?

– Я назвала только телефон. Сказала, что адреса не знаю.

Она подняла голову, полные слез глаза умоляюще смотрели на юношу.

– Ты меня ненавидишь?

– Брось, – сказал Юра. Как он мог ненавидеть своего ангела? Глядя на красноватую припухлость на щеке, он чувствовал, как тихая, ослепляющая ярость заполняет все его нутро. С другой стороны, он был поражен – среди бела дня на улице к девушке подваливает какой-то мудозвон, бьет ее по лицу, достает банку с кислотой (в чем Юра сильно сомневался, он скорее бы поверил, что долговязый наполнил банку собственной мочой) и угрожает выжечь ей лицо?!

Он уже знал, что будет делать, единственное – чтобы Алиса ничего не заподозрила. Правда, для этой цели ему понадобится помощь Алекса, хотя у них в последнее время слишком много разногласий. Ему даже немного стало жаль этого Диму – дурачок, он даже не знает, во что ввязался.

– Юра, что нам теперь делать? – спросила Алиса. Она достала из кармана крошечный платочек и стала вытирать глаза. – Они теперь не отстанут от тебя. Мне кажется, нужно пойти в милицию.

– Успокойся, – Юра поцеловал ангела в макушку. Глядя на резвящихся зайчиков, изображенных на носовом платке Алисы, он решил, что больше никогда в жизни не позволит упасть волоску с ее восхитительной головки. – Все будет нормально. Думаю, твой Дима... хм...

просто запугивал тебя.

– У тебя ведь не будет проблем? По телефону не так-то просто вычислить адрес? – спросила девушка с надеждой.

Юра кивнул, не желая ее расстраивать. Бедный ребенок, она даже не знает, что на Митинском рынке за сто рублей сейчас можно купить любые базы данных.

Они поговорили еще немного, и Алиса засобиралась к матери. Юре очень не хотелось отпускать ее одну, но ему нужно было везти Кляксича на перевязку. Взяв обещание, что девушка поедет в больницу и обратно на такси, он дал ей денег. Проводив Алису, он заскочил в оружейный магазин, где приобрел для нее газовый баллончик, после чего направился домой.

Дома его ждал сюрприз. Вся обшивка металлической двери была изрезана в лохмотья, а на самом верху, где располагался номер квартиры, красовалась кривая надпись, намалеванная чьей-то нетвердой рукой:

«СУКА».

Вот так. Коротко и ясно. От этих четырех букв веяло неприкрытой злобой. Присмотревшись, он увидел, что надпись выполнена чем-то темно-красным. «Уж не кровь ли это?» – на мгновение подумал он, но, подойдя вплотную и осторожно вдохнув, понял, что это всего лишь кетчуп. Кроме этого, остро пахло мочой, и Юра сжал кулаки. На что еще способны эти членососы? Искромсать обшивку да нассать под дверь. Ну, еще ругательство написать. Он не удивился бы, если бы вместо «сука» было написано «Юрка дурак». Ну что ж, отлично. Быстро же эти студенты вычислили его квартиру, ничего не скажешь.

Не теряя времени, он набрал номер Алекса. Тот сначала недовольно поинтересовался, для чего ему нужна та «очень важная штучка», но Юра решил не посвящать его в свои планы. В итоге Алекс обещал помочь, но не раньше, чем через пару-тройку дней.

Удовлетворенный, Юра подхватил уже немного окрепшего Кляксича и повез его на перевязку.

– Кто это был? Гюрза? – спросила Алекса Нелли. Она лежала на кровати с бокалом вина, и из одежды на ней было лишь прозрачное парео. Она протянула стройную обнаженную ножку к Алексу. Тот, облаченный в одни шорты, был занят важным делом – разжигал кальян. Гюрза позвонил, как всегда, некстати, но он обещал помочь ему.

– Ну, так чего он хотел, наш командир боевой? – не отставала Нелли. Ей явно хотелось подурачиться – босая ступня мягко легла на промежность юноши. Ловкие пальчики стали гладить вожаемое место, и Алекс, раскуривающий табак, поперхнулся.

– Я знаю один классный тайский массаж ногами. Сама не испытывала, но, по свидетельству некоторых, этот массаж доводит до оргазма, – она продолжала поглаживать ступней выпирающий бугорок, глаза девушки искрились, как у кошки, объевшейся сливок.

– Ты сегодня ненасытна, – Алекс бросил наполовину раскуренный кальян и скинул с себя шорты. Нелли томно перевернулась на живот, открыв на спине татуировку – громадного паука с толстыми мохнатыми лапами.

Алекс обожал эту маленькую чертовку, которая доводила его до иступления в постели, выдумывая все новые и новые фокусы, но никак не мог привыкнуть к ее мрачной наколке. Даже сейчас, когда он вошел в нее сзади, ему казалось, что паук на ее спине живет своей собственной жизнью, лениво перебирая огромными лапами и впери в него злой немигающий взгляд. Он вспомнил, что как-то раз, когда он занимался сексом в аналогичной позиции, у него начисто пропала эрекция. Он слез с Нелли, а мрачное чудовище на ее спине нагло ухмылялось... этот паук словно ревновал девушку. Когда он впервые увидел ее татуировку, его чуть не заключил в свои объятия дядя Кондратий. Между тем Нелли объяснила это до идиотизма просто: «Так прикольно». Уже много позже Алекс узнал, что тату она себе сделала, когда околачивалась на Арбате с торчками. Удивительно, что во время экзекуции ей не занесли никакую заразу. Еще удивительней, что Нелли в свое время прочно сидела на героине, причем дело дошло до «дурки», плюс несколько попыток суицида. Сейчас же о прошлом девушки напоминали только едва заметные шрамы на запястьях (Алекс постарался – нашел хорошего хирурга, который сумел избавить ее от уродливых рубцов).

После секса Алекс все-таки занялся кальяном, и вскоре комнату наполнил пьянящий аромат манго и вишни.

Девушка соскользнула с кровати и подошла к высокому шкафу, остановившись перед зеркалом. Алекс отметил, что ей очень нравится любоваться собой. А любоваться, и правду, было чем – прекрасно развитая грудь с шоколадными сосками, плоский живот, крутые бедра, стройные ноги и упругие ягодицы – предел мечтаний многих женщин. Картину портил разве что паук. Глядя, как на привлекательной спине в такт ее движению, словно передразнивая, извивается мохнатое чудовище, он вспомнил, что даже договорился с одним мастером, чтобы тот выжиг лазером эту мерзость, но неожиданно встретил твердый отпор со стороны Нелли.

– Не устраивает, чеши к другой, – коротко сказала она. Чесать к другой, конечно же, можно, у Алекса было несколько так называемых запасных аэродромов, но почему-то именно к Нелли он испытывал нечто большее, чем просто желание выпустить пар.

Алекс заметил, как посерьезнело лицо Нелли, словно она вспомнила что-то важное.

– Представляешь... Иду вчера домой, вдруг ты мне звонишь, а телефон у меня в сумочке. Я пока его вытаскивала, все внутри переворошила. Иду, разговариваю, а меня бомж догоняет. Молодой, но уже весь засранный. Я уже приготовилась ему по яйцам врезать, думала, сейчас приставать начнет... А он мне кошелек протягивает.

– Что-то типа подставы? – недоверчиво спросил юноша.

– Да нет же! Мой кошелек, Алекс! Наверное, выронила, пока копошилась в сумке. Протягивает и так странно улыбается. Ну, я на автомате говорю «спасибо», сую ему полтинник, а он так с достоинством отвечает: «Спасибо, мадам, но я не нуждаюсь». Врубаешься?

– Псих, скорее всего, – Алекс быстро потерял интерес к истории, но лицо Нелли продолжало оставаться серьезным.

– Знаешь, Алекс, в какую-то минуту я увидела его глаза. Да, у него были черные мешки, белки все в полопавшихся сосудах, но сами глаза... В них столько боли... и в то же время тепла. Ты не поверишь, но я почему-то заужала его.

– Один приличный бомж, хотя я в это с трудом верю, погоды не делает, – как можно внушительней сказал Алекс, но девушка пропустила его комментарий мимо ушей.

– Знаешь, откуда взялся этот паук? – неожиданно спросила Нелли. Она повернулась к зеркалу спиной и теперь вытягивала шею, пытаясь разглядеть татуировку.

– Нет, ты же мне ничего не рассказывала, – ответил Алекс с некоторой досадой. Ему совершенно не хотелось слушать историю происхождения на спине своей девушки этого волосатого уroda.

– Один мой знакомый на Арбате показал этот эскиз, и я согласилась. Он хороший татуировщик, но, к сожалению, его уже нет.

Поймав вопросительный взгляд Алекса, она пояснила:

– Он умер. Обожрался паленой водки, и все. Привет Шишкину.

– Ну, так что?

– Дело в том, что раньше они курили травку.

– Удивила ты меня, Нелли. Я прекрасно знаю, какие у тебя раньше были друзья, – недовольно сказал Алекс.

– Перестань, дослушай. Они как-то бомжевали, денег не было вообще, и оказались на какой-то свалке. Было холодно, они раздобыли где-то ширева и спрятались в канализационном стоке.

– Супер, – прокомментировал Алекс. – Дальше что?

– Дальше у них сорвало башню... А потом он очнулся и увидел гигантского паука, тот выполз из какой-то трубы. Он подползал к каждому по очереди, будто обнюхивая...

– Нелли, ты что, меня за идиота держишь? – перебил ее Алекс, но Нелли спокойно продолжала:

– Он словно ВЫБИРАЛ вкуснее, так мне сказал этот парень. Ему стало так страшно, но он не мог даже пошевелиться и снова вырубился. А когда его привели в чувство, одного из них уже не было. В какой-то трубе позже нашли его останки. Парня разорвали пополам. И мой татуировщик уверен, что это мутант-паук.

– Знаешь, Нелли, я уже достаточно взрослый для таких сказок, – произнес Алекс, и Нелли ничего не ответила.

– Слушай, Леша, – медленно проговорила она чуть позже, продолжая дотошно осматривать свое обнаженное тело. – Не приходило ли тебе в голову завязать со всем этим?

Алекс вздрогнул, ему показалось, что он ослышался. Тем более, она никогда ранее не называла его Лешей, только Алекс.

– Оп-па. Неужели на тебя так подействовал этот честный бомж? Тебя что-то не устраивает?

– В общем-то, да. И дело вовсе не в том, что повстречала эдакого добренького бомжика, я давно хотела поговорить с тобой на эту тему. Ну, во-первых, это уже неактуально. Нашлись, понимаешь, санитары леса, детский сад какой-то. Сидим, щеки надуваем, планы разрабатываем... Кутузовы гребаные... Думаешь этими своими акциями проблему решить? –

Она оторвалась от зеркала и посмотрела на юношу. Взгляд был острым и пронизывающим.

– Я не узнаю тебя, – Алекс нахмурился. Он задумчиво посасывал трубку. – К тому же, странно от тебя слышать, что ты говоришь о решении какой-то проблемы. Я полагал, что ты участвовала в операциях по другим причинам.

– Во-вторых, это становится слишком опасно, – Нелли сделала вид, что не слышала Алекса. – Вон, Жуле всю щеку расхерачили, но он ладно, лишь бы пол-литра под рукой всегда было. А если бы мою физиономию так разукрасили? Стал бы ты со мной встречаться?

– Нелли, хватит, – сказал Алекс. Он почувствовал себя неудобно.

– И потом, дела-то в ментовке не закрывают. Раз есть тело, то есть и дело. А тел уже о-го-го! Пусть менты и не так рвутся раскрывать эти убийства, но в прессе все чаще всплывают наши подвиги, а СМИ тем более не дремлют. Ты читал статью в «МК»?

– Угу. Только не в «МК», а в Интернете, – угрюмо отозвался Алекс. Ему вдруг тоже расхотелось курить. – Только дела по нашим пациентам расследует не ментовка, а прокуратура.

– А, один фиг, это не меняет дела.

Девушка присела на кровать. Взяла с журнального столика пустой бокал и посмотрела сквозь него на свет.

– Ты просто не можешь признаться себе, что тобою движет. Ведь никакая идеология не оправдывает то, что мы делаем. Никакой ты не врач, не санитар, тем более леса или города. А все мы? Кто мы такие?.. Мика? Он бывший скин, ему насрать, кого валить, ни цвет кожи, ни раса, ни пол не имеют значения. Скажешь китайцев – будет резать китайцев, скажешь детей – значит, детей. Для него мир делится на две категории людей – врагов и потенциальных врагов. Жуля? Деградирующий алкаш, к тому же еще и дебил. Вот и получается, что все мы психи. Извращенцы и психи, и место наше в комнате, обклеенной подушками. Единственное исключение – Гюрза.

– Нелли, – попробовал вставить слово Алекс, но она его словно не слышала.

– Главное отличие Гюрзы – это то, что он считает, будто все делает правильно, и верит, что от этого есть прямая польза. И это очень плохо, Леша. Это страшно. Все эти бедолаги для него хуже тараканов. Помнишь, был такой Гиммлер, кажется, он командовал гестапо? Я случайно в одной программе услышала его цитату о евреях. Что-то вроде: «Войну с евреями нужно воспринимать не как войну с нацией, а как борьбу с вредными насекомыми». Точно не помню, но смысл таков. Так вот, Гюрза такой же. Он не видит перед собой человека, у которого тоже когда-то был дом, работа, семья... Он видит шлепок грязи, который нужно размазать и втереть в землю, чтобы он не вонял и его не было видно.

– Вот как мы заговорили, – протянул Алекс. Нелли будто подменили, он просто не мог понять, что могло так повлиять на его девушку.

– Да, заговорили, – сказала она, не замечая иронии Алекса. – Нашли на ком силы пробовать... Уж если так руки чешутся, езжайте в Ханкалу или Грозный «чехов» потрошить. Там добровольцы нужны. Что, слабо?! Конечно, куда проще убивать беззащитных бомжей, – вымученно произнесла она. Алекс не знал, что ответить, но и сказать, что Нелли не права, у него язык не поворачивался.

Она поставила бокал обратно на столик и вдруг прильнула к Алексу.

– Давай уедем отсюда, Лешка, – девушка прижалась к нему всем телом. – Я боюсь. Сначала было стремно, но какой кураж – побили бомжей, вот круто! Вспомни, что первое убийство совершил именно Гюрза. А потом пошло-поехало...

– Нелли, если их оставлять в живых, они всегда смогут опознать нас, – возразил Алекс, хотя был потрясен откровением девушки. Неужели это говорит она, бывшая наркоманка, которая сама хладнокровно расправилась как минимум с семьей бомжами! Она, у которой на спине

хитро улыбается волосатый монстр с восемью лапами!

– Если их оставлять, мы будем чувствовать себя как на пороховой бочке, – не сдавался он, и Нелли рассмеялась, но смех этот был печален.

– Эх ты, «бочка»... Странно слышать от тебя такие ассоциации. Тебе ведь совсем не это нужно. И, кстати, что касается бочки. Мы давно на ней сидим, если ты еще не заметил, Лешенька. И фитиль уже тлеет. Вопрос в том, когда эта бочка рванет. Так-то.

Какое-то время они лежали в полном молчании.

– Они мне снятся, – снова заговорила Нелли, глядя в потолок, состоящий из зеркал. – Каждый раз я просыпаюсь в ужасе. Вчера мне снилось, как из-под кровати вылезает тот, ну, помнишь... – Нелли запнулась, подбирая подходящее слово, но, так и не найдя, продолжила: – Вылезает и, как тогда, снова хватает меня за ногу и пытается впиться зубами. А я вижу, что у него нет зубов, в десны вживлены бритвы. Он что-то булькает, пытается сказать, я хочу убежать, но не могу, ты же знаешь, как это обычно происходит в кошмарах...

– Ну, перестань, – Алекс обнял девушку.

– Я не могу смотреть в зеркало, – сказала она. – Уже перед тем как взглянуть на него, меня начинает трясти, мне кажется, что на меня взглянет мерзкая бесполая тварь. Уедем, Алекс. Хотя бы на время, у меня в Калуге живет тетка, она очень хорошая, – произнесла Нелли. Казалось, вот-вот, и она расплачется. – Работу мы найдем. Я обещаю...

– Обещаешь? – резковато перебил ее Алекс. – Ты считаешь, мы сможем уехать? А сможешь ли ты уехать от самой себя, позволь задать тебе банальный вопрос? Это будет жить с тобой вечно. Как паук на твоей спине.

Нелли молча встала и вышла из комнаты, и Алекс понял, что перегнул палку.

– Нелли! – крикнул он, но девушка не возвратилась. Он догнал ее у кухни и обнял. Так они и стояли обнявшись, абсолютно голые, босиком, и только сейчас Алекс понял, как сильно ее любит.

– Второго июня запланировано в Ясенево. Последний раз. А потом уедем хоть в Семизадрищенск. Обещаю, – прошептал он.

– Не нужно никакого Ясенева, Лешка. – Нелли крепко стиснула его плечи, и юноша поразился, насколько сильны ее руки. – Поехали сейчас. Прямо сейчас.

– Что, вот так, голыми? – попробовал пошутить Алекс, но Нелли не улыбнулась.

– Я хочу жениться на тебе, – вдруг сказал он. И удивился, как сразу легко стало.

– Ты что, серьезно? – Нелли с недоверием вглядывалась в глаза Алекса.

– Хоть завтра в ЗАГС, – твердо сказал он, и они прыснули со смеху.

– Я тебя очень люблю, – тихо сказала Нелли. – Но, пожалуйста, давай не пойдем на акцию.

– Да что ты, в самом деле? – Алекс все еще никак не мог свыкнуться с внезапным преображением Нелли. – Как будто первый раз... Все продумано, косяков не выйдет. А потом сразу уедем.

– Ты что, боишься Гюрзу? – спросила Нелли.

– Срал я на Гюрзу, – в голосе юноши появились металлические нотки. – Он мне не указ. Но раз операция запланирована, ее нужно провести. А о наших планах я сообщу нашим накануне второго числа.

– Как знаешь, – Нелли высвободилась из объятий Алекса и пошла одеваться.

Рост изо всех сил старался держаться приемлемой скорости, и это ему удавалось, хотя и с большим трудом. Когда он выезжал из арки, мимо него по встречной пролетели две милицейские машины с ревущими сиренами. «Что-то долго они ехали», – подумал Рост. И хотя с момента операции прошло не более двадцати минут, ему казалось, что минуло целое столетие.

Если «восьмерку» никто не засек (в чем он практически не сомневался), то у него есть все шансы выйти сухим из этой переделки. Все участники перестрелки мертвы, даже если водитель-секьюрити, по которому дал очередь Адил, выжил, допросить его смогут не сразу. Да и что он видел? В основном Рост находился к нему спиной, на голове каска, пол-лица скрывал платок... Второй охранник банка, не рискнувший высунуть нос наружу, вряд ли его разглядел. Женщина с коляской? Она была слишком напугана, чтобы запомнить номер машины. Правда, именно сейчас его больше заботила раненая рука, нужно обязательно взглянуть на нее, как только представится возможность. Рукав куртки быстро напитывался кровью.

Теперь он раздумывал, куда ехать. К Квадрату? Рост с большим наслаждением разрядил бы в него всю обойму, но он не знал местность, где расположен тот заброшенный дом. В казино? Ха-ха, отличная идея. Рост представил себе картину: он на полной скорости подъезжает к «Баклану», вываливается с «калашом» и мешками баксов, проходит мимо офигевших охранников и важно говорит: «Мне фишек, да побольше. Играю на все...» Кстати, сколько здесь денег? Наверное, немало, раз Квадрат пошел на такой риск.

Его догнала машина ДПС. Поравнявшись с Ростом, она некоторое время держалась рядом, словно сканируя салон «восьмерки» на предмет наличия запрещенных предметов, затем резко рванула с места. Рост успел заметить, что сидящий на пассажирском сиденье тучный сержант усердно жевал шаурму. Росту даже показалось, что он видит жирные капли кетчупа и мясного сока, капающие милиционеру на китель. Машина ДПС унеслась, но Рост всем телом ощутил ужасную слабость. Все внутренние органы будто вывернули наизнанку, превратив их в кровоточащие мокрые тряпки, горло моментально высохло. Состояние было препаскуднейшее, даже там, у дверей «Метрополя», он не чувствовал себя так паршиво.

«Теперь, Ростик, ты будешь всегда испытывать нечто подобное, увидев человека в серой форме. Приготовься к этому».

Нет, ни к чему подобному он привыкать не собирался.

«Восьмерка» вырулила на Третье кольцо, и он попал в пробку. Включил радио, хотя едва ли слушал льющуюся из динамиков музыку. Внезапно раздавшаяся трель мобильного заставила его подпрыгнуть на месте. Морщась от резкой боли в раненой руке, он вытащил из куртки телефон. На панели предупреждающе пульсировало «ШЭФ». Ну и грамотей этот Дениска, небось и свое имя с ошибками пишет. Точнее, писал.

Недолго думая, Рост прислонил телефон к уху.

– Але! – послышался знакомый до тошноты голос Квадрата. – Дениска, почему молчишь? Але!

– Да, – хрипло прошептал Рост.

– Ну, наконец-то, – в голосе Квадрата сквозило раздражение. – Где Адил? Я не могу до них дозвониться!

– Их нет, – уже своим голосом произнес Рост. Пробка начала понемногу рассасываться – на крайней левой полосе была мелкая авария.

– Кто это? – настороженно спросил Квадрат.

– Гурвинек. Слыхал о «Веселых человечках»? У меня самые большие яйца в Хохляндии и

хер, как баклажан. Хочешь пососать?

– Ростислав? – Тон Квадрата был вкрадчивым, с намеком на едва сдерживаемую ярость. Он сдержанно кашлянул. – Если мне не изменяет память, Гурвинек прославился большими ушами, а не яйцами... ну да ладно...

Тон его стал осторожным, будто он переходил бурный ручей по выступающим скользким камням. Он понимал, что ситуация вышла из-под контроля и теперь вынужден идти на уступки. Кашлянув еще раз, Квадрат как бы невзначай поинтересовался:

– Кто-нибудь еще жив?

– Нет, Квадрат, – тихо сказал Рост. – Они все мертвы.

Возникла неловкая пауза, но на душе у Роста почему-то было абсолютное спокойствие.

– Деньги... У тебя? – В трубке что-то зашуршало, словно Квадрат извлекал из фольги шоколад. – Рост...

– С сегодняшнего дня ходи да оборачивайся, Квадратик. – Рост выключил телефон. Может, от него вообще лучше избавиться – вдруг его смогут вычислить?

Вскоре он выехал на МКАД. Ветерок обдувал его разгоряченное лицо, весело лохматил волосы, в салоне играла музыка... А Росту хотелось плакать. Он никогда не забудет лицо Владимира, умершего на его глазах, который так никогда и не увидит свою жену с больной дочкой. Он ненавидел себя за то, что лишил жизни тех ребят из охраны и того смельчака в костюме. Глупо признаться, но ни о чем подобном он не думал в Чечне, убивая «духов», хотя и они имели семьи и детей...

Каждый раз, проезжая пост ГИБДД, он молился, на мгновение закрыв глаза. Ему везло, и ни у кого из ментов зеленая «восьмерка» не вызвала подозрений.

Вскоре впереди замаячил указатель:

«Дзержинский 3
Капотня 5»

Дзержинский... Как-то они с Леликом ездили в этот городок, и он ему понравился. Кажется, кто-то ему говорил, что в карьерах, расположенных неподалеку, снимали «Белое солнце пустыни». Рост решил ехать в Дзержинский.

Он остановился у скромного торгового ларька на сдутых колесах и с величайшей осторожностью достал сложенный вчетверо листок, сильно потертый на сгибах. При обыске громилы Квадрата не обратили на него внимания. Достав телефон, он набрал записанный на клочке номер. Трубку долго не брали, и Рост уже хотел отключить телефон, как вдруг в трубке послышался далекий женский голос.

– Тетя Наташа?! – закричал Рост, прикрывая трубку рукой, хотя вокруг поблизости никого не было. – Это Ростислав. Мама у себя? Пожалуйста, позовите! Это срочно!

Соседка пошла звать мать, и Рост устало привалился к ларьку. Лениво текли секунды, минуты, и молодой человек уже начал бояться, что в телефоне сядет батарейка, когда наконец он услышал родной сердцу голос матери.

– Ростик, ты где? Я никак не могу до тебя дозвониться, – встревоженно спросила она, и он сглотнул подступивший к горлу комок.

– Мама, у меня очень мало времени, так что слушай меня внимательно и не перебивай, – Рост говорил отрывисто и немного грубовато, и мать сразу поняла: случилось что-то нехорошее. – Я живой, и со мной все в порядке. Но тебе нужно как можно скорее уехать. Прямо сейчас. Бери Олеську и уезжай. И не звони по тому номеру, который я тебе давал.

– Что случилось, Ростик? И куда мы поедem? У Олеси институт на носу, – охнула женщина.

– Я тебя умоляю. Ни о чем меня не спрашивай, я приеду и все расскажу. Поезжай к Валентине в Сбруево и жди меня там. И никому ни слова о своем отъезде. Олеське тоже передай, а то распустит язык... Слышишь? Никому ни слова!

– Ох, Ростик, – только вымолвила мать, и ему стало безумно жаль ее.

– Я вас люблю, – выдавил он. – Пока, целую, – он отключился.

Так. Если мать и Олеся уедут к Валентине (это ее старшая сестра), то Квадрат вряд ли когда-нибудь сможет найти их. Хорошо, что он вспомнил про эту деревню. Сбруево представляло собой богом забытую деревеньку в шестидесяти километрах от ближайшего райцентра. Из транспорта туда можно добраться только на раздолбанном ржавом «ЛИАЗе», который ходит туда дважды в неделю. В этой глуши их точно никто не найдет, во всяком случае, он очень на это надеялся.

Теперь нужно подумать о себе – только сейчас он почувствовал, как ноет рука. А кроме того, что-то нужно придумать с деньгами. Оставить их в машине? Не таскаться же с ними...

Вдруг Рост вспомнил про свой паспорт. Кажется, после обыска этот индюк Дениска убрал его себе в куртку. Рост лихорадочно осмотрел его карманы. Пусто, только наполовину заполненная пачка сигарет, хромированная зажигалка и сломанная зубочистка. В брюках тоже ничего не было.

Без документов он никто. Бомж. И любой мент, обративший на него внимание, немедленно доставит его в околотов для выяснения личности.

Ладно, прежде всего нужно куда-то спрятать эти мешки. А кроме того, на нем все еще были надеты эти дурацкие оранжевые штаны, и Рост принялся переодеваться прямо в машине. После этого он завел «восьмерку» и потихоньку покатил по улице. Некоторое время он плутал по закоулкам и выехал к конечной остановке, где начинался лес. У бордюра сиротливо стояло покрытое толстым слоем пыли маршрутное такси, внутри никого не было. В багажнике Рост нашел отвертку и вскрыл один мешок. На него высокомерно уставились президенты Соединенных Штатов, упакованные в плотные полиэтиленовые пакеты. Он разрезал второй, в котором оказались рубли. Пачки тысячерублевых купюр, много пачек. Оглядываясь, Рост взял одну и, захлопнув багажник, отправился в спортивный магазин.

Он купил огромную спортивную сумку и костюм «Адидас», после чего решил зайти в аптеку. Купив бинты, аспирин и перекись водорода, вернулся на прежнее место. Перекидав мешки в сумку, Рост сел в машину отдохнуть.

«...стало известно об ограблении инкассаторской машины... есть жертвы...».

Рост напрягся. Он сделал радио погромче, с неприязнью отметив, что руки мелко задрожали. Монотонный женский голос тем временем безучастно продолжал:

«...Примерно в 8 утра у коммерческого банка „Метрополь“ раздались выстрелы. Представители банка сообщили, что нападавших было четверо и они были одеты в строительную униформу. Когда из инкассаторской машины вышли охранники с деньгами, злоумышленники без предупреждения открыли стрельбу. Нападавшие использовали пистолеты, а у одного из них был даже автомат! В ходе перестрелки убито трое охранников, один в тяжелейшем состоянии доставлен в больницу. Установить приметы нападавших пока не представляется возможным, так как раненый сотрудник охраны в настоящее время без сознания. Кроме того, стало известно, что в перестрелке погиб посторонний мужчина, его личность в настоящее время устанавливается. Вместе с тем есть основания полагать, что он принял активное участие в перестрелке на стороне охраны инкассаторской машины. Со стороны грабителей также есть потери. Несмотря на внезапность нападения, охранниками были убиты два нападавших и двое ранено, один из них умер позже в реанимации. Уцелевшему грабителю удалось скрыться с места происшествия на автомашине „Газель“ компании „Мосстройжилсервис“ вместе с деньгами. У банка „Метрополь“

сейчас работают представители городской прокуратуры... В городе введен план-перехват...»

Рост заехал в старые гаражи и бросил «восьмерку» в самом тупике. Он внимательно осмотрел салон – следов крови вроде нет. Затем тщательно вытер руль и все, к чему он мог прикоснуться. Подхватил сумку, спустился в овраг и направился вдоль железнодорожных путей. Оранжевые штаны с окровавленной курткой он швырнул в кусты и присыпал камнями.

Вскоре он вышел на огромное поле. За узкой лесополосой серел бесформенный холм гигантских размеров. Это была свалка, на которую ежедневно вывозились тонны мусора. Именно к ней и направлялся Рост.

Он шагал и думал, что ему до настоящего времени отчаянно везло. Единственная зацепка ментов – «восьмерка». «Не забывай о Квадрате», – добавил плавающий голос. Молодого человека передернуло, его снова охватила ярость. Действительно, вряд ли Квадрат оставит все как есть. Отныне за ним будут охотиться не только органы правопорядка, но и люди Квадрата. Рост неожиданно остановился как вкопанный. Лелик! Он совершенно забыл о нем! Хорошо, если он уехал, а если нет? Что, если Квадрат именно в этот момент «работает» над ним? От этих мыслей ему стало дурно, и он поспешно достал телефон Дениски. Набрал номер и замер. А вдруг Лелик уже давно уехал, а этим звонком он выдаст его? Он не знал возможностей современных технологий, но был уверен в одном – все телефонные звонки фиксируются в компаниях связи, а Квадрату выйти на Лелика, зная его номер – раз пернуть. Нет, нужно звонить с нейтральной территории... придется подождать. Он разбил мобильник и раскидал по кустам его механические внутренности. Оставалось только гадать, сможет ли Квадрат вычислить его по звонку матери.

Он пересек лесополосу и через некоторое время оказался подле свалки. Вскоре он наткнулся на полуразвалившуюся хибару, почти по самые окна утонувшую в киснувших помоях.

Войдя внутрь, он сразу почувствовал запах испражнений. В глаза бросилась неровно наклеванная надпись на стене: «Здесь я сидел и долго плакал, что мала ел и многа какал».

Что ж, выбирать не приходилось, и он стал торопливо обрабатывать раны. Бок его почти не беспокоил – узкая царапина уже не кровоточила. С рукой тоже все оказалось не так страшно – пуля не задела кость, вырвав клочок мяса. Перебинтовав рану, Рост проверил обоймы – три патрона в пистолете Владимира и семь в Денискином стволе. Маловато.

Теперь пора подумать о деньгах. Оглядываясь, Рост вернулся обратно в лесополосу. Взгляд его остановился на оранжевом от ржавчины кузове «Запорожца», наполовину вкопанном в землю. Неплохой ориентир. Рост подобрал кусок металлической пластины и принялся за работу. Раненая рука вздрагивала от боли при каждом движении, но он, стиснув зубы, продолжал копать. Когда яма оказалась достаточно глубокой, Рост вытащил из мешка несколько тысячерублевых купюр. Затем опустошил обойму пистолета Владимира, сам «ПМ» положил в сумку (пистолет Дениски он решил пока держать при себе), сумку кинул в яму и стал ее закапывать. Затоптал, сверху закидал ветками и мусором. Эх, сейчас бы рюмку холодной водочки, да закусить масленком с колечком лука, как обычно его матушка на зиму закручивает!.. При мыслях о матери он снова испытал неясную тревогу. В мозгу занозой сидели ее слова о странных звонках. Только бы они с Олесей побыстрее уехали!

Он брел, снова и снова прокручивая в памяти утренние события. Что сейчас предпринимает Квадрат? Хотел бы он видеть его рожу.

Ноги сами по себе привели молодого человека в уже знакомую сторожку. Он немного передохнул и стал размышлять, что делать дальше. Ехать из Москвы, не имея документов, слишком рискованно. Близких знакомых, кроме Лелика, у него тоже здесь нет. Сзади послышался шорох, и Рост обернулся, чувствуя, как бешено забилося сердце.

В дверном проеме, опираясь на косяк, стоял неопрятно одетый мужик лет пятидесяти. На

нем были обвисшие брюки грязно-серого цвета и засаленная синяя рубашка «ковбойка», причем только с двумя пуговицами. Глубоко посаженные глаза из-под кустистых бровей настороженно разглядывали незнакомца.

– Эй, говно, уходи, – без обиняков заявил бомж.

Рост усмехнулся – бродяга явно хорохорился, готовый в любой момент дать стрекача.

– Не знаю, кто из нас говно, но уж точно не я, – Росту не хотелось затевать ссору, кто знает, сколько их сейчас набегит. Он слышал, что места на свалках между маргиналами поделены уже давно, и вторжение на чужую территорию беспощадно каралось.

– Вот же ж говно какое, – возмутился бомж. Очевидно, «говно» у него считалось наиболее зверским оскорблением. Кряхтя, он наклонился, видимо, чтобы подобрать с земли камень.

Рост нехотя поднялся.

– Во, во где он! – послышалось снаружи. Бомж вздрогнул, выматерился сквозь зубы и, одарив Роста многообещающим взглядом: «Наш разговор еще будет продолжен, говно», покинул сторожку. Сквозь разбитое окно Рост видел, как его догнали двое таких же бродяг и, покрикивая от возбуждения, принялись мутузить подельника. Со стороны могло показаться что трое не совсем трезвых дядек шутливо борются, однако уже после четвертого удара бомж в клетчатой рубашке повалился в мусор, он уже не сопротивлялся, а только закрывал физиономию руками, что-то крича, скорее всего свое любимое «говно». Однако падение бедолаги не усмирило пыл нападавших, и они продолжали награждать его пинками. Когда в руках одного из них появилась суковатая палка, Рост не выдержал и вышел наружу.

– Брысь отсюда! – скомандовал он. Бомжи остановились, отекавшие лица замерли в изумлении.

– Ща п...ы получишь, – не очень уверенно сказал тот, что с палкой. Рост подошел вплотную к нему и одним ударом опрокинул нападавшего в грязь. Второй бомж все понял без слов – по-утиному переваливаясь, он удалился в заросли.

– Все, не надо, – шевеля разбитыми губами, испуганно произнес поверженный.

– Вали за своим другом. И больше не появляйтесь, – дружески посоветовал ему Рост. Бродяга, видя, что ударов больше не последует, спешно ретировался.

Рост протянул руку бомжу в «ковбойке».

– Давай, поднимайся.

Тот хмуро устоял на руку, но помощь принял.

– Тебя как звать-то?

– Витек. – Бездомный потер ушибленный бок и гневно посмотрел вслед удравшим. – Налетели, как говно...

– Они больше не придут сюда.

– Не придут? – с сомнением протянул Витек и подозрительно оглядел Роста. – А ты кто такой? Вроде не из наших...

И тут в голову Роста пришла сумасшедшая идея.

– Да теперь уже из ваших, – глубоко вздохнул он. – Баба моя, стерва, к другому ушла, а квартира на нее была записана. Так она меня и выгнала, вот, в чем был, – в доказательство своих слов Рост похлопал по спортивным штанам. – Понимаешь, Витек?

– А то, – важно кивнул нестриженной головой бомж. – Все они, бабы, такие, сплошное говно...

– С работы тоже турнули, – вдохновенно врал Рост. – На новую никак устроиться не могу, и ночевать негде.

Витек критически осмотрел одежду Роста и задумался. Несмотря на пованивающую одежду и засаленные волосы, в глазах у него еще теплились некие признаки интеллекта.

– Ладно, пойдешь со мной. Тебя самого как величать?

– Гена, – не моргнув глазом, сказал Рост. Называть Витьку свое настоящее имя он не рискнул.

– Ну, пошли, Гена-Крокодил, – хохотнул Витек и заковылял, чавкая разбитыми ботинками по грязи. Рост пошел за ним.

Юра разбудил Алису ни свет ни заря.

– Ну, ты решила?

– Чего? – зевнула девушка, хотя уже догадывалась, о чем идет речь. Слушая голос юноши, она еще раз убедилась, какое это наслаждение – держать в руках собственный телефон, эту замечательную крохотулю с миллионом функций, и спокойно разговаривать, не бегая по несколько раз в день к таксофону!

– О чем мы с тобой говорили... Я сейчас подъеду.

Прежде чем Алиса успела возразить, юноша бросил трубку. Девушка улыбнулась и направилась в ванну.

Они встретились через полчаса.

– Ты неподражаем, – сказала она. – Ты хоть понимаешь, на какой шаг идешь? Я не такая уж замечательная, какой показалась тебе...

– Никаких слов. Ты мой ангел, и я никогда не оставлю тебя. – Юра крепко обнял девушку.

– Никогда не говори «никогда», – засмеялась Алиса, отбиваясь от молодого человека, но он с легкостью поднял ее на руки.

– Я живу только мыслями о тебе, – прошептал он. Глаза его сияли, и девушка видела, что в таком состоянии он готов ворочать горы. – Так что?

Алиса осторожно коснулась пальчиком его губ.

– Я согласна, – вымолвила она, не сводя глаз с Юры. Тот издал радостный вопль и подбросил ее в воздух. Алиса ахнула.

– Юр, уронишь, – взвизгнула она, и он с величайшей осторожностью поставил своего ангела на место.

Через час они были в ЗАГСе. К разочарованию молодых людей, чтобы только подать заявление, нужно записаться на определенный день. Однако по глазам дородной грудастой женщины с пышной прической угадывалось, что вопрос можно решить и сегодня, правда, за отдельную плату. И ровно через месяц их регистрируют. Юра заплатил, сколько она запросила, и они, сияя, вышли из дворца бракосочетания.

– Я думаю, это дело нужно отметить, – сказал Юра. – Я только ненадолго смотаюсь в институт, а вечером мы можем где-нибудь посидеть.

– Давай лучше пойдем ко мне. Сестра все равно уехала на выходные с классом, а ты у меня еще не оставался, – Алиса лукаво посмотрела на него. Юра согласился. Он вообще был на все согласен, даже если бы это чудное создание предложило ему провести ночь в конюшне.

На мгновение его охватило чувство нереальности, и мелькнула мысль: «Господи, что же он вообще раньше делал?! Не пора ли завязать со своим „хобби“? И, собственно, КТО он? Кто он вообще?»

«Психически больной, извращенец, монстр, убийца... и это далеко не полный список», – не заставило себя ждать мерзкое существо, поселившееся внутри юноши.

– Ты встретишь меня после работы? – спросила Алиса.

Юра сказал, что, разумеется, да.

Вечером он снял с карточки немного денег и зашел в супермаркет, по дороге отметив, что его счет немного прохудился. Ладно, заказов вроде хватает, завтра он проверит свою электронную почту и займется работой.

Перед самым домом он зашел в цветочный магазин и заказал пятьдесят одну розу. Когда он,

с огромным букетом в одной руке и шампанским в другой, ввалился в квартиру Алисы, та едва не потеряла дар речи.

– Слушай, я сегодня весь день сама не своя, – призналась она Юре, принимая цветы. – Мне все кажется, что я сплю... Мы и вправду сегодня были в ЗАГСе? Ты знаешь...

Но Юра не дал ей договорить, закрыв рот поцелуем.

Потом снова были незабываемые минуты сладкой эйфории, они зажгли свечи и пили шампанское. И пусть свечи были обыкновенными, а вместо хрустальных бокалов были простые стеклянные, Юра думал, что никогда еще он не ощущал себя таким счастливым.

Когда Алиса ушла на кухню, он, прислушиваясь к ее легким шагам, взял с телефонного столика крохотную голубенькую записную книжку Алисы и принялся лихорадочно листать страницы, надеясь, что интересующий его номер все еще в ней. Так, буква «Д»... Дроняевы, Демина, Данилова, Динара... все. Он стал листать книжку с самого начала, внимательно проглядывая каждую запись.

– Юр, ты голодный? – раздался с кухни голос Алисы.

– Нет, – крикнул Юра. Он пролистал почти все буквы и уже отчаялся найти нужный номер, как вдруг взгляд его остановился на «Ф». «Федоровский Дима», – было выведено миниатюрным почерком ангела. Впоследствии имя и фамилия были зачеркнуты, но буквы все равно были различимы. Юра записал номера телефонов себе на мобильник и аккуратно положил книжку на место. Он очень надеялся, что это именно то, что он искал.

– Я чего-то есть захотела, – извиняющимся голосом произнесла Алиса, входя в комнату с бутербродом. Юра улыбнулся.

– Иди ко мне, пупсенок.

На следующий день они с утра съездили в салон свадебной одежды и заказали Алисе платье. Правда, она пыталась робко заметить, что будущий жених не должен видеть платье своей невесты до свадьбы, на что Юра ответил, что это все ерунда и предрассудки. Примечательно, что костюм он себе так и не выбрал, сказав, что пока не определился с цветом и фасоном.

После этого они решили сходить в церковь. Алиса набрала с собой свечек, и пока она их зажигала, Юра подошел к сухонькой бабушке, продающей крестики и иконки, узнать насчет венчания. Он очень хотел, чтобы они обвенчались сразу после свадьбы.

На выходе из храма, у самых ступенек, в два ряда сидели нищие.

– Ради Христа-а-а-а-а, подайте-е-е-е-е! – как по команде затянули они нестройным хором. Особенно старался один мужик, от которого отчетливо несло потом и перегаром. Маленькие свинячьи глазки на припухшем лице воровато бегали по сторонам, ощупывая сальным взглядом прохожих.

– Помогите, ради всего святого! – басом ревел он, вытирая мятой кепкой несуществующие слезы. Алиса молча достала из кошелька несколько десятков и горсть мелочи. Юра не успел моргнуть, как она в одно мгновение раздала все деньги. Досталось и мужику, от которого разило перегаром. Не удосужившись сказать «спасибо», он жадно зажал десятку в грязном кулаке и скрылся из виду.

– Алиса, зачем ты дала ему денег? – не выдержал Юра, когда они вышли из ворот церкви. Та недоуменно вскинула брови.

– Как зачем? Я всегда подаю нищим... Если, конечно, есть деньги.

– Ну, я понимаю, когда ты подаешь старушкам, но этот кабан с кепкой... На нем же пахать можно. Через пять минут он все пропьет и даже не вспомнит о тебе, – с досадой сказал Юра. Он

снова стал прежним Гюрзой. Пускай всего на несколько секунд. Будь его воля, он наkostenял бы этому вонючему козлу по шее за то, что тот даже не поблагодарил девушку.

Ответ Алисы поразил его.

– Сама не знаю почему, но у меня есть желание подавать милостыню этим людям. А уж на что он потратит эти деньги, это его дело, – просто сказала она. – А почему ты спрашиваешь? Тебе неприятны убогие?

Алиса затронула болезненную тему. Юра прочистил горло и, с трудом подбирая слова, начал говорить (не дай бог, ангел что-то заподозрит!):

– Понимаешь, солнце, нищие тоже делятся на категории. Опять же, я не говорю сейчас о несчастных стариках, которые не могут свести концы с концами на свои пенсии. Речь идет вот о таких бугаях, пьяницах и лентяях, которые считают ниже своего достоинства устроиться на работу, предположим, дворником, при этом не смущаясь стоять с протянутой рукой. Никакой пользы обществу от таких отбросов нет.

– Я не очень понимаю тебя. – Алиса смотрела себе под ноги, словно шла по заставленному хрусталем столу. – Общество само отчасти виновато, что ее граждане дошли до такой жизни. Вспомни хотя бы перестройку, ведь сразу после...

– Перестройка тут ни при чем, – перебил ее Юра. Его уже было не остановить. – Скажу тебе одну вещь. Я уверен, что никто из нормальных, подчеркиваю, нормальных людей просто так никогда не скатится до такого скотского состояния и не превратится в кучу дерьма, прошу прощения за откровенность. Поверь, что если ты начнешь выяснять судьбу каждого из этих бомжей, узнаешь массу интересного, у каждого из них обязательно рыльце в пушку окажется. Да, согласен, кто-то стал беженцем, у кого-то сгорел дом, кого-то кинули с квартирой... а кто-то попросту пропил ее, что, кстати, чаще всего происходит. Даю тебе сто процентов гарантии, что подавляющее большинство из них раньше были судимы. Если нет – то либо алкаши или наркоманы. Они, и только они хозяева своей жизни, и винить кого-то другого в том, что ты остался без всего, нельзя. А знаешь, какой процент преступлений совершается бездомными? Изволь, я тебе расскажу...

– Я даже не представляла, что ты так ориентируешься в этом вопросе... Ладно, и что ты предлагаешь? – спросила Алиса. – Как в Древней Спарте, выкидывать их в море?

Юра хмыкнул, будто тянул время, вспоминая выученный урок.

– Ты немного путаешь. В Спарте в море выкидывали детей, которые, по мнению жителей, не смогли бы стать сильными и принести здоровое потомство.

– Ну, так что лично ты можешь предложить?

– Избавляться от них, – как можно спокойней сказал он.

– Ты так говоришь, будто речь идет о старых тапках, – в глазах Алисы промелькнул страх.

– А они и есть старые тапки, – резко сказал Юра.

Ему все сложнее удавалось контролировать себя, но он уже не мог остановиться. Словно им управлял захмелевший механик, путающий педали тормоза и газа.

– Это гнойные нарывы, которые распространяют заразу и болезни среди нормальных людей. Как избавляться? Да как угодно! Их можно выселить в какой-нибудь специализированный городок, их можно принудительно стерилизовать, наконец. Ведь у таких особей не будет полноценного потомства.

– Ты говоришь страшные вещи, – медленно проговорила девушка. Она испуганно смотрела на Юру. – Но ведь никто не застрахован от того, чтобы оказаться на улице. Знакомая моей мамы рассказывала, что она знала таджикскую семью, в ней жили два взрослых брата. Они приехали на заработки в Москву, работали на стройке. Ночью зимой один из них обморозил себе ноги, его привезли в больницу. Ноги пришлось ампутировать. Но самое страшное, что вся семья от него

отказалась, Юра. Понимаешь? Даже его брат, он испугался и уехал домой. А этот калека остался без всего – без ног, без работы, без семьи и дома. Ну и кто здесь виноват?

«Звезды. Звезды сложились НЕ ТАК», – хотел сказать Юра, но вовремя одумался. Он с удивлением понял, что испытывает самое настоящее раздражение, обсуждая этих отбросов общества, да еще с кем? С ангелом!

– Алиса, если в Таджикистане у этого бедолаги осталось какое-то имущество, дом, в том числе, где он имеет право проживать, то отказ семьи ничего не значит – имущество остается его, лишить его собственности может только суд, куда он, кстати, может подать иск, как на работодателей, так и на своих родственничков.

Алиса выглядела растерянной и от этого казалась еще красивей.

– Ты предлагаешь такие крайние меры, что мне жутко становится... но ни слова не сказал, что то же государство должно строить для этих бедняг социальные центры по адаптации, обеспечивать их трудоустройством, ну, я не знаю, – проговорила она.

– Трудоустройство? А на фига им работать? При самом хорошем раскладе его хватит до первой полочки, а потом – ищите меня, господа хорошие, в мусорном баке. Так жить неинтересно, Алиса. Вот сидеть на помойке, жрать объедки, пить одеколон вперемешку с тормозной жидкостью и бить друг другу морды – вот это самое оно. Они живут как крысы, за глоток паленой водки готовы ночью во сне горло перерезать.

– Мы что-то совсем залезли не в ту степь, – сказала Алиса. – Ты в порядке?

Юра с трудом смог овладеть собой – он весь дрожал, ему снова чудилось, будто он продирается сквозь завалы мусора на очередной свалке в своих перчатках, ногу приятно облегает ремень с родным ножом... вот показалась первая согбенная фигура... вторая... запах немых тел и затхлости окутывает его, как туман...

– Извини, давай сменим тему, – смутился он. Теперь он ругал себя – нашел, о чем с Алисой разговаривать!

Они замолчали. И хотя Юра впоследствии неоднократно пытался завязать разговор на другие отвлеченные темы, Алиса замкнулась. Как ни странно, он ничуть не огорчился и оставил ее в покое. Они расстались, сухо поцеловав друг друга в щеку.

Мысли юноши теперь были заняты другим. Поднявшись к себе, он сел за компьютер и загрузил диск с телефонной базой. Ввел номер телефона, переписанный днем раньше у Алисы, и быстро получил ответ с адресом. Запомнив его на память, он откинулся в кресле и несколько минут сидел, глядя в окно. Может, сегодня вечером? Юра забарабанил пальцами по столу и вскочил. Только нужно позвонить ангелу и сказать, что у него неотложные дела на даче и пару дней его не будет.

Вчера он так и не появился, хотя Гюрза проторчал в своем «фольксе» почти до утра. Это нисколько не смутило юношу, а только прибавило азарта. Он будет ждать ровно столько, сколько нужно. Хоть всю жизнь. И на следующий день он снова оказался во дворе, поджидая его. Как паук поджидает свою жертву.

Он начал дремать, как вдруг у подъезда затормозила белая «семерка» и из нее вывалилась знакомая долговязая фигура. Гюрза встрепенулся. Парень что-то долго объяснял водителю на повышенных тонах, очевидно, споря о цене проезда, затем расхохотался, сунул раздраженному «бомбиле» пару смятых бумажек и направился к подъезду. Пошатываясь, он начал ковыряться с кодовым замком. Гюрза вышел из машины. Пока долговязый возился с ключами, он бесшумно встал за его худой спиной. Дверь открылась, молодой человек шагнул вперед, Гюрза тенью скользнул за ним.

До акции оставалось уже немного. Днем Юра позвонил Алексу – все оставалось в силе, надо встретиться в «Макдоналдсе» для обсуждения всех деталей. Правда, голос у Алекса был несколько странным. О Мике никто все это время не слышал, но Юра послал ему сообщение по мобильнику и в ответ получил только две буквы: «ОК». Что касается Жули, то Юра пару раз видел его на лавке во дворе в совершенно невменяемом состоянии. Юра знал, что ни в какой отдел кадров охранного агентства этот лопух так и не ходил и в настоящий момент перебивался лишь случайными заработками, преимущественно разгружал машины у гастронома вместе с приятелями-алкашами. Готовясь к акции, Юра твердо решил, что Жуля в ней будет участвовать последний раз.

Вообще, в эти дни он очень много размышлял. Вывод, к которому пришел, был не очень утешительный – настало время выбора. Он безумно любит своего крошечного ангела и порвет глотку любому, кто даже осмелится бросить на ее тень косой взгляд. Но «они»... Как быть с ними? Он пытался перебороть себя, старался обо всем забыть, но это было сильнее его. Гюрза боялся, что когда-нибудь это выплывет наружу, ангел и так уже один раз испугался, когда они спорили о «них» после церкви... Но больше всего Гюрза боялся не за себя. Его страшило, что это, сидящее в нем, может причинить вред Алисе. В придачу ко всему у нее был самый натуральный шок, когда она узнала о том, что произошло с неким Федоровским Дмитрием, который... впрочем, об этом Гюрза не желал вспоминать. Он смог убедить ангела, что не имел к происшедшему ровно никакого отношения, и она, кажется, поверила ему. Да и о своем алиби он позаботился.

Вечером они встретились.

– Юр, завтра, наверное, не получится встретиться. Мы с Инной будем готовиться к маминому возвращению.

– А когда ее выписывают?

– Второго числа, – сказала Алиса и, привстав на цыпочки, обхватила голову юноши. – Я так соскучилась по ней! Ты приедешь?

Юра почувствовал, как внутри что-то кольнуло.

«26 я-во».

– Может, лучше третьего? – не очень уверенно спросил он. – Я приеду на машине, заберем твою маму вместе.

– Ты будешь занят? – огорченно спросила Алиса.

– Слушай, котенок, – торопливо сказал Юра, проклиная себя на все лады. Черт, надо же такому совпадению случиться! Но переносить акции нельзя – на это наложено табу, и к тому же плохая примета. – Гм... на дачу привезут стройматериалы, мне нужно там быть. Как только освобожусь, приеду, – выкрутился он, хотя еще никогда в своей жизни он не испытывал такого стыда от лжи.

Алиса смотрела на него широко распахнутыми серыми бархатными глазами. Очевидно, ей и в голову не могло прийти, что он может ее обманывать.

– Да, конечно, – сказала она немного растерянно. – Мы тебя будем ждать.

Юра напряженно засмеялся.

– Ты так говоришь, будто в армию меня отправляешь, – произнес он. – До второго еще три дня.

Он нежно поцеловал Алису в лоб, и та обняла его.

Они собрались в летнем кафе в Сокольниках. Стояла жара, раскаленный асфальт прожигал кожу даже через подметки, а воздух вибрировал и дрожал в пышущем мареве. Пахло шашлыком, но есть не хотелось, зато каждый заказал себе холодную минералку.

– Ну, и долго мы будем так сидеть? – уже в третий раз спрашивал Алекс. Он обмахивался бейсболкой, но толку от этого не получилось, он только гнал к себе потоки горячего воздуха. – Как на съезде партии – «Дорогие товарищи... с чувством глубокого уважения...» – голосом Брежнева прокряхтел он.

– Жулю дождемся, тогда начнем, – невозмутимо отвечал Гюрза. Он не мог не заметить, как странно выглядит Нелли. Подавленная, она едва притронулась к минералке и все время молчала.

– Я не удивлюсь, если он уже в полном отрубе на каком-нибудь газоне валяется. Или в трезвяке, – сказал Алекс и допил минералку.

Мика издал смешок. Некоторое время они сидели в томительном молчании.

Наконец на горизонте замаячила знакомая широкоплечая фигура.

– Наконец-то. Тень отца Гамлета, – процедил Алекс. Дурашливо щурясь на палящее солнце, Жуля развязно поздоровался с молодыми людьми и бухнулся на пластиковый стул, после чего заказал пива. У него, как всегда в последнее время, был помятый вид и опухшие глаза. В горячем воздухе поплыл кисловатый запах перегара.

– Ты вообще когда-нибудь бываешь трезвым? – холодно спросил Гюрза. Он начинал терять терпение, видя, в какого скота превращается его друг детства.

– Отвали, Гюрза, – лениво обронил Жуля. – Нашли, когда стрелку забить... В самую жару.

– Если завтра намереваешься снова пить, тебе лучше уйти прямо сейчас.

– Может, перейдем к делу? – раздался ровный голос Мики, и перепалка закончилась.

– Как я понимаю, вступительного слова не будет? – Алекс обвел взглядом присутствующих. Все промолчали. Он достал свою неизменную тетрадь и карту.

Они стали обсуждать детали, но Гюрза явно видел, что все идет не так, как обычно. Мика немигающим взором уставился на свои кулаки, покрытые новыми ссадинами, Жуля обиженно пил пиво, всем своим видом показывая, что клал он на все эти акции, Нелли вообще смотрела куда-то в сторону и кусала ногти. На самой скучной лекции в институте было куда оживленней. Да и сам Алекс говорил нехотя, словно его только что разбудили и заставили повторить таблицу умножения.

– Там у самого Кольца есть высотка, ее построили лет пять назад. Проектировщики что-то не учли, и дом дал трещину, а потом вообще накренился, почти как Пизанская башня, – скучно повествовал он, изредка прикладывая ко лбу запотевший стакан с минералкой. – Его все собираются снести, но у властей пока руки не доходят. наших пациентов в нем – море.

– То есть, акция будет в доме? – уточнил Гюрза.

– Да. Что-то смущает?

– Не хотелось бы связываться с замкнутыми пространствами, – задумчиво промолвил Гюрза.

– Ладно тебе, чего, зассал? – хитро прищурился Алекс.

– Засрал, – без каких-либо эмоций ответил Гюрза. – Давай дальше.

– А дальше ничего, – пожал плечами Алекс. – Заходим внутрь и приступаем к операции.

Жуля опустошил кружку и позвал официантку, чтобы та принесла еще.

– Деточка, ты не лопнешь? – посмеиваясь, спросил Алекс.

– Нет, – Жуля смачно рыгнул.

– Ладно. Вопросы? – устало спросил Гюрза. Он вдруг почувствовал ледяную безысходность и с тоской подумал об ангеле. Ему с непреодолимой силой захотелось оказаться рядом с ней, погладить ее прохладную гладкую кожу, вдохнуть аромат волос, пофыркать ей в ушко... Зачем он здесь сидит? Для чего?

– Я хочу внести кое-какую ясность, – тихо сказала Нелли. Это были ее первые слова с того момента, как она появилась. – Мы с Алексом не участвуем в этом. Ни сегодня, ни вообще никогда. Все.

На лице Гюрзы не дрогнул ни один мускул, в то время как больше всего был удивлен сам Алекс. Жуля поперхнулся пивом и замер.

– Это правда, Алекс? – спросил Гюрза.

«Это единственный верный выход, Юра», – неожиданно заговорил в нем голос ангела.

Алекс метнул на подругу негодующий взгляд.

– Нет.

На лице Нелли проступила бледность.

– Что-то случилось, лапуля? – хмыкнул Жуля. Он вытер с губ пивную пену. – На тебя это не похоже... Или ты стала пацифисткой?

– Помолчи, Жуля, – сказал Гюрза, но тот неожиданно взъярился:

– Ты что мне рот затыкаешь, а? Нашелся, блядь, начальник! Жуля то, Жуля се!.. У нас что, армия здесь? Так вот, послужи сам, а потом командуй... сынок.

– Еще раз назовешь меня сынком, я тебе жопу на рожу натяну, понял? – миролюбиво сказал Гюрза, и Жуля нервно заерзал. И хотя юноша улыбался, зрачки его превратились в две вертикальные щелочки. Жуля знал, что это означает одно – Гюрза здорово разозлен.

– Раскомандовались тут... вообще охренеть, – проворчал Жуля, старательно избегая взгляда Гюрзы, и снова приложился к пиву.

– Так что случилось, Нелли? – Гюрза наклонился к девушке, и та непроизвольно отшатнулась. Как от змеи.

– Без комментариев. Просто все надоело, – грубовато ответила она, изучая свои босоножки.

– Нелли, – начал Алекс, положив руку на ладонь девушки, но та вырвала ее.

– Если ты пойдешь на акцию, мы расстанемся, – как-то отстраненно проговорила она. Алекс плотно сжал губы, сделав их похожими на бескровный разрез.

Жуля разинул рот от удивления, затем засмеялся:

– Это уже интересно! Прямо передача «Окна»! Морды будем бить?

Гюрза вежливо ждал, пока Жуля закончит веселиться, затем спросил:

– Ну и что будем делать?

– А ничего, – отрезал Алекс. – Нелли, топай домой. После поговорим.

– Леша, нет! – Глаза девушки заблестели от слез. На этот раз она сама вцепилась в руку Алекса. – Я умоляю тебя!

Тут уже все пораскрывали рты. Слезы и Нелли – это что-то из области мистики.

– Иди домой, – голос Алекса дрогнул.

– Лешка, пожалуйста, – девушка чуть ли не плакала. – Я сегодня сон нехороший видела... Нам... тебе нельзя идти! Я прошу тебя, хочешь, я на колени встану?!

Официанты уже бросали на их столик заинтересованные взгляды.

Алекс покраснел и поднялся из-за стола.

– Гюрза, я позвоню вечером. Пошли, – он взял за руку Нелли. Та несколько секунд сидела неподвижно, затем вздохнула и покорно поплелась за Алексом, вытирая с глаз потекшую тушь.

– Чего это с ней? – ни к кому конкретно не обращаясь, спросил Жуля. Он с наслаждением допил пиво и начал поглядывать на официантку. Она его заметила и, понятливо кивнув, пошла

наполнять третью кружку.

– Я, наоборот, соскучился, – продолжал Жуля. – Кулаки уже нежными стали... как щечки у той чиксы, – он снова окинул плотоядным взглядом упругую попку молоденькой официантки.

– Ладно, по домам, – сказал Гюрза, видя, что взгляд Жули уже затуманился. – А тебе нужно выспаться, – добавил он.

– Вы идите, а я посижу тут, – заявил Жуля, развалясь на стуле.

Собрание было окончено.

Они шли уже почти двадцать минут, но конца и края свалки не виделось. Она была ОГРОМНА. Как несколько футбольных полей, скроенных портным-великаном. Рост никогда не думал, что от человека может быть столько отходов. Над мусором с мерзким жужжанием вились жирные мухи, под ногами шныряли крысы с толстыми спинами, мелькая грязно-розовыми хвостами. Некоторые особи достигали размеров взрослого котенка, таких крупных Рост видел впервые. Кое-где слабо дымились тлеющие отбросы. Букет всевозможных запахов, присущий любой помойке, поначалу вызывал у Роста тошноту, но постепенно он привыкал. Ему придется к этому привыкнуть, если он хочет выжить.

– А ты кем работал-то? – между делом поинтересовался Витек.

– Да так, – неопределенно ответил Рост. – На заводе одном... слесарем.

– Слесарем? – оживился Витек, и глаза его заискрились. – Че за завод?

Рост понял, что сморозил глупость – он не знал ни одного завода в Москве, как, собственно, и слесарное дело.

– А ты что так интересуешься? – с агрессивной ноткой в голосе спросил он. – Уж не в мусарне сам раньше работал, а?

– Не, Ген, не в мусарне, – не стал настаивать на расспросах Витек. Видимо, вспомнил, как Рост разделался с одним из нападавших. – Я сам в прошлом слесарь-турбинист. Очень хорошо турбинное дело знаю. Это тебе не какое-нибудь говно.

Разговаривая, они спустились вниз и зашли в небольшой подлесок. Пройдя метров пятьдесят, вышли к небольшой покосившейся хибаре, напоминавшей ангар. Строение было покрыто облезлой краской болотного цвета и зияло щелями от вырванных досок, некоторые из них наспех заколочены кусками грязной фанеры, выбитые окна обтянуты мутным полиэтиленом. На расшатанной двери прищиплен рекламный проспект, гласивший: «ГОРЯЧАЯ ПИЦЦА, ДОСТАВКА БЕСПЛАТНО». В нескольких шагах от постройки дымился костерок, вокруг которого были разбросаны пустые консервные банки. Рядом крутился рыжий котенок, выискивая съестное.

– У тебя бабки есть? – неожиданно спросил Витек. И хотя тон бомжа был нейтрален, даже миролюбивый, вопрос Росту не понравился.

– А что? – спросил он беспечно. – Че надо-то?

– Так, – лицо Витька стало кислым, словно он уже жалел, что спросил. – Говна всякого закупить...

– Говна не надо, – решительно сказал Рост. – Я понял, о чем ты... не дрейфь, на шее сидеть не собираюсь. Вот, на общак, – с этими словами он достал из кармана тысячную купюру.

Зрачки Витька расширились, как если бы Рост выудил из кармана говорящего бегемота.

– Ух, погудим, – он радостно потер шершавые ладони, но Рост строго заметил:

– Имей в виду, все на водку не тратить.

– Да уж ясное дело, – Витек не отрывал глаз от вожденной зеленой купюры, которая выглядела неправдоподобно в этом захолустье.

– Так, теперь слухай сюда, – когда «тысяча» переключалась в задрипанный карман Витька, он заметно приосанился. Ни дать ни взять, фон-барон. – Здесь нас шесть штук, вместе с тобой семь. Живем вот в этом доме. Я за главного, но у нас все равны.

Дверь так называемого дома со скрипом отворилась, и наружу показалась всклокоченная голова с заспанным лицом.

– Э, че там? Кто к нам пришел, Дед Мороз? Борода из стекловаты, пидарас горбатый?

– Пошли, – Витек ткнул в бок Роста, случайно попав в раненое место, и тому стоило большой выдержки, чтобы не вскрикнуть. Внутри было сумрачно и прохладно. Спертый воздух, в котором смешалась вонь от грязных человеческих тел, каких-то объедков и мочи, – все это вызывало тошноту. Стены хижины испещрены десятками серебристых дорожек. Позже Рост догадался, что это следы от улиток и слизней. Когда глаза молодого человека привыкли к полумраку, он разглядел внутреннее «убранство» своего будущего жилья. Из мебели было всего две железные кровати, тускло поблескивающие местами, куда до них не добралась ржавчина, и старый стол на трех ножках (вместо четвертой стояла аккуратная стопка кирпичей). Прямо на земле валялись драные матрацы с вылезшей ватой, на них – скомканные одеяла. Н-да-а... Цыганский табор на привале, наверное, выглядит чище.

Витек, увидев появившееся на лице Роста брезгливое выражение, картинно развел руками:

– Ген, а че ты ждал-то? Трехместный номер с джакузи и сок, этот... как его... ананасовый? – он хрипло засмеялся. Ему вторил другой обитатель хибары, представлявший собой чрезвычайно тощего молодого человека, одетого в тельняшку. У него было болезненное лицо с темными кругами под глазами. Он все время чесался.

– Это Дрюня, – представил худого юношу Витек. – Он это... малость того.

– Я уже понял, – сказал Рост, на всякий случай решив держаться подальше от этого Дрюни. Он присел на краешек кровати.

– Че зыришь? – задиристо спросил его Дрюня, смешно подпрыгивая на одной ноге. – В штаны напузыришь, – словно некую тайну поведал он, наклоняясь к уху Роста.

– Замечательно. Слушай, Витек, – сказал Рост. – Я, на самом деле, ненадолго тут. Мне максимум неделю перекантоваться, и все, так что ты не особенно напрягайся.

– А я не напрягаюсь, – широко улыбнулся Витек, показав темные, прокуренные зубы. – Живи сколько надо. Только тебе придется постель собрать, не на говне же спать.

Рост стал подозрительно приглядываться, как вдруг вспомнил, что слово «говно» у его нового друга является универсальным эквивалентом всего словарного запаса.

– У нас есть телка, – заговорщически подмигнул тем временем Дрюня. – Дашка. Дашка-какашка, – запел он, но тут же получил в ухо от Витька и обиженно заныл.

– Ща как дам по башке, улетишь на горшке, – выпятив нижнюю губу, заявил Дрюня, но Витька ничуть не смутили эти страшные угрозы. Он повернулся к Росту и серьезно сказал:

– Да, живет с нами одна баба. Только ты, Гена, лучше даже не смотри на нее.

Поймав удивленный взгляд Роста, он пояснил:

– Жгут из тебя все говно вытряхнут.

– Спасибо за справку. Жгут – это кто?

– Хахаль ее. Ты не думай, он ее того... любит. Он, кстати, сидевший.

«Час от часу не легче», – подумал Рост. Оказаться на свалке в компании бомжей, сумасшедших и уголовников – что может быть экзотичней?

– Так что ты поаккуратней. И если говорить с ним вздумашь, за базаром следи, он на понятиях.

Сзади скрипнула дверь.

– Че тут за балаган? – раздался надтреснутый голос заядлого курильщика. – Че за фраер?

– Во. Легок на помине, – пробормотал Витек.

Внутрь зашли мужчина с женщиной. Жгут был среднего роста, слегка сутулый. Непомерно длинные руки и немного вытянутый, наголо выбритый череп делали его похожим на гиббона. Глубоко посаженные глаза-угольки с мрачной внимательностью изучали Роста. На нем была расстегнутая серая рубашка в полоску доперестроечных времен, концы которой были по-молодецки завязаны на впалом животе. Женщина, очевидно, Даша, пряталась за его узкую

спину. В полутьме Рост разглядел только спутанные волосы и выглядывающие из грязных джинсов мужские туфли.

– Это Генка. Его баба выгнала, – сказал Витек. – Поживет пока у нас.

Голос Витька звучал спокойно, хотя Рост видел, что он все же побаивается.

Жгут подошел вплотную к Росту.

– Баба выгнала? – все тем же надтреснутым голосом спросил он. – Что ж ты за кекс такой, если над тобой баба власть имеет?

– Кекс – кондитерское хлебобулочное изделие. И я к нему не отношусь, – членораздельно сказал Рост. – А насчет моей бабы – не вам о ней судить... Жгут.

– О-о, – протянул Жгут, и было непонятно, удивлен он или разочарован. – Ты что, из блатных, што ли? Ну-ну, – он уселся на кровать и задрал на колено ногу, крутя ступней в разбитом башмаке. – Не успел в гости пожаловать, а уже характер показываешь? Это ты зря. Давай, что ли, рассказывай, кто ты, откуда, – он вдруг зашелся глубоким старческим кашлем.

«Уж не туберкулез ли у него?» – подумал Рост, а вслух сказал:

– А ты что, прокурор, чтобы я тебе душу изливал?

Он чувствовал, что дай он на мгновение слабину, ему здесь не выдержать. Глаза Жгута зло сверкнули.

– Я не кум, колоть тебя не собираюсь. Но раз ты приканал к нашему шалашу, куда тебя никто повесткой не приглашал, то будешь жить по нашим законам. Я что, не прав?

– В общем-то, прав, Жгут, – Витек решил перехватить инициативу. – Он и на общак дал бабок...

Но Жгут не обратил на слова Витька никакого внимания, продолжая сверлить новенького взглядом. Рост, помедлив, вкратце рассказал свою легенду.

После этого какое-то время двое молча смотрели друг на друга. Рост прекрасно видел, что Жгут не поверил ни единому слову. Его глаза-угольки по-прежнему недобро буравили молодого человека. Затем Жгут сказал:

– Нет. Он мне не нравится, что-то гнилое в нем есть. Вали-ка ты, Гена, к своей Шапокляк.

Рост усмехнулся. Так, началось.

– Жгут, сейчас ты не прав, – Витек выступил вперед. – Он порядочный парень... мне помог, когда на площади мутузили.

– У тебя что тут, гостиница? – рявкнул он, но Витек не сдавался:

– А ты сам небось позабыл, когда приполз сюда из ментовки? В кровище и обтруханных штанах?! Кто тебя пригнал, Жгут?

– Незачем нам рты лишние, – в руках бывшего зэка неожиданно блеснула заточенная отвертка. Рост опустил руку в карман, пальцы легли на рукоятку «ПМ». Нет, стрелять нельзя, подумал он и убрал руку.

– Ну? Еще раз повторить, фуфлыжник?

Рост сказал:

– Жгут, я не имею ничего против тебя. И не понимаю, какие предъявы у тебя ко мне. Витек тебе объяснил, и добавляю – я не мусор, сам их терпеть не могу. На халаву гужевать не собираюсь, бабки будут, просто позволь мне побыть с вами под одной крышей. Хоть неделю.

– Нет, я смотрю, у тебя тампаксы в ушах, – Жгут по-обезьяньи поднялся с кровати и шагнул к Росту.

– Убери заточку, – спокойно произнес Рост.

Жгут ухмыльнулся. Ему, очевидно, пришла в голову какая-то мысль, потому что в следующий момент он, воткнув отвертку в стол, проговорил:

– Вот что, фраер. Пошли наружу и... Посмотрим, чья масть козырней. Если ты мне п....лей

вламываешь, то живи сколько душа пожелает, можешь даже мою шконку занять. А вот ежели я тебе яйца морским узлом свяжу, то полетишь ты у меня отседова пропеллером до самого Гондураса, лады?

Рост молча кивнул. Разве у него был выбор?

Они вышли наружу. Вслед за ними высыпали все остальные. Только сейчас Рост увидел, что у Дрюни вместо одной ноги протез. Кое-как пристегнутый к культе, он беспомощно болтался из стороны в сторону, как отслоившаяся от башмака подошва.

– Ну что, грудь моряка – жопа старика? Ща я тебе пасть по самую сраку порву, – пообещал Жгут, приняв боксерскую позу. Концы ветхой рубашки развязались, обнажив костлявую грудь в блеклых татуировках.

– А не пукнешь? – Рост легко уклонился от удара и нанес ему удар в бок. Жгут зашатался, но быстро оправился и попробовал зайти слева, но тут же получил удар в плечо. Рост старался бить вполсилы, хотя мог бы убить его одним точным ударом. Несмотря на то что в стоящем перед ним мужчине и чувствовался определенный навык, годы Жгута были не те, и он это, похоже, понял с первой минуты. Теперь при свете Рост видел многочисленные шрамы, украшавшие бритую голову его соперника. Вопреки высказыванию о том, что шрамы украшают мужчину, Жгута это точно не касалось.

Поняв, что на расстоянии противника не достать, Жгут, свирепо закричав, с неожиданной ловкостью ударил Роста ногой в пах и прыгнул прямо на него. Повалившись на землю, они стали кататься по грязным пакетам и консервным банкам. Дрюня счастливо повизгивал, топчась на своем протезе.

– Э, все хватит! – крикнул Витек. – Устроили тут... говно какое-то. Ничья!

Катаясь по земле, Рост угодил локтем в то, что при каждом удобном случае упоминал Витек, очевидно, собачье. В этот самый момент Жгут, чувствуя, что силы его все же уступают более юному и опытному сопернику, в отчаянии вцепился зубами в плечо Роста. Но тот без особого труда вырвался и оказался наверху, схватив Жгута за горло. Слегка сжал. Лицо бывшего зэка приобрело свекольный цвет, глазные яблоки вылезли из орбит, и он захрипел.

– Тошка! – закричала Даша и, бросившись к ним, принялась отдирать Роста от Жгута. Молодой человек отпустил руку и поднялся на ноги. Затем подал руку Жгуту. Тот кашлял не переставая.

– Вставай... Тошка, – тяжело дыша, сказал Рост.

– Я Жгут, – с ненавистью выдохнул побежденный, но ухватился за предложенную руку. – Для всех вас, кроме Дашки, понятно?!

– Тошка-картошка. Картошка-поварешка! – закричал фальцетом Дрюня, подскакивая на одной ноге. Жгут молча развернулся и двинул ему под дых. Хватая воздух ртом, Дрюня шмякнулся в крапиву.

Рост решил, что сейчас начнется настоящая драка, но, к его удивлению, никто не обращал внимания на подвывающего Дрюню в кустах. Похоже, тумачи он огребал здесь постоянно.

– Все? Вопросов больше нет? – спросил Витек. Казалось, он старался как можно быстрее замять конфликт. Жгут, матерясь сквозь зубы, обнял Дашу, и они пошли за дом.

Дрюня тем временем поднялся на карачки, подполз к деревянной постройке и уселся, облокотившись спиной о стенку.

– Хорошо тому живется, у кого одна нога, – сообщил он с видом знатока Росту. – И залупа меньше трется, и не надо сапога.

Глядя на Дрюню, Рост подумал, что эта поговорка явно не про него.

– Ладно, щас жрать будем, – деловито сказал Витек. – Только за беленькой сгонять нужно. А вон и Джеки Чан с Кешкой идет.

– У вас еще и Джеки Чан есть? – поинтересовался Рост, отряхиваясь. Левый локоть был измазан испражнениями, и он очищал его сорванным лопухом. – Полный набор, как я погляжу... Надеюсь, с ним мне не придется драться?

– Не, он пацан что надо. Не то что какое-нить говно, – с уважением произнес Витек.

Вскоре подошли двое бомжей. Джеки Чаном оказался мужичок неопределенного возраста, не то кореец, не то вьетнамец, едва достававший Росту до груди. У него были длинные слипшиеся волосы и усы, свисающие крысиными хвостиками, в одном из усов застряла обгорелая спичка. Нос был цвета спелого помидора. Он был облачен в серую милицейскую шинель, правда, только с одним лейтенантским погоном, второй болтался на нитках, будто Джеки Чана собирались разжаловать, но он, не выдержав предстоящего позора, вовремя дал деру и избежал этой унижительной процедуры. Полы шинели волочились по земле, в связи с чем Джеки Чан постоянно наступал на нее и спотыкался. По шинели можно было судить о маршруте передвижения ее собственника – спина была покрыта репейниками, низ заляпан свежей слякотью, бок и рукава измазаны цементной пылью. Под шинелью пестрела рваная майка «Metallica». На ногах Джеки Чана были резиновые сапоги, причем левый обмотан медной проволокой.

Второй кадр, Кеша, был не менее колоритным.

– Иннокентий, – он церемонно протянул руку Росту. – Хотя эти невежды меня называют этим дурацким попугайским именем, меня зовут Иннокентий.

На вид ему было лет шестьдесят. Худое лицо покрыто седыми клочками волос, будто он в темноте брился тупым рубанком. Слезящиеся глаза, помаргивая, с затаенным страхом смотрели из-под редких бровей, один зрачок наполовину затянут молочной пленкой катаракты. На нем были драные сиреневые треники с пузырями на коленях, на одной штанине была дыра, и сквозь нее просвечивала бледная кожа в зеленке. Разные ботинки без шнурков со смятыми задниками напоминали туфли старика Хоттабыча. На Кеше была замызганная футболка с олимпийским мишкой, на которой маркером криво было наклеено «ЦСКА». Картину довершал пиджак, слишком короткий для Иннокентия, и со стороны могло показаться, что его обладатель просто засучил рукава, собираясь приступить к нелегкой работе. Из засаленного нагрудного кармана выглядывала засохшая ромашка. В руках у него, как и у Джеки Чана, был большой пакет.

«Да-а, полный п...ц, – размышлял Рост, разглядывая своих будущих сожителей. – Замечательная компания подобралась... Триппер, сифилис, бубон – собрался в один вагон...»

– Че там у вас? Небось опять какое-нить говно приволокли? – требовательно спросил Витек, уткнув руки в боки.

– Виктор, все замечательно, – Кеша заморгал глазами, как крот на солнце. – Лом сдали, жесьть тоже.

Витек отправил Кешу с Джеки Чаном в магазин, а сам принялся раскладывать улов.

– У нас, как в старину. Кто не работает, тот говно, – сказал он, вытаскивая из пакета пластиковую бутылку «Буратино», недоеденную курицу-гриль, половину апельсина и зачерствевшие куски черного хлеба.

– Кажется, кто не работает, тот не ест, – поправил его Рост, но Витек только отмахнулся.

Вслед за черным хлебом на свет появилась банка шпрот, два полувыдавленных пакетика майонеза и пакет сухариков «Емеля». Мешок Джеки Чана оказался богаче – в нем нашлась початая бутылка водки, три соленых огурца (один был надкусан), крупная головка чеснока, упаковка селедки и несколько пакетов с сухарями.

– Небось, по дороге водку жрали, а? – грозно спросил Витек, тыкая грязным пальцем в бутылку, которую вытащил Джеки Чан. Лицо Кеши тут же приняло отсутствующее выражение, типа «я тут ни при чем», а Джеки Чан стал похож на мопса, которому под нос сунули

протухшую еду.

– Моя упасть. Путулка – кап-кап, – сказал он, не моргнув глазом.

– Хорош п...деть-то, – проворчал Витек. – Кап-кап, понимаешь... Че я, по твоей сытой роже не вижу, што ль? У тебя с усов до сих пор кап-кап... А огурец у тебя тоже «упасть»?

– Огурец, однако...

– Ладно, хрен с вами... А ты чего стоишь? – обратился он к Росту. – Иди, ищи, на чем дрыхнуть будешь. Или тебя с Черномырдиным положить, на консервные банки?

– Какой, в задницу, Черномырдин? – устало спросил он.

Витек молча ткнул пальцем в котенка, который старательно вылизывал очередную банку из-под кильки.

– Почему Черномырдин? Почему не Гайдар или Ельцин?

– Потому что у него морда черная, – снисходительно ответил Витек.

Пока Даша и Витек «собирали» на стол, он побрел на свалку. Искать постельное белье для ночлега.

Увидев своего ангела, Юра напрочь забыл о всяких акциях. Он крепко обнял ее и стоял, что-то ласково нашептывая ей на ушко.

Они приготовили ужин и вместе сели в гостиной смотреть какое-то кино. Юра почти не следил за сюжетом. Он испытывал ни с чем не сравнимое блаженство, ощущая тепло, исходящее от своего крошечного котенка. Рядом сидел Кляксич, он уже освоился с новым положением и приноровился ходить на трех лапах. Уютный, теплый летний вечер, изумительный ужин и прекрасный ангел рядом – разве это не счастье?

«Нет, – заскрипел внутри знакомый голос. – Завтра твои руки снова будут по локоть... по плечи в крови... а потом ты будешь ими обнимать и гладить эту девчонку... ты слышишь?... ты слышишь...»

Перед сном они приняли ванну, Алиса насыпала какую-то специальную соль, отчего вода быстро покрылась слоем ароматной воздушной пены. Они дурашливо брызгались, смеясь, после чего Юра бережно обернул ангела махровым полотенцем. В нем она стала похожа на гнома.

– Так не хочется уходить, но придется, – сказала Алиса. – Не хочу Инну одну оставлять. И Сэм...

– Так давай это исправим. У вас есть хорошие соседи? – спросил он, и Алиса поняла, что он не отпустит ее ни при каких обстоятельствах.

Через несколько минут все было улажено, Алиса договорилась с Аней из 38-й квартиры, подругой сестры, и Инна с нескрываемой радостью помчалась в гости.

После Юра пошел промывать Кляксичу швы, а Алиса направилась в спальню. Проходя мимо комода, она нечаянно задела лежащую на нем газету, и та упала на пол. Под газетой что-то лежало. Алиса пошла было дальше, но это что-то приковало ее внимание и заставило остановиться. Это оказались кожаные перчатки, из очень толстой кожи. Все бы ничего, просто кожаные перчатки, если бы не одно «но» – они были покрыты металлическими шипами. Острыми шипами. Алиса осторожно протянула руку, чтобы потрогать их, но тут же отдернула назад, будто коснулась раскаленного утюга. От этих страшных перчаток веяло какой-то жуткой, неземной силой. Они словно жили своей собственной жизнью, дышали и пульсировали, как только что вырванное сердце. Они ухмылялись, обещая беду.

Алиса спросила о них, когда они уже укладывались спать.

– Это подарок. Ребята на тренировке прикололись, – ни на секунду не задумываясь, сказал Юра. Про себя он чертыхнулся; еще одна подобная непростительная халатность – и все полетит к чертям. – Они декоративные, а шипы из пластика.

Алиса промолчала. Она отлично видела, что шипы на этих мрачных перчатках были настоящие и уж меньше всего походили на декорацию.

– Скоро будет твое платье готово, – сказал он, желая побыстрее сменить тему. – Ты станешь самая красивая из всех невест за все время... пока существовало человечество.

– Думаешь? Я так волнуюсь, боюсь, что буду неуклюже выглядеть в нем, – вздохнула девушка. Она сладко зевнула. – Спокойной ночи.

– Хороших снов.

Алиса свернулась, как мышка, и уже спустя пару минут ровно задышала.

«Она видела перчатки».

Сколько еще будет проколов? Как долго он сможет скрывать от ангела правду о своей настоящей жизни?

Внезапно Юру сковал ледяной страх – если ангел... если только его милый ангел узнает о

его второй жизни... Он даже боялся себе представить реакцию Алисы. Он лучше перережет себе горло в то же мгновение, только чтобы не видеть ее глаз, распахнутых в немом вопросе.

Может, пора остановиться? Может, уже хватит? На днях Гюрза влез в компьютер, где скрупулезно вел таблицу всех акций, и подсчитал итоговые цифры. Если бы он взглянул на них до встречи с ангелом, его реакция была бы однозначной – он бы просто хмыкнул и тут же забыл о них. Теперь же он сидел как истукан, ошеломленный результатом. Двадцать шесть человек за полтора года. Двадцать шесть загубленных жизней, и это только он один! Если брать всю их «великолепную» пятерку так называемых врачей, то цифра подкрадывалась к сотне. Он стер всю таблицу, а также удалил ее из «корзины». На душе было омерзительно, будто его окунули в чан с дерьмом.

«О'кей. Это моя прошлая жизнь», – пытался он себя успокоить, хотя прекрасно сознавал, что ничего из этого не выйдет.

(2 июня Ясенево).

Последний раз. Только последний раз – и точка. Поженимся с Алисой, получу диплом, и уедем отсюда. Продадим квартиру и купим небольшой домик где-нибудь в области...»

Глядя на мирно спящего ангела, он почему-то снова вспомнил Диму, долговязого придурка, который нассал у него под дверь. Он никак не мог взять в толк, каким образом это прыщавое чмо Федоровский сумел произвести впечатление на Алису. Пусть даже на непродолжительное время. Чертов наркоман...

Мысли юноши вернулись на несколько дней назад. Он потратил уйму времени и наконец дождался того, кто посмел поднять свою грязную руку на ангела.

...Гюрза без особых проблем усадил Диму к себе в машину – сработал фактор внезапности. «Фолькс» тут же взял высокую скорость. Дима сразу узнал его и первое время пытался возмущаться, размахивая длинными руками.

– Если ты будешь мне мешать, мы врежемся, – невыразительным голосом произнес Гюрза. Долговязый предпринял попытку открыть дверь на ходу, за что получил чувствительный удар под ребро. Тогда Дима закричал. Громко, пискляво, почти по-женски, и Гюрза процедил: – Я не собираюсь убивать тебя. Мы просто поговорим по-мужски, Дмитрий. Ты ведь мужчина? Или слюни в юбке?

Дима энергично кивнул.

– Хочешь устроить честный бой? – заплетающимся языком сказал он. – А куда мы едем?

– К ближайшему орешнику. За новой метлой, – не глядя на него, проговорил Гюрза. Дима слабо улыбнулся. От него несло мощным перегаром, и, несмотря на приоткрытые окна, лобовое стекло стало быстро мутнеть, словно внутри на полную мощность работала печка. – Не бзди, Капустин, трахнем и отпустим, – Гюрза подмигнул ему.

– Я не Капустин, – спесиво отреагировал парень на «шутку». И прибавил совсем уж глупо: – Я... Дима Федоровский.

– Да хоть папа римский, мне без разницы, – бесстрастно ответил Гюрза.

Машина тем временем съехала с трассы и покатила по грунтовой дороге.

– Ты сам виноват, – ляпнул ни с того ни с сего Дима. Он уже успокоился, и лицо приняло прежнее нагло-снисходительное выражение, как если бы он общался с несговорчивым должником. – Не хер было Рамзеса резать... И мне нос сломал. Дрон хочет на тебя в ментовку заяву писать.

Гюрза молчал. Фонари закончились, их окружила полная темнота, и теперь Дима видел только узкую неровную дорогу, освещаемую фарами машины.

– Долго еще? – спросил он. Горло вдруг стало очень узким, тоньше канала иглы, которую он

еще вчера наживлял на шприц, и дыхание со свистом вырывалось из обветренных от бесконечного облизывания губ.

Фигура за рулем хранила зловещее молчание. Дима снова начал нервничать. «Ладно, как только остановимся, тут же слиняю, плевать на гордость. Эх, сейчас бы вмазаться!.. Водка, оно, конечно, хорошо, но ничто не может сравниться с хорошим дознячком. А типус, похоже, окончательно спятил. Неужели весь этот спектакль из-за порезанной двери?» Вместе с тем, Дима злорадствовал – а здорово все же они придумали! Много бы он отдал, чтобы увидеть физиономию этого козла, когда он вышел из лифта и увидел свою дверь!

Они куда-то свернули, проехали еще несколько метров, и машина остановилась.

Дима приготовился. «Только бы оказаться снаружи. И, кстати, хорошо бы узнать, где мы вообще находимся?»

Только рука юноши потянулась к замку двери, как в бок его уперлось что-то твердое. Дима похолодел.

– Ты куда? – мягко спросил Гюрза. – Я еще не объявлял остановку.

– Я... это... а че? – глупо проблеял Дима. Ему вдруг стало страшно. И что это так упирается в бок? Неужели пистолет?!

Гюрза поднял руку и пошевелил указательным пальцем.

– Пиф-паф. Тебе нужна консультация у психотерапевта, – тон Гюрзы был доброжелательным, как у врача, который не рекомендует купаться в незнакомых местах. – Нервишки-то у тебя – отстой.

– Ладно, – Дима повернулся к сопернику. – Чего надо? Хочешь морду набить – валяй, нет – отвози обратно. Устроил тут... шоу Бенни Хилла.

Гюрза улыбнулся – грустной и преисполненной терпения улыбкой человека, которого постоянно несправедливо обвиняют.

– Скажи, ты любил Алису? – спросил он, положив руки на руль и сцепляя пальцы в замок. Почему-то этот вопрос взбесил Диму. Он что, обязан отчитываться о своей личной жизни перед этим психопатом?

– Нет, – дерзко ответил Дима. – Так... два раза перепихнулись, и все.

Он не видел, как кровь отлила от лица Гюрзы, и не знал, что этой фразой перечеркнул всю свою жизнь.

«ПЕРЕПИХНУЛИСЬ?!»

Из уст Федоровского это прозвучало не просто пошло, а гадко, да и сама фраза показалось Гюрзе отвратительной.

– Ну так что? – нетерпеливо заерзал Дима. – Я могу идти домой?

– Сегодня, Дмитрий, отсюда из нас уйдет домой только один, – с непритворной грустью промолвил Гюрза. – Выходи.

Алкоголь, залитый в изрядном количестве, мешал Диме вникнуть в смысл сказанного. Вылезая из машины, он заметил, что Гюрза несет что-то похожее на банку.

Гюрза с силой захлопнул дверь, отчего Дима вздрогнул и, не оборачиваясь, зашагал вперед.

– Пошли!

– Ты что, из-за двери так разозлился? – пискнул Дима. Странно, но мысли о побеге куда-то улетучились, он чувствовал себя бараном, которого выбрали на шашлык. Только сейчас до него дошло: «Только один... уйдет домой». Ноги стали похожими на разваренные спагетти, и ему ужасно захотелось присесть. Оглядевшись, он увидел, что они находятся на какой-то стройке. Справа лежали громадные плиты с торчащей арматурой, впереди виднелось недостроенное здание. Слева вообще чернело бесформенное пятно, вероятно, котлован.

Гюрза повернулся. Поставил предмет на землю. При свете фар стало видно, что это

действительно банка, причем не пустая. Фары автомобиля освещали их, отбрасывая причудливые изогнутые тени и вызывая воспоминания о фильмах про бои без правил.

– Ну, а теперь слушай. Правило одно – никаких правил. Ты ведь хотел со мной разобраться? Иначе не стал бы караулить Алису?

Дима не мог не отметить, с каким благоговением было произнесено имя этой соплячки, и похолодел. «Точно, псих!»

– У тебя есть шанс, Дмитрий. Только одно маленькое условие, – Гюрза носком туфли показал на банку. – Это серная кислота.

– И что? – еле слышно проговорил Дима, чувствуя, что сейчас он узнает нечто ужасное. Теперь он все понял, и его охватил такой всепоглощающий страх, что он не мог пошевелиться. С ужасающей отчетливостью он осознал, что этот светловолосый юноша привез его сюда не для того, чтобы запугать или даже избить. Он привез его убивать.

– Проигравший выпивает банку. Всю, – просто сказал Гюрза и улыбнулся. – Ну как, идет? Впрочем, твое мнение меня не интересует.

Гюрза понимал, что данный спектакль нужно заканчивать как можно быстрее, не ровен час, этот торчок решит дать деру, а ему это совершенно не нужно...

– Послушай, нет... – залепетал Дима. Его прошиб холодный пот, губы затряслись. – Это же была шутка... Никакой кислоты не было, я пошутил! Я никогда... мы с Алиской друзья, честное...

– Ты готов?

Голос неумолимый, жуткий. Дима всей кожей ощущал, что от него исходили волны смерти. Лицо Гюрзы вдруг стало плыть, как горячий воск. Посветлело, хотя до рассвета еще было далеко, знакомая тихая музыка наполнила пространство, где-то под сердцем сладко заныло, перед глазами запульсировали разноцветные точки.

Дима увидел происшедшую перемену в Гюрзе и моментально протрезвел. Потом обмочился. Ноги подогнулись, и он упал на колени.

– Начали, – мертвым голосом прошептал Гюрза и тенью бросился на него.

Дима закричал нечеловеческим голосом.

Через сорок минут Гюрза возвращался домой. Брюки были порваны, руки в царапинах и кирпичной пыли, один рукав прожжен кислотой. Но все это пустяки.

Через два дня он узнал из сводок, что в котловане обнаружен неопознанный труп молодого человека с обезображенным лицом. Патологоанатомов ждет большой сюрприз, когда они будут вскрывать это тело.

Крепко прижавшись к своему ангелу, Юра Тягушев крепко спал. Он спал и не знал, что через шесть-семь часов в их жизни с Алисой наступят большие перемены.

На этот раз Гюрза приехал на машине. Перед этим он попрощался с Алисой и договорился, что приедет к ним вечером, если не будет успевать – утром следующего дня. С ним был Мика, безмолвный, как всегда.

Примечательно, что раньше всех пришел Жуля. Трезвый, опрятно одетый, он сухо поздоровался с ребятами и закурил. Вскоре появились Алекс с Нелли. Глаза у последней были красные, губы поджаты.

– Все нормально? – показывая глазами на девушку, спросил Гюрза.

– Нормально, – сдержанно ответил Алекс и провел рукой по шее. Гюрза многозначительно промолчал.

Они сверили часы и направились к высотке. Время было 18.20.

– Ты сегодня прямо как жених, – не выдержал Гюрза, обращаясь к Жуле. Тот важно стряхнул пепел.

– А то, – только и соизволил ответить он.

По мере того как они приближались к дому, лицо Нелли становилось блее мела.

– Все, я не пойду, – вдруг произнесла она. Она говорила с усилием, словно что-то давило ей на грудь. – Не могу... больше.

– Жди меня возле метро, – даже не взглянув на нее, сказал Алекс. Несколько метров девушка шла рядом с ним, в надежде, что он передумает и останется с ней, но юноша продолжал идти.

Никто ничего не сказал. Шли пять студентов. Одна девушка отстала, делов-то.

Гюрза обернулся. Нелли одиноко стояла посреди тропинки, ветер трепал ее распутившиеся волосы, и юноше показалось, что он видит слезы на ее лице. В своей очередной дешевенькой «рабочей» курточке и узких джинсах она выглядела по-детски незащищенной.

Над небом стали сгущаться тучи, хотя синоптики обещали хорошую погоду на весь день.

– Знаешь, Гюрза, – глядя себе под ноги, сказал Алекс. – Нелли, в общем-то, права. Во всяком случае, это моя последняя операция. Завязываю.

– Что, ручки стали дрожать? А, Хирург? – на лице Жули расплылась глумливая улыбка.

К удивлению Гюрзы, Алекс не стал с ним спорить.

– Да, дрожат, и не только ручки, Жуля. Все зашло слишком далеко. А ты, Жуля? Ты хоть помнишь, как тебя зовут? Что у тебя есть имя? Что у тебя есть паспорт, есть отчество, и ты человек?

Жуля прыснул, сигарета вывалилась у него изо рта.

– Бля, вы что, философами все стали? – иронично спросил он. Посмотрел на тучи и нахмурился. – Дождь будет.

– Только бы она дождалась, – прошептал Алекс, но Гюрза его услышал.

– Иди к ней. Прямо сейчас, – сказал он. Алекс с грустью улыбнулся:

– Нет, Гюрза. По крайней мере, сегодня я с вами. В последний раз. Я так решил.

Гюрза пожал плечами:

– Вы свободные люди. А свободного человека отличает возможность выбора.

Больше никто из них не произнес ни слова. Гюрза шел и размышлял над словами Алекса. Поразительно, но по какой-то необъяснимой причине он даже обрадовался решению друга, поскольку сам думал об этом всю ночь. Но ни при каких обстоятельствах он не стал бы делиться своими мыслями с остальными. Он искоса посмотрел на Жулю. Этот дуралей скоро окончательно сопьется и в лучшем случае сядет в тюрьму. Затем перевел взгляд на Мику. Тот

шел как робот, глядя в одну точку, лицо – восковая маска с ледяными глазами, точь-в-точь зомби из ужастиков. Вот кто будет резать и убивать, невзирая ни на что. Такого самого только пуля остановит.

Они подошли к зарослям травы подле дома и по узкой протоптанной дорожке прошли к проему в стене. Наверху, возможно, на втором этаже, слышались приглушенные голоса. Значит, компания в сборе и можно начинать.

Они по очереди зашли внутрь. Пахло цементной пылью и чем-то горелым. И хотя они шли на цыпочках, хруст гравия и битого стекла под рифлеными подошвами ботинок все равно выдавал их. Сверху кто-то пробасил:

– Толян, ты, што ль?

Гюрза неспешно нацепил перчатки. Нож он заткнул за ремень.

– Да, – сдавленно проговорил он, чтобы голос было невозможно идентифицировать.

Мика вынул цепь. Жуля размял суставы и достал битую, сделав пару картинных устрашающих взмахов. Алекс надел резиновые перчатки и медленно извлек из ножен свой страшный нож с потемневшими от долгого использования кровостоками.

– Вперед, – выдохнул Гюрза и метнулся к двери, за которой слышались голоса.

Дверь висела на одной петле, и Гюрза вышиб ее с одного удара. Они оказались в квартире, представлявшей собой большое прямоугольное помещение без внутренних стен и отделки. Внутри находилось семь человек, все они сидели полукругом на деревянных ящиках вокруг импровизированного стола, состоящего из половинки двери, очевидно выломанной в соседней комнате. Бомжи ели. У окна крутился ребенок лет восьми.

Кто-то вскрикнул от неожиданности. Гюрза с некоторой тревогой заметил, что все сидящие – взрослые мужчины. И вполне вероятно, что они могут дать достойный отпор его отряду.

Вслед за Гюрзой ужом проскользнул Алекс – он снова распустил волосы. Затем Мика. Процессию замыкал Жуля. Нехорошо улыбаясь, он поигрывал своей страшной битой с грубыми выщерблинами.

– Парни, че надо? – С места тяжело поднялся крупный бомж с лопатообразной бородой. В голосе его не было испуга, скорее, едва скрытое раздражение человека, которого отвлекли от неотложного дела.

Увидев в руках Жули битую, он все понял. Мигом оценили обстановку и его плохо пахнущие приятели. В одно мгновение они повскакивали с мест.

Гюрза прыгнул на бородатого и двумя точными ударами превратил его лицо в рыхлое месиво. Бороду стала заливать кровь. После первого удара из ноздри бомжа выскочила сопля и повисла, как свежевыстиранный носок на бельевой веревке. Почему-то эта зеленая сопля привела Гюрзу в состояние восторженного возбуждения. Он ударил снова, однако бомж удержался на ногах, заревел и стал слепо размахивать пудовыми кулаками, оттесняя Гюрзу в угол. Тот нанес ему еще несколько ударов сбоку в голову, но здоровяк шел напролом. Одно ухо у него было разорвано почти надвое, в щеке зияла дыра, сквозь которую виднелись гнилые зубы, но он все равно напирал на Гюрзу. Оказавшись в углу, парень вытащил нож. Несколько ударов по рукам, которые бородач выставил вперед, и он стал отступать. Лезвие вспорол запястье, и на Гюрзу брызнула россыпь венозной крови. Бомж заскулил, зажимая рану, Гюрза взмахнул еще раз, и лезвие погрузилось по рукоятку в живот. Не без усилия он потянул нож, разрезая плоть до самой груди. Бомж захрипел и неуклюже завалился на бок.

На Жулю бросились сразу двое бродяг. Одного он вырубил сразу, снеся ему битой пол-лица, и тот, визжа, откатился в угол. Жуля намеревался его добить, но второй бомж, вооруженный разводным ключом, улучил момент и довольно сильно ударил юношу по коленной чашечке. Охнув, Жуля припал на одно колено. Пытаясь подняться, он вдруг получил мощный удар по

спине. Развернувшись, увидел еще одного бомжас куском полена. Орудую точно копьем, Жуля ткнул его в живот битой, затем вскочил и вторым ударом опрокинул нападавшего.

Гюрза бросился на помощь к Жуле и атаковал бомжа с разводным ключом. Мощным ударом он сорвал всю кожу с правой стороны лица бродяги и раздробил нос. Бомж нелепо взмахнул руками и кинул ключ в Гюрзу, но тот увернулся. Подошел ближе и ударил еще раз. Он снова попал ему в нос, выдрав все мясо и оставив на его месте только оголенный хрящ. Бомж гнусаво заверещал и, споткнувшись, упал на обломки кирпичей. Клошар полз к окну, с лица лился красный дождь. Гюрза добил его, когда он собирался перелезть через подоконник.

Жуля, не помня себя от ярости, продолжал избивать тяжелыми ботинками закрывающего лицо бомжа, который ударил его деревянным брусом.

Мика тем временем расправился с одним из бомжей и бросился на другого. Тот попытался назад, держа руки за спиной. Мика стал раскручивать цепь, но неожиданно бомж швырнул в него обломок кирпича. Мика оторопел. Плечо моментально онемело. Бомж торопливо подхватил с пола еще несколько камней и принялся закидывать ими Мику.

Этому примеру незамедлительно последовали другие оставшиеся на ногах бродяги. Сгрудившись у окна, они принялись осыпать своих врагов градом камней, причем более половины снарядов находили свою цель. Гюрза получил удар в руку и бок, Мике снова попали в то же плечо, и он переложил цепь в другую руку. Больше всего не повезло Жуле – пока он в неистовстве прыгал на бомже, чей-то метко посланный кусок бетона попал ему в затылок, и он кулем свалился на мертвое тело бездомного.

Гюрза вынул травматический пистолет. Все шло наперекосяк, совсем не так, как планировалось. Правда, теперь их осталось трое на трое.

– Режь! – страшно проревел Алекс. Уклонившись от просвистевшего камня, он разбежался и в прыжке ударил одного из них в голову. Не давая упавшему прийти в себя, он перерезал бродяге глотку почти до позвоночника. Плевками выплескивающаяся из перерезанных вен и артерий кровь превращала кирпичную пыль в малиновую кашу.

Гюрза увернулся от очередного кирпича и выстрелил. Резиновая пуля попала в верхнюю губу бомжа и вышибла ему передние зубы, самого его отбросив на подоконник. Внезапно ногу Гюрзы пронзила острая боль – оглянувшись, он увидел чумазого ребенка, его маленькие глазенки горели от злобы. Из левой ноги чуть ниже колена торчало шило, с рукоятки которого свисали обрывки зеленой изолянт.

Он навел на него пистолет, но рука дрогнула, потом опустилась. Мальчик плюнул, попав слюной на запыленный ботинок Гюрзы, и выскочил за дверь.

Оставался еще один. Затравленно озираясь, он кинул большой камень, но промахнулся. Мика и Алекс подошли к нему вплотную.

– Что, с-сука, – тихо заговорил Алекс. С ножа, который он поднес к шее бомжа, сорвалась красная капля и упала в пыль, превратившись в серый влажный комочек. – В бейсбол решили поиграть?

– Кончай его! – бешено вращая зрачками, прохрипел Мика.

Алекс воткнул нож в горло бомжа и повернул его.

– Хлюп, – сказал бомж. На грязном лице отразилось что-то вроде беспокойства, похоже, он так и не понял, что с ним сделали. Алекс выдернул лезвие, из развороченной раны струей забила кровь, часть которой попала на него самого. Внизу послышались взволнованные голоса.

– Мика, посмотри, кто там, – сипло сказал Гюрза. Он присел над бесчувственным Жулей, с содроганием глядя на его окровавленный затылок. Неужели он мертв?!

Мика шагнул из комнаты.

– Е...а мать, – выдохнул он, вернувшись. Лицо его побелело, уголок рта задергался, как

поплавок при клеве крупной рыбы. – Их целая толпа, штук восемь... и все идут сюда. С палками и арматурой.

Голоса стали громче.

– Все сюда. Отходим к окну. Если будет совсем жарко, прыгаем вниз, – сказал Гюрза, сжимая пистолет обеими руками. Прямо как в боевиках, ха-ха. Дерьмо.

– А что с Жулей? – спросил Алекс, но ответить Гюрза не успел – в комнату стали заходить бомжи. Грязные, дурно пахнущие, но все молодые и довольно крепкие. Ни одной женщины. Ни одного старика, ни одного пьяного. Но не это поразило Гюрзу.

Глаза. Их глаза. В них совершенно не было страха или испуга – только неприкрытая злоба и жажда мести. Гюрза отвергал всякие совпадения и не верил в них, но сейчас он был готов поклясться, что их ждали. Как паук долго и терпеливо ждет, когда в его сети попадет зазевавшаяся муха. Кушать подано, добро пожаловать. В руках бомжи сжимали кто что – палки, металлические прутья, у кого-то была лопата, кто-то держал топор, кто-то молоток...

– П...ди врачей! – брызгая слюной, рывкнул один из них, с уродливым шрамом, змеей пересекающим все лицо, и в комнате началась мясорубка.

Все пространство тут же заполнили отборный мат, грохот падающих тел, хрипы и вопли боли. Гюрза старался держать нападавших на расстоянии; он прижался в угол и сделал три выстрела, уложив при этом двоих. В Алекса швырнули ящиком, разодрав кожу на руке, и он выронил нож, который тут же подобрал. Мика не стал дожидаться, когда его окружают, и сам бросился навстречу, его правый кулак украшал любимый кастет с широкими шипами. Он орал, подстегивая себя, размахивал цепью, у кого-то сорвал клочок мяса с шеи, кастетом дробил лица, пригибался, перекатывался по полу, уворачиваясь от сыпавшихся на него со всех сторон ударов, снова вскакивал...

Вслед за ним прыгнул Алекс, сжимая свой нож. Тут же из гущи извивающихся тел нетвердой походкой отделился один бомж. Он схватился скользкими от крови руками за вспоротый живот, из раны свисала петля кишок, как гротескная цепочка от часов. От вывалившихся внутренностей пошел смрадный пар. Еще одного Алекс ударил ножом в бок, разрубив почти пополам два ребра, затем вонзил лезвие в кадык.

Гюрза продолжал стрелять, и каждая резиновая пчела находила свою жертву. Он даже не успел вынуть шило из ноги, но боли пока не чувствовал. Раздался чей-то хрип. Закричал Мика – лопатой ему рассекло лоб. От второго удара он сумел увернуться, каждый поворот головы сопровождался веером кровавых брызг. Когда он поднял голову и пошел на бомжа, тот испуганно попятился назад, ударившись о дверной косяк. Мика был страшен. Перекошенное, залитое кровью лицо скорее напоминало обезумевшую морду вурдалака. В бедро попал осколок кирпича, но он даже не посмотрел, кто его кинул. Цепь взметнулась над головой. Набирая скорость, сделала круг... второй... Бомж присел на корточки, обхватив руками голову. Первый удар рассек пальцы до кости, и бомж взвыл, трясая изуродованной кистью. Вторым удар попал в лицо, выбив глаз. Бомж повалился на спину, скуля, и Мика прыгнул на него, метя ботинками в голову...

Оставалось еще двое, они навалились на Алекса. Один пытался схватить юношу за шею, что-то дико рыча, второй пытался заломить Алексу руку. Гюрза метнулся к клубку тел и принялся ногами расшвыривать бомжей. Те отползли от тела Алекса и поднялись на ноги. Задыхающиеся, перепачканные своей и чужой кровью, они стали пятиться к выходу. Гюрза убрал пистолет – он свое дело сделал. Бомжи рванулись к двери, но там стоял Мика. Цепь в его руках была красной и блестящей, будто он окунул ее в масляную краску, местами прилипли волосы. Он вытирал рукавом лоб, но кровь не останавливалась. Края раны провисли и отслоились, напоминая плакат, приклеенный просроченным клеем.

Гюрза молча подошел к бомжам и по очереди опустил на их головы кирпич. Они почти не сопротивлялись, и Гюрза вновь почувствовал себя уверенно. Когда «они» затихли, он извлек из ноги шило. Его взгляд упал на испачканную сажей детскую ручонку, безвольно торчащую из нагроможденных тел. Маленький сукин сын, он все-таки вернулся со взрослыми, чтобы поучаствовать в резне. Гюрза повернулся к Алексу. Тот уже поднялся и теперь стоял, но как-то странно – скособочившись и опустив голову, словно старик на льду.

– Вот суки, – задыхающимся голосом произнес Мика, вытирая рукавом струившуюся из головы кровь. – Если бы вовремя не увернулся, полчерепа точно снесли бы.

Он поднял лопату, выроненную в драке каким-то бомжем. Критически ее осмотрел и затем принялся добивать стонущих бродяг, которые были еще живы. По очереди, он подходил к каждому из них, методично и размеренно разрубал шею, практически отделяя голову от туловища. Гюрза отвернулся, слыша за спиной хруст позвонков – на это даже он не мог смотреть.

– Ай, блядь! – внезапно крикнул Мика, подскакивая на месте. Гюрза обернулся. Один из тяжело раненных бомжей, выкрикнув что-то нечленораздельное, перевернулся на бок и полоснул ногу Мики заточенным напильником. Из пореза потекла кровь, и тот, оскалившись, отшвырнул лопату в сторону. Пошарив глазами, с гортанным смехом выудил откуда-то топор. Хрясь! Хрясь! Стены комнаты сотряслись от ужасных воплей бездомного. Гюрза зажмурился, а когда открыл глаза, увидел Мику, сжимающего отрубленную руку. Пальцы руки судорожно разжались, и напильник, звякнув, упал на бетонный пол. Бомж с выпученными глазами катался по каше из грязи и крови, пытаясь дотянуться до места, где секунду назад была его конечность.

– Приколись, Гюрза, – сказал Мика, помахивая страшным обрубок. Пальцы снова разжались и сжались, хватая воздух. Разжались и сжались. Еще раз. И еще. Кожа на руке даже через вьевшуюся грязь и пыль белела прямо на глазах.

«Она как будто недовольна, что ее разъединили с телом», – в трансе подумал Гюрза. Бомж уже хрипел, уткнувшись лицом в пол. Из культы, обрамленной мокрыми сухожилиями и обрывками мышц, натекла целая лужа. Пальцы отрубленной руки снова сжались в каком-то неумолимом ожесточении.

– Смотри, к яйцам близко не подноси, – сказал Гюрза, отворачиваясь. – Оторвет к чертям.

– Пусть попробует, – ответил Мика, швыряя извивающуюся конечность в угол. Пальцы продолжали шевелиться, только уже слабее, напоминая уродливого скорпиона, которого смертельно ранили. Стоны бомжа затихали, но Мика поднял лопату и принялся рубить тело бродяги.

– Только покойничек не ссыт в рукомойничек, – философски заметил он.

– Надо вынести Жулю. Мика, Алекс, помогите мне, – проскрипел Гюрза. Голова кружилась, в груди что-то давило, будто его зажали в огромные тиски. Алекс продолжал неподвижно стоять, будто восковая фигура, широко расставив ноги, руки у пояса, как у ковбоев в вестернах.

Гюрза наклонился над Жулей. К своему облегчению, он увидел, что кости черепа, скорее всего, целы. Он осторожно перевернул его на спину. Глаза Жули моргнули, с губ сорвался тихий стон.

– Доброе утро, Жуля, – сказал Гюрза. – Поднимайся, пора в школу.

– Че тут было? – поинтересовался Жуля, морщась от боли. – А?

У него был такой вид, словно он находился на какой-то вечеринке и слегка прикорнул, а проснувшись, сгорал от нетерпения, желая узнать, что же такое интересное он пропустил, находясь в объятиях Морфея.

Постанывая и ругаясь вполголоса, он стал подниматься. Потрогал руками рану и сильно удивился, увидев на ладони кровь.

– Вот гондоны. Жбан пробили, – сокрушенно отметил он.

– Сам идти можешь? – быстро спросил Гюрза. Жуля кивнул. – Тогда сворачиваемся.

– Я не пойду, – неожиданно объявил Алекс. Он стоял спиной. И теперь стал поворачиваться. Волосы закрывали его лицо, и Гюрза не мог понять, шутит он или говорит серьезно.

– Алекс, сейчас не время, – сказал Гюрза и вдруг застыл на месте. Он увидел, что справа из груди Алекса торчит что-то продолговатое, а вокруг медленно расцветает огромное темное пятно.

– Надоело все, – сквозь зубы проговорил Алекс и стал сползать по стенке вниз. Гюрза с Микой бросились его поднимать. Когда Гюрза перевернул тело Алекса на спину, он побледнел. Из спины парня, где-то в области лопатки, выглядывала уродливая шишка.

«Его прошили почти насквозь. Насквозь, как жука, перед тем как засушить», – подумал Гюрза. Он вспомнил, как на прошлой акции Алекс сам пронзил бомжа ломом. И также говорил о жуках. Если он не ошибается, жуков коллекционировала его сестра. Плохо. Очень плохо.

– Я сам, – сказал Алекс. Он сел, бессмысленно вращая зрачками. Лицо приобрело грязно-серый цвет, изо рта потекла кровь. Изрыгая ругательства, он потянулся рукой к арматуре.

– Алекс, нет! – крикнул Гюрза, но было поздно. С невероятной для его состояния силой парень вырвал железный обломок. Из идеально ровной дырочки на груди сразу полилась кровь.

– Мика, держи его! Быстрее! – закричал Гюрза. Мика торопливо опустился рядом. Пока он поддерживал Алекса за спину, Гюрза сорвал с себя куртку и рубашку. Разорвав ее на части, он как можно сильнее прижал тряпки к ране. Материя быстро набухла от крови.

– Чего это с ним? – тупо спросил Жуля. Он хотел, как всегда, почесать затылок, но вовремя передумал.

Гюрза лихорадочно соображал. Времени в обрез, а ситуация хуже некуда.

– Так, Алекса спускаем вниз. Мика, вы с Жулей умываетесь и летите домой, по отдельности. Алекс?

Юноша закашлялся.

– А?

– У тебя в Красногорске врач знакомый есть, помнишь, Жуле щеку зашивал?

– Ну, хирург, – равнодушно произнес Алекс. Грудь его тяжело вздымалась, изнутри слышались kloкочущие звуки, и это больше всего не нравилось Гюрзе.

– Быстро говори адрес, – Гюрза боялся, что он потеряет сознание. О том, чтобы везти его в таком состоянии в обычную больницу, не могло быть и речи – те сразу сообщат в милицию.

– Никакого Красногорска, парни, – просипел Алекс. Голос его стал глуше, будто он говорил с пакетом на голове. Он снова закашлялся, и изо рта полилась кровь. Много крови. – Я... Я не хочу подставлять человека.

«Хреновый признак, Гюрза. У парня пробито легкое, не нужно быть медиком, чтобы понять это. Так-то», – вновь напомнило о себе существо, копошащееся внутри Гюрзы.

Изо рта Алекса снова выплеснулась кровь, и Жуля вскрикнул.

– Бля, он же умирает, – жалобно проговорил он, переступая ногами.

– Заткнись, – оборвал его Гюрза, стараясь не выдать своего страха. Повернулся к Алексу: – Мы не можем тебя везти в обычную больничку, понимаешь? Быстро говори адрес!

– В жопу... больничку, и адрес туда же, – Алекс попытался приподняться и лицо его исказилось. – Мне все равно кранты.

Когда он дышал, слышался неприятный свист, словно кто-то пытался всосать через трубочку воздух.

– Ты не соображаешь, что несешь, – ожесточенно сказал Гюрза. Посмотрел на Мику и

Жулю. – Ну, что устались, как бараны?! Помогите мне спустить его вниз! Я попробую подогнать машину...

– Он прав, Гюрза, – глухо сказал Мика, стараясь не смотреть на Алекса. – Мы все спалимся, если в таком виде заявимся в больничку.

Гюрза замер. Зрачки сузились. Он мягко шагнул к Мике, и тот отшатнулся, будто его коснулся прокаженный.

– Что ты сказал, гнида? – свистящим шепотом произнес Гюрза. Рука неосознанно потянулась к ножу.

Лицо Мики побледнело, это было видно даже сквозь густые потеки крови, но он не отступил.

– Ты меня, Гюрза, на понт не бери и за нож не хватайся. Рассуди сам. В Красногорск его не довезешь, он у тебя в пробках кончится. В простую больницу тоже нельзя. У него внутреннее кровотечение, он не жилец, ежу понятно.

– Гюрза, может, правда... – заговорил Жуля, но юноша оскалил зубы:

– Пошли вон, суки... Я сам справлюсь!

Он наклонился к Алексу, который уже впал в забытие.

– Ты должен помочь мне. Слышишь, Алекс?

– Нелли, – позвал Алекс. Он открыл глаза и облизнул губы. – Где она?

Гюрза попытался приподнять Алекса, но тот закричал. Гюрза выругался. Оглянулся на Жулю с Микой с таким видом, словно готов был их растерзать на месте.

– Я хочу курить, парни, – неожиданно сказал Алекс.

– Мы так и будем смотреть, как он подышает? – задыхающимся голосом спросил Гюрза.

– Нет, мы не будем смотреть, – ответил Мика и посмотрел прямо на Алекса. – Мы уйдем отсюда. Извини, Алекс, но это единственный выход.

Гюрза задышал с такой яростью, что Мика с Жулей не удивились бы, если бы сзади у него начал раздуваться капюшон, как у кобры.

– Все верно, Ми...кха! Мика верно говорит, – сказал Алекс, сплевывая скопившуюся кровь. – Даст мне кто-нибудь курить?!

Снизу донесся женский голос. Нелли звала Алекса. Вот уж кого здесь не хватает!

«Что она скажет, увидев это?» – подумал Гюрза. Меньше всего на свете он хотел, чтобы Нелли заходила в эту адскую комнату. Он не тешил себя надеждой – пробитые насквозь люди редко выживают. Тонкий непрекращающийся ручеек крови изо рта Алекса лишь подтверждал это. Тем не менее его глаза были осмысленными и ясными, как лесные озера. Но оставлять его так... в таком состоянии, когда дорога каждая секунда...

Пошел дождь. Ветер гулко захлопал дверьми, потемневшее небо прочертила морозно-голубая молния.

– Хочу курить! – визгливо выкрикнул Алекс.

Мика подошел к нему и протянул сигарету. Гюрза хотел остановить его, но, встретившись взглядом с Алексом, остановился. Невероятно, но всем показалось, что после первой затяжки ему даже стало лучше. Правда, ненадолго. Новый приступ кашля, более продолжительный, чем предыдущий, сотряс все тело.

– Теперь слушайте. Нельку сюда не пускайте, не надо... чтобы она видела... А вы по домам, – трясущейся рукой он поднес сигарету к окрашенному кровью рту и жадно затянулся. Издалека можно было подумать, что у него просто неумело накрашенные губы. – Матери ничего не говорите...

– Алекс, я не оставляю тебя здесь, – Гюрза шагнул вперед, но Алекс закричал:

– Оставишь! Ты должен, вы должны! Иначе все сдохнете на зонах!!!

Он снова затянулся. Гюрза смотрел на него и чувствовал, как на голове зашевелились волосы – мокрая от крови повязка съехала набок, и из дырки в груди Алекса заструился дым. Он не мог отвести зачарованного взгляда от этой сизой струйки. На лицах Мики и Жули при виде феномена застыло выражение суеверного ужаса.

– Я все-таки почти хирург, Гюрза, – через силу улыбнулся Алекс. – И знаю, что означает... такая рана. Кстати, ты слышал... они называли нас врачами? Ха, считаю это наивысшим комплиментом...

В комнату неслышно вошла Нелли. Мика запоздало подошел к ней и, загородив Алекса, принялся выталкивать девушку из комнаты.

– Уйди! – рывкнула она, и Мика, только что перерубающий лопатой шейные позвонки умирающих бомжей, трусливо отступил.

– Алекс?.. – прошептала Нелли, расширенными глазами глядя на своего любимого. Увидев окровавленные тряпки и его красный рот, она вскрикнула и упала перед ним на колени.

– Его зацепили. Рана серьезная, – процедил Гюрза, ненавидя себя за эти слова. Но лучше, чтобы Нелли была готова к худшему. Алекс сел прямо. Нелли осторожно прижалась к нему, не обращая внимания на кровь, сочащуюся из-под повязки.

– Прости, – с горечью сказал Алекс. По его лицу скатилась слеза. Нелли заплакала.

– Что вы стоите?! – с надрывом закричала она, подняв голову. – Вызывайте «Скорую»!

– Никакой «Скорой», – вытирая кровь со лба, сказал Мика.

– Чт... что?! – Нелли в ужасе переводила взгляд с Мики на Жулю, затем с мольбой посмотрела на Гюрзу. – Что это значит?

Но три фигуры, высившиеся над ней, хранили молчание. Дождь за окном усилился, и теперь с подоконника на пол стекало несколько струек.

Нелли, путаясь в кармане, вытащила мобильник. Как только телефон оказался у нее в руках, к ней шагнул Мика и выхватил его.

– Извини, Нелли.

– Отдай! – крикнула в отчаянии девушка. – Гюрза, что происходит?!

– Мне очень жаль, – разлепил спекшиеся губы Гюрза. Еще никогда он не чувствовал себя так отвратительно.

– Вы что, звери? – прошептала Нелли. Алекс попытался обнять ее.

– Все нормально, лапочка, – он снова закашлялся. – Мы с тобой уедем... в тихий домик... к твоей тетке. Разведем курочек, у тебя будет свой огород... – теперь кровь изо рта лилась непрерывно, окрашивая рубашку в алый цвет. – Насолишь мне капусты с огурцами. Ты любишь квашеную капусту?

– Да, – слабо улыбнулась Нелли сквозь слезы. Она положила голову ему на грудь.

«Я подышаю, – читалось в глазах Алекса. – Подышаю, как бездомная собака, которую проткнули насквозь, как протыкают кусок мяса шампуром... и никуда мы не поедем, ни в деревню, никуда... разве что на стол к патологоанатому».

Он докурил сигарету и отшвырнул окурочек. Новый приступ кашля длился почти минуту. Нелли закрыла лицо руками, ее плечи вздрагивали.

– Знаете что, ребята, – выдавил Алекс. Свист из обнаженной раны усилился. – Очень жалею... что так просрал свою жизнь, – он неуклюже приобнял Нелли. – Мой плюшевый медвежонок... я люблю тебя, – он закрыл рот руками, но кровь продолжала течь сквозь пальцы. Нелли застонала.

– Обещайте... обещайте, что вы сейчас же уйдете, – слова давались Алексу с огромным трудом, он буквально захлебывался. Теперь к свисту из раны примешивалось какое-то бульканье. Лицо его стало пепельно-серым. – Как только... я уйду. Я не хотел... Нелли... мы... – он снова

начал бредить. Алекс пытался сидеть ровно, но все время съезжал вниз. Затем он внезапно дернулся вперед, словно хотел дотянуться руками до носков ботинок, и срыгнул целый фонтан крови. После этого тяжело перевернулся на бок и затих.

За окном раскатисто загремел гром. Дождь уже лил плотной стеной, заливая подоконник и смывая с него следы крови, оставленные руками какого-то бомжа. Гюрза склонился над телом Алекса и дотронулся до его шеи. Она была теплой и влажной. Как он и думал, пульс не прощупывался.

– Он умер? – глупо спросил Жуля, пошатываясь, как пьяный.

– Да, – выговорил Мика и осторожно коснулся рассеченного лба. – Нужно уходить. Немедленно.

Гюрза поднялся на ноги, изо всех сил сжимая кулаки. Толстая кожа перчаток, покрытая запекшейся кровью, заскрипела.

– Доигрались, блядь, – прошептал он. Разжал кулаки и посмотрел на шипы, ставшие почти черными. С одного шипа свисал сморщенный клочок кожи.

– Че теперь делать-то, а? – заскулил Жуля, переминаясь с ноги на ногу. Гюрза поднял нож, выроненный Алексом. Покрутил в руке.

– Переодевайся и дуй домой, Жуля, и выпей водки. Больница тебе не нужна – твоей башкой можно железнодорожные костыли забивать. Биту выкинь, только сотри отпечатки. Я позвоню. И ты, Мика, тоже вали отсюда. Идите. Только по одному.

– А как же... – начал Жуля, но Гюрза смерил его таким испепеляющим взглядом, что парень судорожным движением обтер рукавом свое любимое оружие, зашвырнул его в угол и посеменил наружу.

Гюрза смотрел на мертвого Алекса, но перед лицом стоял отчетливый образ ангела. Она грустно смотрела на него, ее губы что-то беззвучно шептали.

– Езжай домой, Мика, – повторил Гюрза. Глянул на его рану на лбу. – Загляни к врачу, придумай какую-нибудь историю... Цепь тоже оставь.

– Мы круто наследили здесь, Гюрза, – проговорил Мика, сворачивая цепь в металлический клубок. – Кровищи своей намешали... если менты нас за яйца схватят, нам кабздец.

– Хватит сопли размазывать. Иди.

Мика кивнул и, быстро переодевшись, исчез. Гюрза услышал звук падающей в шахту цепи. Больше никогда она не опустится на чье-то лицо.

Теперь оставалось самое трудное.

– Нелли, – негромко позвал он. Сидящая на грязном, залитом кровью полу девушка не шевельнулась. Он подошел ближе и коснулся ее плеча.

– Нам нужно ехать, – как можно мягче сказал он, в то же время со страхом осознавая, какую дикую вещь он говорит. Уехать, оставив Алекса среди мертвых бомжей!

– Я останусь, – сказала Нелли, убрав руки от лица. – Езжай, если тебе надо.

Конечно, ему надо. Очень надо, потому что ангел, наверно, уже давно ждет его. Надо, потому что у него дьявольски болит пробитая шилом нога. Надо, потому что он просто устал. Смертельно устал.

– Ты не понимаешь, – тон Гюрзы все еще был терпеливым, но он уже еле сдерживался – в любую минуту сюда могли пожаловать другие гости, и тогда им точно каюк. – Мы не можем забрать его с собой... Черт, дерьмо! – зло выкрикнул он и погрозил кулаком в распахнутое окно, за которым бушевала буря. Он еще раз посмотрел на Нелли. Она медленно легла рядом с Алексом, прямо на бетонный пол, и обняла его. Гюрза с ужасом видел, как одежда девушки пропитывалась кровью ее возлюбленного.

– Мы собирались пожениться, – ровно сказала она. – Уходи...

Гюрза молча спустился вниз и выглянул наружу. Ни души. Тихо и спокойно, как на кладбище, только дождь лил так, что дальше протянутой руки ничего не было видно. Словно зомби, он доплелся до машины. Мотор, как назло, долго не хотел заводиться, и несколько минут он яростно крутил ключ зажигания, чуть не сломав его. Наконец машина, недовольно фыркнув, завелась. Гюрза посмотрелся в зеркало и ужаснулся – на него смотрело чье-то чужое морщинистое лицо.

«Если бы сейчас меня увидела Алиса, она не задумываясь побежала бы в ЗАГС забирать заявление», – подумал он. Гюрза поехал в сторону бомжатника, припарковав «фолькс» максимально близко к входу. Затем поднялся наверх.

Картина не изменилась, только добавилась еще одна гостья – жирная крыса. Она деловито ползала вдоль еще теплых трупов, жадно поводя усиками. Гюрза швырнул в нее камень, и она, пища от негодования, покинула комнату.

Нелли продолжала обнимать Алекса, что-то тихо напевая ему на ухо. Свободной рукой она перебирала его волосы, перепачканные в цементной пыли.

– Нелли, – произнес Гюрза. Если она снова откажется ехать, ему придется оглушить ее. Только так. Он подошел к девушке и только наклонился, готовясь нанести удар, как Нелли зашевелилась.

– Хотел меня убить? Да, Гюрза?

– Машина внизу. Ты едешь?

Девушка поднялась.

– Ты чудовище, Юра.

– Хватит лирики! – крикнул Гюрза, чувствуя, что еще одно слово – и он ударит ее. – Я ухожу.

– Я иду, – спокойно сказала она, скрестив руки на груди.

Они сели в машину. Проткнутая шилом нога взорвалась болью, когда он выжал сцепление. Нелли уселась сзади, бледная, как сама смерть. Гюрза вдруг ужасно затосковал по Алисе. Выруливая на ровную дорогу, он набрал любимый сердцу номер. Абонент недоступен. Хм, интересно.

Он уже выехал на Кольцевую дорогу и только теперь заметил, что все еще в своих перчатках. Ругаясь сквозь зубы, он стряхнул их, как с отвращением стряхивают мерзкое насекомое.

Нелли неподвижно сидела сзади. Гюрза увидел, что она запачкала кровью Алекса сиденье. «А и хрен с ним, с сиденьем, и со всей машиной».

Он снова набрал номер ангела. «...Перезвоните позже...» – любезно предложил ему голос оператора, и он с трудом удержался от того, чтобы не расколотить проклятую трубку. Может, она едет в метро?

Теперь он ругал себя за то, что солгал ей. Может, если бы они перенесли акцию, то сейчас он был бы с Алисой и Алекс остался бы жив...

Они ехали, и каждый из них думал о своем. Нелли невидяще смотрела в окно, Гюрза раздраженно снова и снова набирал номер Алисы. Его вдруг охватил неосознанный страх. Надо ехать домой, и как можно быстрее. Утомленный мозг жгли неприятные мысли, как разъяренные осы.

В зеркало заднего вида он посмотрел на Нелли и увидел, что она без сознания завалилась на бок.

Рост проснулся на рассвете и долго не мог понять, где находится. Он повернулся, задел раненую руку, и резкая боль тут же напомнила ему о происшедших событиях. Где-то над головой слышался богатырский храп. Витек спал на спине, развалившись на кровати в форме морской звезды, одна рука свисала на землю. Вокруг уже кружили мухи, и, когда какая-нибудь из них пикировала к нему на лицо, Витек морщил нос и фыркал как старый конь.

Рядом валялись пустые бутылки из-под водки. Рост вылез из своего спального места и вышел наружу. Солнце только вставало, и Рост зажмурился от удовольствия. Лазурное небо улыбалось, пушистые облака неторопливо плыли на запад, и если бы не пары помоечного смрада и гнили, он бы решил, что находится где-то на даче у хороших знакомых.

Вчерашний вечер прошел весьма бурно. Джеки Чан и Иннокентий принесли пять бутылок водки и кое-какой закуски, предусмотрительно оставив в качестве «НЗ» три сотни. Зато водку пили до последнего: по словам Витька, оставлять на опохмел – плохая примета.

– Иначе работать завтра не сможем, – икая, просвещал он Роста. Жгут сначала пил молча, затем его пробрало на блатной жаргон, и его понесло в такую степь, что из всей тарабарщины Рост понимал только междометия и предлоги.

Он по-братски хлопал Роста по плечу, но глаза его оставались холодны, как снег, и Рост понимал, что он не простил ему одержанной в драке победы.

Джеки Чан был молчалив, и если говорил, то односложно. Словарный запас его состоял максимум из сотни слов, а речь строилась в основном из утвердительных предложений типа «Моя выпить» или «Моя срать».

Даша пила наравне со всеми, исподлобья поглядывая на Роста. У нее была стройная фигура, правильные черты лица, и Рост подумал, что если ее умыть и приодеть, то можно было даже назвать привлекательной. Картину портило разве что отсутствие переднего зуба.

Рост умылся ржавой водой, тоненькой струйкой льющейся из пробитой трубы, пролежавшей метрах в десяти от хижины, и принялся обдумывать ситуацию. Так, прежде всего надо посмотреть рану. После этого он планировал осуществить небольшую вылазку в город.

Он разбинтовал руку. Рана немного припухла и болела, но Роста это не сильно беспокоило – он насмотрелся на такие вещи в Чечне и воспринимал это как обычный процесс заживления. Он проглотил анальгин, смазал края раны йодом и наложил свежую повязку. Главное, чтобы в этой грязи ничего не подцепить.

Скоро стали просыпаться все остальные. Раньше всех ушел Джеки Чан. Нацепив свою милицмейскую шинель, он подпоясался обрывком кабеля и скрылся за холмами бескрайней свалки. Остальные долго собирались и бесцельно топтались, искоса бросая преисполненные тоской взгляды на пустые бутылки. В конце концов Витьку это надоело, и он пинками погнал всех на заработки.

Как понял Рост, за каждым бомжем был закреплен определенный вид деятельности. Так, сам Витек периодически разгружал машины в овощном магазине, когда работы не было – собирал цветной металл. Джеки Чан и Иннокентий также собирали цветмет, иногда бутылки. На Дрюню была возложена обязанность сдавать алюминиевые банки, но у него распухла нога, и сейчас он практически не вылезал из «дома». Даша попрошайничала у вокзала, иногда собирала бутылки. Чем занимался Жгут, Рост не знал, но догадывался, что тот чистит карманы и сумки зазевавшихся граждан.

– Че делать будешь? – с наигранным равнодушием спросил Витек Роста. Тот сообщил, что

собирается заглянуть в город.

– Купи батареек. У нас магнитофончик есть, послушаем радио.

По дороге в город Рост спрятал пистолет, там же, где и деньги.

В Дзержинском было тихо, город только просыпался. Увидев вывеску «Секонд хэнд», он критически осмотрел себя и решительно вошел внутрь. Еще пару дней провести в обществе этой развеселой компании, и люди от него будут шарахаться, как от чумы, так что чистая одежда ему просто необходима. Он приобрел линялые джинсы, футболку и легкую куртку. Все это убрал в пакет. В соседнем хозяйственном купил дезодорант, дешевый набор бритвенных станков, мыло, перочинный нож, ручку и легкое одеяло.

Выходя из магазина, он увидел милицейский «Форд». Машина лениво катилась по залитой летним солнцем улице. Плотный старлей высунул локоть в окно и что-то говорил напарнику. «Форд» остановился напротив магазина, и Росту показалось, что из машины внимательно посмотрели на него. Он проглотил подступивший комок. Малейшая заминка могла стоить жизни, и он принял решение. Размеренным шагом приблизившись к автомобилю, он спросил:

– Я извиняюсь, не подскажете, где районная управа находится? Мне в жилотдел нужно.

Смерив Роста полупрезрительным взглядом, старлей коротко бросил неопределенное «там», сопроводив его еще более неопределенным жестом руки, после чего машина покатила дальше.

«ДПС», – прочитал Рост на капоте автомобиля, и с губ сорвался вздох облегчения.

На самом деле Росту требовалось найти почту. Он сам не знал почему, но был убежден, что звонить оттуда надежнее. Через десять минут он был у телеграфа.

Хорошо, что телефон Лелика он помнил назубок. Господи, дай бог, чтобы Квадрат не успел до него добраться!

Трубку подняли сразу, но никто не отвечал. Что-то слабо потрескивало, как угольки в камине, но Рост был уверен, что Лелик его слышат.

– Лелик? – спросил он с замершим сердцем. – Это я, Рост. Братка, ответь, пожалуйста.

– Рост? – послышался в трубке изумленный голос его друга, и Росту захотелось прыгать от радости.

– Лелик, где ты?

– Мы с Веркой в Питере, у ребят. Уехали, как ты и... в общем, вот. Хорошо, что ты объявился, я как раз собирался номер мобилы менять... Ты как?

Рост вздохнул с облегчением. По крайней мере, у Лелика все в порядке.

– Я... я в полной жопе, братка. Но ты не унывай, выкарабкаюсь. Главное, не высовывайте носа. Сейчас тут жарко.

– Из-за НЕГО? – спросил Лелик, и Рост сразу понял, о ком идет речь.

– Да. Но не переживай. Земля круглая, еще с ним свидимся, – зло проговорил он. – Жди письмо, – сказал Рост загадочно. – Да, Лелик, – он выдержал паузу, – не приезжай сюда. Хотя бы месяц-два. Приедешь – загляни в почтовый ящик, там, где я жил.

В трубке долго молчали, затем Рост услышал:

– Хорошо, я буду иметь в виду. Береги себя, братка.

– Лелик, пока. Я уверен, все будет нормально, – сказал Рост и положил трубку. У него еще оставались деньги, и он заказал разговор с Украиной.

Затаив дыхание, он с силой прижался к трубке, ставшей теплой от его уха. Тетя Наташа была на месте. Она сказала, что мама с Олесей выехали куда-то еще часа два назад, куда – не сказали.

«Умницы», – промелькнуло у Роста.

Она поинтересовалась, не случилось ли чего, но Рост скомкал разговор и, сославшись на

плохую связь, повесил трубку. Настроение у него улучшилось. Если они действительно уехали в Сбруево, то в этой заброшенной деревеньке они будут в безопасности.

Он купил кое-каких продуктов, две бутылки водки и потихоньку направился обратно. На перекрестке стояли два милиционера. У одного на плече висел «калаш», он проверял документы у тщедушного паренька с ярко выраженной кавказской внешностью. Второй мент, косая сажень в плечах, жгучим взглядом стервятника посматривал на других прохожих. С нарастающим страхом Рост увидел патрульную машину у светофора. Ноги сами собой развернули его и понесли в обратную сторону.

«Началось», – думал он, приказывая себе идти как можно беззаботнее и развязнее, хотя это стоило ему огромного труда – ноги не подчинялись командам, их нес инстинкт самосохранения.

«Неужели до конца жизни мне придется ходить вот так, вздрагивая каждый раз при виде человека в форме?.. Так ведь и психом недолго стать...»

Пока он спорил со своей совестью, ноги заботливо вывели Роста к знакомым гаражам. Он не удержался и прошел еще несколько шагов – не терпелось узнать, нашли ли они машину. Зеленая «восьмерка» стояла на прежнем месте.

«Дома» находился один Дрюня. Он был занят важным делом – перебирал грязные пакеты с налипшими остатками еды и складывал их по разным кучкам, причем, прежде чем определить какое-то место, каждый пакетик подвергался тщательному обнюхиванию. С лица Дрюни не сходило сосредоточенное, серьезное выражение.

«Прямо дегустатор какой-то», – подумал Рост.

– Давай, что ли, приберемся тут? – предложил он, и Дрюня испуганно замер, будто в ожидании удара.

– Генка-пенка, – шмыгая носом, довел он до сведения Роста и снова с усердием прилежного ученика принялся сортировать пакеты.

– Вот что, поэт. Хватит перебирать это говно, лучше помоги мне.

Рост решил хоть как-то облагородить их жилище.

Какое-то время Дрюня с изумлением таращился на соседа, словно мысль об уборке разбросанного вокруг их жилища хлама никогда не приходила в его голову. Затем он присоединился к Росту, предварительно бережно накрыв дырявым покрывалом свои драгоценные пакетики.

Рост вытащил наружу все матрасы и разложил их сушиться. Глядя на свое «постельное белье», ему пришла в голову мысль, что неплохо было бы купить нормальный комплект белья, но передумал. Ни к чему светиться лишний раз в городе, да и у его новых знакомых могут возникнуть ненужные вопросы. Хватит и того одеяла, что он купил в городе, а с бельем уж как-нибудь перебьется.

Он нашел несколько пластиковых бутылок, хорошенько вымыл их, очистил огромную кастрюлю от копоты и засохших остатков еды. Наломал веток и сучьев, запалил костер и стал кипятить воду. Пока вода грелась, он отыскал лопату с треснувшим черенком и принялся разгребать мусор, раскиданный вокруг кострища. Дрюня, наблюдавший за бурной деятельностью Роста, находился в состоянии, близком к шоку.

– Что у тебя с ногой? – спросил Рост, присев отдохнуть.

– Нога – говна пирога, – незамедлительно отозвался Дрюня, скорчив при этом рожицу. Тем не менее лицо его постоянно кривилось от боли, когда он наступал на здоровую ногу, даже используя свой костыль.

– Давай посмотрим, что там? – предложил Рост. Ему было жаль этого дурачка, вряд ли кто из сожителей удосужился хоть как-то помочь ему.

Дрюня что-то невразумительно забормотал. Однако Рост казался таким уверенным и надежным, что Дрюня смирился, сел на бревно и покорно вытянул ногу. Рост попытался снять кроссовку и не смог. Он дернул посильнее – Дрюня жалобно закричал. Тогда Рост, недолго думая, достал купленный перочинный нож и одним махом распорол влажную обувь. Носок представлял собой съезжившуюся тряпку, из-под которой сочился гной. Пришлось стянуть ее. Лицо Роста оставалось бесстрастным, хотя его затошнило от отвращения. Мизинца не было, остальные пальцы покрыты бурой коростой. Росту не составило особого труда определить, что у бомжа первые признаки гангрены.

– Тебе нужно в больницу, – он пытливо посмотрел в потухшие глаза Дрюни, который изо всех сил старался не смотреть на свою гниющую ногу. Интересно, сколько ему лет? Двадцать? Тридцать? Когда становишься человеком без роду и племени, возраст определить очень сложно.

– Больница? – с сомнением переспросил Дрюня, и неожиданно лицо его исказила гримаса ужаса. – Нет, Гена, нет. Не надо больницы, Гена. Не надо!

– Успокойся, – Рост вынул бутылку водки. – На, выпей.

Дрюня сделал глоток и поморщился.

Рост промыл ступню бомжа теплой водой и перевязал остатками своего бинта. Когда Дрюня потянулся за кроссовкой, Рост молча выхватил ее и, отойдя на несколько шагов, зашвырнул как можно дальше в кусты.

– Завтра я куплю тебе какую-нибудь обувь, – пояснил он обалдевшему бомжу. – А пока просто особенно старайся не ходить, ладно?

Постепенно стали собираться остальные. Первым пришли Жгут с Дашей, держа в руках пакеты с провизией. Выгрузив их в траву, они ушли в дом, и спустя несколько минут оттуда стали доноситься весьма недвусмысленные звуки. Росту стало смешно.

Джеки Чан появился незаметно и бесшумно, скорее напоминая ниндзя, а не известного китайского киноактера. Вслед за ним появился уставший Кеша. Увесистые мешки в их чумазных руках многообещающе позвякивали. Витек замыкал шествие.

Рост рассказал о ноге Дрюни.

– Ему давно уже нужно к лепиле, иначе ходулю потеряет, – хмуро сказал Жгут. – Я сколько раз вам об этом талдычил?

– Нельзя ему в больничку, – недовольно отвечал Витек, закуривая невесть откуда взявшийся «Казбек».

– Почему? – начал раздражаться Рост.

– «Почему-почему», – передразнил его Витек. – Его легавые ищут, ясно теперь? А во вторых, в детстве у него была какая-то болячка, кажись, рожистое воспаление или еще какое-нить говно, и врачи че-то там нахимичили. Вот ему ногу-то и оттяпали. Больниц теперь как огня боится, – закончил он.

– Должен же быть какой-то выход? – Кеша растерянно моргнул ослепшим глазом.

– Выход у кобылы под хвостом, – сплюнул Жгут.

Рост сменил повязку Дрюне, и они сели ужинать.

Изумил всех Жгут: с невозмутимым выражением на своей зверской физиономии он выложил жареного цыпленка, несколько луковиц и три пачки «Доширака». Напоследок он выставил два флакона одеколона «Саша». Последние два предмета вызвали смех и бурное обсуждение, все пытались выпытать у бывшего зэка, где он умудрился достать этот древний одеколон, но тот лишь загадочно улыбался щербатым ртом, мол, нашли дурачка, тайны такие выдавать.

Рост выставил на стол пластиковые стаканчики и, увидев изумленные лица бомжей, понял, что если даже некоторые из них и использовали их, то разве что в очень далеком прошлом.

– Такие вот пироги с говном, – сказал Витек, выпив одним махом чуть ли не половину бутылки – даже при наличии стаканов он предпочитал пить из горла. – Ша-а... Хорр-р-р-рошо! – он крикнул и захрустел огурцом. Рост видел, что ни огурцы, ни яблоки никто даже не удосужился вымыть. Ни слова не сказав, он собрал все в пакет и пошел к воде. Его провожали заинтересованными взглядами, как фокусника, который осмелился побить рекорды Дэвида Копперфильда.

Когда он вернулся, Витек сказал:

– А ты это... молодец, вощем. Убрал тут все, прямо приятно сидеть... А то вечно говно кругом... Вот ты, Геныч, смотришь на нас и думаешь, типа бомжи, говно всякое пьют... – Витька явно тянуло на разговор. – А я тебе вот что отвечу – мы, по сравнению с другими бичами, еще нормально живем. Сами раньше тормозуху и стеклоочиститель хлестали, будь здоров!

– Моя ссать, – объявил во всеуслышание Джеки Чан и, взметнув пыль полами шинели, отправился в кусты.

– А что, обязательно об этом всех ставить в известность? – спросил Рост у Витьки. Тот пожал плечами.

– Он всегда докладывает, как в армии, хе-хе.

– Откуда он вообще взялся?

– А хрен его знает, прибился как-то... Как все узкоглазые здесь оказываются? – рассуждал вслух Витек. – Приехал шабашить, думал, тут ему горы золотые. А можа, хотел кружок шаулиня открыть или еще чего. Где-то накосячил, может, бухал на работе... не знаю. Его, по ходу, и выкинули. Паспорт посеял. Или скурил, как тот чукча в тайге. Устраивает биография? – весело спросил он, щелчком грязного ногтя сбрасывая пепел с сигареты.

– Как нога, Дрюня? – спросил Рост, но тот молчал, нахохлившись. В глазах бомжа плясали отблески огня. Через какое-то время Дрюня встал и, с усилием подволакивая больную ногу, ушел в дом.

– Витек, если завтра его не отвезти к врачу, он потеряет вторую ногу, – сказал Рост.

– Знаю, – сердито ответил Витек. – Ну нельзя ему туда, Геныч, объяснял же.

– Чего он натворил-то? То бишь, за что мусора его ищут? – спросил Рост.

– Дочка его с наркоманами связалась.

– Дочка? – не поверил Рост. – Сколько же ему лет?

– А Бог его знает. Ну, может, сорок.

– И что дочка? – Рост все еще сомневался: на вид Дрюне можно было дать не более двадцати пяти.

– Не знаю, какие у них там дела, но она заяву на него накатала, типа трахнул он ее. Он в бега. Хотя какой там в бега – на костылях-то. Говно сплошное... А потом у него жбан перекосило.

– А он ее трахал?

– Геныч, я свечку не держал.

– Слушай, фраерок, чего прицепился? – хрипло спросил Жгут. – Терзают меня смутные сомнения... Мил человек...

Рост решил не реагировать на реплику Жгута. Тот снова отпил из пузырька, и в теплом вечернем воздухе поплыл резкий запах одеколона.

– Вот Кешка, например, – Витек, очевидно, решил посвятить Роста в биографию каждого из их коммуны. – Нормальный мужик, интеллигент, два высших образования. Работал в каком-то литературном издательстве, так? Книжки всякие умные писал, про пестики, тычинки и прочее говно. И что? Жена отдала богу душу, тот и запил. А тут появляется родной племянник. Которому срочно захотелось приватизировать Кешкину хату.

– И что? – скорее для виду спросил Рост, зная наверняка ответ.

– Не хотелось бы возвращаться к подробностям этой гнусной истории, – скромно сказал Кеша. Он взял со стола яблоко и стал аккуратно резать его на дольки. – Кислые яблочки – самая отличная закуска в наших условиях, – заметил он. – А главное – они полезны.

По кругу пустили бутылку портвейна, которую принес Джеки Чан. Когда очередь дошла до него, он выпятил нижнюю губу и сказал:

– Моя, однако, пить... нам добро! Хорошо.

– Золотые слова, – зацокал языком Жгут, чокаясь с чукчей пузырьком одеколona. – Присоединяюсь к тосту.

– Или возьми Дашку. Отец ее поимел, когда ей еще шести лет не было, – продолжал Витек. Он докурил сигарету до основания и кинул изжеванный фильтр в огонь. – Потом квартиру продал кому-то, а сам на зону загремел и, прикинь, оказался со Жгутом в одной упряжке. Так они с Дашкой, кстати, и познакомились. А Дашку на улицу, как котенка, вышвырнули. Кстати, ее отца-то Жгут сам... вощем, ты понял.

– Ну все, базар окончен, – осек его Жгут, которому эта тема явно не нравилась. Даша вообще предпочитала молчать, изредка робко поглядывая на Роста.

– Кого он пробовал? – спросил Рост, и Кеша прыснул. Рост еще хотел спросить, в качестве кого был сам Жгут во время этой процедуры, но раздумал – тот наверняка снова схватится за нож.

Жгут хмуро посмотрел на Роста.

– Знамо на ком пробовал, студент, – процедил он. – Уж не на Черномырдине, ясен перец.

– Моя есть друг, однако, – влез в разговор Джеки Чан. Его усы находились в положении гарды морского кортика – левый наверху, правый внизу. – И мы... моя друг дружка. Дырка. Дружка, однако. Пипка.

– Чего? – сморщился Рост. – Какая пипка?

Витек хихикнул и, глотнув водки, сказал:

– Пора бы уже научиться понимать Джеки Чана. Он сказал, что у него был кореш, и у этого друга была девка, и они трахались.

Джеки Чан удовлетворенно закивал, ни дать ни взять, буддийский мудрец. Усы плавно двигались вслед кивкам, отчего Джеки Чан напоминал экзотического сома.

– Друг чум. Дружка чум тоже, однако. Водка, буби-буби, попа, – как бы нехотя проговорил он, широко зевнув.

– И что это значит? – поинтересовался Рост.

– Они сняли квартиру, и друг впердолил своей подружке под хвост, – терпеливо, словно ребенку, объяснил Витек, передавая бутылку Джеки Чану. Тот сделал огромный глоток, рыгнул, вытер усы и продолжал:

– Однако, попа – пипка. Дружка пипка попа.

– Ну, это я уже слышал, – сказал Рост, но Витек сделал жест рукой, дескать, не перебивай.

– Друг пипка помидор, – добавил Джеки Чан. Затем он наклонился вниз, издавая звуки, которые обычно издает человек, которого сильно тошнит:

– Блюэ-э-ээээ! БЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭ!!!

– Замечательно, – сказал Рост слегка обалдевшим голосом. – Весьма содержательно и, главное, поучительно.

– Он не закончил, – строго произнес Витек.

– Попка пипка буби-буби никогда. Однако, – подытожил Джеки Чан. Его лицо светилось такой гордостью, словно после завершающей фразы должны последовать бурные и продолжительные аплодисменты.

– А менты здесь часто шастают? – спросил Рост.

– Не. Сюда почти не заходят, а что им тут ловить? – размеренно отвечал Витек. – Тащить нас в трезвяк? Смысл? Закон не нарушаем, свалка – не общественное место. Штрафовать за то, что документов нету?

– Зато есть кое-что похуже, – сказал Кеша, плотнее запахиваясь в пиджак.

– Кешка, не пугай нашего гостя, – язык у Витька стал слегка заплетаться.

– Иннокентий.

«Что может быть хуже ментов?» – про себя подумал Рост, вслух же спросил:

– Что, другие бомжи досаждают? Как те, что тогда тебя пинали?

– Бывают и другие, – согласился Витек. – У нас вся площадь на секторы поделена. Это только так кажется, что мы, как тараканы, где угодно ползаем, на самом деле все строго. И разборки постоянно бывают. Но Кешка другое имел в виду.

– Что же?

– Врачи, – чуть понизив голос, произнес Витек.

Роста стал разбирать смех. Похоже, Витьку на сегодня хватит пить.

– Что еще за врачи? Из института Сербского?

– Зря ржешь, студент, – заметил Жгут. – Смотри, не наложи в штаны, когда встретишься с ними на узкой тропинке.

– Ну, и кто они?

– Мокрушники, – глотнув одеколona, выдохнул Жгут. – Убийцы, по-вашему.

– Просто полные отморозки, – вторил ему Витек. – Их человек пять-шесть, и с ними, кажись, одна баба. Рыщут по свалкам, подвалам, чердакам. И режут нашего брата.

– Как это – режут? – опешил Рост.

– Вот так, – сплюнул Витек. – Сучьи выродки, которым себя девать некуда. Вообразили себя санитарями леса, типа, мы говно, а не люди. Сначала просто морды били, потом ваще крышняк сорвало – ходят с кастетами и ножами. И, главное, все, суки, крепкие, видать, где-то занимаются – боксом или каким-нить там китайским говном. И ладно, просто бы царапали ножами, ан нет – все в сердце метят или в горло. Поэтому сейчас все по группам живут – поодиночке уже никого нет. По одному ходить опасно. Да чего я тебе рассказываю, Джеки Чан сам все знает. Ну, правду я говорю?

Джеки Чан погладил свои всклокоченные усы, хлопнул в грудь и, коверкая слова, выговорил:

– Моя видеть, кака-врачи. Однако.

– Ничего не понял, – признался Рост. – Витек, ты бы переводил хоть.

– Он сказал, что совсем недавно он их видел и чудом остался жив, – ответил Витек. – Повезло ему, то есть.

Джеки Чан продолжил историю, из которой Рост понял только одно: пока Джеки Чан ходил за водкой, его знакомых прикончили эти ужасные кака-врачи.

– Бред какой-то. А что менты?

Жгут, допивая в этот момент второй пузырек, поперхнулся и засмеялся скрипучим смехом.

– Ну ты даешь, студент! Нет, ты, в натуре, больной на голову. Ну посуди, какой уважающий себя мусор будет канителиться с нашим братом? Да нас на порог ментовки не пустят, не то что разрешат заяву настроить!

– Но трупы-то есть! – стоял на своем Рост, но Витек безнадежно махнул рукой.

– Трупы валяются в морге, некоторых списывают, как какой-нить сломанный агрегат, некоторых отправляют в эти, как их... институты докторские, чтоб, значит, студенты в них своими щипцами ковырялись, – пробурчал он.

– Неужели вы не можете справиться с кучкой каких-то малолеток? Устроили бы им засаду и яйца накрутили.

– Ишь ты, ловкий какой, – ухмыльнулся Жгут. – Да как ты узнаешь, где и когда они собираются на тебе свои перья испробовать?

– А здесь они хоть раз бывали? – спросил Рост. Витек отрицательно покачал головой:

– Нет, но... все равно стараемся не ходить по одному. Поэтому я тебя сегодня и предупреждал. Ты хоть и крепкий пацан, но с ними лучше не связываться. Увидишь – беги без оглядки, вот мой совет.

– Давайте радио послушаем? – предложил Кеша. Ему однозначно не нравилась обсуждаемая тема, и он даже стал боязливо оглядываться по сторонам.

– Хар-р-ошая идея. Геныч, купил батарейки? – спросил Витек. – Ау, Геныч! – повторил он громче, видя, что Рост не слышит его.

– Да, конечно, – восторженно сказал Рост – не так-то просто привыкнуть к новому имени. Он достал батарейки, и Кеша принялся ковыряться с антенной. Вскоре сквозь треск и заунывное дребезжание износившихся механизмов донеслись звуки какой-то попсы.

– Ну, по последней, – сказал Витек, опытным глазом меря оставшуюся водку.

Они выпили, отказались только Рост и Даша.

Какое-то время тишину нарушала лишь доносящаяся из динамиков музыка.

– ...последние новости. В городе продолжает действовать план-перехват по поиску грабителей банка «Метрополь», о котором мы сообщали ранее... – послышался потрескивающий голос из магнитофона.

– Новость, однако, – удовлетворенно сказал Джеки Чан.

– Сделай чуть погромче, – попросил Кешу Рост, чувствуя, как участилось его дыхание.

– ...установлена личность мужчины, погибшего в перестрелке. Им оказался Кравцов Евгений, капитан ФСБ. По неофициальной версии, в этот день в банке у него намечалась сделка по недвижимости. В пресс-службе ФСБ от комментариев пока воздерживаются. Как говорилось раньше, уцелевший грабитель скрылся на автомобиле «Газель», впоследствии машина была обнаружена в одном из дворов по Ленинскому проспекту. Примечательно, что рядом с «Газелью» обнаружен труп еще одного мужчины, при нем найден пистолет «макаров». Мужчина был без одежды. Оперативники не исключают, что убитый был сообщником нападавших и уцелевший грабитель попросту не поделил с ним добычу и, убив его, снял с него одежду. очевидцы утверждают, что единственный оставшийся в живых грабитель уехал на автомобиле неустановленной марки зеленого цвета, поиском которого сейчас заняты оперативники. По данным работников банка, добычей грабителя стало 270 тысяч евро, 185 тысяч долларов и 8,5 миллиона рублей. Оперативники заявляют, что никогда ранее грабители не действовали столь дерзко и жестоко».

У Роста перехватило дыхание. Он не знал, плакать ему или смеяться – все-таки этот мальчишка с собакой запомнил, как он выезжал со двора, и теперь его ищут. Если ментам станут известны его приметы, ему кранты. Плюс смерть фээсбэшника, за это уж точно по головке не погладят. С другой стороны, его ошеломила сумма, названная дикторшей. 270 тысяч евро... 185 тысяч «зеленых»...

Жгут присвистнул.

– Во подфартило кому-то! – воскликнул он пьяно. – Ай молодцы, бродяги! Рисковые ребятишки, век воли не видать... Это тебе, Геныч, не матрасы со свалки подбирать.

– Да уж точно, – пробормотал Рост. Знали бы его новые друзья, что вся вышеназванная дикторшей сумма лежит в каких-то двухстах метрах от их костра.

– Ладно, пора спать, – распорядился Витек. – Не про наш праздник эти бабки... Поужинали,

выпили, живы – и то хорошо... – он залил костер водой из котелка, и они пошли в дом.

Рост закутался в тряпки, вспоминая недавний разговор. Он всегда относился к бомжам с некоторым пренебрежением, если не с брезгливостью. Странно, но сейчас он общался с ними на равных и не чувствовал себя в более привилегированном положении. Нормальные мужики, со своими странностями, как и он.

«Не-ет... Они бездомные, может, воры, как Жгут, а ты убийца, – прошептал внутренний голос. – У тех охранников наверняка были семьи... дети... а ты убил их. Убил хладнокровно, как надоедливых мух. Как эти „врачи“...»

Росту стало не по себе. Если вся история про юных отморозков правда (в чем он уже не сомневался), то нужно быть начеку. Рассказ о так называемых «врачах» оставил в душе неприятный осадок.

Юра остановил машину и оглянулся. Так и есть, Нелли в обмороке. Он не знал, что делать – оставлять ее в таком состоянии, конечно, нельзя, вдруг их остановят менты? Но если везти, то куда? К себе домой? Или к Алексу? Кажется, у нее должны остаться ключи от его квартиры... Он потер мочки ушей девушки – самое действенное средство, если нет нашатыря. Нелли закутила головой и открыла глаза.

– Нелли, ты слышишь меня? – спросил Юра. Девушка забралась с ногами на заднее сиденье. Ее взгляд пугал Юру – она была похожа на человека, которого по ошибке выпустили из психушки.

– Я отвезу тебя домой. Потом позвоню, ладно?

Ноль реакции. С таким же успехом он мог бы разговаривать с приборной доской.

Он попытался взять ее за руку, но она отшатнулась назад, выкрикнув:

– Не прикасайся ко мне!

– Как скажешь, – Юра завел мотор. Вопросы, одни вопросы. Что он скажет родителям Алекса? Отец ладно, он много пьет и мало интересуется Алексом, но мать знает, что они общались, и обязательно станет ему звонить. И у нее возникнет ряд интересных вопросов. Например, что делал Алекс, обыкновенный студент, в заброшенном доме, который того и гляди обвалится? Где была в это время Нелли? Нет, как это ни цинично, придется отрицать все до конца. Если, конечно, никто из них не расколется. Иначе все закончится очень плохо. Крайне плохо... Глядя на застывшую в напряжении Нелли, больше смахивающую на живой труп, Юра понял, что ее и колоть-то особенно не нужно – у нее на лбу и так все написано.

– Это ты во всем виноват, – вдруг сказала Нелли. В голосе сквозила жгучая ненависть. – До встречи с тобой он не был... не был таким.

– Нелли, перестань, – сказал Юра. Он прекрасно понимал состояние девушки, но ее упреки взбесили его. Тоже, понимаешь, святая нашлась.

– Я говорила с ним. «Только последний раз», – сказал он, – продолжала она. Из глаз градом катились слезы. Она смотрела в окно и бессильно плакала, но слез не вытирала.

Какое-то время они ехали в полной тишине, затем Юра взглянул в зеркало заднего вида и остолбенел – с исказившимся от ярости лицом Нелли тянулась к нему, выставив вперед скрюченные пальцы.

«Сейчас она вцепится мне в глаза, – с каким-то отрешенным спокойствием подумал юноша. – И мы врежемся в фонарный столб».

Он начал притормаживать, и вовремя – Нелли уже хватала его за шею. Несмотря на хрупкую фигуру, хватка у нее оказалась железной, и Юре с большим трудом удалось отцепить ее руки. Машина остановилась. Он повернулся на сиденье и, недолго думая, нанес ей сильный удар в подбородок. Лязгнув зубами, Нелли в беспамятстве откинулась назад, челка закрыла ей лицо.

Он отвез ее домой к Алексу. Приведя девушку в чувство, он помог ей подняться в квартиру, а сам рванул к Алисе. Однако дома никого не оказалось, хотя было уже около десяти вечера. Он еще раз набрал мобильник, но телефон не отвечал. Юра заскрежетал зубами: где же она? Позвонив соседке Анне Сергеевне, он узнал, что еще днем Алиса уехала с Инной за матерью, однако они так и не появлялись.

Он почти не помнил, как добрался до больницы. Его долго не хотели пускать, но он поднял такой тарарам, что дежурная сестра отправилась за журналом. Выйдя, она развела руками – пациентка Романова выписалась в четыре часа, за ней приехали дочери...

Дурное предчувствие нарастало, как снежный ком, он не находил себе места. Воспаленный

мозг то и дело вспыхивал компьютерными матрицами, из которых вываливались версии, одна другой ужасней. Он снова поехал домой к Алисе.

Он поймал себя на мысли, что испытывает чуть ли не ненависть к покойному Алексу – какого хрена он выбрал именно этот день? Разве мало других подходящих дней для акции?

Вскоре он был у подъезда Алисы. Набрал домофон, но никто не отвечал. Разбуженная соседка снова сказала, что ни Алиса с Инной, ни их мать домой не приезжали. По просьбе Юры она сходила к квартире ангела и простояла там с минуту, не отрывая пальца от кнопки звонка. Тщетно.

«Может, выломать дверь? – возникла у Юры безумная мысль. – Вдруг с ними что-то случилось? Отравились газом? Нет, тогда Анна Сергеевна точно почувствовала бы запах...» – Он уже плохо соображал, сказывалась общая усталость, не давала покоя и продырявленная шилом нога.

Совершенно разбитый, он приехал домой. Кляксич жалобно замыкал, требуя, чтобы его покормили. Может, позвонить Нелли? Юра набрал номер, но трубку не брали. Они что, сговорились все?

Нужно сходить в душ, но почему-то впервые в жизни Юра с отвращением подумал о ванне. Он покормил Кляксича, затем, прихрамывая, вышел на лоджию. Где Алиса? Где его ангел, что с ней? Неизвестность сводила его с ума, он боялся думать о худшем, но мрачные мысли, одна темнее другой, загромаждали его изнутри, вытесняя последнюю надежду.

Она позвонила через двадцать минут, когда он уже был на грани безумия.

– Привет, – сказала она.

– Привет, – сказал он, чувствуя, как отлегло от сердца. – Где ты была? – как можно спокойней спросил он, и она ответила...

...что на обратном пути из больницы заехали к двоюродному брату матери и до самой ночи пили чай...

...что они были дома, но у них отключили телефон, свет и все остальное, а включили только сейчас, поэтому она не слышала его настойчивых звонков...

Юра с трудом разлепил глаза. Галлюцинация была четкой и ясной, как божий день, он даже чувствовал прислоненную к уху телефонную трубку. Но она лежала там, где ей было положено лежать. И никто ему не звонил.

Он выключил свет и подошел к окну. На подоконник с трудом вскарабкался сонный Кляксич. Где-то наверху брэнчала гитара, на улице сработала сигнализация чьей-то машины. Он стоял и ждал, глядя посапывающего Кляксича. Он ждал.

Он не знал, сколько прошло времени, когда раздался звонок.

Кажется, было часа два ночи. Звонили по городскому телефону.

– Алло, – выдавил из себя Юра. – Алло, кто это?

Слова казались ужасно неудобными, как ежи, они царапались за небо и десны, не желая быть сказанными и услышанными.

Из трубки донеслись странные квакающие звуки. Юру охватил страх.

– Кто это? – более твердым голосом спросил он.

– На... Надежда, – сквозь непонятные звуки разобрал Юра. Он плотнее прижал трубку к уху, так, что оно заныло. – Юра-а-а-а... – завывли в трубке, и юноша почувствовал, как у него подгибаются колени. Осознание того, что произошло нечто ужасное, непоправимое, накрыло его с головой, как многометровая ледяная волна, и он закричал изо всех сил:

– Где Алиса?! ГДЕ ОНА?!! ЧТО С АЛИСКОЙ??!!

В трубке снова что-то забулькало, и сквозь плач он явственно услышал:

– ...второй морг... приезжай.

В глазах полыхнуло, мир накренился, и небеса обрушились вниз.

*«Тела наши снова сольются под светом луны,
Любовь наша вечна, друг другу мы сильно нужны.
Твой череп оскаленный вновь улыбается мне,
Я буду ласкать тебя нежно при полной луне...»*

Сектор Газа

Когда с утра все бомжи разбрелись по своим нехитрым делам, Рост подошел к Дрюне. Даже неопытным взглядом было видно, что ему стало хуже – он почти не вставал и передвигался уже только ползком.

– Слушай меня, Дрюня. Ты слышишь? – Он присел над ним. Тот поднял трясущуюся голову. Глаза его слезились, худое, в грязных разводах лицо искажено от боли. Искушенные до крови губы красноречиво говорили о страданиях, которые он испытывал. Рост подумал, что он мог бы дотащить Дрюню до города, а там вызвать «Скорую». Правда, без документов его вряд ли возьмут, и Рост приготовил на этот случай некоторую сумму.

– Ты пойдешь со мной? Я отведу тебя... ну, там посмотрят твою ногу.

– Куда? – обеспокоенно спросил Дрюня, на всякий случай отодвинувшись назад.

– К... хорошим людям. К Айболиту, – поспешил добавить Рост, вспомнив, что разговаривает со слабоумным.

– Айболи-и-ит? – с сомнением протянул Дрюня, словно сомневаясь в профессиональных качествах всем известного врача из сказки. Затем наклонился и поглядел по сторонам, дабы убедиться, что их никто не подслушивает.

– Ай-бо-лит – на печке сидит и в трубу пердит, – понизив голос, поведал он Росту. Вдруг лицо бомжа озарила догадка. – Или он совсем не Ай-бо-лит, а Бля-Болит?!

– Да-да, конечно, – с нетерпением сказал Рост. – Бля-Болит, сидит и пердит. Собирайся.

– А он кто? Доктор?

– Да, то есть нет...

– Больница?! – испуганно пробормотал Дрюня.

– Ну, нет... а-а, черт, – выругался Рост, видя, что бомж в ужасе попятился назад. Глаза затуманил всеобъемлющий страх, он влез руками в тлеющие угли и заорал благим матом.

– Нет, Генка, не надо! Не надо больницу!!! – вопил Дрюня, дуя на обожженные ладони.

Рост сплюнул. Ну, как с ним быть? Если только оглушить чем-нибудь и тащить на себе. Тем временем Дрюня с несвойственной ему ловкостью прошмыгнул в дом и закрыл за собой дверь.

«Ну и хрен с тобой», – в сердцах подумал Рост.

Заняться было, в общем-то, нечем. Может, предпринять еще одну вылазку в город? В любом случае, нужно было купить кое-какие мелочи...

В Дзержинске он зашел в аптеку, где купил бинты, разных мазей против гнойных воспалений, потом зашел в уже знакомый «Секонд хэнд», где приобрел шлепанцы для Дрюни. В продовольственном магазине он набрал продуктов, и на выходе его взгляд упал на тетку, торгующую газетами. Он купил несколько изданий «желтой» прессы и потихоньку отправился назад. Он заметил, что люди уже стали обращать на него внимание и старались отойти в сторону, когда он появлялся в магазине. Эх, хорошо бы помыться, а еще лучше попариться в баньке, как у себя дома!

Он вернулся, когда было уже одиннадцать. Дрюня продолжал торчать в доме, не выказывая особого желания выйти наружу.

Он взял мыло, бритву и отправился искать карьеры. По словам Витька, идти было недалеко, примерно минут сорок-пятьдесят. Он брел, изредка спотыкаясь о различный хлам, ловя себя на мысли о том, как все же несовершенно человечество. Взять, к примеру, ту же свалку – неужели нельзя найти применение этой огромной куче мусора? Еще лет двадцать в таком же духе, и вся планета превратится в гигантскую помойку...

Приближение воды он почувствовал сразу – ветерок донес запах пруда, и Рост сразу вспомнил родную деревню. У пруда почти никого не было, только двое стариков дремали под деревом с удочками. Вода была не совсем чистая, зато прохладная, и она прекрасно освежила тело Роста, уже начавшее источать недвусмысленные запахи. Он также постирал вещи, побрился и с наслаждением улегся на горячем песке. Если все пройдет хорошо, через пять дней он попытается выбраться отсюда. Правда, еще оставалась масса нерешенных вопросов. Но почему-то сейчас Росту не хотелось об этом думать. Он лежал под ярким летним солнцем, которое ласково гладило его своими теплыми руками, и вспоминал своих родных. Олеська, сестричка, как же он по ней скучает... Когда он впервые вернулся из армии, то веснушчатая девчонка с острыми коленками и противным писклявым голоском превратилась в очаровательную девушку с фиалковыми глазами и восхитительными рыжими волосами цвета начищенной меди. Ничего, дай бог, он их скоро увидит...

Рост развернул газеты. Информация об ограблении банка была только в одной, и то ей была посвящена уже вторая страница. Ничего нового, только сообщалось, что единственный оставшийся в живых после перестрелки раненый охранник скончался во время операции. Его заинтересовало другое сообщение. Заголовок сообщал:

Истребление бездомных продолжается

«Как стало известно, жуткая история с массовым убийством 2 июня лиц без определенного места жительства на юго-западе столицы обрастает шокирующими подробностями. Источник из правоохранительных органов на условиях анонимности заявил, что с большой степенью вероятности можно утверждать, что это преступление и большинство происходящих ранее убийств бомжей – дело рук одних и тех же лиц! Как уже ранее сообщала наша газета, начиная с прошлого года в столице систематически происходили убийства представителей так называемой низшей касты. Оперативники неохотно шли на контакт с прессой и не спешили объединять данные дела, хотя, казалось, все признаки были налицо – убийцы использовали ножи и кастеты, некоторые жертвы были обнаружены с травмами, которые могли быть причинены тупым твердым предметом, таким, как, например, бейсбольная бита... Лишь после проверки прокуратуры г. Москвы дела, возбужденные районными прокуратурами, объединены в одно дело. Эксперты установили, что в подавляющем большинстве случаев смертельные раны нанесены одним и тем же видом оружия. Остается только догадываться, у кого бездомные могли вызвать такую ненависть, и почему так долго правоохранительные органы скрывали от общественности эту информацию...»

Рост отложил газету. А он-то считал, что у бомжа, по сути, только две проблемы: где переночевать (и то зимой) и что выпить. Ну, может, еще поесть. Ан нет.

– Сегодня у нас разгрузочный день, – скептически сказал Витек, когда они собрались все вечером. – Водяры нет, жратвы тоже негусто. Че-то день какой-то говенный был...

– У меня из подогрева только «горбушка» и пластмасса, – заявил Жгут. Под «горбушкой» он имел в виду банку консервов, а пластмассой называл вермишель «Доширак».

Кеша и Джеки Чан скромно стояли в сторонке, и Витек изредка бросал на них подозрительные взгляды, особенно на нос чукчи, который, подобно лакмусовой бумажке, был

краснее обычного.

– Проще стол, легче стул, – заявил Дрюня.

Рост молча поставил на стол продукты, купленные в магазине. Жгут недоверчиво глядел, как он неторопливо выставлял на стол банки с рыбными консервами, маринованные огурцы, сыр и две бутылки водки. Смутная тень подозрения скользнула по худому лицу.

– Слухай, фраерок, а чем ты на хлебушек зарабатываешь? – спросил он мягко. – Я никак не разумею. Уходишь на весь день куда-то, хрен тебя поймешь... Стекло и лом не собираешь, вроде...

– Вроде – у бабки в огороде, – с видом знатока пояснил Дрюня. Он сидел на бревне, ковыряя черным от грязи пальцем костыль. Лицо его было блее бумаги, пот градом катился по вискам. Больная нога неестественно торчала, как кривой сук.

– Заначка у меня кой-какая осталась, Жгут, – сказал Рост. Он подошел к Дрюне. – Дай посмотрю.

Тот со страхом посмотрел на молодого человека и, помедлив, протянул ногу. Он был похож на собаку, которой собираются вправлять сломанную лапу.

Весь бинт пропитался гноем, вонь от гниющей ноги была просто чудовищной. Даже привыкшие ко всему Жгут и Витек зажали носы.

– Больно, – тихо пожаловался Дрюня, и из глаз потекли слезы.

Рост откашлялся.

– Вот что, Дрюня. Или мы едем к врачу, или ты сдохнешь, – в его холодных глазах, впрочем, не было и тени жалости – только голые непоколебимые факты.

Дрюня молчал, вытирая рукавом слезы.

– В больницу его не возьмут, – покачал головой Кеша. – Потребуют медицинский полис, паспорт и так далее. В лучшем случае поместят в приемник-распределитель. А там – пока санобработка, пока справку из милиции получить... В прошлом году одного бездомного машина сбила, так его не взяли, он потом умер. Нужны хоть какие-то документы. Вот в чем суть.

– Суть в подъездах. Иногда в кустах, – сказал отстраненно Рост. Кеша недовольно поджал губы. Рост поднялся на ноги и подошел к Витьку.

– Ты поможешь мне?

Тот засопел.

– Кто ж его возьмет? – спросил он, почесав бороду. – Ни паспорта, ни прописки...

– Возьмут, – отрезал Рост. Он нащупал в кармане девять тысяч рублей – должно хватить. Во всяком случае, потом можно всегда добавить.

Дрюня наконец понял, что шутки закончились, и без уговоров дал себя подготовить к дороге. Сборы, в общем-то, заняли минут пять, бедному собираться – встать да подпоясаться. Единственное, Рост наложил свежую повязку.

– Без нас не пить, – приказал Витек, скорчив зверскую физиономию.

Дорога к трассе заняла больше часа. Дрюня периодически терял сознание, приходил в себя, пытался шутить, придумывая новые стишки, снова вырубался, бредил в забытии, опять очухивался, плакал, стонал, и так до бесконечности. Уставшие, взмокшие от пота, они вышли на остановку и принялись ловить такси. Не тут-то было! Их колоритная тройка напрочь отбивала у участников желание притормозить, и еще минут сорок они одиноко топтались у дороги, плюясь и посылая проклятия чуть ли не всем проносящимся мимо машинам. В конце концов возле них остановилась мятая «четверка», из которой высунулся пенсионер в белой кепке. После недолгих торгов Дрюню погрузили в машину. Рост вложил в мозолистую руку Витька мокрые от пота купюры.

– Этого должно хватить... оставь себе на обратную дорогу. Я не поеду.

– Ладушки, – не стал уточнять нюансы Витек. Взяв деньги, он с изумлением уставился на них, будто Рост протянул ему говорящий огурец.

– Ну ты... даешь, – выговорил он, в голосе проскальзывали нотки уважения. – Ждите, – он запрыгнул на переднее сиденье, и «четверка», громохоча и стуча цилиндрами, медленно тронулась с места.

Какое яркое солнце. Облаков нет и в помине, небо, матово-синее, постепенно переходило в мягко-голубое, почти молочное у горизонта. Едва видный самолет медленно чертил на синеве белоснежную дугу. Словно кто-то мелом по небу ведет. Куда летят люди, находящиеся внутри этой железной птицы? И о чем они думают?

Юра поймал себя на мысли, что за все лето в этот день погода показала себя с самой лучшей стороны. В день похорон.

На кладбище очень мало народа. Вмиг постаревшая Надежда, две подруги (одна из них та самая соседка), и он, Юра.

Вторая дочь Надежды на похороны не приехала.

– АЛИСА, – шептал Юра обветренными губами. – Ты моя. Только моя.

Подшли трое могильщиков, все молодые ребята. Запахло застоявшимся потом. Привычно поплевав на руки, один из них ловко закрепил ремень под гробом, двое других продели петли с другой стороны. Пока они опускали гроб, Юра снова посмотрел вверх. В небе парила чайка, она жалобно кричала, будто просила о помощи.

Тихо вскрикнула Надежда – у рабочих соскочила одна петля, и гроб неуклюже завалился набок. Внутри раздался звук, словно что-то перевернулось.

– Пожалуйста, аккуратнее, – едва слышно проговорила она. Рабочие равнодушно поправили гроб и стали вытаскивать из-под него ремень.

– Теперь родственники должны кинуть по три горсти земли, – заученным голосом пробасил один из них, закуривая.

По мере того как крышка гроба исчезала под слоем земли, Юра чувствовал поднимающуюся откуда-то изнутри черную ненависть к самому себе.

Проклятое Ясенево. Проклятое 2 июня.

На негнущихся ногах он подошел к Надежде и встал перед ней на колени.

– Что ты, что ты, Юрочка, встань, – испуганно забормотала она, пытаясь поднять юношу.

Сначала он не поверил. «Второй морг. Приезжай».

Какой второй морг? Зачем приезжать?! И ЧТО он там увидит?

Надежда положила трубку, и он остался один на один со страшной загадкой: КТО? Инна? Или?..

Нет, он даже не хотел думать об этом... С кем-то из них произошло несчастье. Но с кем?

После смерти Алекса даже сама мысль о таком кошмарном совпадении казалась чудовищно нелепой – как такое может произойти? В один день? Этого просто не может и не должно произойти... потому что это невозможно. Такое бывает, ну, в книжках или второсортных фильмах ужасов...

Он думал все, что угодно – ошибка, жестокая шутка (он не успел хорошо запомнить голос Надежды и точно не знал, она ли это), галлюцинации, наконец. Оглушенный новостью, он как сомнамбула сел в машину и понесся в морг.

Он мчался, и ему казалось, что из него вытекает жизнь, ссезживается капля за каплей, так усыхает цветок, которому не хватает живительной влаги.

Когда он оказался у морга, Надежде стало плохо, и ее приводили в чувство в приемной.

– Поехали, Юра, – она погладила его по голове. Он встал на ноги, по лицу скатилась одна слезинка. Только одна. Одна маленькая слезинка.

К Юре подошел могильщик, который говорил про горсти земли.

– Слышь, командир, – сказал он, вытирая об штаны испачканные руки. – Отблагодарить бы ребят... Положено так.

– Сколько? – отсутствующим голосом спросил Юра. Молодой парень назвал сумму, раза в три превышающую обычную в данном случае плату, но Юра безропотно вытащил смятые купюры и, не глядя, сунул их тому в руку. Могильщик и двое его помощников моментально испарились.

Они с Надеждой отправились домой одни, поддерживая друг друга, как старики. Анна Сергеевна, соседка Надежды, сказала, что зайдет позже.

– Только я ничего не готовила, – слабо улыбнулась Надежда. Она убрала выбившуюся прядь волос, и Юра вспомнил, что это жест Алисы.

– Я сейчас все куплю, – ровно сказал он, следя за дорогой.

– Нет-нет, – торопливо сказала женщина. – Ты и так... много для нас сделал...

– Я ничего не сделал, – резко оборвал ее Юра. – Я должен был находиться тогда с вами... с Ней.

Надежда отвернулась, и он понял, что она снова плачет.

Кошмарная новость оказалась правдой. Надежда все еще была в забытьи, и он решил сам пройти внутрь. С ним вышел поговорить врач. Юра слышал, что его рот произносил слова, и ему казалось, что произносил он их очень четко и ясно, но вряд ли он имел хоть какое-то отношение к этим словам. Рот просто хлопал, как старые ставни на ветру.

Его долго не пускали посмотреть на тело – он ведь не родственник, – но у него был такой вид, что, казалось, сейчас он разорвет санитаров на куски, и его пропустили.

Она лежала на каталке. Когда врач убрал покрывало, Юра неосознанно зажмурился. Он боялся узнать, на ком из дочерей Надежды остановил лотерейный барабан смерти свою метку, он боялся, что на него слепо уставится обезображенное лицо Алисы, ничего не имеющее общего с его ангелом, и только от этой мысли ему казалось, что его рассудок отделяется от мозга.

Когда он все же осмелился приоткрыть глаза, то ноги его подогнулись. Девушка была как живая, она словно спала. На щеках – свежий румянец, будто она только что вошла в комнату после зимней прогулки. Лицо красивое и величественное, немного грустное. Вот только шея была плотно замотана красным полотенцем... Или не красным? Присмотревшись, он с содроганием понял, что оно полностью набухло от крови. Ему показалось, что ее ресницы трепещут, и Юре пришла совершенно уж дикая мысль – она жива! А что, бывают же такие ошибки, когда у людей, которых уже доставили в морг, потом прощупывался пульс!

Он прильнул к ее груди и, тщетно пытаясь уловить стук сердца, неожиданно поймал себя на мысли, что Бог в который раз оказывает ему свое благоволение.

Лежащая на труповозке девушка была Инной. Сестренкой ангела.

– Я совершенно не хочу есть, – сказала Надежда. – С того самого... Глупо, да? Есть надо, а мне не хочется.

– Есть надо, – проговорил Юра. Он разлил водку по рюмкам, и они выпили.

– А ты что не ешь?

– Утром поел, – соврал Юра.

Он выскочил в приемную.

– Где ее сестра?! – спросил он, срываясь на крик. – Где?..

Ответ последовал не слишком утешающий – в реанимации. У нее серьезно поврежден

позвоночник, но главное – она жива.

– К ней можно?

– Езжайте и разбирайтесь, – последовало раздраженно в ответ, – у нас и тут проблем хватает.

Потом вышла Надежда. Она шаталась, как пьяная, одна нога была без туфли, на лице кровоподтек. Они поехали в больницу к ангелу. Снова дорога, снова освещенная фарами холодная ночь. Напичканная транквилизаторами, Надежда все же нашла в себе силы рассказать ему, как все произошло.

Они взяли такси, частного. Денег «бомбила» запросил немного, и они с радостью согласились. Машина ехала со средней скоростью. Они весело болтали, Алиса все говорила о Юре. Она сидела на переднем сиденье. Они выехали на Третье транспортное кольцо.

Впереди ехал грузовик. Таксист никак не мог его обогнать, так как с левой стороны шел нескончаемый поток машин, и никто их не желал пропускать. Грузовик был под завязку загроможден связками швеллера, концы которого далеко выступали из кузова.

И тут грузовик подрезала серая иномарка, модель никто не запомнил. Грузовик затормозил так, что ошметки покрышки остались плавиться на асфальте. Такси с ангелом влетело в грузовик. В последний момент водитель успел вывернуть руль влево, и основной удар пришелся на правую сторону такси. Там, где сидела ангел. Она не была пристегнута и выбила своим хрупким телом лобовое стекло, ударившись о грузовик.

От сильнейшего удара швеллеры рассыпались, как прутья старой метлы, когда рвется ветхая обмотка, и один из них вошел в горло Инны, почти наполовину оторвав голову, пробив заднее сиденье. Она погибла мгновенно, даже не осознав, что случилось. С грустной улыбкой и детскими, широко распахнутыми глазами. Эти глаза были так похожи на глаза Алисы, что Юра, увидев труп в морге, даже не сразу понял, кто перед ним – ангел или ее сестренка...

– Ты помнишь, как ее отпевали? – Голос Надежды задрожал.

Юра помнил. Когда батюшка начал молиться, махая кадилом, все свечи неожиданно затрепетали, пламя стало ярче и выше, и в храме стало намного светлее. А вместо ладана, запах которого Юра просто не выносил, вдруг запахло свежескошенной травой и лесными ягодами...

Она говорила и видела, что Юра устал ее слушать. Да, он изображал участие на лице, когда речь заходила о покойной Инночке, успокаивал ее, как делают все в подобных случаях, но только слепой мог не заметить, что ему неприятно выслушивать ее стенания. Она горько вздохнула. Собственно, чему удивляться? Любит-то он Алису. Вот и сейчас, сидит как на иголках, все в больницу рвется. Она умолкла, внимательно наблюдая за Юрой, ловя себя на мысли, что он совершенно не похож на своих сверстников.

Юра сидел, слушая Надежду, подливая себе и ей водки. У него кружилась голова. Сказывалось все – бессонные ночи (он провел в больнице почти двое суток), отсутствие аппетита и раскаленная ярость к самому себе, беспощадно прожигающая его сердце. Как серная кислота.

За то, что отпустил ее одну. За то, что променял ангела на свою гребанную акцию.

– Она сказала, что вы уже подали заявление, – откуда-то издалека донесся голос Надежды. – И все переживала, что ты только вечером приедешь... – она опустила голову. – Врачи говорят... что она может на всю жизнь остаться парализованной.

Юра вздрогнул, словно сильно уколотившись стальной проволокой.

– Этого не будет, – резко сказал он, поднимаясь со стула. Он не мог больше находиться в

этой комнате, стены и потолок давили, грозя обрушиться на него.

– Такая нелепость. Такая глупость... Они ехали забрать меня из больницы. МЕНЯ. В итоге я жива, а они... – из глаз Надежды потекли слезы.

– Это вам, – Юра положил на стол конверт. – Вам это понадобится.

Женщина подняла голову и затрясла головой:

– Нет, я не возьму. Ты сам организовал похороны... помог с кладбищем... Я до конца жизни буду у тебя в долгу. Нет, я не могу взять деньги.

– Можете, – он быстро простился и покинул квартиру. Он спешил к ангелу.

Все, сказал врач. ВСЕ.

Какое это страшное слово! Только три буквы, но как больно внутри, когда повторяешь их снова и снова, будто в живот всадили разделочный нож и крутят им из стороны в сторону.

Все. Алиса никогда не сможет ходить. Никаких «Вы знаете, вопрос реабилитации больных в данном случае может затянуться на довольно неопределенный срок...», «...мы затрудняемся делать преждевременные прогнозы» не было. Обычная больница с пахнущими лекарствами коридорами, не слишком чистыми стенами и полустершимся линолеумом, который топорщился, как барханы в пустыне. Обычные врачи, которые никогда не станут лицемерить и обнадеживать.

Она не будет ходить. Самое лучшее, на что можно рассчитывать, – это то, что у нее начнут работать руки.

Это прозвучало как приговор, даже хуже.

Он пристально смотрел в непривычно бледное лицо Алисы, нежно целовал ее горячий лобик, шептал ей ласковые слова, он старался уловить в ее взгляде хоть какие-то признаки жизни, что она узнала его, что она знает, как безумно он любит ее, но все было безрезультатно. Юре подумалось, что точно так же смотрят на волны – со скучающим безразличием, зная наперед, что ничего нового от них ждать не следует. Волны как волны. Как плескались миллионы лет назад, так и будут плескаться.

Сейчас она напоминает овощ, растение, но никак не человека. Еще больше Юру страшило, что она до сих пор не заговорила, но в больнице сказали, что это последствия шока, и со временем все должно нормализоваться.

– Благодарите бога, что ее перевели из реанимации в обычное отделение, – вытирая руки полотенцем, сказала врач, молодая женщина с выбивающимся светлым локоном из-под шапочки.

– Когда ее выпишут? – спросил Юра, и врачиха развела руками:

– Трудно сказать. У нее поврежден только позвоночник, внутренние органы вроде бы целы. Ей нужно сделать еще серию анализов, и если ничего больше выявлено не будет, то, полагаю, недели через две.

Две недели. Юра спросил, почему так много, и женщина поглядела на него как на идиота:

– Молодой человек, ее ВЫТАЩИЛИ С ТОГО СВЕТА. А вы говорите о каких-то сроках?! На вашем месте я бы в церковь пошла и свечку за ее здоровье поставила!

Юра торопливо распрощался и ушел.

Придя домой, он некоторое время неподвижно стоял в прихожей. Свет не включал, обуви не снимал, а просто стоял. Из лоджии выглянул Кляксич и радостно поковылял к хозяину, но, подойдя ближе, замер, уши его поднялись, тонкие ноздри тревожно приплюснулись. Затем мякнул, будто призывая хозяина не пугать его своим поведением. Юре и самому стало почему-то жутко.

– Теперь мы с тобой одни, – сказал он громко и прошел на кухню. Кляксич засеменил за ним. – Пока одни, – поправился Юра.

Он покормил кота и только сейчас почувствовал, что ногу его раздирает боль. Он вспомнил, что в нее несколькими днями раньше всадили шило, но он даже не взглянул на рану.

«Ты даже ни разу не снял джинсы... Так и ходил в них, и спал, как бомж... Грязнуля... Свинья», – замурлыкал сытый голосок внутри.

Рана загноилась, но ничего страшного. После всего происшедшего он даже не думал о ней. Превозмогая острую боль, он выдавил гной и плеснул на распухшую дырку перекисью водорода. Как только он закончил заниматься ногой, позвонил Мика.

– Надо увидеться, – коротко бросил он. – Через полчаса у тебя во дворе, идет?

И хотя Юра сейчас больше всего на свете хотел отдохнуть и выспаться, он знал, что Мика по пустякам звонить не станет, и согласился.

На Мике была бейсболка с низко опущенным козырьком, но Юра все равно разглядел кончик бинта.

– Как самочувствие? – он указал на бейсболку.

– Нормально.

– Чего хотел?

Мика огляделся, словно желая быть уверенным, что их никто не подслушивает, и сказал как бы между прочим:

– Гюрза, об акции в Ясенево стало известно. Сегодня утром по «НТВ» в «Дежурной части» показывали.

– Значит, Алекса скоро вычислят, – тихо сказал Юра. Стоять было больно, и он присел на зеленый заборчик, которым был обнесен газон возле подъезда.

– Это само собой, – невозмутимо продолжал Мика. – Вспомнил одну вещь... Алекс ведь всегда на акциях был в перчатках, так ведь? Ты, случайно, не забыл их снять?

Юре показалось, что его желудок подскочил куда-то к гортани. Черт, как он запомнил об этом!

Мика, увидев, как изменилось лицо друга, произнес:

– Чего уж теперь... тогда из него так хлестало, что из-за крови ничего видно не было.

– Угу. Менты очень заинтересуются, чего это ему вздумалось нацепить хирургические перчатки, – мрачно сказал Юра.

– Тут вот еще что. Меня беспокоят Жуля с Нелли. Первый так вообще не просыхает...

– Открыл Америку.

– Да, но с того самого дня он бухает почти без передышки, будто готовится к соревнованиям среди алкашей. Мне-то по херу, но сам знаешь, что у трезвого на уме... Как бы утечки не вышло.

– Думаю, Мика, здесь ты волнуешься напрасно. Жуля зря трепаться не станет. Уж это я проверял, иначе давно бы принял меры. К тому же, ты видел его дружбанов?

– Ну?

– У них мозги давно растворились в спирте, так что вряд ли они смогут сделать что-то с информацией, которой может поделиться с ними Жуля. Ладно, с Нелли что?

– Еще хуже. То, что у нее шифер снесло, однозначно, но это ерунда по сравнению с тем, что начнется, когда ее начнут менты прессовать по поводу Алекса. А они начнут, будь уверен. И я башку даю на отсечение, что она расколется.

– И что ты предлагаешь? Завалить ее, как ненужного свидетеля? – криво улыбнулся Юра.

– Не знаю, Гюрза, – все так же невозмутимо ответил Мика. Он потер кулаки. – Не знаю. Становится горячо, вот что я знаю.

– Я схожу к ней. Она все еще живет в хате Алекса?

Мика кивнул. Они еще немного поговорили, и Юра отправился к Нелли.

Нелли была пьяна. Она долго открывала дверь, затем, шатаясь, прошла в комнату и плюхнулась в неубранную кровать. В руке ее дымилась сигарета, на полу валялся смятый пакет из-под апельсинового сока и стояла открытая бутылка водки.

Юра молча сел на край кровати, обратив внимание на заполненное окурками блюдце на тумбочке. Он подумал, что если Нелли будет продолжать в том же духе, то так и до пожара недолго. Теперь, видя Нелли, он постепенно возвращался к тем страшным событиям, унесшим жизнь Алекса. Внезапно он почувствовал себя совершенно беспомощным, как слепой на перекрестке, потерявший свою собаку-поводыря.

– Тебе еще не звонили? – спросила Нелли после долгого молчания.

– Мать Алекса, – сказал Юра. Он вспомнил, какого труда ему стоило лгать этой бедной женщине, когда она в течение двух последних дней обрывала его телефонные провода.

– Ну и каково тебе? – спросила Нелли, будто прочитав мысли юноши. Она повернула к Юре свое лицо – сильно осунувшееся, с темными мешками под глазами.

– Тебе нужно куда-нибудь уехать, – медленно проговорил Юра.

– Уехать? Куда? В монастырь? – Лицо девушки разрезала холодная улыбка мертвеца. – Или в психушку?

Он не нашелся с ответом. Действительно, куда? Нелли затушила окурок в блюдце и спустила ноги с кровати.

– Сегодня утром я была в ментовке. С матерью Алекса. Она написала заявку об исчезновении сына. Третью по счету, потому что предыдущие не принимали.

– А эту приняли?

– Да. Она устроила такой скандал, что к ней сам начальник вышел успокаивать. Ты бы видел, как с ней обращались в первый раз! Она: «У меня сын пропал!» А ей: «Не е...те нам мозги своим сыном, у нас шесть краж и четыре угона только за ночь. Погуляет ваш балбес и вернется. Небось трахается где-то и водку пьет».

Она прервалась, словно испугавшись собственного голоса. Затем поглядела вверх, глаза расширились, будто она увидела что-то ужасное на потолке. Юра наблюдал за девушкой с нарастающей тревогой. Ее состояние ухудшалось буквально на глазах.

– Что мы будем делать, Юра? – еле слышно спросила она, продолжая изучать потолок. – Я больше так не могу. Не могу изображать волнение, когда говорю с матерью Лешки, не могу врать его родителям, что я не видела его в тот день. Не могу смотреть им в глаза. Не могу слышать этот чертов телефон, когда они звонят каждый час и с надеждой спрашивают: «НУ ЧТО?! НУ ЧТО, НЕЛЛИ, ГДЕ НАШ СЫН? ОН ВЕДЬ ЖИЛ С ТОБОЙ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ?!!»

– Нелли, пожалуйста...

– Ты знаешь, что скоро будет девять дней? Как его не стало?

Юра с убитым видом кивнул.

– Ты представляешь, у нас только приняли заявление в ментовке, а он уже девять дней как труп. Его только начнут искать (если наши менты вообще в состоянии чего-то делать), а его уже наполовину сожрали крысы. П...ц, правда?

– Нелли...

– Подожди, я договорю. Знаешь, о чем я постоянно думаю? Не поверишь, Гюрза. Я боюсь. Я хочу сказать, что мне ох...но страшно. Ведь рано или поздно Алекса найдут. Что ТОГДА я буду говорить его матери? Отцу?

– Его уже нашли, – как можно мягче сказал Юра. Стараясь быть кратким, он рассказал о своей встрече с Микой.

Эта новость повергла Нелли в еще более тягостное состояние. Лицо обмякло, как горячий

восток, нижняя губа задрожала, придавая девушке отталкивающий вид, глаза вообще напоминали два запылившихся осколка стекла, в которых не было даже намека на жизнь.

Юра встал, поморщившись от боли в ноге. Наверно, все же придется навестить хирурга.

– Юр, – позвала Нелли, когда он уже стоял в дверях. Гюрза обернулся.

– Я была там. После акции, – прошептала она.

– Ты... что?!

– Да, – чуть громче сказала она, в глазах заплясали сумасшедшие огоньки. – Я... не знаю, как это получилось, но получилось то, что получилось. Взяла такси и ночью поехала в Ясенево.

– Ты заходила в дом?! – с присвистом спросил Юра. Значит, его воображение оказалось пророческим.

– Да. И ОН был там.

«Конечно, там, – про себя подумал Юра. – Или ты думаешь, Алекс ожил, как в сказке, и спустился вниз купить себе холодного пивка?»

– Ты представляешь, с него успели снять ботинки, – понизив голос, проговорила Нелли, будто делилась с Юрой большим секретом.

– Ты спятила. Нелли, ты соображаешь, чем рисковала? Тебя кто-нибудь видел?

– Не знаю. Может быть. Когда я уходила, то видела в темноте несколько фигур. Но я быстро бегаю, ты знаешь, – она принялась ожесточенно кусать ноготь указательного пальца.

«Идиотка. Боже мой, какая же ты дура», – выругался про себя Юра. Мика прав, Нелли уже не контролирует себя. Но что можно сделать в такой ситуации?

Уже с нескрываемым ужасом он видел, как на лице Нелли появилась тусклая улыбка. Причем улыбался только рот, искусственно и фальшиво, а глаза оставались запыленными стеклышками, их цвет таил в себе не больше тепла, чем мертвенно-бурая зыбь болота.

Она начала что-то говорить, но Юра уже выскочил за дверь.

Последующие два дня он провел преимущественно в больнице, с ангелом, окончательно выведя из себя весь медперсонал. Впрочем, ничего нового это не прибавило: Алиса оставалась в таком же положении – не лучше, не хуже. Ее жизнь словно сложили вчетверо, как тетрадный листок, скрепили степлером и поместили под стеклянный колпак, в полный вакуум.

Однако Юра не собирался сдаваться. Каждый вечер он просиживал в Интернете, изучал медицинские форумы, делал распечатки клиник, специализирующихся по операциям на позвоночнике, а наутро садился за телефон.

Все. Так, кажется, сказала врачиха с торчащими волосами из-под своей мудацкой шапочки? Никаких «все». Алиса будет ходить и разговаривать. И они поженятся, как собирались.

Алекса опознали только через четыре дня. Об этом сообщила Нелли, добавив, что ее уже вызвали в милицию.

Сразу после этого позвонила убитая горем мать Алекса. Она была в шоке – что ее сын делал в недостроенном доме, да еще в такой компании?! И кто мог совершить такое зверство? Отец, как только узнал о смерти сына, снова запил, но Юра подозревал, что для него это был просто лишний повод, они никогда особенно не ладили с Алексом.

Итак, Нелли на допросе. Юра сидел как на иголках, ожидая от нее известий, Мика тоже постоянно названивал ему, но Нелли не объявлялась. Только Жуле было все по барабану – он, как и отец Алекса, был в перманентном запое.

Лишь вечером, когда Юра уже на сто процентов был уверен, что Нелли задержали и поместили в изолятор, он дозвонился до нее, однако разговора не вышло – девушка попросту грубо послала его на известные три буквы и швырнула трубку. Тем не менее Юра был счастлив –

Нелли на свободе, а это уже неплохо, конечно, если слово «неплохо» хоть как-то применимо к происходящим событиям.

После этого наступило зловещее затишье. Ни из милиции, ни из прокуратуры никто не звонил, и Юра предполагал, что дело затягивается из-за ожидания результатов вскрытия тела Алекса. Он знал, что для получения тела необходимо разрешение следователя, а его-то матери Алекса пока не давали.

На допрос его вызвали через два дня после опознания. Следователь не произвел впечатления на Юру – полнеющий мужчина лет сорока со стремительно редющей шевелюрой, он куда больше смахивал на кладовщика какого-нибудь картофельного склада, чем на представителя правоохранительных органов.

Отпираться в том, что Юра знаком с Алексом, не имело смысла – мать Алекса все рассказала следователю о друзьях и знакомых сына, и Юра значился в списке чуть ли не под первым номером.

Разговор был непоследовательным и каким-то вяло-суховатым. Вадим Викторович (так звали следователя) скакал от темы к теме, постоянно возвращаясь к тому, с чего начинал, пытаясь поймать Юру на несовпадениях в ответах, но Юра отвечал четко и односложно, считая про себя до трех, прежде чем ответить на очередной вопрос, и стараясь не вызвать при этом слишком больших подозрений. Подписав абсолютно несодержательный протокол, Юра ушел. Однако, прежде чем попрощаться, он заметил одну не очень приятную деталь: непроницаемое до этого лицо Вадима Викторовича на миг озарилось хитровой ухмылкой, и Юра понял: он знает, о чем думал Юра на протяжении всего допроса – о том, что, переступив порог этого кабинета, он покинет его лишь в наручниках.

«Вот только доказательств у меня пока нет», – говорили ледяные глаза следователя.

Уже глубокой ночью он достал сверток с ножами и перчатками. Хромированные шипы из армированной стали на перчатках снова воинственно сверкали, готовые к бою. Юра поймал себя на мысли, от которой ему стало не по себе: разложенное перед ним оружие на какое-то время превратилось в злобных, оголодавших крыс, порывавшихся цапнуть его за руку. Видение испарилось быстро, как и появилось, оставив внутри омерзительный осадок. Он торопливо свернул свой арсенал и спрятал его в тайнике на лоджии. И лишь после этого снова лег спать. Он заснул с мыслями об Алисе.

Алекса хоронили на Троекуровском кладбище. Ни Мики, ни Жули не было – на этом настоял сам Юра. Нечего им светиться лишний раз, во всяком случае, в прокуратуре о них пока не знают. С утра он заехал за Нелли, а потом оттуда – в морг. Там уже была мать Алекса в черном платье, двое родственников, чуть позже подошли несколько однокурсников.

Несмотря на то что в морге заранее настаивали на закрытом гробе, мать Алекса неожиданно заупрячилась. Это мой сын, сказала твердо она. И в каком бы виде он ни был, я хочу видеть его. (Она приехала одна – отец Алекса лежал дома в стельку пьяный).

Открытый гроб так открытый, пожали плечами сотрудники морга. Как говорится, любой каприз за ваши деньги.

Когда все зашли в комнату для последнего прощания с усопшими, Юра незаметно обхватил Нелли за талию – не ровен час, грохнется в обморок. А грохнуться было отчего – если трупные пятна скрыл грим, то с ужасным запахом ничего поделать было нельзя. Но Нелли держалась молодцом, хотя, когда все подошли к гробу, открывшееся их глазам зрелище оказалось отнюдь не для слабонервных. Юра даже сперва решил, что они случайно подошли не к тому гробу – так не похоже было на Алекса тело, облаченное в темно-синий костюм. Нелли только сильно сжала

руку Юры, губы ее были похожи на две белые ниточки. Юра просто молча смотрел, не в силах отвести взгляд. Он всю дорогу мысленно представлял себе своего друга, пытаясь сохранить в памяти его образ, но то, что лежало в гробу, больше напоминало старый, черствый чебурек, случайно завалившийся за холодильник и провалявшийся там несколько месяцев. Грим был наложен отвратительно, волосы съехали набок, и Юра понял, что Алексу делали трепанацию черепа. Но что его просто убило, это грубый, уродливый шов на шее Алекса, который выглядывал из-под воротника пиджака, как бы насмехаясь над родственниками. Этот шов был похож на иллюзорную дьявольскую улыбку, он словно говорил: «Подождите... и у вас скоро появятся точно такие же... только дайте время...»

Он смотрел на этот шов и вспоминал, как Алекс, истекая кровью, сидел прислоненный к грязной стене и просил, чтобы ему дали покурить. На какой-то миг у него было страшное видение – сейчас сквозь шов начнет струиться сигаретный дым, и веки Алекса задрожат...

После они поехали на кладбище. В автобусе царило гнетущее молчание.

Похоронная церемония прошла как в густом тумане. Нелли все время хранила молчание, и только когда гроб стали опускать в яму, колени ее подогнулись, и, если бы не Юра, она сползла бы вслед за Алексом. Ей помогли добраться до автобуса, в то время как гроб постепенно скрывался под слоем свежей земли.

Когда могила была готова и на нее установили венки, откуда-то появился Жуля. Растрепанный, с отеком лица нездорового цвета, он робко сунул матери Алекса две вялые гвоздички, после чего, опомнившись, судорожно выхватил их и положил на холмик. Юра шагнул к нему, намереваясь обругать его за появление на кладбище, однако, увидев его слезящиеся воспаленные глаза, остановился. Жуля поймал его взгляд и, пробубнив слова соболезнования, незаметно исчез.

На поминки ни Юра, ни Нелли не поехали.

На следующий день после похорон Юре позвонила Надежда. Он как раз возвращался из больницы от Алисы, когда раздался ее звонок.

– Это очень важно, – сказала она. – Приходи.

Он развернул машину и поехал к знакомому дому. По дороге он чувствовал, как внутри поднимается волна неприязни. Ее дочь который день торчит в этой проклятой больнице, прикованная к постели (хотя сегодня был огромный прогресс, обрадовавший Юру – она уже могла немного шевелить руками), а ее мамочка все Инну оплакивает. Да, это тяжело, одна дочь умерла, но это уже произошло, и с этим нужно как-то жить. В любом случае, Юра был уверен, что нужно думать не о мертвых, а о том, чем можно помочь живым.

Он бросил машину посреди двора и поднялся на нужный этаж.

В гостиной сидела Надежда, рядом с ней соседка, Анна Сергеевна, полноватая женщина лет пятидесяти пяти – шестидесяти. Глаза у обеих были испуганные, будто только что перед ними прошмыгнула мышь и спряталась за комодом.

– Садись, Юра, – пригласила Надежда. – Чаю?

– Нет, спасибо. Что случилось?

Женщины вздохнули как по команде, и Юра снова почувствовал укол неприязни. Две клуши, только старческих платков на головах не хватает.

– Мне надо уехать. Дней на семь-восемь, – с трудом проговорила Надежда. – У меня в Омске живет мама, бабушка Инны и Алисы. Она давно себя чувствует неважно и все собиралась переехать к нам. Но для этого нужно что-то решить с ее домом, а кроме того, одной ей тяжело добираться. Сейчас ей стало хуже.

Юра выжидательно смотрел на нее.

– Мне очень не хочется оставлять Алису, но у меня нет другого выхода, – промолвила Надежда, в ее голосе проскальзывали извиняющиеся нотки, хотя Юра совершенно не видел оснований, по которым Надежда должна чувствовать себя виноватой перед ним.

– Анна Сергеевна будет ухаживать за Алисой, – добавила она, глядя куда-то в сторону.

«Так вот почему у нее такой пришибленный вид», – подумал Юра. Считает, что с соседкой его ангелу будет лучше.

– Ей нужна квалифицированная помощь, – медленно произнес он. – Я уже нашел клинику и готов взять все расходы на себя.

– Нет, – покачала головой Надежда, и, только взглянув на нее, Юра понял – она уже все решила. – Качество клиники тут ни при чем. Сейчас ей нужен домашний уют и покой. И потом, Алиса тебе говорила, что у нее диабет? Ей постоянно нужно принимать инсулин.

– Я могу делать эти уколы, – резко сказал Юра, но Надежда лишь с грустью улыбнулась:

– Я не могу бесконечно пользоваться твоей добротой. Анна Сергеевна знает Алису с пеленок и прекрасно справится сама. К тому же, у нее есть для этого время, а ты молодой, забот по горло, да еще, как я поняла, учишься.

Юра хотел возразить, что у него скоро начнутся каникулы (не говорить же о том, что он давно «положил» на учебу), но Надежда, словно в преддверии этого аргумента, мягко подняла ладони вверх, показывая, что разговор на эту тему исчерпан.

– Где сейчас Алиса? – спросил Юра, пытаясь сохранить на лице спокойное выражение.

– Она в спальне. Спит, – голос Надежды прорезали настороженные нотки.

– То есть к ней нельзя, так? – Юра чувствовал, что начинает задыхаться. – Вы не забыли, Надежда, что мы с Алисой собирались пожениться? И что я в какой-то степени тоже несу ответственность за нее? – он в упор смотрел на женщину, но та ничуть не смутилась. Что, однако, нельзя было сказать о соседке, у которой после слов Юры отвисла челюсть, демонстрируя желтые и стершиеся от времени зубы.

– Юрий, извини, но в силу сложившихся обстоятельств со свадьбой придется подождать, – тихим, но твердым голосом промолвила Надежда, и лицо Анны Сергеевны вновь приняло расслабленное выражение.

Юра перевел полный ревности взгляд на Анну Сергеевну, словно подозревая ее в сговоре. Та сделала вид, что не замечает прожигающего внимания к себе, и жеманно поджала губы. Юра явственно разглядел за напускным безразличием женщины страх, затаившийся в ее глазах. Она увидела в нем что-то такое, что очень ее напугало, и она поняла, что Юра знает об этом.

– Что ж, хорошо, – размеренно сказал он, вставая. – Благодарю за то, что хоть поставили меня в известность.

– Юра, ты всегда можешь при...

– Всего доброго. – Юра слегка поклонился и вышел. Женщины обменялись тревожными взглядами.

– Ты уж извини меня, Надь, но не нравится он мне, – призналась Анна Сергеевна после того, как хлопнула входная дверь. Теперь, когда Юра вышел, она почувствовала какое-то необъяснимое облегчение, будто с нее сняли тяжелые оковы. – Что-то такое есть в нем... не знаю что, но нутром чувствую – нельзя его к Алиске подпускать.

– Да, мне он тоже показался... со странностями, – сказала притихшая Надежда. – Господи, когда же эти напасти закончатся... Одно за другим, сил никаких нет.

– А ты не волнуйся. Езжай к матери, а за Алиску не беспокойся, уж я все знаю, что да как, – деловито сказала Анна Сергеевна. Надежда только вздохнула.

– Поеду за билетами, – сказала она, начиная одеваться. – Постараюсь взять на сегодня.

Часов в восемь вечера позвонил следователь, расчудесный Вадим Викторович. На этот раз Юре было велено (именно велено) явиться к девяти утра в прокуратуру. Что ж, завтра так завтра. Юра ждал этого, и, когда он повесил трубку, лицо его оставалось непроницаемым.

Витек вернулся утром, усталый, невыспавшийся, но довольный. Он рассказал, что Дрюню поначалу вообще отказывались осматривать, то есть речи об операции даже и не шло. Витек продолжал упорствовать, тем более, у него имелся веский аргумент – деньги, которыми его снабдил Рост. В итоге в приемную вышел дежурный хирург, довольно молодой, и Витек быстро с ним договорился.

– Геныч, еле уломал его, ты же знаешь, как к нашему брату относятся, – говорил Витек, жадно уплетая завтрак – застывшую в банке кильку и горбушку хлеба. – Как к говну. Все бабки твои, сукин сын, взял. Он мне грит: «Ты понимаешь, что даже эти деньги ничего не гарантируют? У него, похоже, заражение крови, и, может, ногу придется отрезать». Я грю: «Типа да, а че делать-то? Не на помойку же его везти?» Он так посопел, как енот обкуренный, и грит: «Ладно, сейчас чего-нибудь придумаем. Только я ничего не обещаю». Вот такой расклад. Вощем, Геныч, я решил там переночевать, на лавке. Че деньги на такси еще тратить? Мы люди привыкшие...

– Ну и слава богу, – сказал Рост. – Только ты, кажется, еще кое-чего хотел сказать?

Витек немного помялся, затем сказал виновато:

– Ты, Геныч, меня, конечно, извини, но тут такое дело. Бабки-то этот студентик взял, но сказал, что для... как его? Во! Успешного выздра... выздозро...

– Выздоровления? – подсказал Кеша, внимательно прислушиваясь к их беседе.

– Да-да, выздоровления, правильно, Кеша.

– Иннокентий.

– Ага, Иннокентий... Так вот, короче, нужно еще, как минимум, вдвое больше, – Витек с надеждой посмотрел на Роста. – Геныч, я пообещал. А что оставалось делать? Ты уж извини, но в тот момент хрен его знает, стал бы он вообще возиться с Дрюней.

– Все нормально, – сказал Рост, однако, судя по его лицу, думал он совершенно о другом. – Я постараюсь найти денег.

– Ты не менжуйся, если что, скажи прямо... я и так понимаю, что ты до фи́га для него сделал. Если не веришь, вот телефон лепилы, я записал.

– Все нормально, – напряженно повторил Рост, и разговор на этом закончился.

На следующий день он достал из тайника еще двадцать тысяч. Во второй половине дня Витек снова отправился в больницу. Когда Рост давал ему деньги, по лицу Витька пробежала тень подозрения и тут же исчезла.

В доме никого не осталось, и он решил прогуляться к гаражам – проверить «восьмерку». В этот раз Рост чувствовал себя куда уверенней. Он боялся поверить в удачу, но, похоже, московские пинкертоны уперлись в тупик. Собственно, как и «восьмерка», которую он оставил в гаражах. Машина стояла там же, однако уже без колес и с разбитыми стеклами. Еще пару дней – и ее разберут на запчасти. Что ж, так будет еще лучше.

Возвращался Рост в приподнятом настроении. У него было ощущение, словно уголок той мрачной, темной завесы, которая тяжелым саваном лежала на нем, неожиданно приоткрылся, пропустив внутрь теплый, ласковый солнечный лучик. Лучик надежды. Переходя шоссе, он обратил внимание на огромный бензовоз. Он уже перешел на другую сторону, как вдруг остановился, провожая взглядом удаляющуюся машину. Точно, как это он раньше не додумался!

Почти бегом он вернулся обратно и зашагал к Кольцевой дороге. Когда он впервые заезжал в Дзержинский, то память его четко зафиксировала ряд фур на обочине, выстроенных одна за

другой, как перед парадом. Туда он и направлялся.

Длиннющие грузовики были на месте, их было штук семь. На пяти из них за стеклами виднелись картонки с обнадеживающими, неровно накарябанными буквами: «ПУСТОЙ».

Рост осмотрел себя. Выглядит, как бродяга, хорошо, хоть рожа не опухшая, как у его новых дружанов. Плевать, у него уже нет времени на сантименты. Он по очереди стал подходить к водителям фур, некоторые из которых дремали прямо в кабинах. Однако его попытки разговаривать дальнбойщиков не увенчались успехом – лишь услышав слово «Украина», они категорически отказывались даже вести дальнейший разговор. Рост с тоской подумал, что немаловажную роль в подобной реакции сыграла его одежда – только слепой не мог не заметить, как косились на него водители, хотя сами они одеты были, по мнению Роста, не многим лучше: в задрипанных комбинезонах и сальных майках с дырками под мышками. Однако, вероятно, с их точки зрения, это было неважно – все недостатки во внешности с лихвой компенсировались теми огромными машинами, из которых они вели снисходительный разговор с Ростом. В этом-то и было их коренное отличие от Роста. И хотя они были такими же потными, чумазыми от масла и пыли, Росту они казались пришельцами из другого мира, не сравнимым с тем, в котором живет он сейчас.

Он уже совсем отчаялся, как вдруг один из водил, будто бы прочитав мысли Роста, сжалился и сообщил, что иногда здесь появляется некий Сашок, который часто мотается в Незалежную. Только его дня три уже не видать.

«Забухал, видать», – предположил водитель и смачно высморкался в пыль. Рост еще минуту постоял и поплелся на свалку.

Пора бы подумать, как отсюда выбираться. Жить на природе, оно, конечно, хорошо, но всему есть предел, и Рост понимал, что долго так продолжаться не может. Конечно, идеальный вариант был бы договориться с каким-нибудь водилой, но вдруг не выгорит? Поездом? А если в дороге проверка? Тогда что? Документов-то у него все равно нет. Привлечь к этому Лелика? Нет уж, Рост и так создал ему офигенные проблемы. Справится сам.

Пока он размышлял, появились два кислых друга – Кеша и Джеки Чан. Фингал, полученный Кешей от бродяг пару дней назад, сиял и переливался всеми цветами радуги, сиреневые треники весело трепал летний ветерок, обозначая контуры длинных костлявых ног. Джеки Чан шел рядом, усы развевались в такт ходьбе. Он сосредоточенно смотрел перед собой, резиновые сапоги равномерно месили грязь. Подойдя ближе, Джеки Чан поставил у ног Витька пакет с оторванными ручками.

– Однако, один путулка, рыба, два брюква и три помидора сладкая, – отчитался он.

– Откуда ты знаешь, что сладкая? – с подозрением спросил Витек. – Жрал, што ли, пипка помидорная?

Кеша осуждающе посмотрел на Джеки Чана, словно тот выдал военную тайну.

– Моя не пипка, однако, – с достоинством ответил Джеки Чан.

Витек заглянул в пакет.

– Конечно, жрали! Вон, один надкусан. Ептыть, и бутылка опять открытая!

После этих слов лицо Кеши приняло отсутствующее выражение, он повернулся боком и принялся насвистывать, словно все происходящее его не касалось.

– Доверь козлу капусту, – ворчал Витек, разбирая между тем принесенную провизию. – Какая ж это брюква? – спросил он, указывая корявым пальцем на свеклу, покрытую коркой грязи. – Ты что, свеклы никогда не видел, чучело?

– Однако, брюква, – с равнодушным видом ответил Джеки Чан, почесывая свою сальную гриву.

– Сам ты брюква, – сказал Витек с видом человека, который в силу обстоятельств вынужден

общаться с непроходимым тупицей.

– Э-э... Господа, – подал голос Кеша, сняв с головы панамку. Под ней обнажился не слишком чистый голый череп, обрамленный редким белым пушком волос. – Пока мы шли сюда, кхе-кхе... на нашем пути повстречался в некотором роде... э-э... канализационный коллектор, откуда доносились подозрительные звуки. Джеки Чан спустился вниз и увидел представителя, как бы это сказать... э-э... в общем, там человек нуждается в помощи.

– Какой коллектор, где? – насторожился Витек, и Рост заметил, как он напрягся.

Джеки Чан неопределенно махнул рукой, жестом охватывая полсвалки.

– Однако, тама.

Витек неохотно проследил взглядом за его жестом.

– «Тама», – буркнул он. – Где тама? Свалка большая, едрить тебя за ногу. И ваще. Что за коллектор, еще раз спрашиваю?! Тот самый?

– Моя показать, – не моргнув глазом, сказал Джеки Чан. Витек сплюнул.

– Нужно посмотреть, может, там действительно кому-то надо помочь, – сказал Рост.

– Геныч, да тут всем кому-то да нужна помощь, – с неохотой произнес Витек. Было видно, что ему не просто не хочется куда-то идти. Тревожные огоньки в его глазах красноречиво говорили сами за себя – Витек трусил.

– Тогда я схожу сам, – сказал Рост. – Покажешь дорогу? – спросил он у Джеки Чана, и тот согласно кивнул.

– И я с вами, – хитро улыбнулся Жгут. – Давно хотел проверить, а то столько баек ходит про эти дырки!

– Ладно уж, – сдался Витек. – Пошли за нашим Сусаниным. Кеша, собирай на стол.

– Хорошо. Только Иннокентий.

Только переступив порог кабинета, он сразу понял: сегодня будет ночевать на нарах. Достаточно взглянуть на рожу следователя – самодовольную, как у жирного кота, слопавшего банку сметаны. Значит, все-таки что-то накопал. Плевать. Сейчас ему все равно. Единственное, Кляксича жаль, голодный останется.

– Вы себя нормально чувствуете, Юрий? – следователь поглядел на него поверх очков.

– Нормально, – ответил Юра. Он сидел прямо, положив руки на колени, ни дать ни взять, примерный ученик, только и ждущий, чтобы его вызвали к доске.

Вадим Викторович начал задавать ему вопросы, большинство из которых были на предыдущем допросе, и с каждой секундой Юра ненавидел его все больше и больше. Дураку ясно, что это обычная репетиция, и главные козыри этот лысеющий тип приготовил напоследок.

– Скажите, Юрий, что, на ваш взгляд, Черкасский мог делать в этом доме? Да еще в таком обществе? Я разговаривал с его матерью, и она уверяет, что он никогда не водил подобных знакомств.

Юра пожал плечами.

– Понятия не имею, – сказал он.

– Вы же были ему другом? Так? – следователь стал вертеть в руках ручку.

– Знакомым – да. Другом – вряд ли, – отозвался Юра, гадая про себя, правда это или очередная ложь. Наверное, все же ложь.

– Видите ли... – Вадим Викторович вылез из-за стола и принялся расхаживать по кабинету, продолжая крутить ручку между пальцев. Юра обратил внимание, что пальцы у следователя были толстые и неуклюжие, но ручка, казавшаяся совсем маленькой в его руке, с необычайной легкостью скользила между этими необычно подвижными суставами, будто покрытая невидимой маслянистой пленкой.

– Очень интересная ситуация получается. По словам бомжей, которые обитают в этом доме, Черкасского они видят впервые. Зато знают всех остальных погибших. Вы не находите это странным? Черкасский явно выделялся на фоне остальных бродяг, вы понимаете, что я хочу сказать?

Да, Юра понимал. Черт возьми, он очень хорошо это понимал. Несмотря на то что приобретенные ими заранее шмотки в «секонд хэндах» были откровенным ширпотребом, это не шло ни в какое сравнение с вонючей рваниной, которая была на бомжах. Конечно, Алекс выделялся, еще как выделялся.

– Более того, свидетели, которые знали потерпевших бродяг, в один голос утверждают, что Черкасский дрался не на их стороне. Вы слышите меня, Юрий? Они почему-то уверены, что ТЕ, которые убивали бомжей, просто оставили Черкасского, когда поняли, что ему не выжить. Что вы на это скажете?

Вадим Викторович остановился и встал за спиной Юры, и тот отчетливо слышал его дыхание.

– Мне нечего сказать, – ответил он, пытаясь придать голосу небрежный оттенок. – Он никогда не отчитывался передо мной о своей личной жизни.

– Все указывает на то, что погибшие не дрались между собой, – сказал следователь, будто не слыша слов Юры. – Их пришли убивать. Да, у потерпевших тоже было оружие – железки, лопата, палки там всякие. Но их раны... Они буквально все выпотрошены, а потом практически обезглавлены. Если бы это были другие бомжи, допустим, конкуренты, то зачем, спрашивается, им отрубать головы своим врагам? Кстати, на месте убийства были обнаружены четыре пули от

травматического пистолета. Сомневаюсь, что бомжи могли располагать таким оружием.

Вадим Викторович снова остановился, но только для того, чтобы сказать:

– Те, кто это сделал, были не бомжами, Юрий. И Черкасский пришел с НИМИ.

Юра молчал, стиснув зубы с такой силой, что они хрустнули.

– А что вы скажете о Стрелецкой? – вдруг спросил следователь, возобновляя расхаживания.

– Я не знаю такого человека.

– Ничего, я вам напомню. Речь идет о Нелли, знакомой Черкасского, – пояснил Вадим Викторович.

– Ничего. Просто знаю, что она встречалась с А... Черкасским.

– И что вы можете о ней сказать?

– В смысле?

– Ну, вам не показалось, что она, мягко говоря, немного неадекватна?

Юра снова пожал плечами и сказал, что не знает. Следователя, однако, ничуть не смущали ответы Юры. Наоборот, он даже как-то повеселел. Задав еще пару ничего не значащих вопросов, он сел на место и мягко спросил:

– Что у вас с руками, Юрий?

Юноша с удивлением посмотрел на свои руки, только чуть позже догадавшись, что имел в виду следователь. Последствия акции – они были все в царапинах, на левой большая ссадина, покрытая заживающей коркой.

– У меня машина. Постоянно барахлит, вот и приходится возиться, – объяснил он.

– Вы хорошо разбираетесь в машинах?

– Вполне.

– Похвально, – сказал Вадим Викторович.

– Похвально ЧТО? – спросил Юра. Он посмотрел на следователя, и от его взгляда тому стало немного не по себе, он словно посмотрел в давно заброшенный колодец, про который ходят нехорошие слухи. Вадим Викторович открыл одну из нескольких папок, аккуратно сложенных на столе, и вынул оттуда стопку бумаг с какими-то таблицами. Выбрал два листа и протянул их Юре:

– Ознакомьтесь.

Юра с бесстрастным видом спросил:

– Что это?

– Это распечатка SMS-сообщений с сотового телефона Черкасского. Некоторые из них, Юрий, адресованы вам. Должен сказать, что у меня возникли определенные вопросы по этому поводу.

Но Юра и сам уже видел. Чертовы SMS-ки, они даже заботливо выделены желтым маркером, чтобы он смог сразу увидеть их.

«85 ал-во Хирург»,

«26 я-во Хирург».

Дерьмо. Все-таки прокололись. Ведь предупреждал же Алекса, никаких сообщений по мобильникам, вся информация только при личных встречах. Раньше так и было. Нет, лень ему было, видите ли, оторвать свою задницу, лучше SMS-ку написать...

Откуда-то сверху послышался мурлыкающий голос следователя:

– Что они значат, Юрий?

«Что они значат?» Ну и вопросик.

– Не знаю, – как можно искреннее ответил он. – Когда я их получил, то даже не стал перезванивать, подумал, какая-то техническая ошибка. Ведь вы можете это проверить, не так ли?

– А «Хирург»? Это что, подпись?

– Тоже не имею ни малейшего понятия. Он учился в медицинском институте, может, с этим что-то связано? В любом случае, я никогда не слышал, чтобы он себя так называл. И никто, насколько мне известно, по такому прозвищу к нему не обращался.

Но Вадима Виткоровича совершенно не удовлетворил этот ответ. Он забрал у Юры распечатки и вонзил в него холодный, как сосулька, взгляд:

– Где вы были?..

Он назвал те самые роковые числа.

Вот он, самый главный вопрос. «Раз, два, три», – посчитал про себя Юра и, вздохнув, спокойно ответил:

– Дайте подумать... Восьмого я весь день провел с Романовой Алисой, а девятого ездил на дачу.

– Кто такая Романова?

– Моя невеста.

– А девятого? Соседи могут подтвердить, что вы были на даче?

– К сожалению, никого из них я не видел.

После этого в кабинете повисла мучительная пауза.

– Эта... ммм... Гражданка Романова, ваша невеста... Ее адрес, телефоны.

Назвав адрес Алисы, Юра сказал, что в настоящее время допросить ее не получится.

– Это почему же? – несколько оживился Вадим Викторович.

– Потому что она болеет после автомобильной аварии и не разговаривает, – сухо пояснил Юра. – Она парализована.

Лицо следователя помрачнело.

– Как все удачно получается. На даче вас никто не видел, ваша невеста молчит... Странно, не находите?

– Не знаю, странно это или нет, – Юра закинул ногу за ногу, – это правда, и все.

– Вам больше нечего добавить? – Вадим Викторович продолжал сверлить его ледяным взглядом. «Ты убийца, – читалось в его глазах. – Ты и твой дружок Черкасский, которому просто не повезло. Но тебя ждет участь похуже, это я обещаю...»

Он достал какой-то бланк, и Юра был готов спорить, что это постановление о задержании.

– Нечего мне добавить, – ответил Юра, отворачиваясь. – Я уже все сказал.

Следователь снял очки.

– Я вынужден задержать вас, Тягушев, – официально заявил Вадим Викторович. – По подозрению в совершении убийства по предварительному сговору группой лиц.

Юра с трудом удержался, чтобы не расхохотаться. Нет, право, может, ему податься в ясновидящие?!

Вадим Викторович же, наоборот, выглядел мрачнее тучи. Его начинал бесить этот молодой человек. Даже заявление об аресте не произвело должного эффекта – парень продолжал безучастно смотреть в окно, будто прыгающие с ветки на ветку растрепанные воробьи занимали его внимание куда больше, нежели известие о предстоящей тюрьме.

– Задерживайте, – сказал Юра. – Надеюсь, вы обеспечите меня адвокатом?

Через три минуты в кабинет вошли два милиционера.

– В СИЗО, – коротко сказал следователь, быстро заполняя необходимые бланки. – Дома есть кто-нибудь? – спросил он у Юры.

– Есть. Мой кот.

– Перестаньте паясничать.

– Я не паясничаю. Разве домашние животные уже превратились в неодушевленные

предметы?

– Я говорю о родителях, – следователь уже терял терпение.

– Я с ними не живу.

– Тогда едем на обыск. Соколов, приготовь машину.

Обыск ничего не дал. Перчатки, пистолет и нож Юра спрятал еще вчера, словно предчувствуя, что обыск не за горами. Следователь поставил в протоколе обыска кривую букву «Z», после чего юношу повезли в изолятор.

– Если что надумаешь, скажи дежурному, – напоследок сказал следователь немного раздосадованно. Юра подмигнул ему.

Железная дверь захлопнулась. Все, теперь он в тюрьме.

В тот момент, когда Юра оказался в камере, а Надежда располагалась в купе поезда, Анна Сергеевна подавилась сухарем.

Надежда поцеловала на прощание Алису, смахнула слезу и, обняв Анну Сергеевну, быстро ушла. Дверь закрылась, и какое-то время Анна Сергеевна прислушивалась к стуку каблучков соседки. Затем покачала головой. Надо же, сколько бед свалилось на нее, несчастную. Анна Сергеевна была глубоко верующим человеком и представляла, что ничего просто так не случается, все происходящее с человеком неприятности являются следствием его собственных грехов. Она неоднократно твердила об этом Наде, но та только простодушно отмахивалась: «Ой, отстань, Ань, у меня и так забот по горло».

Вот тебе и отстань. Сначала попала в больницу, затем эта страшная авария, теперь мать слегла... Неспроста все это. А потом еще этот неприятный тип, Юра. Анне Сергеевне он не понравился с первого взгляда, хотя, положила руку на сердце, ни к чему конкретному она придраться не могла. Парень как парень, но, увидев его, она сразу почувствовала легкий, но чувствительный укол в районе вены на виске. Было в нем что-то не то, и все тут.

Она зашла в комнату к Алисе. Мопс Сэм крутился у инвалидной коляски, в которой сидела девушка. Увидев Анну Сергеевну, он радостно завилял крошечным хвостиком, пофыркивая от возбуждения.

– Что, есть захотел, озорник? погоди, я сперва твою хозяйку посмотрю.

Она присела на табуретку перед Алисой, еще раз поразившись, как эта ужасная авария изменила некогда привлекательную и милую девушку. Она очень похудела, рот стал больше и превратился в унылую тонкую дугу, кожа натянулась на скулах, а самое главное – глаза. Глядя в глаза Алисы, Анна Сергеевна неожиданно подумала про некогда очаровательный чистый пруд, который постепенно зарос камышом и стал болотом.

Она начала ласково говорить с Алисой, осторожно глядя девушку по волосам, и видела, что та ее понимает и даже силится что-то сказать.

– Все хорошо, маленькая, – успокаивала ее женщина. – Не все сразу. Потерпи, все будет нормально.

Она сделала Алисе укол инсулина, затем пошла на кухню ставить чайник. Девушка уже немного двигает руками, это хорошо. Может, дело и с позвоночником обойдется. Больно смотреть, как она страдает, просто сердце кровью обливается.

Когда чай заварился, она поставила на поднос чашки, блюдечко с конфетами и пряниками, а для себя взяла сухарей. Ее любимых, с изюмом. Она всегда обожала эти сухари, особенно макать их в чай. Жаль, что сейчас не делают таких вкусных сухарей, как раньше. Есть одно место, где их продают, но с ее ногами туда добираться – целая мука...

Они стали пить чай, и Алиса даже сама держала пряник. Чашку ей Анна Сергеевна пока не доверяла – больно тяжелая. Она не заметила, как тихонько начали подрагивать губы девушки и что уголки глаз заблестели от слез.

– Ю... Ю... Юра... – дрожащим голосом произнесла Алиса, роняя надкусанный пряник. Анна Сергеевна вздрогнула от неожиданности. Она в этот момент откусывала размокший в чае сухарь, и теперь этот кусок внезапно провалился в гортань, прочно застряв внутри.

– Юра, – уже более отчетливо произнесла Алиса. Теперь слезы бежали из глаз, она медленно подняла перед собой руки и смотрела на них, будто видела перед собой какое-то уникальное явление, и личико ее светилось от радости.

Анна Сергеевна закашлялась. Проклятый кусок сухаря, даже несмотря на то что был размякшим, упорно не желал проходить дальше в горло, и она попыталась вызвать рвоту, засунув пальцы в рот.

– Юра... Юра. ЮРА!

По всему телу Анны Сергеевны лезвием бензопилы пробежал удушающий спазм. Она уже не кашляла – хрипела. Лицо стало багровым, воздуха не хватало. Женщина медленно сползла вниз, уронив на себя чашку с чаем. Грудь и шею обожгло кипятком.

– Анна Сергеевна? – откуда-то из тумана послышался полный тревоги голос Алисы. – Анна Сергеевна, что с вами?! Вам плохо?

«Я умираю», – хотела сказать Анна Сергеевна, но свет неожиданно угас, и ее охватила ватная слабость. Последнее, что промелькнуло в мозгу женщины, было: инсулин.

Инсулин. Алисе нужно постоянно делать уколы.

Вадим Викторович задержался немного в дежурной части отделения – ему нужно было сделать важный звонок.

– Служба криминальной милиции? Прокуратура округа, Гриднев. Речкалова пригласите... Серега? Это Вадим. У меня один злодей в третьем ИВС. Да, да. Вместе с дружкой бомжей завалил. Ага. Нет, в несознанке, чего бы я тебе звонил. Что говоришь? Ха-ха... Ладно, Серега, нужна помощь. Да, как всегда. Пришли сюда своих орлов, помогите расколоть орешек... разрешение я выпишу... да хоть сейчас. Имей в виду, у меня два дня. Ага... Ну. Какой разговор, с меня причитается. Да, Серж, ты это... аккуратней, лады? Личико, в смысле, не портить. Ты меня понял, ага? До связи. Пока!

Заметно повеселевший, Вадим Викторович вышел из ОВД. Когда-то, начиная карьеру в правоохранительных органах, он и помыслить не мог, чтобы воспользоваться подобными средствами, но это время давно прошло. И хотя он очень надеялся на своего коллегу из уголовного розыска, где-то в глубине души его грыз червь сомнения. Этот Тягушев не простой отморозок, а он всегда привык видеть человека насквозь.

На следующий день около пяти вечера в 3-й ИВС приехала с проверкой помощник прокурора – ухоженная женщина лет сорока пяти со стройной фигурой и современной короткой стрижкой. Поздоровавшись, она достала из кожаной папки с тисненой надписью «Прокуратура РФ» бланк проверки.

– Камеры будете смотреть? – подобострастно спросил дежурный.

– А как же, – улыбнулась женщина, хотя дежурный прекрасно знал, что практически после каждой проверки этой симпатичной и милой на первый взгляд женщины его начальство получало от прокуратуры по шее и, в свою очередь, впоследствии отыгрывалось непосредственно на дежурной службе и на нем в частности.

– Какие? – он вытащил из верхнего ящика стола огромную связку тяжелых поблескивающих никелем ключей.

Она сказала, что все. Дежурный с безразличным видом: «Ну, все так все, мое дело маленькое», направился к камерам, хотя внутри у него что-то неприятно зацарапало.

В первой было трое – два малолетки и один взрослый, что не упустила заметить помощник прокурора. Со второй оказалось все нормально – две спящие женщины недовольно откликнулись, что «жалоб и претензий не имеем, кормят хорошо, и все замечательно».

В третьей было двое.

– Встать! – рявкнул дежурный, звякнув связкой ключей.

Один вскочил сразу – нескладный юноша с болезненным взглядом наркомана, второй поднимался медленно.

Глянув на второго, женщина непроизвольно шагнула назад. И хотя освещение в камере было скудным, она увидела, что арестованный был жестоко избит. Лицо в кровоподтеках, одного глаза вообще не видно, верхняя рубашка забрызгана красным, и она очень сомневалась, что это клубничный джем.

– Что с вами? – только и смогла выговорить она. Молодой человек молчал, и она повернулась к дежурному: – Как вы объясните это?!

– Да вот... С утра психовать начал, в дверь долбил, кричал, что с собой покончит, – охотно пояснил дежурный – он словно ждал этого вопроса и основательно подготовился к ответу. – Мы врачей вызвали, но он вроде успокоился. А потом на охрану бросился, одному

погон оторвал. Вот.

Помощник прокурора недовольно наморщила носик. Оторванный погон – неизменный атрибут, используемый сотрудниками милиции в качестве аргумента для применения физической силы в отношении подследственных, причем зачастую совершенно неоправданный.

Женщина посмотрела на юношу.

– Фамилия?

– Тягушев.

– Вас никто не бил?

– Нет, – негромко сказал он. – Сам виноват. Сон плохой приснился.

Дежурный гадко улыбнулся, но помощник прокурора не видела этого.

– Вам нужен врач?

– Нет. Спасибо. Мне намного лучше.

– Жалобы на содержание есть?

Юноша покачал головой.

– Рапорт о происшедшем? – спросила женщина, когда они вышли из камеры.

– Рапорт, хм... – На лице дежурного появилась растерянность. Те два бугая, пришедшие сегодня утром из криминальной милиции, категорически запретили составлять какие-то бумаги, ссылаясь на распоряжение начальника СИЗО.

– Значит, нет.

– Сейчас...

– Ничего не надо сейчас, – холодно оборвала его помощник прокурора. Она убрала акт проверки в папку и, не попрощавшись, ушла.

Дежурный с тоской почесал затылок. Очевидно, нагоняй все же будет. Ну, да ладно – он все спихнет на этого следака, как его там, Вадима Викторовича. И ни за какие коврижки он не расскажет, что было сегодня утром.

Когда Вадим Викторович выпускал Юру из-под стражи, у него было лицо человека, которого неожиданно пробрал понос, а туалета поблизости не оказалось.

Еще бы. Он дважды приходил допрашивать этого упрямца, но тот словно язык проглотил. Даже несмотря на то что к нему наведывались опера из розыска, один из которых в прошлом боксер, этот проклятый Тягушев продолжал играть в Зою Космодемьянскую, каким-то образом исхитрившись сломать нос одному оперативнику. Срок, в течение которого он имел право держать подозреваемого под стражей, истекал, а прямых доказательств его причастности к смерти бездомных в заброшенном доме в Ясенево у него так и не было. Исцарапанные руки и странные SMS-сообщения – слишком слабые улики для того, чтобы продлевать содержание под стражей. Ну ничего, время покажет.

– Имейте в виду, Тягушев, – цедил он слова, заполняя постановление о применении меры пресечения в виде подписки о невыезде. – Я не снимаю с вас подозрения... – он глянул поверх очков на разбитое лицо юноши. Тот не отвел взгляда и улыбнулся опухшими губами. На мгновение следователь испытал странное чувство – а человек ли сидит перед ним?

– Я могу идти? – Юра был сама вежливость.

– Распишись, – не скрывая своей неприязни, сказал следователь. Юра поставил закорючку и, захватив копию постановления, покинул кабинет.

С западной стороны свалки донеслись обрывки злобного лая, а затем – долгий, протяжный вой.

– Ого. Давненько их не было слышно, – сказал Витек. Он наклонился, вытащив из груды мусора широкую доску. – Чертов радикулит. Ничего, пусть приблизятся, мигом в говно превращу.

– Что, сильно донимают? – поинтересовался Рост. Лай постепенно стихал и скоро совсем прекратился.

– Когда как. Бывает, идешь мимо, они сами, как мухи, разлетаются. А иногда сидят, будто каменные, а глаза у всех горят, прям как светляки ночью... и смотрят, смотрят, а изо рта слюна текет. Все штаны обдрищеешь, пока мимо пройдешь. Тут как-то братки одну шалаву привезли, можа, по деньгам не договорились, или она за щеку плохо брала, не знаю. Вощем, как раз напротив сучьей стаи ее из машины и выкинули. Так вся свора на нее прям как по команде кинулась, собак десять, можа, больше.

– И что, никто не помог? Когда ее рвали? – глухим голосом спросил Рост, и Витек с видом умудренного жизненным опытом человека заявил:

– А кому охота свой драгоценный зад подставлять? Здесь другие законы. Тем более, Геныч, по нашим меркам она городская. А это другая... м-м... – Витек замешкался, с трудом подбирая подходящее слово. – Другая и-е-пар-хи-я! Во как, – сказал Витек, довольный, что смог щегольнуть умным словцом. – Это Кешка как-то раз сказал.

Однако Рост продолжал мрачно смотреть перед собой, и Витек бросил на него оценивающий взгляд.

– Ты, наверное, не понимаешь. Осуждаешь, наверное. Только знай, что та же самая чикса, царство ей небесное, когда у себя в городе на панели стоит, на говно и то дружелюбнее zenки таращит, чем на нас, сечешь? И лишний рубль проще выпросить у бабульки-пенсионерки, чем у нее, сто пудов. А здесь, как я уже говорил, другие законы. Если хочешь, законы джунглей – каждый сам за себя.

Да, это Рост уже отлично усвоил. Если бы он не вмешался, Дрюня до сих пор бы заживо гнил в этой паршивой хибаре, где ему приходится ночевать. Но стоять и смотреть, как свора собак рвет на куски женщину?! Это не укладывалось у него в мозгу.

– Анекдот знаешь? – как ни в чем не бывало спросил Витек и уже открыл было рот, как вдруг Джеки Чан остановился.

– Однако, здесь, – он показал на выглянувшее из-за кустарников покосившееся строение, которое напоминало сарай. При этом на лице Джеки Чана появилось выражение: «Чего моя, однако, тама не видела?!»

Он остался, а Витек с Ростом подошли к сараю вплотную. Рядом с ним, шагах в пяти, на небольшой возвышенности виднелся канализационный люк. Рост подошел ближе, тут же оказался Жгут. Снизу доносился какой-то шорох, в нос сразу ударил жестокий смрад разлагающийся плоти, пахло даже хуже, чем больная нога Дрюни. Запах буквально раздирал ноздри, и Росту совершенно расхотелось лезть внутрь.

– Да, это тот самый, – сказал Витек слегка изменившимся голосом. – Дрюня как-то раз туда провалился, мы всю площадь облазили, пока его нашли.

Стон, долгий и протяжный, послышался из недр коллектора. Учитывая акустику, звук получился почти фантомным, и Рост почувствовал, как по спине побежал жгучий холодок. Витек с опаской поглядывал на чернеющий зев коллектора, словно через секунду оттуда вылетит

привидение.

– Ну? – спросил Рост, заглядывая внутрь. Однако, как он ни напрягал зрение, разглядеть что-либо было невозможно. Не помогла и зажигалка.

– Короче, когда мы Дрюню вытащили, целый день он вообще не разговаривал, – сказал Витек. – И лишь потом, дня через три, спросил, до какого размера вырастают пауки. Все поржали и забыли, а вечером он наклюкался и рассказал, что пока он валялся там внизу, к нему на грудь залез огромный паучище, размером с откормленного гуся. Он ничего не делал, просто сидел и пялился на Дрюню своими желтыми глазами. Дрюня сказал, что он был таким тяжелым, что даже в груди заболело, и он с трудом мог дышать. И хотя он был напуган, все равно притворился мертвым. Так вот, паучище посидел-посидел, да и уполз куда-то в трубу. Потом Дрюня добавил, что в самом дальнем углу он видел паутину, в которой болталсядохлый щенок, а на полу кости рассыпаны. Вот... после этого у него еще больше крышу сорвало.

– Полная лажа. Нашли кого слушать, – презрительно бросил Жгут. – Поганок ваш Дрюня обожрался на свалке, вот и мерещатся ему всякие Покемоны однойцевые.

Рост перекинул ногу через люк и стал спускаться по проржавевшей лестнице, Жгут полез следующим. Витек, помедлив, последовал за ними. Под ногами осыпалась рыжая пыль. Вонь стала сильнее, и когда глаза немного привыкли к темноте, стало видно, что на полу кто-то лежит. Витек отошел в сторону, предоставляя Росту возможность получше разглядеть. Рост снова щелкнул колесиком зажигалки.

На каменном полу, извиваясь, как червяк, лежало странное существо в задубевшей от грязи одежде, имеющее весьма условное сходство с человеком.

– И-и-ы-ы-ыыыы... – замычало оно, перевернувшись на бок, показывая свое лицо. Вернее, то, что когда-то называлось лицом. От переносицы до верхней губы кожи не было, только обнаженное трепещущее мясо, в котором копошились белые личинки.

– Что это с ним? – выдавил Рост. Он все еще пытался убедить себя, что вот это зловонное, шевелящееся нечто раньше было человеком.

– Собаки. Может, крысы, – с наигранным спокойствием ответил Витек, но Рост видел, как он побледнел, озираясь по сторонам, очевидно, выискивая мрачную паутину с мертвыми щенками.

– Тут уже ничего не поделаешь. Пошли, – сказал Витек.

– Как это – пошли? – изумился Рост. – Он же умирает!

– Эх, фраерок... – сокрушенно покачал головой Жгут. На его лице не дрогнул ни единый мускул, когда он разглядывал умирающего. – Желторотый ты еще, хоть и умеешь кулаками махать. Что ты предлагаешь? Лечить его? Или лепилу из города вызвать? В больничку такого точно не возьмут, это тебе не Дрюня. Решил его добить? Валяй, только это уже статья.

Витек стал подниматься вверх, но Рост продолжал стоять, не в силах отвести взгляд от извивающегося тела. «Боже, и это происходит в двадцать первом веке, неподалеку от Москвы?!»

– Ы-ык-к, – подало голос существо.

Пока Рост думал, как поступить, Витек крикнул:

– Ну, че затормозил, Геныч? Жгут, а ты чего застрял?

Рост с трудом оторвал взгляд от умирающего и стал подниматься.

– Однако, мента, – неожиданно послышался голос Джеки Чана, и Рост похолодел. Выглянув из люка, он увидел, как сквозь кусты к Витьку и Джеки Чану направляются двое рослых патрульных. Недолго думая, он скатился обратно вниз, поймав перед этим недоуменный взгляд Витька. Перешагнув через тело бомжа и спотыкаясь о какой-то хлам, он пробрался к противоположной стене. Люк закрывали плотные заросли, и милиционеры не должны были его заметить. Жгут секунду прислушивался к голосам, затем кинулся к стене, туда, где притаился

Рост.

– Кто такие, документы, – послышался голос одного из патрульных.

– Да местные мы, та-рищ сержант, – заискивающе пробормотал Витек.

– Ага, тебя, кажись, уже доставляли. Колюще-режущее, наркотики?

Витек принужденно хохотнул, но Рост чувствовал по голосу, что его другу страшно.

– Командир, ну какие у нас наркотики? Был у меня раньше наркотик – жена, чтоб ей провалиться...

– Угу. А ты все тунеядствуешь, значит?

– Э... Никак нет, просто прописки нет...

– Ой, ты мне только не заливай... Документы?

– Дык, командир, ну какие у нашего брата документы? Сами знаете. Виктор Агафонов я, вы ж меня проверяли.

– Что, фраерок, наложил в штаны? – свистящим шепотом спросил Жгут. Рост чувствовал его дыхание, тяжелое и отвратительное даже в этом коллекторе.

– Ну, с тобой отдельный разговор, а это что за самурай? – продолжал милиционер. – Да еще в нашей форме. Как будто только что из Второй мировой появился, шпион, только кимоно и меча не хватает.

– Где погон-то оторвали, товарищ лейтенант? Или к тебе обращаться «товарищ шаулинь второго ранга»? – Это произнес второй милиционер, голос был низким, с хрипотцой.

– Он мой друг, у него документы украли, – попытался вступить за Джеки Чана Витек, но первый мент его перебил:

– Конечно, документы и деньги украли, и дом у него в Китае сгорел, а сюда он приехал на операцию. В милицию устраиваться. Только сапоги казенные где-то проебал, вот в резиновых и ходит. Слышали.

– Моя не Китай. Моя бурят, – раздался гордый голос Джеки Чана.

– Один хер, – сказал второй мент – ему были явно неинтересны корни Джеки Чана.

– Моя честный, – добавил уже менее уверенно Джеки Чан, и первый мент рассмеялся:

– Что же ты, такой честный, сидишь на этой говенной свалке? Да еще в ментовской форме? Слышь, может, ему фуражку подарить? Или каску у спецназовцев одолжить? – продолжал издеваться патрульный.

– Документы – красть. Моя, однако, уехать нельзя, – гнул свою линию Джеки Чан.

– Ладно я, матерый хлопец, а у тебя почему очко трясется при виде мусоров, а? – не отставал Жгут, но Рост лишь плотнее сжал губы. Не хватало еще здесь устроить разборку.

Не дождавшись ответа, Жгут хмыкнул, вложив в этот звук все свое «ТЬФУ» к Росту, и потихоньку стал пробираться дальше.

– Тише ты, запалимся, – прошипел Рост, но зэк уже куда-то исчез. Какое-то время слышалось шуршание, затем все стихло. Зато через мгновение он услышал новые хлюпающие звуки. Они становились ближе. Бомж полз к нему. Хрустнул осколок стекла. Теперь к хлюпанью примешивалось болезненное сопение. Вонь стояла такая, что у Роста закололо в глазах, он зажал нос.

– Все, я понял. Ну что, грузить? – спрашивал тем временем милиционер с низким голосом у своего напарника.

– погоди, я, кажись, еще третьего видел.

Рост замер, стараясь не дышать. Сердце так колотилось, словно готово было выбраться на волю через уши и глотку. Он не знал, чего больше бояться – подползшего к нему вплотную живого трупа или ментов. Пожалуй, наверное, все-таки ментов.

– Нету никакого третьего, – угрюмо проговорил Витек. – Одни мы.

Рост решил, что как только все закончится, он расцелует Витька.

– Как это «нет»? – не поверил милиционер. – Зенки-то у меня пока на башке, а не на жопе, я все видел.

– Двое нас, – уперся Витек, и Рост подумал, что купит ему квартиру.

Между тем гниющий обрубок был уже на расстоянии вытянутой руки. Вытянув дрожащую клешню, он стал судорожно перебирать пальцами мусор, приближаясь к лицу Роста.

– А это что за дыра? Вы там живете? – спросил милиционер с низким голосом.

– Не, – ответил Витек. – Командир, отпустил бы ты нас, а? Мы трезвые, ты меня уже знаешь, этот бурятский хлопец порядочный бомж, никакого криминала за ним нет, я отвечаю. У меня самого... того... папаня тоже в ментовке когда-то работал.

Патрульные засмеялись.

– У-у-ы-ыыыыы!!.. – завыл бомж. Он приподнялся, и Рост увидел вблизи его лицо, которое до конца дней будет преследовать его во снах – кошмарную маску с болтающимися клочьями кожи.

Наверху что-то зашуршало, и стало совсем темно. Рост постарался слиться с полом, накрыв голову прокисшей картонной коробкой. Тут же он услышал шорох. Раздался звук, которого он боялся больше всего – глухой стук ботинок по лестнице. Значит, они решили спуститься вниз.

– Бля, а это что за явление? Фу, ну и вонь...

Раздался звук плевка, милиционер стал поспешно вылезать наружу.

– А говорите, третьего нет. Нехорошо врать сотрудникам милиции, товарищи бомжи.

– Да мы это... Боялись, заберете его, – послышался оправдывающийся голос Витька.

– Ага. Щас возьму его под мышку и понесу в отделение, отмывать.

– Г-гааааа! – захрипело существо. По всей видимости, оно поползло в обратную сторону. – Аааа-аааа-аа!!!

– Что с ним? – потребовал объяснений мент с низким голосом.

– По ходу, собаки грызли, – осторожно сказал Витек.

– Однако, мишин папа, – ввернул свою версию Джеки Чан.

– Чего?!

– Мышин, то есть папа мыши. Это он крысу имеет в виду, та-рищ сержант. Просто «крыса» ему трудно выговаривать, – охотно объяснил Витек. И вслед за этим завел старую пластинку:

– Товарищи милиционеры, ну отпустите... Христом-богом вас прошу.

В течение какого-то времени было тихо, вероятно, решалась судьба Витька и Джеки Чана.

– Лавандос есть?

Витек натужно засопел, будто у него был запор.

– Ну... типа есть немного.

Снова пауза, очевидно, Витька обыскивали.

– А ты что стоишь как пень, командир навозных куч?.. Погон-то пришей, а то коллеги засмеют.

Снова смех, ментов откровенно забавлял внешний вид Джеки Чана.

– Не, пусть на это место автомат повесит, тогда и погон пришивать не нужно. Прическа-то у тебя не по уставу... Как зовут?

– Джеки Чан, – последовал невозмутимый ответ, причем «Чан» было произнесено как «Цян». Взрыв хохота.

– Это у тебя так в паспорте раньше было написано, да? – покатывались менты. – А почему не Брюс Ли?

Немного успокоившись, они продолжили обыск.

– Выворачивай карманы, что ли... Во, а говоришь, немного. Ладно, хер с вами, идите, но

чтоб в городе я вас не видел. От вас, блядь, потом замучаешься отмываться, успевай блох ловить. Если в городе увижу – суну к пидорам, запаритесь слюнями очко друг другу смазывать.

– Все поняли, – покорно ответил Витек.

Потом все стихло.

Рост скинул с себя картонную коробку и поднялся на ноги. Кружок света наверху снова стал темным, и внутрь просунулась голова Витька.

– Геныч, Жгут, вылазьте. Они ушли.

Стараясь не наступить на валяющееся под ногами существо, Рост стал подниматься наружу. Он сгорал от стыда и злости к самому себе. Он, который воевал в Грозном, получивший орден Мужества, прячется, как таракан, в канализации рядом с умирающим бродягой!

– Че, натрухал в штаны? – весело спросил Витек, и Росту захотелось его обнять. – Геныч, нервы беречь надо. Видишь, все обошлось.

– Мента – кака, – гневно заявил Джеки Чан.

– Конечно, кака, Джеки Чан. Кака и пися, – как мог, успокаивал своего друга Витек. – А где Жгут?

Только сейчас все обратили внимание, что Жгут так и не появился наружу. Витек склонился над коллектором:

– Жгу-у-у-ут!

Тишина. Витек крикнул еще пару раз, затем повернулся к Росту:

– Геныч, ты его, часом, не завалил там внизу? Хе-хе, не обижайся. Все же знают, как вы любите друг друга, как кошка собаку...

Он пытался шутить, но лицо его было испуганным. Рост вздохнул и снова стал спускаться вниз.

– Может, он нашел какой-нибудь потайной лаз в страну гномов и сейчас пьет крепкий эль из деревянной кружки, – предположил он, ловя ногой ступеньку, но Витек даже не улыбнулся.

– Кричи, если что, – сказал он.

«Замечательный совет», – хмыкнул про себя Рост. Оказавшись внизу, он принялся обследовать помещение, стараясь не наступить при этом на бомжа, который к тому времени затих. Рост включил зажигалку и увидел, что слева от того места, где прятался он, у самого пола расположен лаз круглой формы, достаточный для того, чтобы в него пролез человек.

– Тут внизу есть какой-то ход! – крикнул он.

– И чего? – послышался осторожный голос Витька.

– Попробую пролезть и узнать, что там, – буркнул Рост, становясь на четвереньки. – Жгут! – позвал он, но в ответ – лишь липкая тишина. Ползти было неудобно, колени моментально намокли. Через несколько метров он увидел, что лаз обрывается, впереди сплошная темнота, и двигаться дальше без фонаря будет просто опасно.

– Жгут!

Никакого ответа. Куда же он делся?

Он начал пятиться назад, как вдруг до слуха донесся едва слышный вздох. Рост замер.

– Жгут?

– Аааа.

Он зажег зажигалку и посветил вниз. Голос шел оттуда.

– Жгут, ты где? – крикнул Рост.

Опять молчание, затем болезненный стон. Точно, он внизу. Брякнулся, когда, в предвкушении найти гигантского паука, полз по этой чертовой трубе. Рост посветил зажигалкой – вниз уходили ступеньки, представлявшие собой изъеденные ржавчиной скобы, вбитые в бетон. Но то, что происходило внизу, разглядеть было невозможно, и Рост начал спуск.

– Жгут, ты цел?

– Фраерок... помоги, не будь сукой, – простонал где-то в темноте зэк, и Рост ухмыльнулся. Странные все-таки эти люди, бывшие уголовники. Ну почему нужно говорить: «Помоги, не будь сукой», когда можно сказать: «Помоги, будь другом»?

– Пузо... зацепил за что-то, болит... И котелок трещит, – отрывисто сказал Жгут, и наконец Рост смог рассмотреть тело зэка.

– Пузо ладно, руки-ноги в порядке? – спросил Рост.

– Хер его знает.

– Подняться можешь?

К его удивлению, Жгут довольно бодро вскочил на ноги, будто бы хотел разыграть Роста.

– Чего тебя занесло сюда?

– Да так, – ответил Жгут. – Ползу-ползу, хоп! Ниче не помню.

– Ясно, – сказал Рост. У него неожиданно возникло ощущение, что здесь, под землей, за ними кто-то пристально наблюдает, и он почувствовал себя неуютно. Нужно скорее выбираться отсюда, а то, не ровен час, тот умирающий задохлик подползет к лазу и закроет своим телом проход в трубе... – Давай, лезь наверх.

Бормоча какие-то жаргонные словечки, Жгут полез наверх. Перед тем как последовать за ним, Рост посветил зажигалкой. Ничего необычного, такой же отсек, в котором он прятался от ментов... только еще одно круглое отверстие чернело прямо под ногами, только куда меньше, человеку туда уже не протиснуться.

– Ты че, Жгут, нашел время шутки шутить! – набросился на зэка Витек, когда они вылезли наружу.

– Все под контролем, – обронил Жгут, ощупывая голову. На грязном лбу красовалась шишка, из царапины проступила кровь.

– Покажи живот, – сказал Рост, и Жгут нехотя задрал полосатую рубашку.

– Хм... очень интересно, – сказал Витек. Рост промолчал.

Чуть выше пупка (не слишком чистого) краснело небольшое пятнышко размером больше пятака, чуть вспухшее, как от ожога. В центре едва виднелась темная точка, похожая на занозу.

Мимоходом Рост отметил одну деталь – ботинки Жгута (да и его тоже, только в меньшей степени) были облеплены серыми ошметками паутины.

Перед тем как уйти, Рост еще раз заглянул вниз. Несчастный бомж неподвижно лежал у лестницы, закинув ногу в спущенной штанине на первую перекладину лестницы, словно в последнем усилии пытался покинуть эту жуткое место. Даже сверху было видно, что он испустил дух.

Троица медленно побрела обратно.

Прохожие провожали удивленными взглядами странного парня. Лицо его было в ссадинах, один глаз заплыл, бровь представляла корку запекшийся крови. Но на лице играла счастливая улыбка, а из потрескавшихся губ лился какой-то незатейливый мотивчик.

Постановление о подписке о невыезде Юра выбросил там же, у здания ИВС. Скомкал и бросил мимо урны, как использованную салфетку.

Эти два дня он много думал. Времени оказалось достаточно, ему никто не мешал, бывший сокамерник, сопливый наркоман, постоянно ноющий по поводу дозняка, не в счет. Он знал, что рано или поздно его выпустят, и не потому, что был прекрасно осведомлен о ходе уголовного дела. Он чувствовал это.

Ему ужасно не хватало ангела. Сначала он был раскален от горя, раздавлен, как зазевавшаяся лягушка колесом автомобиля, зная, что, пока он сидит в камере, какая-то толстая пенсионерка кормит с ложечки Алису, в то время как это должен делать ОН. Есть не хотелось, спать тоже. ЖИТЬ? Он не знал четкого ответа на этот вопрос, но был уверен в одном – без Алисы смысла в его существовании точно нет.

Смешно, но у него даже возникали мысли о суициде. И хотя, перед тем как поместить Юру в изолятор, его тщательно обыскивали, заставляя приседать с голой задницей, видимо, в надежде, что оттуда выскочит какой-нибудь хитроумный набор отмычек, изъяли даже шнурки... но желание умереть поднялось столь велико, что он готов был перегрызть вены зубами. В тот момент, когда он уже собирался осуществить задуманное, к нему явился образ ангела. Крошечная, благоухающая ароматами весеннего леса, она перышком парила над ним, как волшебный эльф. Ангела окружало голубоватое облачко, протравленное тонкими серебристыми паутинками. Она словно плавала в большой объемной снежинке.

«Слу-у-ушай...»

Тихий, немного печальный голос звенел, как серебряная струнка. И он слушал, жадно слушал с улыбкой на изуродованном лице.

«Ничего не потеряно... Мы всегда будем вместе, как ты и хоте-е-е-л...»

Он протянул дрожащие руки, чтобы потрогать ангела, но они ушли в пустоту, а она счастливо засмеялась.

«Ты все еще любишь меня-я-а?!»

Любил ли он ее? Да он готов свою жизнь отдать! Только вот кому она нужна, его жизнь...

Ангел вскоре исчезла, но ее божественный голос еще долго звенел в мозгу Юры.

Затем у него была истерика. Это случилось после того, как ему все же удалось забыться тяжелым беспокойным сном. Во сне он снова оказался на кладбище, только погода была гораздо хуже – облака быстро съеживались, окрашиваясь в черный цвет, проливной дождь лил потоками. Но кроме погоды была еще одна страшная вещь – вместо Инны они хоронили Алису. И все знали об этом. Юре хотелось кричать, что здесь какая-то ужасная ошибка, что с ангелом все в порядке и она в больнице, но окружающие лишь украдкой обменивались загадочными улыбками, и его крик застрял в горле, которое внезапно сузилось до размеров миниатюрного клапана. Когда рабочие стали опускать гроб в яму, Юре показалось, что он слышит доносящееся изнутри слабое царапанье.

Он рванул к яме, скользя по мутной слякоти ботинками.

«Остановитесь! Ее нельзя хоронить! Она жива», – кричал он, но крик раздавался только в его голове, он ширился и раздувался все больше и больше, как гнойный нарыв, грозя разорвать черепную коробку. «Она жива! Она жива!»

Он прыгнул на опускающийся гроб, рабочие выронили ремни, и он с грохотом упал вниз. Царапающие звуки внутри усилились, и Юра забарабанил кулаками по крышке.

«Помогите!»

Неужели он услышал ее голос? Или ему померещилось?

«Помогите, пожалуйста!»

Голос прозвучал громче, хотя создавалось впечатление, что у говорящего чем-то забит рот.

Сдирая ногти, обезумевший Юра стал срывать крышку гроба. Сверкнула молния. В голове беспрестанно стучало: «Она жива, она жива, она жива!..»

Он проснулся от собственного жуткого крика, в холодной испарине, на грязной подушке отпечатался след от его взмокших волос.

Потом его забрали на допрос, но вместо этого очкарика-ботаника в камере для допросов сидели два квадратных мужика с короткими стрижками. Они нагло ухмылялись, один из них закрыл дверь... Допрос продолжался недолго, и примерно минут через пятнадцать его бесчувственное тело занесли обратно в камеру.

Юра вошел в квартиру. Странно, но она показалась ему совершенно чужой. Из кухни на трех лапах вылетел голодный Кляксич, раздражаясь гневным мяуканьем. Юноша подхватил кота на руки.

– Ну, все, все, – успокаивал он его, целуя в мягкую шерстку.

– Мяу! – обиженно сказал Кляксич, всем видом показывая, что подобное несправедливое отношение впредь он не намерен терпеть.

Пока он кормил Кляксича, позвонил Мика.

– Ты один? – вместо приветствия спросил он.

– Нет. С Кляксичем.

– Жди в гости, – бросил Мика.

Кляксич наелся от пуза и полез к водопроводному крану пить – он никогда не пил из миски, предпочитая только бегущую струю.

Юра внезапно испытал неизъяснимое желание снова взглянуть на свое оружие. Открыв тайник, достал знакомый сверток. Развернул, разложил предметы на столе – пистолет «Оса», перчатки с шипами и два ножа – его и Алекса. Он взял нож своего погибшего друга, взвешивая его в руке. Рукоятка почему-то казалась теплой, почти горячей, будто его только что держали в руке. Юра провел по лезвию большим пальцем. Слегка нажал. Кожа моментально разошлась, как занавес, из разреза выступили рубиновые бусинки крови. Юра одобрительно качнул головой – Алекс всегда точил нож перед каждой акцией, доводя лезвие до состояния бритвы.

Акции, операции... один хрен. Он вспомнил, как Алекс мечтал стать хирургом. Домечтался. Теперь он лежит в гробу с восковым лицом, замазанным ритуальным гримом, а в груди его сквозная дырка от куска арматурного прута. Юра медленно размазывал кровь по всему лезвию, пока полностью не закрасил нож в злой пурпурный цвет. Губы его тронула задумчивая улыбка. Нож Алекса выглядел голодным. Он это чувствовал всеми порами кожи. Не вытирая лезвие, Юра завернул все предметы и убрал сверток обратно в тайник.

Надо бы зайти к Алисе. Как она там, пушистый котенок? Он вспомнил, с каким выражением лица на него смотрела эта гребанная соседка Надежды, Анна-как-то-там-Иванна-или-еще-как. Нет, эта тетка точно его не пустит к ангелу.

Скоро пришли Мика с Жулей. На лбу Мики красовалась полоска пластыря. Жуля уже был слегка подшофе, в руках у него была литровая бутылка водки. На голову нелепо надвинута детская бейсболка, скрывающая повязку, причем создавалось впечатление, что под кепкой пряталась вторая голова. Они расположились на кухне.

– Клево тебя разукрасили, – восхищенно сказал Жуля, открывая консервы. – А мне вот жбан зашили... Сказали, на редкость крепкий череп. А я им – а вы как хотели, я им кокосовые орехи колоть могу... Болит, правда, еще.

– Как ты дырку свою объяснил? – поинтересовался Юра.

– А... Сказал, по пьяни на стройке ссал, не удержался и в яму брякнулся. Ну как там в тюряге-то, а?

– Без тебя плохо, – отозвался Юра, доставая из шкафа рюмки.

– Ха-ха! – залился смехом Жуля. – Плохо, говоришь?

Мика подождал, пока Юра разольет водку, и сказал:

– Чего делать будем, Гюрза?

Юра поднял рюмку.

– Помянем Алекса.

Они выпили. Жуля подцепил вилкой шпротину и положил ее на хлеб.

– Никто о вас в ментовке не знает, – промолвил Юра. – Так что можете спать спокойно.

– Это если Нелли будет молчать, – вставил Мика. – Как прошли похороны? – после небольшой паузы спросил он. Жуля изменился в лице, нахмутив брови.

– Похороны как похороны.

– А ты почему не пошел? – спросил Жуля у Мики.

– Почему-почему... Куда такой толпой светиться, да еще с моим лбом? Соображать надо, Жуля.

– Да уж куда мне, свиным рылом, – Жуля передернул плечами, словно вспомнил что-то неприятное.

– Гюрза, ты не ответил. Как дальше жить будем? – проговорил с нажимом Мика. Он положил руки на стол. Юра заметил, что болячки на его костяшках исчезли.

– А что ты хочешь услышать? – усмехнулся он, сажая к себе на колени Кляксича. Тот завозился, устраиваясь поудобнее. Когда кот принял более или менее удобную позу, его огромные глаза с любопытством уставились на гостей.

– Я читаю газеты. Ты в курсе, что теперь чуть ли не каждый бомж, даже сдохший от паленой водяры, приписывается нам?

– Ну и что? – казалось, Гюрза вообще не слышал Мику и рассеянно почесывал за ушами у Кляксича. Кот жмурился от удовольствия, вытягивая толстую плюшевую шею, длинные усы подрагивали от наслаждения.

– Парни, я пас, – сказал Жуля, постукивая ногтем по рюмке. – Все, бля, с меня хватит. Сначала Алекс, сейчас у Нелли башню срывает... Менты че-то зашевелились. Не, все, решено.

– А ты? – Мика в упор смотрел на Юру.

– А я женюсь, – с улыбкой сказал Юра, но от его улыбки почему-то всем стало неуютно.

– Э-э... – промычал Жуля, переводя ошалелый взгляд с него на Мику. – Че, правда?

– Я когда-нибудь шутил с тобой, Андрей? – спросил серьезным тоном Юра.

– И кто она? – с недоверием спросил Мика.

– Самая лучшая, – прошептал Юра.

В воздухе повисла неловкая пауза.

Мика неожиданно обнаружил, что глаза Гюрзы постоянно меняются. Нет, он не сошел с ума и еще не напился до степени Жули и отлично понимал, что это физически невозможно... Но он верил своему зрению – из обычных голубых они внезапно становились ярко-оранжевыми, причем зрачки словно растворялись в необыкновенном огненном пламени, как куски масла на раскаленной сковородке, а потом вдруг их накрывала черная пелена, будто внутри Гюрзы наступала ночь.

– Я пойду, – Мика стал вылезать из-за стола. – Ты знаешь, как меня найти.

– Знаю, – согласился Юра, продолжая забавляться с Кляксичем. – Пока.

– А можно я еще посижу? – подал голос Жуля. С одной стороны, он видел, что с Гюрзой определенно творится что-то не то, но с другой, – у него так уютно... да и в бутылке еще почти половина осталась.

– Сиди, кто тебя гонит, – сказал Юра. Жуля обратил внимание, что тот к закуске вообще не притронулся.

«Ну и ладно, мне больше достанется», – решил Жуля и стал наполнять рюмки. Рука его дрожала, и это ему не понравилось.

– Ты правильно решил, Андрей, – сказал Юра. Кляксич уже спал на его коленях, свернувшись могучим калачом. – Я про акции.

– Ах, ты об этом, – Жуля выпил, не чокаясь, и сунул в рот кусок хлеба с плавленым сыром. – Эти акции-х...якции у меня уже в жопе сидят, хуже геморроя, – с набитым ртом продолжал он. Однако следующая фраза Юры поразила его.

– Я бы на твоём месте вообще уехал из Москвы, – тускло сказал он. – Плохо здесь, Андрюха. Придя в себя, Жуля дожевывал бутерброд:

– Че-то ты странный стал, Гюрза. Пить не хочешь, жрать тоже... Так и до своей свадьбы не доживешь.

Жуля не узнавал своего приятеля – сидит как пень, скукожился и смотрит в одну точку. Он решил не приставать к нему с расспросами и налег на водку. Минут через пятнадцать он уже был, как говорится, в кондиции. Однако молчание Гюрзы становилось невыносимым, и Жуля отважился нарушить затянувшуюся паузу:

– Жаль, что так получилось с Алексом. И ты в тюряге парился, не нравится мне все это. Ты же юрист, че, отмазаться не смог от мусоров?

Гюрза развел руками и показал на свое фиолетовое, в желтеющих синяках лицо.

– Ну, уж извини, не шмогла.

Жуля, казалось, не заметил сарказма.

– А знаешь, почему я передумал с вами ходить на акции? – он уставился на Юру осовелыми глазами. Юра видел, что белки его друга были все в красных прожилках. – Эх, Гюрза, Гюрза, – Жуля снял рубашку, оставшись в одной майке. Под мышками темнели два полукруга пота. – Никому не говорил... только тебе, как старому другу.

Жуля подвинул табуретку ближе к столу.

– Знаешь, когда мне было лет пять, моя матушка отвезла меня к деду в деревню, под Рязань. Было круто, речка там и все такое, малышня, телки маленькие с плоскими сиськами и так далее. Так вот, вечером, когда мы разжигали рядом с домом костер, было самое клевое время. Мы рассказывали страшилки, ну, ты знаешь, про зеленые глаза, черные перчатки и прочее. Так вот, ни хрена мне страшно не было, наоборот, все на «ха-ха» пробивало. А была среди нас одна девчонка, ну прямо Дюймовочка – дунешь, улетит на Луну... Глазищи огромные, сама бледненькая, прям как дохленькая, и косички, будто усики у таракана... У таракана усики, а у чувихи трусики, хе-хе... Так вот, она всегда молчала, только губки так поджимала с видом «Эй-эй, ребятки, все это бабушкины сказки, не верю ни единому слову», и все такое.

Жуля продолжал.

– И вот однажды, дня за два, как мне уже уезжать надо, она наконец открыла рот. Гюрза, бля буду, сказка есть сказка, но после ее истории я еле до дома добрался, по дороге свои штаны в полосочку чуть не обдристал. Да и вся мелюзга тряслась от страха, как горох в банке, когда она рассказывала. Сидит так прямо, будто палку проглотила, как монашка, зырит куда-то в темноту и вещает монотонно, типа молитвы читает. Знаешь, я как вспомню, до сих пор в дрожь бросает.

Неожиданно в квартире погас свет.

– Не бойся, Андрей, – сказал Юра. – Это иногда бывает, свет скоро включат. Продолжай.

– Э-э... Хм... – Жуле вдруг стало страшновато. Мало того, что он окунулся не в слишком приятные воспоминания, а тут еще Гюрза с остекленевшим взглядом, да и свет в придачу вырубил. Он протянул дрожащую руку и нащупал гладкую прохладную поверхность бутылки. Решив, что наливать в рюмку рискованно, он глотнул прямо из горлышка.

– В общем, фишка следующая. Жил-был мальчик с мамой. Жил, не тужил, и однажды мама купила книжку. Большую, тяжелую, черного цвета. Мальчику было интересно, что это за книжка, и он стал просить маму почитать. Но мама все время отказывалась и говорила, что мальчику еще рано читать такие вещи. И каждый раз уходила на работу, а мальчик оставался дома. – Тут Жуля увидел нечто, отчего глаза его превратились в две заглавные буквы О. Гюрза гладил кота, задремавшего у него на коленях, и от шерсти вылетали крохотные искорки статического электричества. Такого чуда ему никогда раньше не приходилось видеть. Гюрза словно гладил чистое ночное небо, и звезды сыпались между его пальцев.

– Ну, что замолчал? Я тебя внимательно слушаю, – терпеливо произнес Гюрза.

– Э... Ну, короче, – промямлил Жуля. – Однажды этот мальчик не выдержал. Он подсмотрел, куда мама кладет ключ от шкафа, где прятала эту странную книжку, и, когда ее не было дома, взял ключ. Он вытащил книжку и пролистал почти всю ее, но ничего интересного так и не нашел, как вдруг увидел, что последняя страница склеилась, знаешь, как у новых книг. Так вот, на последней странице была картинка. Очень страшная картинка.

Жуля замолчал, очевидно, вспоминая в деталях свои первые ощущения от этого рассказа.

– Там была нарисована злая ведьма, она стояла в лесу. Волосы торчат, нос загогулиной, и хитро так улыбается. И руки расставила в стороны, будто обнять хочет. Мальчик заплакал и закрыл книжку. Сначала он хотел ее вообще выбросить, но испугался, что его будет мама ругать.

Гюрза молча слушал, и Жуле стало казаться, что он уснул, как и его кот. Внезапно его посетила мысль – а не слинять ли отсюда? Уж больно некомфортная обстановка...

Вместе с тем он не мог уже остановиться – слова вдруг посыпались из него, как крупа из дырявого пакета.

– Каждую ночь ему снилась эта злая бабка, он пытался забыть о ней, но все напрасно. Мама не могла ничего понять. Однажды она снова задержалась на работе, и мальчик полез в шкаф. Он не понимал, что с ним происходит – будто кто-то управлял им. Так вот, когда он открыл последнюю страницу, то увидел, что ведьма уже стоит не в лесу, а на трассе. Мимо несутся машины, горят фонари, а она стоит и смотрит прямо на него. Смотрит и улыбается. Мальчик снова испугался, но опять ничего не стал говорить маме. Прошел год, и он опять вспомнил про книжку. Он уже понимал, что она плохая и ее нельзя открывать, но ноги сами понесли его к шкафу. Что же он увидел? Страницы книги были в красных пятнах, похожих на кровь, а ведьма стояла на его улице! Она хохотала и тянулась своими скрюченными руками к мальчику, а изо рта торчали звериные клыки. Мальчик понял, что если он и дальше будет открывать эту ужасную книгу, то ведьма будет все ближе и ближе!

И вот прошло пять лет, он учился в школе. Мама уже не прятала ключ от шкафа, и мальчик (тьфу, уже парень), доставая из шкафа зимние ботинки, случайно и открыл книгу. Растрепанная ведьма стояла на его лестничной площадке, и в темноте сверкали ее злые глаза. Все остальные страницы были стухшими и воняли дохлыми мышами. Парень решил выкинуть эту книгу. Но в квартиру вошла мама. Она говорила, но рот и глаза ее не двигались, словно прикрытые маской. На руках ее были перчатки. Когда она ложилась спать, парень подсмотрел и увидел, как мать сняла с себя перчатки и обнажились кривые коричневые пальцы с длинными когтями. А потом она сняла маску, и парень закричал – это была та самая ведьма. Старуха услышала крик и пошла

к парню. А тот грохнулся в обморок.

Жуля замолчал. Молчал и Гюрза, искры больше не сыпались от кота. Жуля поболтал бутылку – она была пуста.

– Больше ни парня, ни его мамы (или ведьмы?) никто не видел. Из квартиры стало вонять, и жильцы вызвали ментов. Когда, с помощью участкового, открыли дверь, то увидели, что квартира заросла мхом и грязью. А посреди комнаты валялась книжка. Мент открыл ее и на последней странице увидел кладбище, а на нем крест с фотографией этого мальчика.

Закончив рассказ, Жуля с удивлением обнаружил, что почти трезв. Через минуту включили свет, и он облегченно вздохнул.

Гюрза сидел, глядя прямо перед собой. Кляксич зевнул, показав розовую глотку с острыми клыками, и снова опустил голову на толстые лапы.

– Кладбище, говоришь? – задумчиво проговорил Гюрза.

– Ага, – сказал Жуля. Он был так рад появившемуся свету, как ликовал бы заключенный, увидев торчащий из скважины замка его камеры ключ, который забыл рассеянный тюремщик.

– Ладно, мне пора... – заторопился он, поднимаясь из-за стола.

– Ты не сказал, почему ты передумал участвовать в акциях, – тихо сказал Гюрза.

Жуля проглотил подкатившийся к горлу комок.

– Да, сказка и в самом деле страшная, но какое это имеет отношение к тебе, а, Жуля? – Гюрза пристально посмотрел на него, и юноша смутился. С другой стороны, он не мог не заметить, что взгляд у Гюрзы стал более осмысленным, и он больше не называет его Андреем.

– Да так... Просто душу хотел отвести, – сконфуженно пробубнил он. Ему не терпелось уйти, но Гюрза словно гипнотизировал его. Как змея.

Вдруг Гюрза рассмеялся. И странно было слышать этот смех, нерадостный и бесцветный, как суховей, несущийся по выжженной солнцем пустыне.

– Ох, Жуля... сказочник. Ладно, – подытожил он. – Звони, если что.

Жуля метнулся к двери. Выскочив на улицу, он вдохнул ночной воздух и довольно крикнул. Хорошо, что он не стал откровенничать с Гюрзой, он точно счел бы его за психа. Он бы никогда не признался, даже собственной матери, какой сон ему приснился вчера.

Ведьма из сказки, она стояла у кровати Жули, хрипло хохотала и кричала, что она скоро их всех съест. Сожрет вместе с одеждой и ботинками, разорвет кишки, разгрызет их кости и высосет костный мозг. «Их» – это его, Гюрзу, Мику и Нелли. Он проснулся, задыхаясь от собственного вопля. Голова кружилась, и он рванул в туалет, где его вырвало. Больше в ту ночь он не спал.

Ближе к вечеру Рост снова сходил на трассу к фурам, однако его ждала очередная неудача – мистического Сашка, который якобы мотается к нему на родину, опять не было, хотя один из водителей заметил, что он периодически появляется на час, причем вдрызг пьяный. Последнее известие заставило Роста задуматься о целесообразности своей затеи – что ж это за водитель, который постоянно бухает? Однако дальнбойщик его «успокоил», сказав, что Сашок водила отменный, просто после каждой поездки отрываться по полной для него обычное явление. К тому же, по некоторым сведениям, через несколько дней у Сашка намечается новый заказ. Рост ушел, его одолевали сомнения. Может, плюнуть на эту идею и попытаться выбраться другим способом? Однако новых идей не было, да и откуда им взяться, если он вот уже почти три недели живет на помойке, как крыса, и никаких знакомых, кроме опустившихся бомжей, у него нет?

Когда он вернулся, дома находились все, кроме Джеки Чана. Даша занималась готовкой – резала салат из капусты и редиски. Рост открыл для себя, что эта неприметная женщина стала выглядеть несколько иначе – оживилась, посвежела. Однако взгляды, которыми она одаривала Роста, не становились менее странными. Первой мыслью Роста было то, что она могла видеть, как он ходит к своему тайнику. Когда Жгут еще где-то шляется, а эти многозначительные взгляды стали уже настолько откровенными, что их стали замечать Витек с Кешей, Рост не выдержал.

– Что происходит, Даша? – как можно вежливее спросил он. Про себя он лихорадочно думал, как бы правдоподобней объяснить свои отлучки, а самое главное – тайник, если она все-таки видела его.

– Надо поговорить, – сказала Даша и пошла за дом. Рост, стараясь не наступить на болтающегося под ногами Черномырдина, направился за женщиной.

– Ну, в чем дело? – прямо спросил он, когда она развернулась.

– Тебя ведь не Гена зовут. Правда? – она испытующе посмотрела на Роста, и тот понял, что врать бесполезно. Тем не менее от прямого ответа он уклонился:

– Допустим. Что дальше?

– Мне кажется, тебя сегодня искали, – медленно проговорила Даша. Разговаривая, она поворачивала лицо таким образом, чтобы Рост не мог увидеть ее зубы, один из которых отсутствовал, и Росту стало жаль эту маленькую женщину. Между тем все его внутренности собрались в тугий узел – кто искал, как? Неужели на него вышли менты?

Однако все оказалось куда хуже.

С самого утра Даша собирала бутылки, и когда набралось два мешка, она отправилась к приемному пункту. Когда она возвращалась обратно, неподалеку от свалки остановилась какая-то машина. Марку Даша не знает – не разбирается в этом, номер тоже не запомнила. Но машина была явно дорогая, и не отечественная, это она поняла сразу, и она не понравилась Даше – большая и черная, как гроб. Из машины вылез высокий бритоголовый мужчина. Он окликнул Дашу и, брезгливо переступая ногами по мусору, направился напрямик к ней. На нем были светлые джинсы с вытертыми коленями, как сейчас модно, и облегающая футболка, под которой угадывалось сильное тренированное тело.

– Ты здесь живешь? – без предисловия начал он, и Даша испуганно закивала – этот верзила внушал ей неосознанный страх.

– Давно? – мужчина полез в задний карман джинсов.

– Месяца два, – не поднимая глаз, ответила она.

– Видела вот этого? Его Ростислав зовут, – он приблизил к ее лицу слегка мятую фотографию. Даша нерешительно взглянула на фото. На нее пристально смотрел молодой человек лет тридцати с темными густыми волосами, глаза немного прищурены. Лицо определенно знакомое... Нет, не может быть!

Крепыш в джинсах внимательно следил за реакцией женщины.

– Ну? – требовательно спросил он, устав ждать. – Че молчишь, швабра? Язык в жопу провалился?

– Нет. Я всех здесь знаю, – покачала головой Даша, чувствуя, как начали предательски дрожать ноги. Главное – не смотреть в глаза этому молодчику, от которого уже прямо-таки волнами исходила агрессия, а она совершенно не умеет врать. – Этого ни разу не видела.

Уже позже она пыталась понять, зачем солгала. У человека, разговаривающего с ней, на лбу крупными буквами пульсировало, что он обычный бандит, и она поняла, что при встрече с ним ничего хорошего Росту не светит. Во всяком случае, обсуждать они будут не погоду.

– Точно не видела? Смотри внимательнее, – мужчина взял ее за подбородок большим и указательным пальцами и сильно сжал. Даша вскрикнула от боли, глаза наполнились слезами.

– Я его не знаю, честное слово! – со слезами на глазах крикнула она, пытаясь вырваться. Верзила не спеша убрал фотографию обратно в карман.

– Смотри, шалава. Узнаю, что ты мне тут фуфло толкала, ноги вырву и солью присыплю, поняла?!

Не помня себя от охватившей паники, Даша согласно затрясла головой. С мерзкой ухмылкой на губах крепыш вернулся к машине. Даша не стала дожидаться, пока она уедет, и поспешила ретироваться.

– Я сразу узнала тебя на фото. У тебя красивое имя, – сказала Даша, закончив свой рассказ. – Это действительно твое имя?

– Да, – ответил Рост. Какой смысл играть в прятки дальше? Теперь он несколько не сомневался, что с Дашей беседовал один из людей Квадрата. Значит, его все-таки вычислили. Но как?!

– Так за что тебя ищут? Или это секрет? – тихо спросила Даша.

Рост осторожно взял женщину за плечи.

– Даша, всему свое время. Лучше скажи, почему ты меня выгораживала? Ты уж извини, но я не понимаю. В конце концов, ты рисковала.

Женщина повернула к нему лицо.

– Не догадываешься? – едва слышно спросила она. Рост встретился с ее глазами и все понял.

«Господи, да она влюбилась в меня», – ошеломленно думал он, глядя на показавшиеся в уголках ее глаз слезы. Не думая о последствиях, он обнял Дашу. Странно, но от нее почти не ощущалось неприятного запаха, которым пропитались все остальные члены их маленькой общины.

– Я боюсь Антона, – прошептала она. – Он стал другим.

Даша обняла Роста, крепко прижавшись к нему, и он почувствовал ее сильное упругое тело.

– Ты молодец, – сказал Рост, не зная, что еще обычно говорят в таких случаях. С другой стороны, он совершенно не имел представления, как вести себя дальше. Баба она, конечно, не уродина, хоть и бомжиха, но что с ней делать? Да еще в положении Роста? Не потащит же он ее с собой на Украину?

– Господа, мы собираемся ужинать, – раздался позади голос Кеши. Рост резко обернулся, но лицо Кеши было самой Невозмутимостью.

За ужином Даша старалась сесть поближе к Росту, и он видел, что на ее поведение обратили

внимание все остальные. Лишь, как всегда, хладнокровный и бесстрастный Джеки Чан аккуратно разливал водку (после того, как Рост купил пластиковые стаканчики, все стали пить только из них, и Рост считал это великим достижением). Жгут снова всех удивил – сославшись на плохое самочувствие, он ушел в дом. Витек потом признался, что не помнит такого случая, чтобы Жгут отказался «лакирнуть», хоть у него ноги с руками поотрывали бы.

Когда ужин был закончен, Витек отозвал Роста в сторону.

– Слышь, ты это... – начал он и тут же смутился. Рост видел, что бомж нервничает.

– Ну, Витек, не буксуй, – подбодрил его Рост, прекрасно зная, о чем пойдет речь.

– Ты зря шашни с Дашкой крутишь, – сказал бомж, глядя в сторону. – Жгут любого на части порвет, ты не смотри, что тогда ему рыло начистил. Когда дело касается его бабы, он звереет. Даже не вспомнит, что ты тогда его из канализации вытащил.

– Какие шашни? – округлил глаза Рост, и это было правдой. Ему стало смешно, ну детский сад, в натуре, как сказал бы сам Жгут. – Витек, ты о чем?

– Короче, я тебя предупредил.

Витек собрался уходить, но Рост схватил его за руку.

– Подожди. Ты все о них знаешь. Я ведь вижу, что это не пара. Он бьет ее?

– Предположим. Ну и что? – Витек пренебрежительно прищурился. – Тебе-то что?

Рост медлил с ответом. Действительно, ему-то что? Будто у него своих проблем нет. Тем более, он и сам видел, что Жгут частенько распускал руки – об этом свидетельствовали свежие синяки и царапины на руках Даши, хотя на все расспросы Роста об их происхождении она отвечала упорным молчанием.

– Бабу жалко, вот что, – сказал Рост. – И пусть еще раз попробует тронуть, я ему башку откручу и в трусы засуну.

Витек с изумлением уставился на Роста широко раскрытыми глазами, и Рост понял, что мысль вступить за несчастную женщину никогда не приходила ему в голову. Росту стало противно.

– Вот оно что, – вполголоса проговорил Витек, пожевав губами. – Значица, все-таки...

– Все-таки! – вспылil Рост, сам удивляясь поднимающемуся изнутри гневу. – Дрюня гнил заживо – все нормально, пацаны, само пройдет! А не пройдет – да и хрен с ним, одним ртом меньше! Дашу какое-то чмо уголовное как боксерскую грушу использует – порядок, пацаны, все ништяк!

Витек слушал, насупившись. Он обдумывал слова Роста, и вид у него был недовольный.

– Геныч, ты одну вещь упустил, – сказал он, подбирая нужные слова. – Мы так живем. И будем жить. Мы, а не ты, и я тебя к нам не звал, сечешь? Забыл нашу встречу?

– Да, ты прав, – произнес Рост, убирая со лба волосы. – Могу уйти прямо сейчас, если напрягаю.

– Нет, браток, ты не понял, и дело не в напряге. Просто ты путаешь кое-что. Ты – это ты. А мы – другое дело. Ты пришел и ушел, все, а мы останемся. Мы разные, Геныч, и ничьей вины в том нет. Ты ничего не изменишь, точно тебе говорю. Просто сытый голодному не товарищ, слышал?

Рост хотел расхохотаться, но вовремя сдержался. Это он-то сытый?

Витек строго посмотрел на него.

– И хотя ты с нами уже три недели, ты никогда не будешь таким, как мы. По правде говоря, ни хера я не верю твоей байке про твою жену. Такой черт, как ты, сам обломает кого хочешь, а ты говоришь – баба выгнала из дома... Да если бы такое случилось, ты бы ее вместе с хахалем в отбивную из говна превратил, а потом в бетон закатал, а сверху пописал. А твои бабки? За Дрюню, конечно, спасибо, но извини, Геныч, бомж и лавандос – понятия несовместимые, тем

более, когда лавандоса до хрена, как у тебя. Да ты гостиницу снять мог, а не здесь, в говне сидеть. И не надо мне втирать про твои заначки...

Витек разошелся не на шутку, и Рост понял, что к данному разговору он готовился не один день.

Выдержав паузу, Витек сказал, глядя Росту прямо в глаза:

– Да, кое-что еще, раз уж такая тема пошла. Думаю, тебе будет интересно узнать. Открою тебе секрет, коль Жгут нас не слышит, – он тебя вальнуть ночью хотел. И поверь, если б за тебя я и Джеки Чан не вписались (Кешка не в счет), то валялся бы ты сейчас с вилкой в пузе в яме с говном и кормил бы навозных мух.

Рост молчал. Это не было для него новостью, он никогда не забудет, как сверкали глаза у бывшего зэка при виде денег, которые Рост передавал Витьку. Вот она, благодарность.

– И потом, – Витек вытер пот с виска – он явно хотел выговориться до конца. – Бабки бабками, ладно, но одно я знаю точно – тебя ищут менты. И уж наверно, не за просроченную регистрацию и ссанье в неположенном месте. Почему ты тогда в дырке спрятался? Прыгнул так, будто говно в жопе закипело. Ладно Жгут – у него одних ходок штук шесть, а ты? Ментов боишься, а сам вечерами куда-то ходишь... Лучше бы Дрюню навестил, благодетель.

После сказанной фразы Витек замолк, на всякий случай отодвинулся от Роста подальше, чувствуя, что переборщил. Но Рост молчал, только странная улыбка коснулась его губ. Витек развел руками.

– Типа, каждый остается при своем, Геныч?

– Все в норме, Витек.

Через час Рост был на трассе. На этот раз ему повезло – Сашок был на месте. Им оказался нескладный мужичок лет сорока с маленькими кривыми ногами «двадцать лет в кавалерии» и непомерно большими, мускулистыми руками, словно всю свою сознательную жизнь он занимался армрестлингом, причем не слезая с лошади.

Одет он был в изношенный комбинезон, сплошь залитый маслом, да так, что истинный его цвет угадывался только по изнанке. На ногах – пыльные стоптанные кирзачи, которые Сашку были явно велики, потому что он постоянно шаркал, мерзко цокая металлическими набойками. На голове – сидящая набекрень засаленная тубетейка, которая каким-то чудом держалась на затылке дальнбойщика. Общая картина, вдобавок к которой можно отнести мощный бензиновый запах, разбавленный перегаром, складывалась не очень впечатляющая: Сашок выглядел как обыкновенный бомж, который ко всему прочему был вдребезги пьян.

Впрочем, других вариантов у Роста не намечалось, и он скрепя сердце изложил Сашку свою просьбу. На удивление, они договорились быстро. Сашку было плевать, кто такой Рост и откуда он, его совершенно не интересовало, зачем ему нужно на Украину, создавалось впечатление, что таких, как Рост, он возит в Незалежную чуть ли не каждую неделю. Свою фуру он ласково называл Говновонялкой, при этом на его небритом лице появлялось такое умиротворенное выражение, словно он испытывал мощнейший оргазм.

– Сейчас у меня выходные, – раз в десятый сообщал он Росту, словно наличие у человека свободных дней являлось чем-то из ряда вон выходящим. При этом он многозначительно подмигивал обоими глазами по очереди. – Выдвигаюсь через три дня. То бишь, э-э-э... – Сашок задумался, сгибая и разгибая пальцы, перепачканные машинным маслом. Задача оказалась сложной, и на помощь пришел Рост. – Точно, в субботу. В шесть утра, прямо здесь. Вон, видишь мою Говновонялку?

Рост кивнул.

– Пошли, посмотришь, – в голосе Сашка проскользнули хвастливые нотки.

– Да я и отсюда отлично вижу, – отнекивался Рост, но Сашок был непоколебим.

– Да ты никогда таких не видел, хлопчик, – у Сашка был такой вид, словно речь шла о его любимой девушке. Они подошли к машине, которая вблизи оказалась куда грязней самого Сашка.

– Она меня никогда не подводила, – дальнобойщик нежно погладил по двери, заскорузлой от присохшей грязи. В самом низу ее, по толстому налету пыли было коряво выведено: «Минты пидарасы». Сашок проследил за взглядом Роста и гневно топнул кирзачом:

– Сосунки херовы, уже раз пятый пишут... И заметь, только у меня.

Последнее прозвучало, будто Сашок испытывал чувство гордости за свой грузовик. Он постучал кирзачом по колесу, после чего обернулся и подмигнул Росту.

– Знаешь, почему дальнобойщики всегда ногой по колесам стучат?

Рост отрицательно покачал головой.

– Чтобы яйца от ляжки отлипли, – сказал Сашок, и, не дожидаясь реакции Роста, оглушительно захохотал, брызгая слюной, так что Росту пришлось отвернуться. Сашок разевал рот так широко, что, казалось, еще немного и его голова сейчас развалится пополам. Тюбетейка, непостижимым образом сидящая на голове Сашка, при этом забавно подпрыгивала в такт, словно веселясь вместе с хозяином. Закончив смеяться, Сашок проговорил:

– Ладно, давай ближе к делу. В субботу, в шесть утра. Смотри, опоздаешь хоть на пять минут, уеду. У нас пунктуальность – прежде всего, – с суровым видом заметил он, и было немного странно слышать от еле стоящего на ногах пьяного мужика, одетого как оборванец, о важности быть пунктуальным.

Оставался еще один, не менее важный вопрос.

– Сколько? – спросил Рост.

Сашок задрал рукав грязной рубашки и с глуповатым видом уставился на часы.

– Я имею в виду деньги. Сколько возьмешь за проезд? – спросил Рост, едва сдерживая смех.

– А-а. А скоко дашь? – Сашок отвернул рукав обратно и хитро взглянул на Роста.

– Двести, – наобум ляпнул Рост, не имея совершенно никакого представления о том, сколько в действительности может стоить подобная услуга. – Баксов, разумеется.

– Триста, – выпалил Сашок, ковыряясь в носу. Рост сделал вид, будто тщательно обдумывает названную сумму.

– Договорились, – сказал он после минутной паузы, когда Сашок уже начал проявлять беспокойство.

«А если все пройдет нормально, дам все пятьсот», – про себя подумал Рост. Его все еще смущал внешний вид Сашка, но отступать было некуда.

– Вот еще что, – сказал Сашок, вспомнив что-то. Он уже не улыбался. – Если какая проверка в дороге – выпутывайся сам. Я тебя не знаю, подобрал где-то, и все дела. Документы-то в порядке?

– Ага, – сказал Рост.

Он вернулся, когда уже окончательно стемнело. Витек пытливо посмотрел на него, но Рост не беспокоился – пусть думает, что хочет. Еще пару дней, и его здесь не будет. Росту с трудом верилось, что скоро все закончится. Он привычно улегся на тряпье, вспоминая встречу с Сашком. Тюбетейка, Говновонялка. Да, тот еще тип. Теперь вся его жизнь зависела от этого кривоногого мужичка со ртом, как у бегемота.

Из дома выгребли Жгут с Витьком и, о чем-то взволнованно переговариваясь, отошли подальше. Росту не был слышен их разговор, да, в общем-то, плевать он хотел на чужие секреты. Спать не хотелось, и он решил еще немного посидеть у костра.

Мимо прошла Даша, бросив на него робкий взгляд. При мысли о ней сердце Роста словно сдавила чья-то безжалостная рука. Боже, ей всего-то тридцать с небольшим, а что ее ждет? Жилья нет, детей нет, работы нет, даже надежного мужика рядом нет. Жгут не в счет, тем более, его в лучшем случае снова посадят либо убьют в пьяной драке. Рост одернул себя, пытаюсь избавиться от этих мыслей – скоро он покинет эту помойку навсегда, и нечего забивать себе башку ненужными переживаниями. Правда, нужно заранее предупредить Витька... может, денег оставить.

– Геныч, можно тебя? – позвал вдруг его Витек. Рост направился к бомжам.

Витек медлил, словно не знал, с чего начать. Рост неожиданно обратил внимание, как изменился Жгут – у него словно внезапно сели все жизненно важные батарейки. Взгляд потухший, лицо, и без того желтое из-за больных почек, стало землистым, длинные руки бессильно болтаются, как старые канаты.

– Жгут заболел, – сказал Витек после паузы и посмотрел на зэка.

– Ладно тебе, чего этот фраерок может, – процедил Жгут, избегая встречаться взглядом с Ростом.

– Что случилось?

Жгут еще долго хмыкал и гыкал, после чего наконец раскололся. Неизвестно по какой причине, но у него уже подозрительно длительное время жидкий стул, по-простому, понос. Оттого он и есть ничего не может, потому что вся пища сразу выходит в жидком виде, будто у Жгута вместо желудочного сока какая-то ядреная кислота.

– Ничего удивительного, – сказал Рост. – Когда ты последний раз руки мыл, Жгут?

– Во, я же говорил, что толку от тебя, блядь, никакого, – сверкнул глазами Жгут. – Иди на хрен отсюда, без тебя обойдемся!

– Не психуй, – спокойно отозвался Рост, размышляя. – В любом случае, нужно в аптеку, узнать, что почем. А если не будет лучше, придется в больницу, – промолвил Рост, но Жгут зло засмеялся:

– Отличный совет, фраерок. Это я и без тебя мог додуматься, ученый.

Смех быстро перешел в кашель, и Жгут даже был вынужден присесть. От внимания Роста не ускользнуло, что зэк беспрестанно скреб свой живот, и ему даже показалось, что он немного увеличился в размерах.

Они еще поговорили и пошли укладываться спать.

Рост пытался уснуть, но не смог. Сверху слышался громогласный храп Витька, где-то в углу постанывал на своей шконке Жгут.

Странно, мысль о предстоящей поездке домой совершенно не приносила ожидаемого удовольствия. Рост ворочался, проклиная бессонницу, тщетно стараясь принять удобную позу, но все было напрасно – сон не шел.

Что-то мешало. Мысли вихрем кружились, но только одна из них, четкая и яркая светилась сквозь всю мешанину эмоций.

КВАДРАТ.

Мерзкая крыса в нелепом костюме и дурацких очках, из-за которого он вынужден сейчас валяться на земле, запеленутый в скисшие от плесени тряпки, нюхать смрад отходов, из-за которого ему пришлось устроить ад у «Метрополя» и убить столько людей. Эта крыса наверняка сейчас развлекается в «Баклане» с покрашенными шлюхами и наслаждается своей гнусной жизнью.

«Ишь как заговорил... – зашептал внутренний голос. – А миллионное состояние в спортивной сумке, которым ты обладаешь, ничего не значит? Ведь именно благодаря Квадрату

ты стал богачом...»

Да, это верно. Но именно из-за этой спортивной сумки его настойчивыми поисками заняты люди Квадрата. Кстати, откуда у них его фото? Не иначе, с паспорта...

Рост вдруг отчетливо понял – он не сможет просто так уехать отсюда. Засыпая, он принял решение убить Квадрата.

Через два дня ожидание стало невыносимым. Поговорка «с глаз долой – из сердца вон» ни в какую не действовала, и Юра понял, что он во что бы то ни стало должен увидеть Алису. Черт с ней, с этой соседкой.

Он купил цветов, фруктов и пошел к Анне Сергеевне. Однако на вызов по домофону никто не отвечал, и это его не на шутку обеспокоило. Он прошел в подъезд с какой-то женщиной и, не дожидаясь лифта, бросился вверх по ступенькам. Тяжело дыша, остановился у нужной квартиры, после чего нажал на кнопку звонка.

«Бим-бом!» – тренькнуло где-то внутри квартиры. Господи, Юра даже забыл, что когда-то раньше были такие звонки. Как в антикварных часах. Он прислонил ухо к двери, позвонил снова. Тишина, только взволнованный стук собственного сердца. Перекладывая цветы, он выронил пакет с фруктами. Из пакета посыпались груши с апельсинами.

«Бим-бом! Бим-бом! Бим-бом!!!

Он звонил до тех пор, пока не заболел палец. После этого повернулся спиной к двери, стараясь собраться с мыслями. Он пытался размышлять логически, но паника поднималась внутри, как адское варево в котле ведьмы. В мозгу выкристаллизовывались образы один другого страшнее, наслаиваясь друг на друга нелепой мозаикой. Все то же самое, как в тот день. В день смерти Алекса, когда Алиса попала в автокатастрофу.

Где Алиса? Там, внутри? Или нет? И где эта сраная Анна Сергеевна, которой так безоглядно Надежда доверила ангела?!

Он зажмурил глаза, пытаясь отогнать от себя заполнившие мозг образы. Это удалось, хотя и с трудом. Может, они просто вышли погулять? Однако тварь, глодавшая его изнутри, отвратительно запищала, что пожилая Анна Сергеевна никогда бы в жизни не смогла самостоятельно выкатить на улицу коляску.

Он вышел на улицу, волоча за собой цветы, как веник. Осыпавшиеся с роз лепестки оставляли за ним алый след, как капли крови. Он опустился на лавку, положив рядом с собой полуразвалившийся букет.

Так он просидел четыре часа. Анны Сергеевны не было.

В какой-то момент у него возникла мысль вызвать слесаря и взломать дверь. Однако от этой идеи пришлось отказаться – он не имел никакого отношения ни к этой проклятой двери, ни тем более к квартире.

Да, все верно. «Но я имею отношение к тому, кто находится в этой долбаной халупе, к ангелу», – подумал в отчаянии Юра. И возможно, ей требуется помощь. Ощущения от этой мысли были равносильны иглам, вгоняемым под ногти. Позвонить в милицию? Отличная получится картина. Тягушев Юрий, подозреваемый в массовом убийстве бомжей, теперь пришел просить милицию о помощи. Нет, обойдемся без ментов. Он вернулся домой.

Как только стемнело, он вышел на улицу. Плечи оттягивал небольшой рюкзак, в котором были аккуратно сложены толстая веревка, фонарь, клей и пара газет.

Подойдя к подъезду, он дождался, когда из него вышел какой-то мужик с коккер-спаниелем, и проскользнул внутрь.

Поднявшись на последний этаж, он осмотрел чердачное помещение, ведущее на крышу. Замка на дверях не было, петли скреплены медной проволокой, и все. Он вынул из петель проволоку и поднялся на чердак. Под ногами сразу захрустел керамзит, запахло птичьим пометом. Перед ним было два окошечка, размером с дырку в собачьей конуре. Выбрав нужное,

он выбрался на крышу. Лицо обдал ночной воздух, ветер растрепал волосы. Юра достал веревку и стал закреплять ее на металлическом ограждении. Убедившись, что узел достаточно прочен, он обвязал конец веревки вокруг пояса и осторожно пополз к краю крыши.

Наскоро прочитав про себя «Отче наш», Юра стал спускаться. На удивление, это оказалось довольно просто. Уже через мгновение его ноги коснулись захламленного пола балкона. Какие-то старые деревянные ящики, мешок с алюминиевой посудой, картонные коробки и еще черт знает что. Юра развязал веревку и потянул на себя балконную дверь. Черт, закрыта. Да и в комнате темень. Похоже, в квартире действительно никого нет. Он тут же осекся – когда он был на улице, то видел свет, только в другой комнате. Он вынул из рюкзака клей, быстро намазал балконное стекло, после чего прилепил газету. Разгладил, подождал немного, затем резко ударил локтем. Стекло послушно ввалилось внутрь, и Юра без труда открыл дверь.

Он шагнул в квартиру.

– Алиса? – хрипло спросил он. У него неожиданно запершило в горле, будто туда попал песок. Откуда-то из комнаты послышалось неуверенное тьяканье. Сэм. По крайней мере, собака дома, и она жива. Неслышно ступая, Юра прошелся по комнате, включил свет. Пусто. Он вышел в коридор и зашел в другую комнату.

Анна Сергеевна лежала на полу. Глазные яблоки, подернутые сероватой пленкой, вылезли наружу, рот раззявлен в немом крике. То, что она мертва, Юра понял сразу. Это его не волновало, как и причина смерти пенсионерки. Он во все глаза смотрел на Алису. Она сидела рядом, у стола, уставившись остекленевшими глазами на давно остывший чай и блюдечко с пряниками.

Юра бросился к ней, целуя прохладные щеки и шепча слова любви. Нет, его ангел не может умереть, она жива, просто она... она в шоке... или уснула.

Он тормозил Алису, как тряпичную куклу, ее голова болталась из стороны в сторону.

– Алиса... Солнышко мое, проснись... Пожалуйста, не пугай меня, малыш, – бормотал Юра, начиная хлестать Алису по щекам. Уже находясь в полубессознательном состоянии, он подумал, а не укусить ли ее, как вдруг ресницы девушки задрожали, глаза обрели осмысленное выражение.

– Ю...ра-а-а-а-ааа, – едва различимо прошелестела она, но Юра был готов умереть от счастья. Осыпая поцелуями ангела, он, тем не менее, вспомнил слова Надежды.

Инсулин. Гребаный инсулин, если его не колоть, Алиса может умереть.

– Сейчас, сейчас, – шептал он пересохшими губами, отыскивая на столе ампулы. Есть, вот они! А вот и упаковка шприцев.

– Я люблю тебя, – сказал он, отламывая кончик ампулы. – Только ты должна мне сказать, как делать эти чертовы уколы.

Из-под кровати снова послышалось жалобное тьяканье, однако наружу мопс не вылезал.

– Я тоже-е-е люблю тебя-а-а... – слабо улыбнулась Алиса, странно растягивая слова.

– Почему ты мне раньше не сказала, что у тебя диабет? – спросил Юра, наполняя шприц, но Алиса устало прикрыла глаза.

Когда все было сделано, Юра стал искать ключи. Наивная Анна Сергеевна хранила их прямо у двери на гвоздике. Соблюдая все меры предосторожности, он поднялся на крышу, отвязал веревку, после чего вернулся в квартиру. Взглянул на часы. Пол-одиннадцатого. Еще пару часов, и можно выдвигаться. О том, чтобы сообщить о смерти Анны Сергеевны, он даже не думал. Просто закрыл ее посиневшее лицо старой линялой скатертью, и все. Алиса к тому времени снова отключилась. Замечательно, это избавит его от необходимости отвечать на некоторые вопросы.

Он отвезет своего ангела к себе на дачу. И пусть кто-нибудь осмелится встать у него на

пути. Порвет в клочья. Правда, оставался Сэм. Юра стал звать мопса, однако в ответ услышал только озлобленный лай. Плюнув, Юра решил оставить собаку дома – рано или поздно квартиру вскроют.

Прошло два дня. Он с ангелом прекрасно жил у себя на даче, изредка наведываясь в свою квартиру. Кляксича он тоже увез. С инсулином проблем не возникало – он все узнал в Интернете, да и Алиса подсказывала, как правильно делать уколы. Она уже могла нормально двигать руками и скоро стала делать их самостоятельно. Огорчало одно – нижняя часть тела Алисы продолжала оставаться недвижимой, но Юра не оставлял надежду найти хороших специалистов. Собственно, выбор был большой, проблема заключалась, как всегда, в деньгах. На карточке оставалась всего пара штук «зеленых», и деньги таяли с немыслимой быстротой. Заказов больше не поступало, а если бы и были, вряд ли он стал бы что-то делать... Правда, у него оставалась машина, и Юра рассудил, что в настоящий момент она ему совершенно ни к чему. Вечером он позвонил знакомому, который занимался перепродажей автомобилей, и утром следующего дня сделка состоялась.

Два раза звонила Надежда. Поскольку телефона у Анны Сергеевны не было, она позвонила ему и голосом, который пронизывали извиняющиеся нотки, спросила, не навещал ли он Алису.

Да, все о'кей, широко улыбаясь, ответил Юра, с хитрецей поглядывая на задремавшего ангела: дескать, думали, мы тут лаптями щи хлебаем? Ан нет. Черта лысого.

Он даже порывался сказать, чтобы она не особенно торопилась ехать обратно со своей мамашей из Омска, но Надежда опередила его. Возникли непредвиденные проблемы с продажей дома, и придется немного подождать.

– Юрочка, только у меня просьба. Очень тебя прошу, когда будешь у Анны Сергеевны, набери со своего телефона номер соседки моей мамы, я продиктую, ладно? Я хочу с Анной Сергеевной поговорить. Деньги за разговор я тебе потом обязательно верну.

– Конечно, – сказал Юра. – Без проблем. И никаких денег не нужно, ну о чем вы говорите, Надежда... – Естественно, никакой номер он не записал, еще чего. Как говорится, хрен вам, господа хорошие.

Тренировки он снова забросил, и Влад, безуспешно названивавший ему три дня кряду, вычеркнул его из секции, причем сделал это с затаенным сожалением, поскольку знал, что такого талантливому ученика у него не было и, по всей видимости, не будет.

Следователь вызывал его только один раз, и допрос уже носил чисто формальный характер. Юра упорно стоял на своем, и Вадим Викторович готов был рвать остатки своих каштановых волос, но прижать этого ненавистного парня он пока не мог.

На следующий день с утра Рост отправился к карьерам. Времени оставалось в обрез, а сделать нужно было многое. Вместе с сегодняшним днем в его распоряжении трое полных суток, и за это время он должен разыскать Квадрата. У воды никого не было, за исключением сгорбленного пенсионера, выгуливающего крошечную болонку.

Он быстро искупался, помылся, после чего разложил бритвенные принадлежности. Взглянул в маленькое зеркальце, поразившись происшедшим изменениям. Не считая слегка отросших волос и щетины, которая постепенно превращалась в бороду, на него глядело совершенно незнакомое лицо. Лицо загорело и похудело, скулы заострились, и теперь он меньше всего походил на прежнего Ростислава. Что ж, оно к лучшему. Он подровнял бороду, сбрив по бокам щетину и оставив аккуратную «испанку».

Пока брился, мозг его напряженно думал. Начинать следовало с самого начала. Что он знает о Квадрате? По сути, ничего. Единственная зацепка – казино «Золотой Фазан» (лучше пусть будет «Баклан» – так привычнее) и это кафе на Петровке, в котором он разбил аквариум. Еще дача, где его держали вместе с Владимиром, но сейчас нет времени заниматься ее поисками, к тому же вероятность застать там Квадрата слишком мала. Хм... А кафе отпадает по вполне понятным причинам – нужно быть полным идиотом, чтобы устраивать засаду возле МУРа. Остается «Баклан».

Он уже собирался выходить на берег, когда боковым зрением увидел какое-то движение в кустах. Рост насторожился. Медленно, шаг за шагом, он вышел из воды, приглаживая волосы. Кусты снова зашевелились, и Рост остановился как вкопанный. Даша! Она-то что тут делает? Удивление быстро сменило раздражение – похоже, следила за ним. Он тоже хорош гусь, позволил ей за собой шпионить, а сам ничего не заметил.

– Выходи. Тоже мне, Штирлиц, – сказал Рост, вытряхивая воду из ушей. Даша несмело вышла из-за кустарника, и Рост впервые посмотрел на нее внимательно. На ней была мятая рубашка, стройные ноги обтянуты грязными джинсами, обута в мужские ботинки. Несмотря на убогий гардероб, у нее была привлекательная фигура и миловидное лицо, которое портила только брешь в зубах.

«Дать, что ли, ей денег на стоматолога?» – неожиданно пришло в голову Росту.

– Иди сюда, – проговорил он, и женщина послушно приблизилась к нему. Она подошла вплотную и остановилась, опустив голову. Рост обратил внимание, что волосы у Даши чистые, не в пример ее собратьям по несчастью. От него также не ускользнуло, что ее волосы стали чище буквально на третий день после его появления на свалке.

– Не знаешь разве, что подсматривать нехорошо? – попробовал подколоть Дашу Рост, но, увидев, как задрожали губы женщины, торопливо взял ее за плечо. – Ну, что ты?

Следующая фраза Даши сразила Роста наповал.

– Не уезжай, Ростик, – она обхватила его руками, осторожно, словно боясь, что в следующее мгновение он оттолкнет ее, и заплакала. Вот так новость!

– Да что с тобой? – неловко спросил Рост, чувствуя, что в подобной идиотской ситуации оказывается впервые. Еще больше его изумило «Ростик», так к нему обращалась только мать.

– Кто тебе сказал, что я уезжаю? – спросил он, понимая, что врать этой женщине он просто не в состоянии.

– Я знаю. Для тебя наша свалка просто передышка, верно? – Она вытерла слезы и всхлипнула. Рост попытался мягко освободиться, но Даша только крепче вцепилась в него, как маленькая девочка хватается за руку матери, переходя оживленную улицу.

Вдыхая запах волос этой странной женщины, Рост внезапно ощутил прилив желания.

Он нежно поцеловал ее в макушку, и Даша подняла лицо. Неуверенная улыбка коснулась ее губ, сочных, как спелая вишня.

– Иди искупайся, – тихо сказал Рост и протянул ей мыло. Даша, не сводя с него взгляда, принялась раздеваться. Глядя в глаза женщины, Рост почувствовал себя подонком. Она смотрела на него так, как смотрит на хозяина бесконечно преданная ему собака.

«Остановись, пока есть время, – предупреждающе заговорил внутренний голос. – Она не тот человек, с которым можно делать то, что сейчас собираешься делать ты...»

Но голос этот был слишком слабый, не громче комариного писка. Его младший брат уже окончательно проснулся и теперь вовсю распирал трусы, грозя порвать материю. Тем более что под рубашкой Даши не было лифчика. Зато была грудь, пусть не совсем чистая, но эти крепкие загорелые мячики с дерзко торчащими сосками были прекрасны, они напоминали Росту двух сытых поросят. Трусики на ней тоже не было, Даша зашла в воду полностью обнаженной.

Рост обратил внимание на пенсионера с болонкой. Тот стоял на противоположном берегу и внимательно следил за ними. Рост сделал вид, что отдает ему воинское приветствие, и пенсионер, подхватив собаку, торопливо ушел.

Вскоре Даша вышла из воды, выжимая волосы. Рост привлек ее к себе, и она приникла к нему всем телом, покрывая его лицо страстными поцелуями.

Через час они шли обратно. С мокрыми волосами, сияющими изумрудными глазами Даша выглядела лет на пять помолодевшей и почти прекрасной. Даже мятая рубашка и мужские растрескавшиеся ботинки не портили ее.

– Когда ты уезжаешь? – спросила она, робко взяв Роста за руку.

– Дня через три, – рассеянно ответил Рост, обнаружив, что совершенно не имеет больше желания врать. – Это зависит от одного дела...

Даша с понимающим видом кивнула, словно была прекрасно осведомлена обо всех делах Роста. И тут же торопливо сказала:

– Я никому ничего не говорила о тебе, поверь. И не скажу.

Рост улыбнулся:

– Сейчас это уже не имеет значения.

Какое-то время они шли молча. Даша продолжала крепко держаться за руку Роста, украдкой поглядывая на него. Наконец она заговорила:

– Ты знаешь, Ростислав... Ты думаешь, я полная дура... И шлюха, к тому же...

– Перестань.

– Нет, послушай. Антона я знаю почти полгода, и до этого у меня были мужики, на пай-девочку я не похожа, ты, наверное, заметил. Просто я хочу, чтобы ты знал – ни с кем мне не было так хорошо, как с тобой.

Рост решил ничего не отвечать на это признание.

– Антон... он, в общем, неплохой человек. Просто у него была очень тяжелая жизнь.

«У кого она легкая», – угрюмо подумал Рост и сказал:

– И поэтому ты позволяешь ему отрабатывать на себе удары? Зуб тебе он вышиб? Только не ври, твое лицо как букварь для дошколят, и так все написано.

Лицо женщины залила краска.

– Ты... да, в общем... А сейчас я от него убежала.

– Убежала?

– Да. Я боюсь, мне кажется, у него что-то с головой, – произнесла вполголоса Даша, будто Жгут был где-то рядом.

– С чего бы это?

– Не знаю. Мы сидели возле костра, я пошла воду в чайник наливать, возвращаюсь, а он сам с собой разговаривает и ест мух.

– Мух? Ты серьезно? – не поверил Рост.

Она кивнула.

– Сидит, хихикает, как сумасшедший, потом раз! – прямо на лету муху поймал и в рот, – брезгливо сказала Даша. – Потом снова р-р-аз! Еще одну поймал, и так ловко! И все время живот гладит... и говорит так успокаивающе, будто... беременный, ты понял? Он словно разговаривал с кем-то...

Она подняла голову и, встретившись взглядом с Ростом, выдавила кривую улыбку:

– Ты не веришь мне.

– Да нет, верю... – «И он еще удивляется, почему у него понос», – подумал про себя Рост. – Он видел тебя?

– Нет. Я тихонько поставила чайник и ушла.

Рост даже не знал, что на это сказать, и решил сменить тему.

– А чем ты раньше занималась?

– Не поверишь. Работала учителем в начальных классах.

Роста словно по затылку стукнули.

– Ты что, серьезно?

– Ну да. Что, не похоже?

– Да нет, то есть... хм...

– А похоже, что у Кеши два высших образования? – вздохнула Даша. – Собственно, здесь много таких. Просто не сумели в свое время приспособиться к жизни там, теперь вынуждены приспособливаться здесь...

– А как здесь очутилась?

– Витек же рассказывал, – ответила она, и Рост заметил, как похолодел ее голос. – Отец успел до тюрьмы продать квартиру каким-то приезжим, меня в интернат. А комиссия по опеке эту квартиру проворонила, до суда дело так и не дошло, и в итоге... как видишь.

– Родные остались? – поинтересовался Рост.

– Сестра и дядя. И сын.

Роста почувствовал второй удар по затылку. Значит, дети все же есть.

– И сколько ему?

– В этом году будет тринадцать, – не без гордости ответила Даша и, поймав недоуменный взгляд Роста, сказала:

– Я родила в семнадцать. Ты не думай, у нас хорошие отношения... Его забрал дядя, когда я оказалась в интернате.

– Так что к ним не поедешь?

Даша горько усмехнулась и похлопала себя по рубашке.

– Как? У меня не то что паспорта нет, мне ходить не в чем.

Рост задумался. Определенно, если все пойдет хорошо, он поможет этой женщине.

Примерно метров за триста до дома Даша вдруг остановилась.

– Иди один. Антон не должен видеть нас вместе.

Близился день поминок Алекса, сорок дней. Это событие было решено отмечать в его квартире, где все еще жила Нелли. Утром все сходили на кладбище, посидели немного у родителей погибшего друга, затем отправились домой. Нелли ушла пораньше, чтобы успеть все подготовить. Мать Алекса сидела с покрасневшими от слез глазами и говорила так тихо, что приходилось напрягать слух. Первое время она держалась, затем не выдержала и расплакалась. Сквозь слезы она в который раз умоляла рассказать, что же произошло на самом деле, и ребята заторопились уйти.

Войдя в квартиру Алекса, тролица обомлела. Нелли было не узнать, вместо взбалмошной девчонки, которая терпеть не могла платья и юбки и использовала минимум косметики, перед ними стояла шикарная женщина в строгом черном платье до щиколоток, с красиво уложенной прической. Ее нервное состояние выдавали только глаза, в которых пряталась безграничная боль. Она пригласила всех к столу, который и вовсе потряс молодых людей. Тут было все – салат из крабовых палочек, конечно же, всеми обожаемый традиционный «оливье», маринованные опята, семга, холодец с хреном, только что вынутый из холодильника, караси, обжаренные в сметане, перец фаршированный, огромная индейка, покрытая золотистой корочкой, из разломов которой тянулись струйки пахучего пара, хрустящие, обжаренные в масле тоненькие ломтики картофеля, несколько видов «нарезки», миниатюрные бутербродики из французского батона, щедро намазанные красной икрой, жульен и много чего еще.

– Круто, – только и смог выговорить Юра. – Да этим можно роту солдат накормить.

– Роту не надо, – плотоядно улыбнувшись, сказал Жуля. – А нас – надо.

Он быстро уселся за стол, сразу подвинув к себе курицу и миску с холодцом, затем принялся разливать по рюмкам водку. Юра вспомнил эти рюмки – он подарил их Алексу на прошлый день рождения. Изящные, сделанные из серебра, в форме миниатюрных тюльпанов, на каждой из них было изображено бушующее море, в волнах которого едва виднелся корабль, вступивший со стихией в неравную схватку.

Юра обратил внимание на стоящую на компьютерном столе фотографию Алекса, заключенную в золотистую рамку. В глаза сразу бросалась черная лента, безжалостно разрезающая рамку наискосок. Алекс дерзко смотрел прямо в объектив, на лице играла открытая, немного снисходительная улыбка, длинные волосы трепал ветер, и было трудно поверить, что этот обычный на первый взгляд студент почти полтора года безжалостно вырезал бездомных бродяг.

«Он так мечтал стать хирургом», – вспомнил Юра и отвернулся – фотография вызывала смутные, тревожные воспоминания, которыми не хотелось с кем-либо делиться.

Нелли села за стол последней. Юра обратил внимание, что ее тарелка пуста, и когда собрался ей что-то предложить, она молча покачала головой. Сам он тоже не мог смотреть на еду, поймав себя на мысли, что в последнее время вообще обходился только жидкостью, преимущественно водкой.

– За Алекса, – произнес Юра, поднимая рюмку. Все встали и молча выпили. Следующие несколько минут прошли в полном молчании, только слышалось чавканье Жули. Замечаний ему, однако, никто не делал – это было бесполезно.

– Вкусно, – промычал он с набитым ртом. – Где училась готовить, а?

Нелли с недоумением посмотрела на Жулю, словно он сказал очередную глупость, и ничего не ответила.

– Гюрза, как будем дальше жить? – спросил Мика, разрезая ломтик буженины. Нож был

сервировочный и плохо резал, поэтому Мика отложил его в сторону и просто закинул в рот весь кусок целиком.

– В смысле?

– В том смысле, что мы так и не определились, – прожевывая, сказал Мика. – Хотелось бы выяснить наши дальнейшие планы на будущее. Я имею в виду акции.

Жуля закашлялся, будто кусок застрял в горле.

Нелли визгливо рассмеялась, но это был жуткий смех. «Смех сумасшедшей», – решил Юра.

– Акции? Мика, да ты сдурел.

– А что? – ничуть не смутившись, спросил Мика. – У нас было общее дело, теперь Алекса нет, и цепочка разрушилась.

– Ты называешь то, чем мы занимались, делом? – Тон Нелли становился выше, истеричные нотки пронизывали его насквозь.

– Может, не будем сегодня затрагивать эту тему? – сказал Юра. Он внезапно почувствовал растущее раздражение к Мике. Нашел место и время обсуждать акции.

Мика налил себе томатного сока и повернул лицо к Юре:

– Не вижу причин, почему бы не поговорить на эту тему. В любом случае мы к ней вернемся, и нужно что-то решать.

– Мика, ты псих, да? – спросила Нелли, не сводя с него изумленных глаз. – Хотя, что я у тебя спрашиваю... Неужели ты всерьез думаешь, что после всего того, что произошло, мы будем как ни в чем не бывало... лазить по свалкам и?.. – она прервалась, будто ужаснувшись, что последует дальше.

Мика решил оставить реплику Нелли без ответа, на его лице неоновыми буквами светилось: «Что с тобой говорить, психованная». Он снова обратился к Юре:

– Лично я считаю, что Алекс прекрасно знал, на что идет. И не надо строить тут из себя целок, а то такое впечатление, что мы на дискотеку ходили.

При слове «дискотека» Жуля засмеялся, роняя на стол крошки от бутерброда. Юре стало жарко, его мутило, мозг раскалывался. Поминки превращались в банальную пьянку, ему не верилось, что в этот день можно вот так сидеть за столом, жрать в три горла и смеяться.

– Ты-то чего ржешь, придурок? – спросил он, едва сдерживаясь. – Очень смешно?

– Гюрза, успокойся, – сказал Мика. – Он тут при чем? Давай закончим тему. Разбегаемся – так разбегаемся. Играем по всем правилам дальше, значит, играем дальше.

Мика произнес это слово с таким выражением на своем плоском лице, будто речь шла о строительных кубиках, из которых он намеревался возвести башню. Играем. Вот оно, точное определение их кошмарной деятельности.

«Игра. Просто игра. Игра человеческими жизнями». – Юра повторил эти слова про себя, и его охватил ужас.

– Я не буду, – вдруг подал голос Жуля, уплетая рыбный салат. Наевшись, он подвинул к себе холодец и облизнулся. – В сраку ваши акции. Скажите спасибо, что пока менты до вас не добрались, вон как Гюрзу в обезьяннике отмудохали.

– Ну, я услышу сегодня что-нибудь определенное? – не унимался Мика, и Юра испытал непреодолимое желание запустить в него тяжелой вазой с яблоками.

– Тебе мало того, что произошло? В тебе что, вообще ничего святого нет, Мика? Или тебе уже не хватает твоих поездок в Калугу?

– При чем здесь Калуга? – Лицо Мики, хранящее полную бесстрастность, дрогнуло, но Юру уже было не унять.

– Тебе напомнить о таджиках и прочих чурках, которых ты со своими дружками-скинами потрошите в электричках, а потом скидываете под колеса? Допинга не хватает, Мика? – Юра

уже почти кричал.

– Мои личные дела, Гюрза, не имеют к тебе ровно никакого отношения, – чеканя каждое слово, произнес Мика. Он положил перед собой крупные, угрожающего вида кулаки.

Юра хотел ответить, но безумный смех Нелли заглушил его голос.

– Боже мой... Да вы свихнулись, оба, – проговорила она, отсмеявшись. – Точнее, мы все психи, и место наше в «дурке» с подушками на стенках. О чем вы говорите? О ЧЕМ, РАДИ БОГА??

Она расплакалась. Жуля прекратил есть и недоуменно воззрился на девушку.

– Ты спрашиваешь, что нам делать дальше. Я тебе скажу, Мика. Возьми свою цепь или кастет и убей меня. Ну, что вылупился? Я же бомж. Квартира не моя, работы у меня, скорее всего, тоже не будет. Разве что не воняю, но с такой жизнью это всего лишь вопрос времени... Что молчишь?

Лицо Мики пошло красными пятнами, но он выдержал пронзительный взгляд Нелли.

– Вы что, совсем ничего не понимаете? – сквозь слезы продолжала она. – Мы с вами давно умерли. Эти оболочки, которые мы называем мики-жули-гюрзы и так далее – не более, чем гребаная скорлупа от стухшего яйца. А гнилье внутри скорлупы – мы и есть. Мы даже хуже.

Жуля посмотрел на Юру и покрутил у виска пальцем.

– Лично я в психушку пока не собираюсь, – сказал Мика.

– Да к черту все! – Нелли вскочила из-за стола. – Я не хочу больше этого! Ненавижу вас! Ненавижу себя, ненавижу за то, что у меня не хватило сил удержать Алешку от вашей акции... ненавижу... – она, качаясь, вышла из комнаты.

– Сучка, – процедил Мика, сцепив пальцы в крепкий замок.

– Заткнись, – бросил Юра. – Сам затеял этот базар.

В комнате повисла гнетущая тишина.

– Чего-то Нелли долго нет, – озабоченно сказал Юра.

– Красится, наверно, – равнодушно предположил Мика. По его виду было заметно, что ему уже надоело здесь находиться и он с удовольствием покинул бы их общество.

Юра вышел из комнаты.

– Нелли! – позвал он. Тишина. Он проверил кухню, туалет. Подергал ручку ванной. Заперто. Он постучал и прислонил ухо к двери. Оттуда донесся какой-то шорох.

– Нелли, открой, – стараясь, чтобы его голос звучал успокаивающе, сказал Юра. Его просьба осталась без ответа. Тревожное чувство обхватило его шею скрюченными пальцами. Он постучал сильнее.

– Нет... Нет, нет, нетнетнетнетнет! – неожиданно закричала захлебывающимся голосом Нелли. – Не хочу... уходи!

– Нелли, если ты не откроешь, я выбью дверь! – крикнул Юра. Тревожное чувство переросло в страх, и он понял почему – голос Нелли звучал так, словно она разговаривала не с ним, а с кем-то посторонним. Ее слова явно были адресованы кому-то другому.

«Что за бред», – попытался он себя одернуть, но страх все сильнее сжимал его горло.

– Я прошу тебя... Ну не нужно, ну пожалуйста... Я умоляю... умоляю...

Последние слова Нелли проговорила почти шепотом, и Юра еле их расслышал.

Она снова крикнула, послышался глухой удар, и вслед за ним – звон разбивающихся пузырьков и склянок. Юра ударил ногой в дверь. Та хрястнула, возмущенная подобным обращением.

– НЕ-Е-EEEEEEEEEEEEЕТ!!! – Нелли уже не кричала и даже не вопила – она хрипло выла, и в этом жутком звуке уже не было ничего человеческого. Слыша этот животный, охваченный смертельным испугом вой, Юра подумал о волчице, которая провалилась в яму с кольями,

пропоров себя насквозь. Послышалась какая-то возня, затем снова удар.

В коридоре появился Жуля, держа в руках бутерброд. Челюсти его ритмично двигались.

– Че за шум, Гюрза?

Юра ударил снова, и дверь жалобно застонала, от замка шrapнелю отлетели болты, и ручка звякнула, повиснув на одном шурупе. Еще удар, и дверь вылетела из коробки. Юра шагнул в ванную. Нелли стояла, как-то необычно пригнувшись, словно у нее вынули несколько позвонков, голова безвольно опущена вниз, как цветок на надломленном стебельке.

Второе, что Юра увидел, это кровь. Много крови. На зеркале – россыпь ярко-красных точек, в центре вмятина, от которой тоненькими лучиками разбегались трещины.

Она била кулаком в зеркало.

На полу как тающий лед поблескивали красные лужицы. Он протянул руку к Нелли, но она отшатнулась назад, чуть не упав, и посмотрела на Юру. Тот отступил, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. Одного глаза у девушки не было, из дырки беспрерывно хлестала кровь. В руке она сжимала пилку для ногтей.

– Нелли, нет! – крикнул Юра. Шокированный увиденным, он подался вперед, но было уже поздно. Рука девушки описала причудливую дугу, и со звуком падающего в жидкую грязь камня пилка вошла во второй глаз. На Юру брызнуло теплым, он на мгновение зажмурился, затем схватил Нелли, которая уже начала заваливаться на пол.

– Что ты наделала! – простонал он, обхватывая ее голову.

От удара пилка сломалась, и из пустой глазницы теперь торчал уродливый обломок. В ванну осторожно заглянул Жуля, держа в руке недоеденный бутерброд с сыром и ветчиной.

– Жуля, Мика!!! Бинты, вату, что угодно, скорее! Вызывайте «Скорую», БЫСТРО!!! – взревел Юра.

– Ага, – испуганно пробормотал Жуля и исчез.

Невероятно, но Нелли улыбалась, и теперь эту улыбку можно было назвать почти счастливой. В красивом вечернем платье, дорогих туфлях на шпильках, она лежала на кафельном полу в луже собственной крови. Прическа сбилась, волосы беспорядочно рассыпались по побелевшему лицу.

– Господи, как хорошо... я больше никогда не увижу это... это... – произнесла она слабым голосом. – Юра, это ты?

– Да, – сдавленным голосом проговорил Гюрза. Он старался не смотреть на лицо Нелли, но глаза сами по себе возвращались к страшным дырам. – Господи, Нелли, зачем ты?..

– Не уходи, ладно? – попросила его девушка. Она на ощупь дотянулась до руки Юры и крепко обхватила его своей ладошкой. Он увидел, что в этот раз она сделала прекрасный маникюр, и у него защипало в глазах от слез.

– Не уйду, – сказал он. Затем заорал: – Жуля, ну чего там?!!

Тот, страшась заходить в ванную, крикнул из коридора:

– «Скорую» вызвали, сказали, сейчас приедут. Бинты че-то не найду, может, платок носовой подойдет? У меня есть.

Воспользоваться Жулиным носовым платком Юра не решился.

– Подстрахуй меня, – сказал он Жуле. – Отнесем ее в комнату. Захвати полотенца.

Юра поднял на руки Нелли и отнес в комнату, с величайшей осторожностью положив ее на кровать. Все молчали. На кухне в аптечке Жуля наконец нашел вату, и Юра, как мог, начал останавливать кровь. Вытаскивать обломок пилки он побоялся.

Нелли снова вцепилась в него, не отпуская, и Юра покорно сидел рядом. Он молил бога, чтобы Нелли потеряла сознание и перестала чувствовать ужасную боль. Однако она просто молча лежала, дыша, как выброшенная на берег рыба, и крепко, по-детски, сжимала его руку.

«Скорая» приехала через сорок минут, и все это время Нелли была в сознании.

У костра сидели Жгут и Кеша. Первый – сильно сгорбившись, будто испытывал сильные рези в желудке, уставившись в одну точку. Черты лица бывшего зэка еще больше заострились, казалось, еще чуть-чуть, и кости прорвут пергаментную кожу.

– Чесать мой лысый череп, вот и наш фраерок. Рад видеть тебя без петли на шее, ага, – «поздоровался» он с Ростом. Тот перехватил тревожный взгляд Кеши.

– Как самочувствие? – спросил он, усаживаясь на бревно.

– Нормально. Сру, как все, – Жгут попытался улыбнуться, но появившаяся на его лице гримаса скорее заставила бы отшатнуться. – Теперь жрать хочу. У тебя есть чего?

– Нет, я же не ходил в город, – отвечал Рост, искоса поглядывая на собеседника. Он продолжал сидеть в полусогнутом состоянии, обхватив живот, как если бы прятал под рубашкой мешок с золотом. – А разве больше ничего не осталось? Я вчера принес пять банок тушенки и сайры!

– Тебе че, впалду с братвой поделиться? – хрипло спросил Жгут. Кеша испуганно посмотрел на Роста и на всякий случай отодвинулся от зэка подальше.

– Он все... съел, – сказал он несмело, словно опасаясь мести со стороны Жгута за то, что «сдал» его Росту.

– Да ради бога, на здоровье, только не будет ли тебе еще хуже? – удивленно спросил Рост. Он вспомнил про мух, о которых рассказывала Даша, и нахмурился.

– Жрать хочу... – еще тише проговорил Жгут, крепче обхватив живот. Кеша торопливо встал:

– Господа, я, с вашего позволения, отправлюсь, так сказать...

Жгут широко открыл рот, вывалив наружу язык в грязно-желтом налете. Рост тоже решил идти. Дел не впрокорот, а он тут прохладается. Уходя, он услышал за спиной негромкий смех Жгута.

Он направился к тайнику. Убедившись, что за ним никто не подглядывает, Рост выкопал сумку с одеждой и пистолетом. Переоделся, после чего проверил обойму. На этот раз, если ему повезет, Квадрат встретит ночь в морге.

Взяв с собой немного денег, Рост зашагал к трассе. Поймал частника и через пятнадцать минут был у метро «Кузьминки». В одной из торговых палаток он приобрел темные очки в дешевой оправе, в киоске купил блокнот, конверт и ручку. Затем, уединившись на остановке, принялся сочинять письмо. Закончив, он перечитал написанное.

«Братуха, Лелик! Пишу тебе эти строки и не знаю, доведется ли нам еще увидеться. Может быть, через два дня я уеду домой. А может, и нет. Есть одно дело, которое, к сожалению, к тебе тоже имеет отношение, и сейчас я его пытаюсь решить. Внимательно посмотри оборотку письма. Это подмосковный Дзержинский. Братка, ты не дурак, так что найдешь. ОБЯЗАТЕЛЬНО возьми то, что там лежит, прошу. Извини меня, что я втянул тебя в эту канитель. Пусть твоя Верка не злится на меня, я вас люблю и желаю взаимного счастья.

Крепко обнимаю, Лелик, еще увидимся!

Рост».

На обратной стороне письма он изобразил импровизированную карту, где крошечным крестиком обозначил место своего тайника. Если с ним что-то произойдет... что ж, пусть хоть

Лелику эти деньги принесут счастье.

Он без проблем добрался до однушки Лелика, где еще совсем недавно жил с полным комфортом. Опуская в почтовый ящик конверт, Рост не мог не скрыть усмешки – странное дело, но он совершенно не испытывал чувства сожаления по тем временам. Он ощущал себя бывшим наркоманом, который окончательно и бесповоротно завязал со своим чудовищным, блеклым прошлым, о котором совершенно не хочется вспоминать.

Время было около восьми вечера. Рановато, но болтаться просто так в городе было слишком опасно, и Рост решил ехать к казино.

Он поймал такси и поехал к «Баклану». Слушая болтовню водителя, он внезапно осознал всю абсурдность своего намерения. Мысль о том, что его запросто могут убить, даже как-то не волновала его – так он хотел отомстить Квадрату за свои унижения. Но ярость в таком деле не помощник, нужно все спокойно обдумать.

Итак, предстояло разложить все по полочкам. На повестке два вопроса: а) что делать, если в оставшиеся дни он не найдет Квадрата и б) что делать, если он его найдет. Собственно, когда он его найдет, что делать-то, понятно, вопрос в том, как это сделать? Его «личка» тоже не дремлет, Квадрат набирать себе в охрану лохов не будет.

От мыслей его отвлек голос водителя, сообщивший, что они приехали. Рост расплатился и пошел в сторону «Макдоналдса», который располагался метрах в ста от казино. В туалет мирового фаст-фуда выстроилась целая очередь. И каково же было изумление стоящих там, когда из кабинки вместо опрятно одетого молодого человека, зашедшего туда пару минут назад, вышел сутулящийся бомж в грязной изжеванной одежде, от которой шел недвусмысленный запах помойки. Менеджер, невысокая девушка с табличкой на пышной груди, вежливо попросила мужчину в грязной одежде «поискать место снаружи». Рост пожал плечами и, изобразив на лице голливудскую улыбку, вышел наружу.

Рост неторопливо прошелся вдоль дома, в котором расположен «Баклан», не пропуская ни одной урны (из одной он даже достал пивную бутылку, чтобы не вызвать подозрения у охранников казино, которые поминутно выскакивали наружу покурить), боковым зрением выискивая знакомый белый «Ниссан». Он дошел почти до самой аллеи, но машины Квадрата не было.

Время текло ужасно медленно. Рост бродил по улице, охрана казино курила. Как-то, когда он проходил слишком близко от входа в казино, его даже грубо турнули, пригрозив дубинкой.

Рост вернулся на аллею, сожалея, что не имеет возможности и времени поговорить с этими напыщенными от собственной значимости обезьянами в черных костюмах при других обстоятельствах.

Примерно в одиннадцать вечера лавки на аллейке стали пустеть, и Рост некоторое время отдыхал, не упуская из виду вход в казино. Тщетно, Квадрата не было.

Бутылки собирать становилось опасно – ими было набито уже больше полсумки, и Росту приходилось украдкой выставлять их на аллее. Молодежь, невозмутимо усевшись с ногами на лавку, бросала на него презрительные взгляды, девушки капризно морщили свои носики, когда Рост подходил слишком близко.

От скуки он решил прогуляться до «Макдоналдса». Закинув сумку на плечо, Рост засеменил в ту сторону. Буквально через минуту к нему пристал пьяный бомж. Шаркая полусогнутыми ногами, он бесцеремонно подошел вплотную к Росту. На нем был рваный свитер в красную полоску и спортивные штаны «Адидас», подозрительно отвисшие сзади, словно их что-то тянуло вниз. Характерный запах, обволакивающий грязного пьяницу, давал ясно понять, что это «что-то» было не чем иным, как дерьмом.

– Эта, бля... ты бля... пшел отсюда, пендос говнячий, – шепеляво пробубнил бомж, вращая зрачками, очевидно, полагая, что одним своим видом наводит на собеседника животный страх. – Это мое... моя...

Рост развернулся и отошел на пару шагов, но бомж оказался настырным. Все так же враскорячку он поковылял за Ростом.

– Эта... бля, куда? Отдай, – бубнил бомж, семена рядом. Он схватил Роста за рукав куртки и потянул к себе, будто собираясь сообщить ему важную новость. Рост брезгливо вырвался.

– Пошел на хер, – тихо сказал он, поглядывая в сторону казино. Но бомж не унимался, более того, теперь схватился за сумку Роста. На них стали обращать внимание прохожие.

– Отдавай. Тебя тут не было, пендос, – продолжал гундосить он, оттопыривая нижнюю губу, отчего стал на мгновение похож на бульдога. – Тут я. Мое, бля. Пендос говнячий.

Надо же, Рост никогда раньше даже не слышал о таком ругательстве. Интересно, эта ходячая параша хоть догадывается о том, что сама благоухает, как сортир в пионерском лагере? Рост наклонился к бомжу и, преодолевая дичайшую вонь, прошептал:

– Если ты, кусок говна, не свалишь отсюда, я смешаю тебя с тем, что у тебя в штанах, ясно? Рот бомжа беззвучно открылся, но захлопнулся, так ничего и не сказав. Он торопливо убрал чумазую руку от сумки и по-паучьи заковылял прочь. Рост подождал, пока бомж скроется из виду, и лишь после этого пошел к «Баклану». Холодало.

В этот раз ему не повезло, Квадрат так и не появился. «Макдоналдс» уже давно не работал, и Росту пришлось переодеваться в кустах аллеи, иначе ни один частник не подобрал бы его в таком тряпье.

Оставалось два дня.

Когда он вернулся на свалку и подошел к уже ставшему ему родному дому, он подумал, что у него галлюцинации. Жгут сидел в той же позе, в какой находился еще утром, разве что еще больше сгорбился и съехал вниз, прямо на холодную землю. Больше возле костра никого не было.

– Жгут, – позвал Рост, но тот даже не поднял головы. Рост с опаской приблизился к зэку. Он что, умер?

Зрачки Жгута закатились, оставив белки неестественно белого цвета. Из рта тянулись струйки, и Рост вначале решил, что это слюна, но быстро убедился в обратном – струйка была какого-то коричневого цвета, и точно такая же показалась из ноздри.

«Это больше похоже на слизь», – подумал Рост. Он тронул за плечо Жгута, и тот убрал руки. Рост присел над телом.

Сзади послышалась возня, и возле Роста очутился Витек.

– Чего это с ним, а, Геныч? – спросил бомж. В голосе сквозил страх.

– Я почем знаю? – ответил Рост. Он осторожно раздвинул руки Жгута в стороны и приподнял края засаленной рубашки. Витек испуганно охнул и дернулся назад, не сводя глаз с увиденного. Рост молча дотронулся до живота зэка.

Брюхо Жгута стало похоже на тугой барабан и выпирало, как у женщины на седьмом месяце беременности. Но даже не это поразило мужчин. Живот зэка был не просто большим, какой бывает у толстяков, он бугрился, в него словно зашили мешок с теннисными мячиками.

– Геныч, что это? – шепотом спросил Витек, с ужасом глядя на Жгута. – Он что, рожать собрался?

– Понятия не имею, – так же тихо ответил Рост.

– Он сегодня так весь день просидел, только скулил. Вечером мы жрать сели, так он прямо

слуюной изошелся, вон, вишь, какая черная текет... Дашка ему все подкладывала и свою порцию отдала, а он все верещит и добавки просит. И все за пузо держится. Чего делать будем?

– Ничего, – отрезал Рост, вставая. – Пусть лежит. Или ты хочешь, чтобы мы его затащили в дом и он спал с нами?

– Нет, не надо в дом, – поспешно сказал Витек. – Может, у него там газы скопились, так еще пернет, и мы все взорвемся.

Когда они оказались внутри, Рост спросил, можно ли припереть чем-то дверь изнутри.

После недолгих перешептываний было решено поставить у двери шконку Жгута.

Примерно через час в дверь заскребли. Рост неслышно поднялся и приник к двери. Снаружи шумно дышали и продолжали скрести, причем создавалось впечатление, что скребли очень твердым и острым предметом.

– Жгут, это ты? – приглушенно спросил Рост, и скребущие звуки, прекратившись на мгновение, тут же возобновились. Затем послышался удар в дверь.

– Кто там? – хриловатым голосом спросила Даша. Рост разбудил Витьку.

– Открывайте, – раздалось за дверью. Рост не узнал голос Жгута – будто у того был сильнейший насморк и заложен нос. И сразу вслед за этим – новый удар, сильнее первого.

«Выйти, что ли, по шее ему надавать?» – мрачно подумал Рост, чувствуя себя полным кретином. Елки, их тут четыре мужика, которые наделали в штаны из-за какого-то зэка с отвисшим брюхом. Затем он вспомнил бугрящиеся шары на животе зэка и... решил остаться внутри.

Между тем удары прекратились, несколько минут все было тихо. Рост подошел к Витьку.

– Так что там насчет пауков, Витек? – устало спросил он. – В коллекторе, я имею в виду.

– Э... ты почему спрашиваешь? – Витек нервно заерзал на кровати.

– Ты что, не понимаешь? С ним это начало происходить после того, как мы вытащили его оттуда, – сказал Рост. – С этой его ранкой на брюхе, черт бы ее побрал.

В этот момент на крыше раздались царапающие звуки, словно кто-то осторожно полз, выискивая какое-нибудь отверстие или щель, чтобы любой ценой попасть внутрь.

– Он уже на крыше! – завопил Кеша, кутаясь в рваное одеяло. Рост чувствовал, что еще немного – и начнется паника.

– Как он смог забраться наверх? – не поверил Витек. Будто в доказательство, наверху послышалась возня и скребущие звуки.

– Может, его кто-то укусил? – задал вопрос Витек. – Там, внизу, когда вы от ментов прятались?

– Все может быть. Ты видел, что у него с животом? Как рюкзак с бильярдными шарами.

Витек кивнул с затравленным видом.

– Ага, вот так. Раз так, значит, так, – захлебывалось от смеха существо, сидящее на крыше, и у Роста мороз по коже прошел от этого голоса. В нем уже не было ничего человеческого.

– Завтра... – прошелестело наверху, и за этим последовал грохот. Рост предположил, что Жгут, очевидно, кубарем скатился вниз. Потом наступила тишина.

Остаток ночи прошел беспокойно, Рост все время ворочался, впадая в полудрему и тут же выныривая из нее. В перерывах, пока он находился во сне, ему мерещились мать, Олеся, Лелик... В конце концов приснился Жгут. Он сидел на своей шконке в чем мать родила с дьявольской ухмылкой на тощем лице, а из задницы вытаскивал что-то тонкое и блестящее. Рост с ужасом обнаружил, что это пряжа, клейкая и отвратительная.

– Как насчет мух, фраерок? – скрипуче смеялся Жгут, делая из своей кошмарной пряжи

петлю, и Рост вскрикнул во сне.

Он проснулся часов в пять и первым делом вышел наружу. Жгута нигде не было. Зато была его разорванная рубашка и подсыхающая лужа коричневатого цвета, от которой шел резкий запах. Эти лужицы были повсюду, этой жидкостью был вымазан чуть ли не весь дом. От одной из них, самой большой, шла узенькая дорожка, и вела она к лесополосе. Рост покачал головой. Творилось что-то совершенно необъяснимое.

Он взял лопату и пошел по змеящемуся коричневому следу, который то пропадал, то снова появлялся. Наконец Рост зашел в лесополосу и уперся в высокий тополь. Здесь след обрывался. Рост оглядел дерево, сделал шаг назад. В глаза сразу бросилось, что на коре ствола оставлены грубые царапины, будто на дерево пытался взобраться монтажник в своих «кошках». Рост задрал голову. Сглотнул. Потер глаза и сделал еще два шага назад, на этот раз на уровне рефлекса. Нет, Жгута там не было. Зато часть веток густо завесила паутина, липкие капли которой поблескивали в лучах просыпающегося солнца.

За завтраком никто не разговаривал. Рост решил ничего не говорить о дереве. Даша сидела бледная, волосы почти полностью закрывали лицо. Тему Жгута все старательно избегали.

– Дрюне вроде получше, звонил вчера вечером лепиле, – сказал Витек, допивая чай. На его подбородке зрел большой прыщ. – Не знаю только, сколько его еще держать будут. Хорошо, что ногу отрезать не будут.

– Чего это у тебя вскочило? – Рост показал на прыщ. Витек махнул рукой:

– Кажись, фурункул. Само пройдет. Так вот, че я говорю, Дрюню, можа, скоро выпустят. Да, еще, Геныч. Будь осторожен, – сказал Витек. – Дошли слухи... «Врачи» продолжают беспредел. Недавно в Ясенево резню устроили, человек двенадцать наших положили.

Рост хотел сказать, что он уже знает об этом как минимум пять дней, но решил промолчать. Витек добавил уже тише:

– Одного из них все-таки прикончили. Точно тебе говорю. Пацан, лет двадцать—двадцать два. Наши братки проткнули его насквозь железкой, как бумагу сортирную. Так что теперь только гадать остается – либо они обосрались от страха и схоронятся, либо (если полностью отмороженные) продолжат... Ну, ты понял.

– Витек, хрен с ними, «врачами». У нас тут один Жгут чего стоит... Ты давай, говори, я вижу, что ты не до конца мне эту историю с канализационным стоком рассказал, – проговорил Рост, глядя на Витьку в упор.

Тот с трудом выдержал взгляд, побряхтел и сказал:

– Дело в том, Геныч... В общем, не только Дрюня говорил об этой твари в коллекторе. Если бы это было так, я бы все списал на его выдумки, все-таки он «с приветом». Но тут все намного сложнее.

– Ближе к теме, – поторопил Рост.

– Когда-то там собирались наркоманы. Ну, знаешь, совсем опустившиеся, которые любую дрянь себе в вены загоняют. Так вот, наши рассказывали, что однажды обкурились они чего-то и отрубились, прямо там и приход словили. А когда пришли в себя, смотрят, одного не хватает.

– Ну и что? Может, он ушел, – предположил Рост.

– Да выслушай ты до конца! – рассердился бомж. – В общем, стали искать – нигде нет. А в углу стены еще один проход нашли, туда, куда ты лазил Жгута вытаскивать. Ну, прополз кто-то из них по этому лазу, а там в самом конце ноги лежат. Короче, нижняя половина.

– А верхушка? – тупо спросил Кеша.

– А нету ее, верхушки, не нашли. Отгрыз кто-то, пока они летали в облаках. И весь пол в

слизи и паутине. Потом менты приезжали, а что толку? Нарикам дали по три года за что-то, но дело по мокрухе-то открыто! Сошлись на том, что, типа, какой-то маньяк бензопилой ихнего друга разрезал. Но мне че-то слабо верится в это, Геныч... К тому же, один из торчков божился, что видел в трубе что-то большое и мохнатое, с глазами. А потом наши братки базарили, что несколько лет назад на свалку привезли какие-то бочки с химикатами. Ну, и выкинули их в этот коллектор. Поэтому может там какая срань и разродилась, из-за этой химии.

– Час от часу не легче, – сказал Рост. – Короче, вы тут это... поаккуратнее. Я отъеду ненадолго. Даша, без лишней надобности никуда не ходи.

Все молча закивали.

Примерно в восемь вечера на аллее возле казино «Золотой Фазан» снова появился бомж, собирающий пустые бутылки и «стреляющий» сигареты. Некоторые из прохожих, которые, правда, были в меньшинстве, с удивлением смотрели на почти новую спортивную сумку в его руках, которая никак не вязалась с грязной неряшливой одеждой на нем. Бомж это тоже заметил и, выждав момент, когда на него никто не смотрел, незаметно испачкал сумку пылью.

Квадрата не было. Рост уже сбился со счета, сколько он намотал кругов, блуждая по улице туда и обратно.

Когда стало холодно, он пошел к «Макдоналдсу». Не доходя до него метров тридцать, он увидел пять-шесть фигур, уныло слонявшихся возле «фаст-фуда», среди которых он узнал вчерашнего «пендоса говнячего». Этого еще не хватало. Выругавшись про себя, Рост развернулся и зашагал обратно.

Он шел и думал, что если вдруг его остановят менты и захотят обыскать, то у него не остается почти никаких шансов – пистолет лежал на самом верху.

Где-то около полутора часов он сидел на лавке в аллейке, краем уха слушая болтовню гуляющей молодежи. Если сегодня Квадрат не появится, завтра он нанесет визит в кафе на Петровке, другого не оставалось.

«А может, и нет никакого Квадрата? – размышлял он. – Может, он сам давно кормит червей...»

Белый «Ниссан» подкатил прямо к входу в казино, едва Рост вышел из аллеи. Он застыл как вкопанный, чувствуя, как начало покалывать шрамы, полученные в Чечне. Двери «Ниссана» открылись со всех сторон, и оттуда вылезло четверо – три бугая в абсолютно одинаковых черных костюмах и с одинаково поблескивающими выбритыми лысынами, а за ними... Квадрат. Он зашел в казино вторым, пропуская вперед себя охранника. На улице остался только один секьюрити.

«Вот он. Совсем рядом. Всего каких-то пятьдесят шагов», – стучало в голове Роста. Он неуверенно двинулся вперед, стараясь держаться в тени противоположной стороны улицы.

Вход в казино был пуст, охрана забралась внутрь. Рост медленно шел и не видел, как за ним вперевалку плелись четыре темные фигуры, постепенно догоняя.

Может, стоит переодеться в нормальную одежду и попытаться пробраться в казино? Только делать это придется без оружия – не приступом же брать этот чертов «Баклан»...

У самой аллеи Роста кто-то грубо схватил за плечо. Резко запахло мочой.

– Вот, бля. Это он, слышь, эта, пендос... – забубнил до тошноты знакомый голос. Рост обернулся, скидывая ненавистную руку.

Его окружило четверо бродяг, обдавая запахом перегара вперемешку с потом и вонью испорченной рыбы. «Фредди» был все в том же полосатом свитере, но, видимо, сменил обделанные штаны, во всяком случае, запах дерьма сменил стойкий аромат мочи.

– Дай сумку, – потребовал один из бомжей и потянулся к Росту, но тот спокойно отвел ее в сторону и тихо сказал:

– Мужики, там газеты. Бля буду, там ничего нет.

– П...дит, – авторитетно заявил «Фредди», и остальные трое одновременно закивали немдыми головами, как одуванчики на ветру.

– Врет, как срет, – добавил для пущей убедительности другой бомж.

Боковым зрением Рост увидел, что у казино происходит какое-то движение. Кажется, кто-то выходит наружу.

– Давай, бля, бабки. И сумку тоже, пендос, – шмыгнув носом, прогундосил Фредди. Рост ощутил, как где-то глубоко внутри у него открылся кран, выпуская целое море ярости, грозящее выплеснуться наружу. Если бы не Квадрат, он давно прикончил бы эту пьянь, всех четверых...

Он повернулся лицом к «Баклану». У припаркованного «Ниссана» с задумчивым видом курил Квадрат в окружении своей «лички», и Росту казалось, что он смотрит в их сторону. Сейчас или никогда.

Он попытался выйти из смердящего круга, но какой-то бомж, едва достававший ему до груди, стукнул ногой по сумке. «Фредди» тоже потянулся к ней, его скрюченные какой-то болезнью руки напоминали лапы старой рептилии. Другой бомж схватил Роста за локоть.

Квадрат бросил окуроч и залез в машину. Охрана тут же шмыгнула следом.

– Стоять, пендос! – скомандовал Фредди, и Рост озверел.

– Хочешь сумку, канализация? На, жуй!

Фредди полетел в сторону, даже не осознав, что произошло, только почувствовав резкую боль в носу. Второй бомж, ударивший по сумке, согнулся пополам, захлебываясь в разрывающемся кашле. Двое других замерли, неуверенно поглядывая на поверженных друзей. Рост не стал ждать и шагнул вперед. Резкий удар снизу вверх, в подбородок, и челюсть бродяги звонко треснула. Бомж без звука упал на газон, раскинув руки. Четвертый бомж, что-то невнятно промямлив, бросился прочь.

Рост повернулся, расстегивая «молнию» на сумке. Рука нащупала прохладный металл пистолета. Но было поздно – пронзительно взвизгнув шинами, «Ниссан» уже взял большую скорость и скрылся за поворотом. Рост чуть не завыл от бессильной ярости.

«А что ты хотел? – любопытствовал голос из глубины сознания. – Вот так просто, подходишь к Квадрату, стреляешь в него, как в вестернах, так? Да тебя изрешетили бы в момент. Ага, такие дела...»

Его взгляд упал на бомжей. «Фредди» гнусаво ныл, зажав грязной рукой сломанный нос. Кое-как поднявшись на ноги, троица побрела обратно.

Ровным, четким движением Рост закрыл сумку. Теперь он уже знал, что не уедет из Москвы, не убив Квадрата. Хрен с ней, с Украиной, с Сашком и его Говновонялкой... Если потребуется, он зайдет в казино, убьет всю охрану, а затем и его.

Юра пришел домой и сразу понял, что в квартире кто-то посторонний. Он мягко, кошачьей походкой прокрался по первым двум комнатам, завернул на кухню, заглянул даже в ванную. Пусто. Оставалась только его комната. И тогда он почувствовал запах. «Их» запах. Запах сточных вод и давно не стиранного белья. Какое-то время он молча вдыхал затхлый смрад, прикрыв глаза. Со стороны могло показаться, что он делает это с удовольствием.

Кто там, внутри? Это он собирался выяснить прямо сейчас.

Юра достал из тайника сверток с ножами. После недолгих размышлений он выбрал нож Алекса. Зазубренное лезвие стало совсем темным, нож словно скорбел о безвременной кончине своего хозяина.

С ножом в руках Юра вошел к себе в комнату. Никого. Тишина. Все вещи, вроде бы, на месте. Вот только ужасный запах стал резче. Взгляд Юры остановился на шкафу. Конечно, как он раньше не догадался, где «им» еще прятаться.

Догадка его подтвердилась – чем ближе он подходил к шкафу, тем явственнее ощущалось «их» присутствие. Нож в руке подрагивал, как живой, он словно просыпался, и ему не терпелось вкусить чужой крови. Странно, но Юра был абсолютно спокоен. В шкафу послышалась какая-то возня, словно кто-то безуспешно пытался выбраться наружу сквозь многочисленные брюки и рубашки, висевшие на вешалках. Юра подошел вплотную и, глубоко вздохнув, открыл дверцы.

Изнутри сразу повеяло мертвечиной. Сквозь развешанные вещи на него глянуло чье-то серое, морщинистое лицо с выпученными рыбьими глазами. Юра вскрикнул и отшатнулся, чуть не споткнувшись о стул. Раздвигая когтистыми лапами одежду, существо выползло наружу.

«Гюрза-а-а-ааааааа...» – прошелестело оно, склонясь над юношей. Юра видел, как правая сторона лица дикого создания пузырилась, словно его держали над огнем, кожа на нижней части вообще отсутствовала, обнажая распухшие десны. Несмотря на ужасающие изменения, Юра узнал существо. Федоровский Дмитрий, ухажер Алисы.

Юра закричал, вонзая нож в его тело. Лезвие прошло насквозь, прорвав мертвую плоть как папирусную бумагу и выйдя из спины. Из разреза посыпались громадные жуки. Падая на пол, они не разбегались, а лениво извивались, шевеля лапками.

«Ты не можешь убить меня, Гюрза. Как и я тебя. Мы с тобой давно мертвы, просто ты пока еще на земле, – прогнусавило существо. – Пока». Из рта монстра капала прозрачная жидкость, оставляя на паркете дымящиеся ямки.

«Кислота», – всплыла в мозгу Юры догадка.

Существо засмеялось, при этом сплюнув два зуба. Один упал на ковер, и ворс вокруг него стал чернеть, пошел характерный горелый запах.

«Идем. Идем со мной... и захвати с собой Алису».

Рана в животе Федоровского разрасталась, и оттуда вслед за жуками стали вываливаться клубками черные змеи, оглашая комнату зловещим шипением. Плоть с головы и рук монстра стала отваливаться, моментально вспыхивая, как зажженные спички. Он схватил Юру за плечи и принялся трясти, как куклу. Юра с криком схватил существо за скрюченную руку, и она с легкостью отломилась, как гнилая ветка. Из разлома медленно потек отвратительный белый кисель из костных тканей.

«Идем. Идем. Идем с нами», – твердил Федоровский, роняя зубы. Рот ширился и обмякал по углам, язык толстой пиявкой вывалился на пол, волосы сползли набок, обнажая грязно-желтые кости черепа, глаза вытекли, от рук остались обугленные кости с кривыми когтями; все это кошмарное создание уже пылало как факел, и Юра ощущал, как от неимоверного жара у него

трещат ресницы и волосы на голове.

Его разбудил собственный истошный крик. Вся постель была перевернута и влажная от пота. Кляксич испуганно прыгнул с кресла и затаился под кроватью.

Юра со страхом посмотрел на похрапывающую Алису, и от сердца моментально отлегло. Он встал с кровати и поплелся в душ.

Намыливая свое тело, он вдруг подумал, что впервые не испытывает никакого наслаждения от этой процедуры, а делает это автоматически, как запрограммированный робот. Закончив мыться, он подошел к зеркалу. Лицо худое, бледное, под глазами синели круги. Красавец, нечего сказать. Взгляд упал на полочку с бритвенными принадлежностями. Подумав, он решил не бриться. Действительно – зачем? Алиса и так его любит...

«Я прошу тебя... Ну не нужно, ну пожалуйста... Не-е-е-е-е-е-е-е-е-е-еет!!!»

Юра вздрогнул. Голос Нелли прозвучал будто со стороны, и ему показалось, что он перенесся в тот день поминок Алекса и находится в квартире своего убитого друга. Его обдало призрачным холодом – он в буквальном смысле чувствовал запах страха, исходящий от девушки, балансирующей на грани безумия. Когда приехала «Скорая», она принялась дергаться и извиваться, осыпая санитаров ругательствами, и чтобы погрузить ее в машину, пришлось подключаться Юре с Микой, иначе врачи с ней не справились бы. Во время погрузки она вдруг засмеялась совершенно жутким, нечеловеческим смехом, от которого пробрал мороз даже привычных ко всему Юру с Микой. Прямо от них дежурный врач сообщил о происшедшем в милицию, и Юра был готов к этому. После смерти Алекса неприятности липли к ним, и уже через час он давал показания оперативникам. Об этом, естественно, узнал следователь, занимающийся делом Алекса, и на следующий день Юра снова торчал у того в кабинете.

– Она сошла с ума, – просто сказал он на допросе. – Очевидно, смерть Алекса так повлияла на нее...

И вряд ли кто-то мог упрекнуть его во лжи – Нелли действительно лишилась рассудка. Тем не менее Юра видел, что следователь ни на йоту не верит его словам.

Гюрза понимал, что кольцо вокруг них сжимается. Они походили на загнанную стаю измученных волков, даже не волков, а шакалов, на которых устроили настоящую облаву. Алекса уже нет, Нелли тоже вне игры, не сегодня-завтра ее отправят в психушку. Даже если ничего не предпринимать, рано или поздно на их след выйдут. Уж очень много они наследили в заброшенной многоэтажке в Ясенево. А затем потянется длинная ниточка.

Есть почему-то не хотелось до сих пор. Юра с удивлением обнаружил, что с момента похорон (а это более двух недель) он обходился лишь водой, и, как ни странно, совершенно не чувствовал какого-либо дискомфорта. Желудок словно понимал перемены, происходящие с ним, и не напоминал о себе, перестраиваясь на новый режим. В то же время Юра прекрасно осознавал, что долго так продолжаться не может.

Юра выпил чаю, оделся и, поцеловав на прощание ангела, вышел наружу. По какой-то неясной причине он чувствовал себя некомфортно. Нет, он по-прежнему любит Алису, ее нынешнее положение никоим образом не отразилось на его чувствах, но... что-то грызло его изнутри, как червь подтачивает корни могучего дерева. Что-то было не так. Совсем не так, как было раньше, он это ощущал.

Подул холодный ветер, взлохматив светлые волосы молодого человека. Делать было абсолютно нечего. Нужно идти. Только куда?

Несмотря на слова Роста по возможности оставаться дома, бомжи решили поступить иначе.

– Во-первых, у нас кончилась жрачка, – говорил Витек, щупая на подбородке зреющий прыщ. – Во-вторых, Жгут наверняка уже сам кончился – я вчера видел, как его изнутри расперло. А в-третьих, пойдем все вместе, что мы, втроем не отмудохаем его?

Джеки Чан был полностью согласен с Витьком, Кеша же, наоборот, не разделял оптимизма бомжа. Он попытался что-то возразить, но сторону Витька неожиданно приняла Даша.

– Вы идите, а дома я останусь. Не волнуйтесь, я закроюсь, – сказала она.

Даша быстро прибралась на полянке, вскипятила воды и зашла в дом. Пока она была снаружи, ее не покидало ощущение, что за ней все время кто-то внимательно наблюдает, и, только оказавшись в хибаре, она с облегчением вздохнула. Достала из-под матраца стопку старых истрепавшихся журналов «Работница» и «Здоровье».

Женщина читала, но в голову постоянно лезли какие-то мысли. В результате она убрала журналы и прилегла. Несмотря на то что теперь кровать Жгута освободилась, она не решилась занять его место. Она лежала, глядя невидящим взглядом в потолок, и размышляла, что, в сущности, после того как Ростислав покинет их, лично ее жизнь потеряет всякий смысл. Она не могла понять, что с ней происходит, но где-то глубоко в сознании у нее прочно закрепилось твердое убеждение – такого человека, как он, она больше никогда не встретит. Она вздохнула. Становилось скучно, и теперь она почти жалела, что отказалась пойти вместе с мужчинами.

Она встала и вдруг похолодела – в дверь постучали. Господи, кто бы это мог быть? Ростислав обещал быть вечером, Витек и остальные ушли час назад... Она на цыпочках подошла к двери, стараясь рассмотреть сквозь щели в досках стоящего снаружи. В дверь снова шарахнули, на этот раз настойчивей. Причем Даша отметила, что удар был где-то на уровне пояса, словно тот, кто был за дверью, стучал коленом.

– Дашка-а-а-а...

Женщина дернулась, как от пощечины. И хотя голос был каким-то булькающим, она все равно узнала его. Антон, он пришел за ней. Почему-то в памяти всплыла детская сказка, которую она боялась в детстве. Волк и семеро козлят. Мама уходит, а дети остаются. И за этим следит волк, который специально дожидается, когда уйдет мать.

В дверь снова ударили, и она беспомощно оглянулась. Ничего такого, с помощью чего можно было бы оказать достойное сопротивление. Она ухватилась за кровать и принялась толкать ее к двери. Так, еще немного... Еще чуть-чуть...

– Да....аш...а-а-а-аааааааа...

Послышались странные лопающиеся звуки, так взрываются надутые пузыри из жевательной резинки. В дверь ударили снова, на этот раз изо всей силы, и та треснула. Даша с удвоенной силой принялась толкать кровать; до двери оставалось не больше двух метров, как она услышала еще один удар. Последний, потому что после этого удара дверь не выдержала и разлетелась в щепки.

Как в замедленной съемке Даша увидела, как внутрь на четвереньках что-то заползает... Боже, кто это?! Крик застрял где-то в горле, и она лишь беспомощно сипела, хватая ртом воздух. Нет, это не может быть Антоном! Вползшее существо подняло голову и принялось вертеть ею, как собака, потерявшая след. Увидев Дашу, Жгут неторопливо двинулся к ней. Наконец она закричала, в ужасе пятясь назад. На Жгуте были только грязные до невозможности брюки, которые почти сползли до колен, и больше ничего. Он полз с усилием – ему что-то очень

мешало, а разглядев, что же именно, Даша закричала еще сильнее. С живота зэка, словно продолжение его плоти, свисал огромный мешок, который шевелился. Он был мутно-прозрачным, как слегка запотевшее стекло, и сквозь кожу, переплетенную розоватыми сосудами и капиллярами, виднелись странные полуовальные предметы цвета венозной крови, они пульсировали, будто жили отдельно от Жгута и им не терпелось вырваться на волю.

– Ск...ажииииии мне, Даш... – пробулькал Жгут. Мешок, волочившийся по земле, был слишком большим и неудобным, и Жгут то и дело наступал на него коленом, каждый раз при этом пронзительно вереща. Оказавшись рядом с Дашей, он мертвой хваткой вцепился ей в лодыжку. Словно в трансе Даша увидела, что пальцы на его руках превратились в два сросшихся когтя, они покрыты короткими жесткими волосками, и она снова закричала, закричала так, что у нее заболела грудь, а лицо стало лиловым.

Жгут навалился на нее. Даша, не удержавшись, упала, ударившись локтем о спинку кровати. Жгут напoлз на нее, выплевывая изо рта зловонные пузыри:

– Самки... едят. Едя-а-а-а-т мужей, ты зн...ае-е-е-ешь! Но я сам... сам, я сам... тебя съем... съем сам...

Перед тем как потерять сознание, Даша увидела, что глаза Жгута покачиваются на двух стебельках, словно у краба, а рот почти соединился с носом, образовав нечто, напоминающее мохнатый хоботок.

Шаркая стоптанными подошвами ботинок, на автобусной остановке топтался бомж. Трещины на обуви напоминали удивленно раскрытые рты. На нем был грязный темно-синий пиджак, воротник которого лоснился от грязи. Отекшее лицо клошара скривилось в жалостливой гримасе – вот уже час он пытался стрельнуть хоть пару рублей, а в ответ ему в лучшем случае советовали катиться... ну, сами знаете куда.

Подъехал очередной автобус, и из него вышел молодой человек. Обычный парень, только лицо худое и бледное, словно он чем-то болен. После бесплодных попыток выклянчить денег у прохожих, бомж неожиданно поймал пытливый взгляд парня и с надеждой засеменил к нему. Тот холодно смотрел на бродягу, засунув большие пальцы рук за кожаный ремень.

– Это... браток, выручи, а? – стал канючить бомж, подобострастно склонив голову, как собака в ожидании вкусной косточки.

– Что, деньги нужны? – спросил молодой человек.

– А... типа, да, – уже смелее сказал бомж, незаметно для самого себя потирая руки. Он сделал маленький шагок в сторону парня и просительно заглянул ему в глаза. Ноздри молодого человека уловили специфический запах, исходящий от собеседника, однако он не поморщился, а, наоборот, жадно вдыхал его. Наверное, именно так пахнет истинная свобода?

– А зачем тебе деньги? – поинтересовался парень.

Бомж замешкался. Он неожиданно почувствовал себя неуютно под колючим взглядом этого молодого человека, хотя назвать причину вряд ли бы смог. Зачем ему деньги? Дурацкий вопрос.

– Выпить охота, – признался он, облизывая шершавые губы. Блондин с неприязнью обратил внимание на его желтый от никотина язык. – И пожрать че-нибудь, – добавил алкаш, полагая, что на этом разговор закончится.

– Допустим, ты сейчас выпьешь. А завтра? Снова припрешься сюда и будешь клянчить мелочь, воняя и пугая прохожих? – спросил парень.

Бомж тоскливо молчал, поглядывая по сторонам. Нет, здесь явно ловить нечего, морали по поводу образа своей жизни он не собирался выслушивать.

– Чего молчишь? Ладно, ставим вопрос иначе. Сколько тебе нужно денег? – Глаза юноши были полуприкрыты, будто бы он находился под действием наркоза.

– Э-э... Ну, рублей двадцать, – несмело проговорил бомж, опасливо поглядывая на парня. Он уже почти жалел, что остановил свой выбор на этом слегка ненормальном типе, и теперь собирался по-тихому улизнуть.

– Я не имею в виду сейчас, тупица, – терпеливо произнес парень. – Сколько денег тебе нужно вообще? Чтобы ты жил нормально, а не побирался, как кусок собачьего дерьма?

– Как это? – Вопрос молодого человека явно вогнал бомжа в ступор. – Э...

– Второй дубль. Сколько. Тебе. Нужно. Денег? – чеканя каждое слово, проговорил парень. – Вопрос ясен?

Окончательно сбитый с толку, бомж отодвинулся назад.

– Сто. Сто рублей, – торопливо сказал он, потому что вид молодого человека ему очень не нравился. – Нет, двести, – закинул он удочку, нисколько не сомневаясь, что вряд ли найдется идиот, способный дать ему названную сумму.

Юноша рассмеялся, однако бомжу этот смех показался каким-то мрачным.

– Никуда не уходи, – бросил парень и ушел. Бомж тупо смотрел ему вслед.

Юра поднялся к себе в квартиру и, не глядя, взял часть денег, вырученных от продажи машины (что-то около трех тысяч долларов), после чего вышел на улицу. Бомж стоял на

прежнем месте. При виде Юры, его заплывшие глаза озарились надеждой: похоже, ему что-то перепадет.

– Держи, – сказал парень, протягивая бездомному деньги. При виде увесистой пачки долларов крохотные глазки бомжа моментально увеличились, словно силясь убедиться, что это все происходит наяву. Руки плотоядно протянулись к зеленым бумажкам, однако на полпути бомж замер – а вдруг это подстава?

– Не ссы, деньги настоящие, – усмехнулся Юра, словно прочитав мысли бродяги. – В обменнике меняй по частям, а то твои коллеги мигом обуют.

– Ага, – обалдело выговорил бомж. Трясущимися руками он схватил пачку с деньгами, запихнув ее поглубже в брюки. – Спасибо, браток.

– Купи себе нормальную одежду, – словно не слыша его, продолжал Юра. – И смотри. Начнешь пропивать – убью.

– Ага, – снова сказал бомж. Конечно, он купит себе чего-нибудь. Например, новые ботинки. Может, свитер, ведь скоро осень. Но сначала – похмелиться. Угрозу насчет «убью» он, разумеется, пропустил мимо ушей.

– Я пойду? – заискивающие спросил он, и Юра кивнул. Тот быстро ушел, поминутно оглядываясь.

Юра смотрел вслед бомжу, пока тот не скрылся из виду. Интересно, сколько он еще проживет?

Они въехали в Дзержинский, и Рост попросил остановить машину возле знакомой бензоколонки. Расплатившись, он прошел заправку и направился в сторону гаражей. Так он срежет круг и быстрее доберется до дома. «Дом»... – Рост скривил губы в нерадостной улыбке – когда еще у него будет свой дом?

Он шел и думал, с горечью признавая, что неудачи сыплются на него, как перхоть с его дружков-бомжей. Квадрата упустил, попал в переплет с ментами, потом эта стычка с бомжами... А что его ждет сейчас? Зловонная свалка, тухлые тряпки вместо нормальной кровати, чокнутый Жгут, ревнующий по любому поводу Дашу, и вечно мяукающий и голодный Черномырдин в придачу. Нужно успокоиться. Расслабиться. Рост подумал, не купить ли водки, затем решительно отверг эту идею.

Пока он обдумывал дальнейшие действия, ноги сами завели его к заброшенным гаражам, туда, где он оставил «восьмерку». Фонарей здесь почти не было, а из тех, которые еще сохранились, горело всего два. Тусклые пыльные лампы светили едва-едва, позволяя увидеть только очертания предметов. Рост прошел несколько метров, вглядываясь в темноту. Он не знал точно, что его привело сюда, но давно усвоил, что своим инстинктам нужно доверять больше, чем другим чувствам.

Неожиданно он замер. «Восьмерки» он не видел, зато впереди дорогу преграждал огромный джип, а чуть дальше слышалась какая-то возня. Рост выглянул из-за джипа и увидел два луча от фонариков, они чертили замысловатые линии по многострадальной «восьмерке», от которой остался практически только кузов. Он сделал еще два шага, дрожа от нетерпения. Пожалуй, удача повернулась к нему лицом. Он достал пистолет, прислушиваясь.

– ...я уже говорил ему. И не один раз. Блядь, достало меня это уже. Чего тут найдешь? Тараканов да мышей разве что.

– Хрен знает. Крови вроде не видно.

– Да че ты тут увидишь-то! Поехали, в такой темноте бесполезняк что-то искать. Говорил, на свалке эту крысу искать надо! Суки, тачку жалко. Как быстро гопота ее распатронила, а?! Хорошо, Дениска этого никогда не увидит, он бы удавился из-за своей «восьмеры».

– Ладно, звони, и двинули отсюда.

Если до этого оставались какие-то сомнения, то сейчас они развеялись, Рост вышел из-за джипа, сжимая в руке пистолет. Он был спокоен, как никогда. Две громадные фигуры, закончившие осмотр «восьмерки», были отличными мишенями.

– Эй, малыши, – тихо позвал Рост. – Я здесь.

Фонари мигом осветили его, но палец уже нажал на спусковой крючок. Одна фигура резко дернулась, словно по ней пустили ток, и упала на капот машины. Послышался сдавленный вскрик.

Рост прыгнул влево, уходя от луча света, и, целясь в ноги второго громилы, дважды выстрелил. Фонарик упал на землю, облив желтым светом обломки кирпичей.

Рост поднял его и подошел к стонущему мужчине. Посветил и с удовлетворением кивнул – обе ноги перебиты.

– Заткнись, дерьмо, – приказал он, прислонив к виску раненого ствол. Тот сразу замолчал, закусив губу.

Рост подобрал пистолет, оброненный мужчиной, и подошел к другому, которого уложил первым выстрелом. Тот лежал распластавшись, неестественно широко раскинув ноги. Рост осторожно проверил у него пульс. Мертв.

Сзади послышалась возня и прерывистое дыхание. Тот, с простреленными ногами, сумел встать на четвереньки и попытался уползти в спасительную темноту. Рост шагнул к нему и обрушил на затылок рукоятку пистолета. Мужчина грохнулся на щебенку.

Рост затащил убитого в недостроенный гараж, после чего обыскал. Еще один пистолет, бумажник, телефонная карточка, мобильный, пивная открывалка. Сойдет, пригодится. Он закидал досками и кирпичами безжизненное тело, сверху накрыл обрывками грязного брезента. По крайней мере, найдут его не сразу, если только бродячие собаки не доберутся.

Затем вернулся к джипу. Открыл дверь, на заднее сиденье швырнул свою спортивную сумку со спецодеждой. Подошел к валяющемуся без сознания громиле. Даже в темноте он видел черные лужи крови под ногами. Ничего, часа два он протянет, а больше и не надо. Только нужно поторопиться, выстрелы могли услышать.

Он присел над телом и затормозил его. Никакой реакции. Рост принялся хлестать его по щекам. Наконец крепьш открыл глаза.

– Очнулось, мудило гороховое? – пробормотал Рост. – Где Квадрат?

– Пошел в жопу, – слабо произнес мужчина. Рост покачал головой и ударил его рукояткой пистолета в нос. Несильно, но кровь брызнула, как будто он ударил в пакет с вишневым соком.

– Ответ неверный. Итак, где Квадрат?

– Не знаю никаких квадратов и треугольников, – ответил верзила, пытаясь приподняться на локтях. Рост жестко улыбнулся и внезапно ткнул его дулом в рот. Послышался хруст, мужчина закашлялся, выплевывая осколок зуба.

– Повторяю в третий раз. Где Квадрат? – бесстрастно продолжал Рост.

– От...бись, – с ненавистью выдохнул тот. Рост вздохнул.

– Ты не оставляешь мне выбора, – еще один тычок. Еще один выбитый зуб и стон.

Мужчина заелозил, пытаясь перевернуться на живот, но Рост схватил его за шиворот, как котенка, и повернул к себе.

– ГДЕ КВАДРАТ? – страшным шепотом произнес он, и раненый истерично провизжал:

– Нет... послушай, он убьет меня, я...

– Я не могу торчать тут с тобой до утра, – сказал Рост, нанося ему очередной удар по зубам. – Выбить все зубы я тебе не могу – тогда как ты мне расскажешь про своего шефа? Но есть альтернатива – твои пальцы, целых двадцать штук. Или глаза.

Мужчина убито молчал, распухшие губы тряслись. В темноте блестели выбитые зубы, прилипнув к массивному подбородку. Рост достал открывалку, которую он только что вынул у покойника, и покрутил ее перед лицом мужчины:

– Или ты говоришь, где Квадрат, или я выковыриваю тебе глаза. Вот этой штуковиной, по очереди.

Лицо громилы стало белее снега, Рост это видел даже в сумерках.

– Адрес не знаю, – еле ворочая языком, проговорил он. – Могу... показать.

– Где он? – быстро спросил Рост.

– У него дача по Можайке. Километров сорок от Кольцевой дороги.

– Лады, – сказал Рост. – Поехали.

Перед тем как сесть в машину, Рост обыскал своего пленника. В одном из карманов верзилы он обнаружил копию своей фотографии с паспорта. Ее, очевидно, и предъявляли на свалке Даше.

– Ты девку на свалке допрашивал? – он сунул в нос громиле карточку, и тот нехотя кивнул.

– Что-то сейчас ты не такой смелый, – вполголоса сказал Рост, связывая ему руки ремнем, который он вынул из своих «спецбрюк». После этого он помог забраться раненому мужчине в машину.

Через минуту джип уже ехал по МКАДу, и единственное, о чем молил Бога Рост – чтобы их машина не заинтересовала гаишников.

Однако Росту везло. Ни на одном из постов ДПС их джип не вызвал подозрений. Верзила показывал дорогу. Они доехали до Можайского шоссе и свернули под мост.

– Ты, надеюсь, понимаешь, что совершил самую большую ошибку в жизни, если указал мне не ту дорогу, – сказал Рост.

– Мне надо к врачу, – глухо отозвался мужчина. Росту стало смешно, хотя ничего смешного этот измороженный, с продырявленными ногами бедолага не сказал.

Впереди показалась развилка.

– Куда теперь? – спросил Рост, слегка притормаживая.

– В Одинцово, налево, – процедил мужчина, исподлобья взглянул на Роста. – Ты все равно убьешь меня, – сказал он опустошенно.

– Да, признаю, такая мысль все чаще посещает меня, – согласился Рост. – А ты бы что делал, а?

– В таком случае, на хер мне тебе помогать? – вместо ответа задал встречный вопрос крепыш.

Рост повернулся и холодно улыбнулся, и от вида этой безжизненной улыбки мужчине стало ясно – простреленные ноги и выбитые зубы – сущая ерунда по сравнению с тем, что он с ним может сделать.

– Ты, малыш, как я погляжу, ни фиги не понял. Я все равно узнаю, где этот твой параллелепипед, только ты после этого останешься без носа, ушей и глаз, а потом я по-любому убью тебя. Уж поверь, мне терять нечего, ты, наверное, в курсе. А если будешь нормально сотрудничать – умрешь быстро. Слово даю.

Крепыш хихикнул с надрывом. Разбитый рот, словно рваная рана, скривился в ухмылке:

– Слово психа, да, оно много стоит... Что, самые крутые яйца?

– Ага. Самые крутые яйца в Дзержинском, – с довольным видом поддакнул Рост. – А с сегодняшней ночи – и в Одинцове.

– А почему тебя зовут Гурвинек? – внезапно спросил верзила. – Это что, твое «погоняло»?

Рост засмеялся. Со стороны можно было подумать, что старые друзья спешат на вечеринку, перекидываясь шуточками.

– Квадрат из тебя решето сделает, – очень тихо произнес мужчина, – и яйцами твоими в теннис играть будет. Гурвинек, твою мать.

Он отвернулся и больше не произнес ни слова.

– Сколько еще ехать? – спросил Рост минут через десять.

– Еще пять-семь километров. Там будет поворот на Кубинку, на мост, – с трудом сказал мужчина.

Рост съехал на обочину и заглушил двигатель. Затем повернулся к съежившемуся в страхе верзиле. Ноги жалко скрючены, на полу целый пруд крови, лицо, как у ожившего мертвеца. В какую-то долю секунды Рост даже пожалел его, но это чувство быстро испарилась – здоровяк в паре с тем, который валяется сейчас в гараже, шел за ним, Ростом. Они собирались привезти его к Квадрату, окровавленного, в обмоченных штанах и со сломанными конечностями.

– Слушай внимательно. Сейчас ты мне расскажешь, сколько там народу, где можно найти Квадрата и так далее, все-все-все. Ты понял меня, малыш?

Мужчина молчал, и Рост со вздохом вытащил пистолет. Помахал перед лицом раненого:

– Продолжим играть в злого дантиста?

– Я все расскажу, – торопливо произнес тот, отодвигаясь назад как можно дальше.

- Сколько вас там?
- Четверо. Квадрат с каким-то другом и двое из нашей охраны.
- Что за друг?
- Я его не знаю, но шеф с ним вроде сидел.
- Кто главный в вашей «личке»?
- Эльдар.
- Это такой здоровый?

Мужчина кивнул.

- Оружие в доме есть?

Пауза.

Рост снова приблизил к лицу мужчины пистолет.

- Мальш, я теряю время.

– В сейфе два нарезных, «калаш» и «стечкин». Еще маслята и «Ф-1» шпук семь, не знаю точно – этим заведует Эльдар.

- Рации есть?

- Да, но в это время ими вряд ли пользуются.

- Гм... Где Квадрат может быть сейчас?

– Не знаю, – ответил мужчина, и Рост понял, что он говорит правду. – Вообще собирались топить баню.

- Собаки есть?

- Да, немецкий дог. Но он обычно привязан.

Рост немного подумал, поигрывая пистолетом.

- Ты должен кому-то из них отзвониться, Эльдару, Квадрату? Перед тем, как сюда ехать?

– Да, – глухим голосом произнес мужчина. Его разбитый рот распух, и говорить ему становилось все трудней.

– Диктуй номер. Я дам тебе «трубу», а ты скажешь, мол, ничего не нашли, скоро будем, уже на подъезде. Только постарайся, чтобы голос звучал, будто ты его к себе на свадьбу зовешь, – сказал Рост, доставая мобильник. – Если позовут твоего напарника, скажешь, ссыт в кустах.

Метнув в сторону Роста полный ненависти взгляд, верзила стал диктовать номер. Набрав номер, Рост протянул мобильник к уху телохранителя и прислонил к его животу пистолет.

- Одно лишнее слово, и... ты меня понял.

Кивок.

Когда все было закончено, Рост выключил телефон и завел машину.

Джип бесшумно подъехал к высоким металлическим воротам. На узкой двери – миниатюрный кодовый замок, на табло пульсировала ярко-зеленая пунктирная линия.

– Как попасть внутрь? – спросил Рост, кладя себе на колени вытащенный у убитого «ТТ». Проверил обойму и перевел предохранитель в боевое положение. Второй пистолет он убрал за ремень.

– Я не знаю код. Посигналь четыре раза. Последний раз длиннее, – сипло сказал верзила и кашлянул. Лицо его приобрело темно-желтый цвет, как старый зачерствелый сыр. – Послушай, Квадрат не должен знать, что...

– Заткнись, – оборвал его Рост. Он просигналил, одновременно поглядывая на видневшуюся слева видеокамеру. Какое-то время ничего не происходило, затем двери с мерным гудением открылись.

*У меня была бомжиха, с братом-пидарасом
Торговала на толчке левым «Адидасом».*

Из фольклора бродяг

Бомжи возвращались домой, когда солнце уже катилось к горизонту, окрашивая верхушки свалки в огненно-золотистый цвет. Было видно, что они спешили, особенно один из них, в клетчатой рубашке, с клочковатой, растрепанной бородой.

– Виктор, прошу, не беги так, – взмолился Кеша. Ему приходилось поспевать за своими более выносливыми и молодыми друзьями, и он то и дело спотыкался, а один раз даже упал, но Джеки Чан ловко поднял его, и они продолжили путь. В руках у каждого было по пакету с провизией.

Вскоре она взобрались на небольшой пригорок, и невдалеке показалась знакомая лесополоса, за которой находилось их жилище.

– Ну вот, почти пришли, – удовлетворенно сказал Витек.

Он был в хорошем расположении духа. Во-первых, день прошел с пользой, и их пакеты наполнены хавкой с «беленькой» и портвейшком. Во-вторых, они не встретили на своем пути Жгута. Теперь побыстрее добраться бы домой...

Его мысли прервал Кеша:

– Виктор, извини за мое любопытство, но меня постоянно терзает один вопрос...

– Валяй, Ке... Иннокентий.

– Ты не в курсе, из каких источников наш новый друг Геннадий черпает финансовые средства? Не могу себе представить, чтобы этот молодой человек сдавал бутылки или медь, как мы. Он не из той породы.

– Эх, Кеша, Кеша, – вздохнул Витек.

– Иннокентий.

– Да ладно, чего уж теперь. Если бы ты знал, НАСКОЛЬКО он не из той породы.

– Он что, бандит? Вроде Жгута?

Витек медлил с ответом. Собственно, у него его и не было, только одни предположения. Он знал только одно – этой темной лошадке «Гене» (он нисколько не сомневался, что у него другое имя) крупно повезло, что он нашел временное пристанище у них. Попади он к другой группе бездомных – его мигом растерзали бы в первую же ночь. А уж увидев деньги (новенькие, хрустящие, все как на подбор, только что из банка), вообще пытали бы.

– Не знаю, – сказал он честно Кеше. – Станный он мужик, но вроде хороший. Согласен?

Кеша кивнул.

Они миновали лесополосу и вышли к знакомой полянке.

– Виктор, – начал Кеша и вдруг осекся. Джеки Чан тоже встал столбом.

Вместо двери в доме зияла уродливая дыра, на ставнях болтался огрызок доски. Витек вошел внутрь, Джеки Чан за ним. Кеша хотел было последовать примеру друзей, но что-то удержало его на месте, и он продолжал стоять, сжимая в руках пакет с тремя упаковками лапши «Доширак» и бутылкой портвейна. Он покачивался, как деревце на ветру, и взгляд его фиксировал странные (если не сказать страшные) изменения – весь дом забрызган какой-то слизью, трава перед входом залита чем-то красным, обломки досок... В доме послышался изумленный крик Витька. Через секунду он вышел, шатаясь. Лицо его было блее простыни.

Кеша вдруг понял, что ни за что на свете не зайдет внутрь.

Юра снова стал есть. Первый раз его вырвало, и это неудивительно – почти две недели он вообще ничего не ел, а только пил (он даже не помнил, что чаще – воду или водку). Теперь же, обнимаясь с унитазом и изрыгая из себя наспех проглоченные куски пищи, он радовался, что вообще не склеил лапы.

Он с удивлением заметил, что мир вокруг него снова обретает краски и запахи, как небо после грозы, на котором расцветает радуга. Теперь ему было ради чего жить. Ведь скоро свадьба. Если быть точным – через два дня. И этот день станет самым счастливым для них обоих.

Он занялся уборкой. Он всегда делал это с удовольствием, и ему было чем гордиться – все комнаты сияли, как отполированная солдатская пряжка. После мойки создавалось впечатление, у него на даче на окнах вообще нет стекол – так тщательно они были вымыты. Он убирался, напевая что-то под нос, а Алиса с улыбкой наблюдала за ним.

Слава богу, что она улыбается. Слава богу, что время дурацких вопросов прошло, и Юре больше не нужно выкручиваться, как червяку в руках рыбака, выдумывая разные глупости насчет отсутствия ее матери и Сэма. Где-то в глубине сознания у него зрело предчувствие, что его ангел не совсем та, которую он знал до аварии. Но, как ни странно, это волновало Юру в последнюю очередь. Она жива, здорова (почти, если не считать парализованных ног), смотрит на него преданными глазами, а больше ему ничего не нужно. Да, она не ходит, но это вопрос времени. По крайней мере, он хоть узнал примерную стоимость операции. Сумма не особенно ошеломила его – всего каких-то 250 тысяч евро, может, чуть больше. Если надо, он продаст квартиру – он может это сделать, так как родители оформили всю недвижимость на него. Нужно только... но этим он займется чуть позже. Чуть позже... не сейчас. Возможно, после свадьбы.

После уборки последовал традиционный душ. После него он долго и яростно тер себя грубым полотенцем, пока кожа не запылала, затем вошел в комнату к Алисе.

– Как мы сегодня себя чувствуем? – улыбаясь, спросил он. Девушка отложила книгу и радостно посмотрела на него.

– Вижу, что лучше, – сделал вывод Юра. – Ты не забыла, какой у нас день послезавтра?

Лицо Алисы на секунду застыло в напряжении, затем разгладилось:

– Юра, ты с ума сошел. Ты что, серьезно решил везти меня в ЗАГС? В таком состоянии?

– Не вижу никаких препятствий. Не забудь, утром к тебе приедут визажист и парикмахер, я уже договорился. Ты будешь самая красивая невеста, как я тебе и обещал.

Она кивнула и задала вопрос, который Юра больше всего ненавидел:

– Юра, а как же моя мама? Ведь она захочет меня увидеть...

– Отметим с твоей мамой это событие позже, – ответил Юра, стараясь, чтобы его голос не звучал слишком резко.

– А Инна? – спросила Алиса, и юноша мысленно выругался – опять начинается все сначала.

– Инна в больнице. Я как раз собирался навестить ее, – торопливо сказал он. – Я же говорил тебе, врачи пока не дают никаких прогнозов. К ней даже не всегда пускают, – добавил он для пущей убедительности, хотя и видел, что Алиса не очень-то верит его словам.

Он сделал ей укол, поцеловал на прощание и спустился вниз.

На самом деле, он собирался навестить не Инну, которая уже давно лежит в земле, а Нелли. Но не говорить же об этом ангелу! Пусть думает, что ее сестренка жива. А когда наступит время, пусть эту страшную новость Алисе сообщит Надежда. Он здесь ни при чем.

Он выбрал свежую рубашку, снял с вешалки бежевый костюм, подобрал в тон туфли и

придирчиво осмотрел маленькую царапинку сбоку. Подушился одеколоном и вышел на улицу.

По дороге он купил кое-каких фруктов, не особенно рассчитывая, что ему разрешат пронести их с собой. Так и вышло, даже еще хуже. Попасть на территорию психиатрической больницы оказалось куда сложнее, чем на объект, на котором расположены атомные реакторы. На входе охрана, автоматические двойные двери, где дотошно проверяют документы и обоснованность визита.

– К кому? – из крошечного окошка на Юру строго смотрела немолодая женщина в очках.

Юра объяснил. Однако тут же выяснилось, что для посещения больных определено специальное время и нужно иметь какую-либо родственную связь с больным. По настоятельной просьбе Юры строгая тетка посмотрела в журнал и добила его, сообщив, что Нелли – особый пациент, представляющий опасность для окружающих, соответственно визиты к ней кого бы то ни было в настоящее время вообще исключены.

Уходить просто так не хотелось, и Юра попросил передать Нелли фрукты. Однако очкастая тетка наотрез отказывалась принимать от юноши передачу. Назревал скандал, как вдруг дверь со стороны территории больницы открылась и внутри оказалась довольно милая девушка лет двадцати пяти.

– Отлично, как раз кстати. Лена, объясни молодому человеку, что мы сегодня передачи не принимаем! – раздраженно произнесла тетка и уткнулась в кроссворд. Девушка, которую тетка назвала Леной, слегка улыбнулась и вместе с Юрой вышла на улицу.

– Вы к кому пришли? – спросила она.

Юра объяснил. Лена медленно покачала головой, лицо ее посерьезнело.

– У девушки очень тяжелый случай. Все я вам, конечно, не расскажу, но она все реже и реже бывает в здравом рассудке. У нее шизофрения, причем в очень сложной форме, чтобы вам было понятнее.

Она замолчала, сцепив пальцы, и Юра мягко спросил:

– Лена, вы недоговариваете. Прошу вас, не надо ничего скрывать от меня.

Девушка бросила на него изучающий взор, будто прикидывая, насколько можно доверять этому молодому человеку. Удивительно, на нем был такой дорожный костюм, от него восхитительно пахло туалетной водой, но сам он был... каким-то не таким. Она затруднялась объяснить самой себе, что именно ей показалось странным, может, худое лицо парня или его глаза, зрачки которых плавали словно в расплавленном битуме.

– Она очень агрессивна. Вчера во время обеда она зубами разорвала себе вену. Пищу принимать отказывается. И при этом постоянно говорит о каких-то врачах. О каких-то хирургах, свалках с помойками, все в кучу. В общем, я списываю это на бред.

– Я не смогу ее увидеть? – на всякий случай уточнил Юра. Лена виновато улыбнулась и развела руками:

– К сожалению, от меня здесь ничего не зависит. А уж тем более если принимать во внимание, что психическое расстройство Нелли прогрессирует, и очень быстро.

Подумав, он протянул ей пакет.

– Я очень вас прошу, возьмите. Возьмите хотя бы себе, не отказывайтесь.

– Нет, извините, – сказала девушка, отводя взгляд. Ее лицо стало пунцовым. Она это поняла по снисходительной улыбке, с которой глядел на нее этот необычный молодой человек. – Нам... нельзя.

– Почему? Тоже правила не позволяют?..

Все с той же улыбкой юноша опустил пакет в урну возле ступенек.

– Спасибо за информацию, и всего хорошего.

Он повернулся и пошел, прямо держа спину, а изумленная девушка все стояла и смотрела

ему вслед. Когда он скрылся из виду, она осторожно выудила из урны пакет и отряхнула его от прилипшего окурка.

Когда ворота открылись полностью, Рост повернулся к связанному верзиле и виновато сказал, будто оправдываясь:

– Извини, но сегодня мой день.

С этими словами он оглушил его пистолетом, и тот моментально отключился. Ничего, повалится немного без сознания, а там видно будет. Рост включил первую передачу и потихоньку покатыл вперед. Мощные прожектора освещали вымощенную импортной плиткой тропинку. Справа стояло две машины – знакомый до тошноты белый «Ниссан» и темно-бордовый «Форд Фокус».

Неожиданно впереди высветился силуэт рослой фигуры, и Рост утопил педаль газа до самого упора. Тяжелый джип, разъяренно взревев, рванул прямо на человека. Кто это? Эльдар? Друг Квадрата, с которым тот сидел? Послышался глухой стук бампера о тело, короткий крик, и тело с силой отбросило к ступенькам дома. Рост заглушил мотор и ужом выскользнул из машины, сжимая в руках «ТТ». Второй пистолет он предусмотрительно спрятал за пояс.

На траве, кашляя, корчился бритоголовый мужчина, судя по всему, Эльдар. Лицо его было залито кровью, в руке он все еще сжимал рацию.

– Привет от Гурвинека, – шепотом произнес Рост, стреляя в скрюченное тело.

Верх головы бритоголового неожиданно исчез, словно срезанный острейшим лезвием, выпуская наружу темно-красное желе. Рост мысленно порадовался, что пистолеты охраны Квадрата снабжены глушителями. Он поднял валявшийся на ступеньке пульт и после недолгого изучения щелкнул нужной клавишей. Все с таким же ровным гудением ворота закрылись.

– Автоматика, однако, – вслух сказал Рост, вынимая из пальцев Эльдара рацию. Осмотрел ее. Обыкновенная «Motorola-GP-344», слева кнопка вызова, наверху ручки настройки. Вот только не спросил он своего пассажира, есть ли у их охраны позывные? Разглядывая рацию, Рост увидел в самом низу, где защелкивается аккумуляторная батарея, крошечный квадратик, приклеенный скотчем, на нем было две малюсенькие параллельные черточки: «П». Рост покачал головой. Непростительная халатность, Эльдар. Интересно, а кто же первый? Ответ пришел сам собой: «Конечно же, наше уникальное произведение Малевича».

Откуда-то справа раздалось глухое ворчание. Вздвогнув, Рост оглянулся. Из массивной конуры, которая размером немногим уступала сельскому туалету, неторопливо выполз огромный пес. Круглые глаза в бликах света казались двумя тлеющими головешками. Верзила не соврал – собака действительно была на цепи, но если она начнет лаять... Тем временем пес настороженно следил за Ростом, уши его прижались, пасть приоткрылась, и это решило судьбу дога.

После того как с собакой было покончено, Рост быстро осмотрелся. Перед ним высился исполинский трехэтажный дом, выполненный в стиле евростандарта, со всеми сопутствующими наворотами и прибабасами. Ни в одном окне не горел свет. Дом выглядел спящим, и Рост стал искать баню. По словам оглушенного им бедняги, который «отдыхал» в джипе, именно сейчас вся компания собиралась погреть кости.

Баня оказалась слева от дома, из затейливой остроконечной трубы вился дымок, изнутри доносилась музыка. Напротив бани стоял огромный мангал, на котором сиротливо обугливался одинокий шампур с двумя почерневшими кусочками мяса. Ноздри Роста уловили запах баранины. Он тенью метнулся к бане, прислушался. Плененный верзила не говорил о том, что баня охранялась, но Рост кожей чувствовал, что внутри наверняка еще один охранник, последний, если верить его расчетам. К тому же, Квадрат слишком осторожен, чтобы париться и

нахлестывать свой тощий зад веником, не будучи стопроцентно уверенным в своей безопасности. Сквозь аккорды какого-то шансона явно слышались голоса и женский смех. За дверью раздался звук, который нельзя спутать ни с чем иным – кто-то опустился в кресло.

Его рот растянулся в ухмылке, не предвещавшей ничего хорошего. Рост дернул ручку двери. Заперто. Что ж, он этого ждал и поднес к губам рацию. Наверняка она настроена на одну волну.

– Это Второй. Открой, – прошептал он, убрав палец с кнопки вызова.

– Третий на связи. Что случилось? – жестко поинтересовались за дверью. Рост бросил рацию и трижды постучал. Дверь сразу же приоткрылась, совсем чуть-чуть, ровно для того, чтобы высунуть нос и в образовавшуюся щелку посмотреть, кто же пожаловал в столь поздний час. Рост с силой ударил ногой, чувствуя, как пятка отозвалась болью. Дверь буквально влетела внутрь, впечатавшись в лоб стоящего за ней человека. Тот успел издать лишь удивленное «ох», отлетев в сторону, и Рост ворвался в предбанник. На полу на четвереньках стоял здоровяк, держась за разбитое лицо и недоуменно трясая головой. Рядом у ног валялась рация. Рост шагнул вперед и ногой нанес ему страшный удар в лицо. Тот издал кричающий звук и отключился.

Следующая комната была тоже закрыта, хриплые вопли о прелестях тюремной жизни были такими громкими, что Рост не удивился, почему его до сих пор не слышали. Он тихонько толкнул дверь и оказался в комнате. Кожаный диван, массивные стол и лавки из дуба, большой жидкокристаллический телевизор на подставке в углу, маленькие аккуратные светильники, излучающие уютный зеленоватый свет, огромная тарелка с дымящимися креветками, запотевшие кружки с пивом...

«Будь проклята ты, Колыма, что названа черной планетой... – задумчиво гремели динамики навороченного музыкального центра. – Сойдешь поневоле с ума... Отсюда возврата уж нету...»

Глаза Роста были прикованы к сидящим за столом. Две девушки, почти девчонки, одна рыжая, другая брюнетка, длинные волосы обеих блестели при свете светильников. И двое мужчин. Первый – лет пятидесяти, хорошо сложенный, почти полностью покрытый блатными татуировками и совершенно седой. Рост даже разглядел эполеты на плечах, что свидетельствовало о высоком ранге вора. При появлении Роста глаза его опасно блеснули, он весь подобрался, как тугая пружина.

Второй же, который сидел рядом с рыжеволосой...

– Какие гости у нас, – протянул Квадрат, приглаживая редкие волосы, но Рост заметил, что пальцы его дрожали. Худое тело Квадрата тоже изобиловало тюремными рисунками, хотя и не в таком количестве, как у его седого гостя. Одновременно Рост обратил внимание, что рука татуированного медленно потянулась к кружкам.

– Не шевелиться, – не разжимая зубов, проговорил Рост, нацелив на стол пистолет. Следующее произошло почти мгновенно.

Рука татуированного на секунду остановилась, затем коброй метнулась куда-то за кружку.

Рост выстрелил.

Кружка разлетелась на сотню сверкающих осколков, пиво, пенясь, залило стол. Звон разбитой кружки слился с криками девушек.

Татуированный что-то кинул в него, и в то же мгновение плечо у Роста онемело, моментально потяжелело.

Он выстрелил еще раз, и татуированный нелепо повалился на пол, опрокидывая оставшиеся кружки, тарелку с креветками и стопку карт, веером разлетевшихся по всему помещению. Правой стороны лица у него не было, левая превратилась в кашу из костей и разлохмаченной плоти. При выстреле загорелись его седые волосы, и в воздухе поплыл тяжелый запах паленого.

Девушки уже не кричали, а истошно визжали, в смятении закрывая лица ухоженными руками.

Квадрат, пригнувшись, бросился в парилку, мелькнув дряблым обвислым задом. Рост перешагнул через татуированного. Тот силился подняться, изо рта клочьями падала розовая пена.

– Ы... никогда... – с трудом выговорил он. Оставшийся глаз с недоумением оглядывал пространство и уставился на Роста. Татуированный коснулся кровоточащей головой острого края доньшка разбитой кружки и со стоном дернулся назад. Кроме лица выстрел скальпировал часть его черепа. Сквозь разорванную плоть кости были похожи на помутневшие от времени серебряные пластины. Волосы продолжали тлеть, слабо потрескивая и воняя.

– Точно, никогда. Прости, мужик, – сказал Рост. Он добил его одним выстрелом, затем повернулся к вопящим девушкам:

– Тс-с-с-с, заткнитесь, милые, заткнитесь. Или трахну вас, а потом съем.

Те замолкли, в ужасе глядя на расплзающуюся лужу крови под головой татуированного.

– Сидеть здесь. Пока я не освобожусь. Хорошо? – сказал Рост, и девушки одновременно закивали, ну точь-в-точь пара китайских болванчиков.

– Ну и чудненько, – Рост ткнул ногой дверь, но она не поддавалась. Разумно со стороны Квадрата. Рост ударил сильнее. Послышался легкий хруст, но дверь осталась на месте.

– Квадрат, если ты не откроешь, я просто сожгу тебя в этой гребаной бане, – прокричал Рост. Он улыбнулся, будто вспомнив что-то забавное.

– Выходи, пендос говнячий!

Как он и ожидал, ответом была тишина. Росту становилось жарко, по спине побежали первые теплые струйки пота, рубашка противно липла к разгоряченному телу. Рост ударил снова, дверь еще немного поддалась. Он выстрелил в центр двери. Пули злыми осами прошили ее, оставив в толстых досках две идеально круглые дырочки. Росту они показались похожими на чьи-то изумленные глаза. В парилке болезненно вскрикнули, и Рост вновь ударил ногой, на этот раз вложив в удар всю силу. Дверь открылась, и Рост вошел внутрь. Дыхание моментально перехватило – температура в парилке была сумасшедшая, пар стоял такой, что он не видел кончик собственного носа. Если Квадрат ранен, то должен быть где-то рядом...

Однако внезапно правую ногу обожгла резкая боль, затем бок... Рост отпрянул назад, выронив от неожиданности пистолет. Из дымки выступил голый Квадрат, пар окутывал его, как катаракта старый больной глаз. Сморщенный пенис в обрамлении седоватых волос бесстыдно болтался. Лицо Квадрата искажено в ненависти, в руках он сжимал крюк для ворошения углей, на костлявых руках толстыми червями вздулись синие жилы.

– Попался на такой трюк, Ростик, – скрипуче произнес он, замахиваясь крюком. – Думал, пришел меня?

Рост увернулся от удара, но Квадрат продолжал наступать, снова поднимая крюк. Рост нырнул вниз, ударив его левой рукой в грудь, и они вместе упали в парилку, награждая друг друга ударами.

Жара становилась невыносимой, парилка напоминала сам ад. Росту казалось, что он слышит, как на голове трещат его волосы, а сердце работает с перебоями, кровь сворачивается, закипая в сосудах. Он попытался ухватиться за шею Квадрата, но тот все время вертелся, как пойманный угорь, и когда ему это наконец-то удалось, он с каким-то тупым удивлением обнаружил, что его промежность вдруг опалило болью. Глаза Квадрата, странно маленькие без привычных очков, торжествующе смеялись. Они лежали на раскаленном полу, как два страстных любовника, – Квадрат снизу, а Рост на нем. Казалось, еще немного, и их уста сольются в сладком поцелуе, а затем начнется такое, какое можно увидеть только на дисках, которые продают из-под прилавка.

– Схватил тебя за яйца, Гурвинек сраный! – завопил Квадрат, трясаясь, словно паралитик.

Его лицо было буквально в нескольких миллиметрах от Роста, и Рост видел морщины, глубокой паутиной расходящиеся от глаз, тоненькие прожилки на носу и капли пота, прозрачными бусинками скатывающиеся с лица.

Рост заскрипел зубами – яички словно вывалили на раскаленный противень. Квадрат усилил нажим, продолжая глумливо хихикать. Рост не выдержал и заорал. Еще немного, и он их попросту оторвет, мелькнула у него безумная мысль. Сам того не осознавая, он наклонился ниже и вцепился зубами в крючковатый нос Квадрата. Нос был солоноватым и странно мягким, как теплый зефир. Рост изо всех сил сжал челюсти.

На этот раз парилка содрогнулась от нечеловеческого вопля Квадрата. Рот Роста тут же наполнила густая кровь, но он продолжал ожесточенно сжимать зубы, чувствуя, как ослабевает хватка Квадрата.

Когда его мужскому достоинству уже ничто не угрожало, Рост поднялся на ноги. Квадрат извивался на полу, гнусаво воя. Лицо заливала кровь, короткими толчками выплескивающаяся из рыхлой раны. Рост выплюнул кончик носа и брезгливо вытер рот. Ну вот, теперь они почти кровные братья.

Поискал пистолет, поднял, вытер об джинсы. Затем, несмотря на жар, сел прямо на пол, в кровь, рядом с Квадратом и скрестил ноги по-турецки.

– ...кусил... бой дос ...банная ...ука! – визжал Квадрат, ощупывая кровоточащий хрящ. Кровь попала в носоглотку, и он стал захлебываться.

– Прекрати ныть, – устало сказал Рост. Он проверил обойму. Один патрон. Самое оно.

– ...бесят кусков... ..бенья сейфе..! Дабирай и катись!

– Пятьдесят кусков, говоришь? – задумчиво протянул Рост, убирая мокрые волосы со лба. – Не очень-то ты свою жизнь ценишь. И потом. Я же должен тебе семьдесят чертовых штук. То есть, если я расплачусь с тобой, останусь должен тебе еще двадцать, так?

– ...то! ...то кусков!

– Так, – тихо проговорил Рост. Он вздохнул и выстрелил. Квадрат дернулся и затих.

– Бум, – сказал Рост грустно. Он с трудом поднялся. Только сейчас он понял, что ранен. С самого начала, как только в него что-то метнул татуированный. Теперь он видел – узкий длинный стилет почти наполовину вошел в плечо. Болели бок и нога, крюк разорвал кожу, но не очень глубоко. В бане стоял запах бойни. Рост выплыл из парилки, как привидение. Девушек не было. Сбежали, паршивки.

Роста стал разбирать смех. Если эти две ссыкухи выбрались наружу (или, что еще хуже, добрались до телефона), то у него возникнут офигенные проблемы. Он смеялся, невзирая на сочащуюся из плеча кровь, смеялся, хотя у него уже начались в животе колики, смеялся и смеялся.

«Сойдешь поневоле с ума, отсюда возврата уж нету...» – продолжал петь хриплый голос. Такие дела, ребята. Да-да.

Голод гнал его. Он был нестерпимым, он даже не мог вообразить себе, что испытывать подобное чувство голода вообще возможно. Ощущения можно было сравнить лишь с кипятком, который медленно вливают тебе в глотку, превращая внутренности в полусваренный фарш. Даже когда он был на зоне, ему не доводилось испытывать что-либо похожее.

Жгут, неуклюже переваливаясь, бежал на четвереньках по свалке. Громадный желеобразный живот волочился за ним. На нежной прозрачной коже, похожей на плаценту, изредка появлялись ранки и порезы от разного мусора, но мужчина не придавал этому значения. Это не могло повредить ИМ. ИМ нужна пища, и он добудет ее. Взгляд упал на левую руку. Она все еще сжимала обглоданную кость, он швырнул ее в сторону, и бежать сразу стало легче.

Еда. Жрачка. Много жрачки, желательно с кровью.

По дороге он наткнулся на труп кошки. Труп был старый, наполовину сгнивший, но времени не было. Кошка отправилась туда же, вместе с когтями, скелетом и свалявшейся шерстью.

Глаза его уже ничего не видели, лопнули от нечеловеческого давления, и стебельки, на которых они несколько минут назад покачивались, облепили мухи. Да ему и не требовались глаза. ОНИ видели за него, ОНИ направляли его. Руки и ноги высохли, напоминая сухие кривые палки. Его жизнь медленно, капля за каплей, перетекала в растущий на глазах мешок, драгоценный Мешок. Оставалось совсем немного.

Крысы в страхе разбегались, заприметив скачущее по завалам голое существо с жутким, гротескным животом.

Следующий час прошел как в тумане. В ногах появилась противная слабость, ныло проткнутое плечо, но Рост, преодолевая боль и нарастающее головокружение, принялся за работу.

Девушек он нашел на улице: они, в чем мать родила, безуспешно пытались открыть ворота. Увидев Роста, пришли в неопиcуемый ужас и закатили истерику. Пришлось действовать быстро. Гараж, мощный замок, и все дела. Рост еще раз возблагодарил бога, что коттедж Квадрата находился в отдалении от других дач и случайные и никому не нужные свидетели исключались.

В предбаннике продолжало валяться бесчувственное тело охранника. Несколько секунд Рост молча смотрел на него, на вспухшую шишку на лбу, на квадратный подбородок и упрямый изгиб губ. Даже без сознания он чертовски напоминал слабоумного, чье мозговое вещество наверняка могло с легкостью уместиться в наперстке, да еще место останется для его друзей – Эльдара и прочих шимпанзе в костюмах.

Он вынул из-за пояса второй «ТТ» и прислонил ствол к голове охранника. Палец так и чесался нажать на спусковой крючок, но после некоторого колебания Рост передумал. Он принес из парилки пару простыней, ловко разорвал их на широкие ленты и мигом спеленал тело мужчины, которое через три минуты было похоже на огромный кокон.

Все трупы он затащил в парилку, затем прибрался в «расслабляющей» комнате. Тщательно стер отпечатки пальцев, где только мог касаться руками, пустой «ТТ» швырнул в унитаз. После этого он направился к джипу. Про себя он решил, что не будет убивать своего раненого пленника. Свяжет покрепче и запрет в бане. Однако ничего такого делать не пришлось – когда Рост открыл пассажирскую дверь, то с каким-то пугающим спокойствием понял – перед ним труп. Рвотные массы, забившие рот верзилы, красноречиво говорили о том, что он не смог повернуться на живот и попросту захлебнулся ими. Затаскивая его в парилку, Рост испытал что-то похожее на жалость. А ведь он мог заартачиться и молчать, как Павлик Морозов, тогда Росту пришлось бы значительно попотеть. Видеокамеру на воротах он разнес двумя выстрелами. Так, на всякий случай. Подумав, пистолет забросил далеко в кусты. Туда же отправился и его «ПМ». Оружие ему уже ни к чему.

Светало, и Рост торопился. Обыскивая дом, в письменном столе он нашел знакомую кожаную папку. В ней был бумажный конверт, на котором крупно выведено: «ТИХОНОВ Р.». Впрочем, позже эта надпись была грубо перечеркнута красным маркером, и внизу приписано с явным нажимом: «ГУРВИНЕК».

Рост не смог сдержать усмешки. Надо же, его детская кличка вернулась к нему, и кто бы мог подумать, что при таких обстоятельствах? Что ж, Гурвинец так Гурвинец.

Как он и ожидал, его паспорт и расписка с двумя копиями лежали там же. Под ними он обнаружил план, который Квадрат всучил ему за день до ограбления инкассаторской машины. Также лежали анкетные данные Лелика – домашний адрес, год рождения, а также его невесты Веры... Рост почувствовал колющий холодок – там даже был листок, где указывались его мать с Олеськой. Вздых облегчения вырвался из его горла, когда он не увидел заветного слова «Сбруево».

Были еще какие-то листки с непонятными записями. В столе также были еще папки, штук семь или восемь. Рост мельком пробежал по фамилиям: «ЕРЕМЕНКО Д.», «АНИСИМОВ А.», «КРОМЕНКОВ И.», «ИГНАТОВА Л.». Хм, даже женщина одна затесалась...

Рост взял все папки, сбежал по ступенькам вниз и отправился в парилку. Угли в топке еще тлели, и он не без труда запихнул туда несколько папок. Потом еще. Свои расписки он сжег

отдельно. Убедившись, что все превратилось в пепел, Рост снова поднялся в дом. В одном из шкафов он подобрал себе спортивный костюм и кроссовки, правда, последние оказались чуть великоваты.

Только после этого он спустился в гараж. Сквозь металлическую дверь слышался сдавленный плач.

– Мне жаль, что так все вышло, – негромко сказал он. Те умолкли, и Рост представил себе, с каким страхом они глядят на дверь, как мыши на пикирующего филина. – Скоро вас освободят.

Какая-то из них всхлипнула.

– Обо мне ни слова. Иначе достану из-под земли и накажу, – сказал Рост, гадая, кто же всхлипнул – рыжая или брюнетка? Ключ он швырнул в колодец. Ничего с ними не станет, этот с шишкой на лбу скоро придет в себя и наверняка услышит их вопли, если еще раньше их не найдут сутенеры.

Первый же частник, ехавший в сторону МКАДа, взял Роста к себе в машину.

В Дзержинском он был около десяти утра. В уже знакомом «Секонд хэнде» приобрел джинсовый костюм – не ехать же на Украину в окровавленной куртке Квадрата. Похожий, только женский, он выбрал для Даши. Хоть какой-то подарок на прощание. На мгновение ему даже пришла в голову мысль попытаться договориться с Сашком и забрать девушку с собой, но после недолгой внутренней борьбы с самим собой ему пришлось отказаться от этой идеи, риск был неоправданно велик.

В местном магазине «Эльдорадо» он приобрел три DVD-проигрывателя. Точно такие же, какие изображены на рекламном буклете Сашка. Загруженный тюками, он быстрым шагом вернулся на свалку, распаковал коробки и бросил новехонькие проигрыватели в грязь. Затем – к тайнику. Чтобы переложить деньги из сумки в коробки, ему понадобилось несколько минут. Для Лелика он отложил ровно половину, деньги оставил в спортивной сумке. Коробки из-под проигрывателей были уже почти наполнены, а денег оставалось еще немало, и Рост сложил оставшуюся сумму (что-то около двадцати тысяч долларов) в пакет. Это он оставит своим друзьям, с кем делил хлеб последние три недели. Еще пять тысяч евро он отложил специально для Дрюни. Это он отдаст Витьку.

Оставив себе на расходы немного отечественной валюты (мало ли, что в дороге приключится), Рост спрятал коробки и зашагал к дому, взяв с собой приобретенную одежду.

Подходя к хибаре, он удивился, увидев возле костра Витька и других бомжей. У них что, сегодня выходной?

«Жгут», – прошептал внутренний голос, и Рост чуть не выронил все свои покупки. Как он мог забыть об этом? Его же не было почти сутки... И почему нет среди них Даши?!

– Где Даша?

Витек издал какой-то нечленораздельный звук.

– Что, интересуешься? – с каким-то надрывом спросил он. Рост заметил, что Кеша с Джеки Чаном сидят как пришибленные, ни дать ни взять, ждут приговора, который априори будет суровым.

Рост посмотрел на дом и только сейчас увидел, – дверь отсутствовала. Витек проследил за его взглядом и шагнул к нему.

– Нет Дашки, – тихо сказал он. Из глаза выкатилась слеза, большая и прозрачная. – Нет, – повторил он уже шепотом.

– Что?! Как это «нет»? – вырвалось у Роста, он направился в дом, но Витек вцепился ему в плечо.

– Не ходи туда, Геныч... Плохо там. Ее хоронить нужно.

Рост был слишком потрясен, чтобы осознать смысл последней фразы бомжа насчет похорон. Он без труда оттолкнул Витька и вошел в дом. В глаза сразу бросилась кровать, стоящая чуть ли не у входа. Внутри все было кувырком, матрацы почти все изодраны в клочья, стол опрокинут, вторая кровать лежала на боку. В стенах виднелись вмятины, словно по ним били гирями, некоторые доски выломаны и расщеплены. Но взгляд Роста был прикован к продолговатому предмету в самом центре. Там лежал человек, накрытый ветхим покрывалом, из-под которого торчала босая нога. Слишком белого цвета, чтобы принадлежать живому человеку, и Рост сорвал покрывало. Ему хотелось завыть, завыть так, чтобы потерять сознание, чтобы выветрить из памяти стоящую перед глазами картину, и в то же время он четко знал, что увиденное будет преследовать его до последнего вздоха.

Он бережно накрыл покрывалом тело Даши и вышел наружу.

– Где ее вторая нога? – тускло спросил он. Витек растерянно пожал плечами.

– Даша была одна?

Витек убито кивнул. Рост заскрипел зубами, у него было огромное искушение ударить Витька, свалить его на землю, свернуть ему челюсть, хотя это и ничего не изменило бы.

– Пошли в город... Жрачки набрать, – сказал Витек, моргая. – Вернулись, а тут такое... Без тебя не стали ничего делать, а ты только сейчас...

– Где Жгут?! – сорвался на крик Рост. «Не Жгут, – поправил он сам себя. – Человек на такое не способен. Где Оно, вот в чем вопрос».

Снова безмолвное пожимание плечами.

«Гребаное мудачье», – с горечью подумал Рост, вместе с тем сознавая, что доля вины лежит и на нем.

– Надо бы позвонить в милицию, – подал голос Кеша.

– И что ты скажешь? – вяло спросил Витек. – Что наш друг стал беременным и отгрыз подружке ногу?

– Но у нас здесь труп! – возразил Кеша. – Труп человека, между прочим!

Рост глянул на дом с зияющей дырой вместо двери и сказал:

– Если сюда приедут менты, вам крышка.

– Не «вам», Гена, а всем НАМ, – мягко поправил его Витек. – Но ты прав, если мусора сюда нагрянут, вопросов не оберешься.

Пока бомжи спорили, Рост обошел дом. Знакомые коричневые потеки на стенах, траве... Внезапно его взгляд упал на тоненький след, едва различимый в пожухлой траве.

Теперь Рост клял себя за то, что не оставил себе пистолет. Взгляд его упал на лопату, черенок которой был обмотан синей изолентой.

Гюрза подошел к зеркалу. Появившаяся на висках седина не сильно удивила его, как и морщины у глаз. Это теперь не имело значения. Куда больше его интересовал один вопрос, не дающий покоя целый день – куда делся Жуля? Он очень хорошо помнил, что они вместе ехали на электричке, Жуля что-то рассказывал о своем друге, который ел сосиски с коровьим дерьмом. Потом они пришли на дачу.

Дальше – пустота. В памяти снова образовалась черная зияющая дыра, пугающая своими размерами. Позже он попытался связаться с Жулей, но его мать сказала, что сына нет дома, а мобильного у Жули не было.

Зато Гюрза помнил другое. Он хорошо помнил, как он оказался в комнате с ангелом, они открыли шампанское, он подарил ей цветы... Гладиолусы ей очень понравились. Они целовались, и он перенес Алису на кровать. А дальше и вовсе чудеса – его сексуальные потребности, которые он уже спровадил если не на пенсию, то в отпуск уж точно, неожиданно вернулись, как в анекдоте про мужа, вернувшегося из командировки. Невероятно, но у них все получилось, даже несмотря на неподвижные ноги Алисы! И его боевой друг блестяще выдержал испытание, заставив подняться Гюрзу на седьмое небо от переполнявших его чувств и эмоций.

Он зашел к ней в комнату. Ангел спала, тихонько посапывая. Гюрза на цыпочках подошел к девушке и осторожно поцеловал ее. Губы Алисы тронула мягкая улыбка. Так же на цыпочках он вышел из комнаты и тихо прикрыл за собой дверь.

Перед тем как уйти, взгляд юноши упал на стол. Нож. Нож Алекса, он словно притягивал к себе, будто шепча:

«Ты ведь не оставишь меня здесь, да? Так не хочется находиться в темноте, в полном одиночестве, тебе же об этом хорошо известно, как никому другому, верно?..»

Дачу он покидал с ножом за поясом. Кляксич тоскливо мяукнул ему вслед и, неловко взобравшись на подоконник, стал грустно смотреть в окно. Невзирая на то, что Кляксич был всего-навсего обыкновенным котом, он понимал, что с его хозяином творилось что-то неладное.

Пистолета, к сожалению, не было, но зато Рост мысленно поблагодарил бога за то, что догадался купить еще раньше фонари. Он взял один с дополнительным комплектом батареек и покинул лагерь. Лопату он оставил – бомжи копали яму для Даши. Как ни парадоксально, вооружение Роста составляла заточка, да-да, именно та, которой бывший зэк угрожал ему в первый день. Теперь Рост с удовольствием погрузит ее в немного раздавшееся брюхо самого Жгута.

Правда, коричневый след подсыхающей слизи, по которому он шел некоторое время, вскоре оборвался, и Рост брел наугад. Ему страшно хотелось спать, болела рука, он был голоден, но упорно шел вперед.

Внутренний голос принялся издеваться, нашептывая, что таким образом Рост никогда не уедет домой. То Квадрат, то, понимаешь, Жгут, и так далее...

Через час, поплутав по свалке, он вышел на тропинку, которая вела к коллектору. Подумав, он решил еще раз обследовать тот странный лаз. Его совершенно не пугала возможная перспектива превратиться в то, чем стал Жгут, страх каким-то образом притупился, его полностью вытеснила ярость к зверю, растерзавшему Дарью...

Вскоре он вышел к покосившемуся сараю, свернул вправо и через минуту очутился возле люка. Вытащил из-за пояса заточку и с сомнением посмотрел на нее. Неплохая вещица. Только поможет ли она ему, вот в чем вопрос?

Рост не строил особых иллюзий – вполне вероятно, что Жгута там и нет, но все же... В мозгу занозой застрял рассказ Витька о сожранном наркомане, и он, со скрытым чувством стыда любопытного школьника, признался сам себе, что хотел проверить слова бомжа в тот же день. Более подробно проверить, так как он хорошо помнил чернеющую дыру в отсеке, где обнаружил Жгута. Человек в такую дыру, возможно, и не пролезет, но зато может пролезть что-то другое. Например, какое-то другое существо, поменьше размером...

Рост посветил вниз. Пусто. Он стал медленно спускаться, зажав в зубах заточку, как заправский пират. Оказавшись внизу, он осмотрел пространство. Его постепенно охватывало недоумение, перерастающее в тревогу. Тогда, перед тем как покинуть это странное место, он видел, что бедняга с изъеденным лицом испустил дух. Теперь его не было. Конечно, можно было вполне допустить, что его кто-то вытащил наружу, но Рост очень сомневался в этом. Он подошел к лазу, по которому совсем недавно полз на карачках в поисках Жгута, и посветил. Луч уткнулся во что-то бесформенное и серое, и Рост, опустившись на колени, пополз внутрь. Заточку изо рта он вынул и переложил в руку, и теперь каждый раз, когда его ладонь касалась бетонной поверхности, она гулко звякала.

Скоро появился запах. Запах смерти, другого названия Рост не мог дать. Буквально через пять метров Рост застыл на месте, фонарь в его руке дрогнул. Из глубины лаза на него уставились чьи-то ноги в стоптанных ботинках. На одном подошва была протерта почти до дыр. И эти ноги двигались, словно человек, которому они принадлежали, пытался ползти, пусть очень медленно, но ползти. Но самое невероятное, что ступни человека были расположены так, словно человек лежал на спине. И двигался этот человек какими-то необычными рывками. Никаких сомнений, что тело кто-то тащил вглубь.

Рост какое-то время продолжал смотреть на подергивающиеся ноги, которые медленно, но неуклонно двигались от него. Затем машинально протянул руку и схватился за ботинок. Тело пару раз дернулось и затихло. Впереди послышался шорох, после чего он отчетливо почувствовал еще один рывок, на этот раз сильный. Будто тот, кто тащил труп, был раздосадован.

Рост осторожно убрал руку, и спустя какое-то время тело снова стало двигаться.

«Может, я схожу с ума?» – с бесконечной усталостью подумал Рост, не сводя взгляда с дрыгающихся ботинок. Вдруг ноги странно задрались вверх, и он услышал глухой стук – тело свалилось вниз. Так же, как Жгут несколько дней назад. Рост выставил вперед заточку и пополз вперед. Уже ничего не могло его остановить.

Паук повис перед ним, когда он добрался до конца лаза и намеревался опустить ногу на скобу. Рост непроизвольно вскрикнул, чудом не уронив фонарь. Темно-рыжее мохнатое чудовище размером со взрослую дворнягу безмолвно покачивалось перед ним на липкой паутине, нити которой по толщине напоминали толстые веревки. Две передние лапы с кривыми когтями угрожающе выставлены вперед, будто предостерегая незваного гостя.

Первый шок прошел, Рост взмахнул заточкой, задев паука, тот зашипел, почти как разъяренный гусь, и, чиркнув когтем по его кисти, выбил заточку. Рост прыгнул вперед, чувствуя кожей прохладную слизь паутины. Паук поджал свои мохнатые лапы, и Рост полетел вниз, путаясь в паутине. Собственно, она и спасла его от удара, замедлив падение, но она же и сковывала движения. Хорошо еще, фонарь не разбился. Рост приземлился прямо на труп бомжа, которого тащило это рыжее чудовище, и, сдерживая рвотные позывы от нестерпимой вони, стал искать заточку.

Сверху послышалось шипение, и паук спикировал ему на спину. Заорав не своим голосом, Рост принялся кататься по полу, неожиданно рука нащупала заточку. Луч фонаря безумными зигзагами метался по помещению, но Рост не выпускал его из руки, продолжая тыкать наугад заточкой. Он ощутил, как по лицу провели чем-то жестким, раздирая в кровь губы и десны, одна лапа паука пыталась проникнуть ему в рот. Продолжая вопить (уже скорее от возбуждения, чем от страха), Рост что было сил сомкнул челюсти, чувствуя языком задубевшую шерсть. Рот наполнился густой жидкостью, паука сотрясла дрожь, он испустил что-то похожее на вздох и выдернул наполовину откушенную конечность. Рост наконец-то смог наставить на него фонарь, продолжая наносить заточкой удары. Вскоре и она, и рука стали черной от жидкости, хлеставшей из многочисленных дыр на теле паука. Тот уже не нападал – он пытался уйти, постоянно вздыхая, как уставший старик, лапы неуклюже подгибались, весь пол был залит грязной жижей.

Рост наступил ногой на него сверху, раздался хлюпающий звук. Лапы судорожно обвили его ногу и тут же разжались. Рост наклонился ниже, разглядывая страшного мутанта. Паук издыхал, но Рост продолжал кромсать его заточкой, не переставая кричать при этом, пока тело волосатого монстра не стало похожим на влажный скомканный плед. Он пришел в себя только минут через пять и стал счищать с себя паутину.

«Жгут», – вспомнилось. Он тоже может быть здесь.

Рост подошел к лазу, который вел куда-то вниз, и посветил. На лице отразилось сомнение – в этот проход Жгуту вряд ли удалось бы протиснуться, даже если бы у него не было этого живота. Живота... Внезапная догадка осенила Роста, и он покрылся испариной – Жгут... вынашивает яйца этой паучихи! Вот что означала его ранка на животе, и теперь их бывший

сожитель и бомж Жгут со дня на день наверняка станет мамочкой (или папочкой).

От мысли, что произойдет, если по свалке разбредется свора подобных маленьких чудовищ, Росту стало не по себе. Скинув с себя остатки паутины, он полез вверх.

– Ты что, с ума сошел? – с яростью спросил Мика у Гюрзы, когда они вышли из подъезда, где он хотел подключить Юру к «подвигам» скинхедов. Дружбы не получилось.

– А ты? – отозвался Гюрза. Он посмотрел вверх, и вовремя – из окна уже летела первая бутылка. Он толкнул Мику в кусты, и она упала прямо на место, где он только что стоял, разбившись с оглушительным звоном.

– Вы че, ох...ли там совсем?! – заорал Мика, задрал голову.

– Пошли отсюда, – потянул его за рукав Гюрза. Они вплотную прижались к стенке дома и, обогнув его, быстрым шагом направились к остановке.

– Вот тебе и посидели, – сплюнул Мика. Он повернулся к Гюрзе: – Ты неисправим.

Гюрза кивнул, полностью соглашаясь с другом. Мика взглянул на часы и выругался.

– Может, пешком прогуляемся? Ты никуда не спешишь?

Он увидел, как в сумерках блеснула полоска зубов Гюрзы.

– Я что, похож на человека, которому есть куда спешить? – шепотом спросил он, и Мика на мгновение опешил. Будто... из склепа на него дохнуло могильным холодом. Может, ну его к черту, и вернуться?

– Пошли, – сказал Гюрза.

– Зачем ты нож с собой взял? – спросил Мика, но Гюрза ничего не ответил. У него было лицо человека, который неожиданно вспомнил о чрезвычайно важном деле.

Сотню метров они прошли молча, затем Гюрза спросил:

– Почему ты решил, что я соглашусь продолжать акции? К тому же со скинхедами?

Мика долго не отвечал, и Гюрза уже хотел повторить вопрос, как он сказал:

– Я видел по твоему лицу, что ты этого хочешь. Извини, Гюрза, но за время нашего знакомства я хорошо изучил тебя. Это как болезнь. Наркомания, если хочешь. Только наша болезнь куда хуже, верно?

Гюрза погрузился в размышления. Болезнь? Он что, болен?

«Болен, болен, болен-болен!!! – ликующе завопило существо у него внутри. – Сбрендил, съехал с катушек, чокнулся, спятил... Грязнуля, псих!!!»

Гюрза чуть не застонал – он чувствовал, как внутри грудной клетки что-то ворочается и скрипит, как заржавевшие шестеренки. Неужели у него действительно раздвоение личности?!

Но он ведь не болен. У него, правда, иногда случаются головные боли, но это ведь не в счет, правда? В остальном он здоров, как бык.

Они вышли на трассу. Тускло светили фонари, иногда мимо проезжали автомобили. Молодые люди перелезли через ограждение и пошли по тропинке. На небе серебряной монетой висела луна, холодно улыбаясь путникам.

– Я не хочу этого, – сказал Гюрза. Он будто случайно коснулся рукой рукоятки ножа, который покоился у него за поясом. Нож, казалось, дремал, убаюканный мерной ходьбой.

– Ты сам не веришь в свои слова, – возразил Мика. Он шел, не вынимая руки из карманов, и Гюрзе пришло в голову, что если он вдруг оступится, то обязательно разобьет себе физиономию о какой-нибудь торчащий камень.

– Жуля вне игры. Тем более, он сам в отказ пошел, – развивал свою мысль Мика. – С Нелли уже все кончено. А сегодня был шанс, но ты все испортил. Кабан двух негров завалил, собственноручно. Прямо у ворот ихнего «Лумумбы». А Бокси жидя на ремни порезал недавно, об этом даже в газетах писали. Хлыст, правда, еще в этом плане девственник, но все они

настоящие воины...

«О чем он говорит?» – с какой-то спокойной обреченностью подумал Гюрза. Какие негры, какие жида, какие воины? Мика, вот кто действительно болен!

Они снова надолго замолчали. Становилось прохладно, и Мика застегнул «молнию» на своей куртке.

– Знаешь, Гюрза, – как-то странно проговорил он. – Я сегодня ночью своего брата видел. Во сне.

– У тебя был брат? – удивленно вскинул голову Гюрза. Мика кивнул.

– Близнец.

Гюрза удивился еще больше. Мика никогда не упоминал о брате-близнеце, и это было новостью.

– Где он сейчас?

– Нет его. Он умер, когда нам было по четыре года.

– Прости, – сказал Гюрза.

– Не за что. Ты же не знал, – сухоотреагировал Мика. – У нас был дом в деревне, там жили дед с бабкой, родители матери. Им уже под семьдесят было, но еще крепкие были – бабка дояркой работала, а дед по-разному – кому дрова наколет, кому дом покрасит. Потом бабку корова насмерть зашибла. Дед какое-то время крепился, потом бухать начал – деревня все же. Чуть дом по «белке» не спалил. Но потом мать его к себе взяла, нам тогда по два года было. В городе дед вроде немного отошел, а летом опять запросился в деревню.

Они прошли большой мост, спустились по ступенькам и оказались на каком-то пустыре. Впереди чернели гигантские холмы свалки. Светлые обрывки пакетов и бумаги напоминали снег на горных вершинах.

– Чуешь запах, Гюрза? Знакомый донельзя, – промолвил Мика. Гюрза вдохнул. Да, знакомый донельзя, с этим не поспоришь. Игривый ветерок донес до них этот запах, и череда смутных воспоминаний вихрем пронеслась в его мозгу.

– Что было дальше? – спросил он, и Мика продолжил рассказ:

– Его снова отвезли в деревню. Первое время мать ездила к нему, но потом мы с Димкой долго болели, и около года никаких известий от деда не было. На письма он тоже не отвечал. Мать все собиралась к нему съездить, но нас с Димкой нужно было с кем-то оставить. Была у нас одна соседка – тетя Варя. Редкостная пьянь. Вечно у матери бабки одалживала. Но она была единственная, кто был готов за пятерку посидеть с нами.

Сами того не замечая, друзья шли в сторону свалки. Ноги иногда проваливались в ямы, наполненные студенистой грязью, из-под наваленного мусора то и дело выскакивали потревоженные крысы.

– В этот день мать снова оставила нас с этой алкашкой. А в обед пришел дед. Просто позвонил в дверь, а Варя открыла. Я еще был маленьким, но уже тогда что-то нехорошее почувствовал, как только его увидел. Он был похож... На мумию, которая ожила в каком-то заброшенном пыльном музее, вылезла из своего саркофага и приперлась к нам, воняя бальзамом и старыми бинтами.

При слове «бальзам» губы Гюрзы плотно сжались.

– Эта пьяная манда даже не стала выяснять, кем он нам приходится, и открыла дверь. Он ей: «Я ихний дед». Она «Ах, дед? Замечательно, милости просим, проходите, можете не разуваться, чай, кофе, потанцуем» и прочая херня. Потом снова завалилась спать, а дед вошел к нам в комнату. Я отлично помню, что когда он был у нас раньше, у него были густые, темные волосы. В этот же раз его башка была плешивой, в каких-то язвах и рубцах, я это очень хорошо помню. Словно... он побывал под радиоактивным излучением. Я не помню, о чем он с нами

говорил, но я очень хотел, чтобы поскорее пришла мать. Я боялся этого старика. И когда он попросил меня принести свои любимые игрушки, я с радостью помчался в комнату, лишь бы хоть какое-то время не находиться в его обществе. Димка остался с ним.

Из темноты послышался кашляющий лай. Ему вторил другой, более низкий, после чего обе собаки замолкли.

– Пока я набирал игрушки, нарочно медленно, все произошло, – произнес Мика. – Сначала я ничего не понял, просто какой-то шорох. Затем – крик Димки. Гюрза, как он кричал! Мне было страшно, но я не мог устоять на месте. Крик шел из кухни. Когда я заглянул туда, крик прекратился, и я понял почему.

– Почему? – эхом спросил Гюрза. Из рта вырвалось облачко пара.

– У нас отключили горячую воду. Мать в этот день поставила кастрюлю на плиту, чтобы постирать белье. Даже не кастрюлю, а бак. Этот бак был огромен. Я запросто мог в нем спрятаться и спокойно накрыться крышкой сверху. Так вот, тетя Варя должна была просто кинуть туда белье и дожждаться мать. Но она была пьяна и спала, поэтому бак просто стоял на плите, кипел и кипел себе потихоньку.

Мика повернул лицо к Гюрзе, зрачки были расширены:

– Он взял моего брата за ноги и опустил его головой в кипяток, до самых колен. Просто опустил, как большую креветку.

Гюрза выдержал его взгляд. Они пошли дальше, изредка спотыкаясь.

– Я побежал в комнату и спрятался под кровать. Дед пошел за мной. Я забился в самый угол к стенке и свесил одеяло до самого пола. Но он все равно понял, где я, встал на колени и стал упрашивать меня вылезти. Ты понимаешь, Гюрза?! – теперь Мика чуть не плакал. – Этот ходячий труп оставил моего брата вариться в баке, как какую-то сосиску, а меня уговаривал вылезти! И ты знаешь, что самое страшное, Гюрза? Он называл меня именем брата. Он был уверен, что поставил вариться меня, понимаешь?

Гюрза молчал. А что тут можно было сказать? Да, Мика, я все понимаю, прими мои искренние соболезнования?

– Тогда он взял швабру и стал тыкать ею в меня. И все это время в соседней комнате храпела эта драная коза тетя Варя! Я не знаю, чем бы это закончилось, но ему, наконец, надоело стоять раком у кровати, и он пошел в комнату. Скоро я услышал звук работающего телевизора. Когда с работы вернулась моя мать, он сидел в кресле, пил молоко и смотрел новости. А на кухне продолжал вариться мой брат. Все три часа. Когда я вырос, то узнал, что, когда его вытаскивали из кастрюли, у него отвалилась голова и рука. А все волосы с головы остались на дне. Целы были только ноги, так как полностью не уместились в кастрюле. Эти ноги мы и хоронили, все остальное менты потом спустили в унитаз.

– А что дед? – спросил Гюрза, только для того, чтобы хоть что-то спросить.

– Ничего. Суда не было, его по-тихому отправили в психушку. Он умер через два месяца. Варя, этой алкашке, тоже ничего не было – это обязанность матери следить за своими детьми, а не ее. Вот так.

Они снова слышали лай. На этот раз собак было больше.

– Как ты думаешь, они нападают на людей? – вполголоса спросил Гюрза. Он опустил руку на рукоятку ножа.

– А вчера я снова видел Димку, – словно не слыша вопроса друга, проговорил Мика. – Он был таким, каким я его помнил – крошечным карапузом с курносый носом. Только у него были глаза старика. Может, нашего деда.

Мика вздохнул и пнул ногой грязную бутылку.

– Он сказал мне, что мы с ним скоро увидимся, Гюрза. Из чего я делаю вывод, что жить мне

осталось немного. Ты думаешь, я свихнулся?

Гюрза не ответил. Он шел и думал, что еще никогда раньше Мика не говорил столь долго.

– Иногда мне кажется, что вместо Димки в том баке должен был оказаться я, – прошептал Мика. – И дед сделал бы мне большое одолжение, убив в детстве...

На небе зажигались все новые и новые звезды, и Гюрза машинально отметил некое несоответствие – ночь на свалке выглядела куда красивее, чем в городе. Правильно, подумал он позже. Тут нет никаких фонарей и огней, кругом темень, а в городе красоту звезд затмевают миллионы фонарей и неоновых вывесок, из-за чего небо и становится похожим на выцветший, застиранный лоскут.

Собаки еще потявкали и затихли. Гюрза с Микой двинулись дальше.

– Гюрза, ты не задумывался, что мы оба, ничего не обсуждая, поперлись на эту помойку? И идем уж слишком целенаправленно? – спросил Мика. Гюрза огляделся. Действительно, куда они забрались? И смогут ли потом опять выйти на дорогу? Они зашли уже довольно далеко, мерцающие огни вдоль трассы едва виднелись, напоминая сонных светлячков.

– Тут, должно быть, полно их, – приглушенно сказал Мика. – Ты чувствуешь, Гюрза? Ты должен чувствовать. Не зря же тебе дали такую кличку.

Несмотря на прохладный воздух, Гюрза ощутил приливший к телу жар. Низ живота приятно заныл, все нутро охватило знакомое, звериное возбуждение.

– Может, проведем репетицию, Гюрза? – все таким же приглушенным, словно искусственным голосом спросил Мика. – Я же вижу, чего ты хочешь.

«Единственное, чего я хочу, так это на дачу, к Алисе», – подумал Гюрза.

Он посмотрел на Мику и поразился, как тот изменился: лицо напряжено до предела, словно он вот-вот оскалится, глаза застыли капельками смолы, будто примерзнув к роговице, да и вся фигура подобралась, напружинилась, как перед прыжком.

– Да у тебя ломка, Мика, – произнес Гюрза. – Как у Жули, когда он с утра за пивом в ларек бежит. Только у тебя каждый раз доза увеличивается. Но на этот раз я пас. Если чего-то имеешь против – возвращайся к Бокси и Кабану, там ты найдешь полное понимание. Может, еще встретите в это время какого-нибудь чурку.

Мика обиженно молчал. Затем он снова заговорил, и в его голосе чувствовалась неприкрытая злость:

– Ты тоже изменился, Гюрза. Очень изменился, особенно после смерти Алекса. Не знаю, что ты там буровил про свою свадьбу, я и телку-то твою не видел, но спорю на что угодно, что это все из-за нее. Все геморрой из баб, уж можешь мне поверить. Уверен, что и твоя телка загнала тебя под каблук.

Гюрза замедлил шаг. В мозгу кровоточащей занозой застряли слова «телка...», «бабы...».

– Она не телка, Миша, – чуть слышно произнес он.

Мика принужденно хохотнул.

– А кто? Чувак, что ли?

– Она девушка. Телка – корова женского рода. Почему вас, мудаков, нужно учить, как разговаривать? Что Жуля, что ты... Извинись.

Мика с изумлением уставился на Гюрзу.

– Рехнулся? Я должен извиниться? Перед тобой, что ли, Ромео?!

Лицо Гюрзы стало похожим на камень.

– Да.

Мика снова рассмеялся.

– Пошел ты на х..., Гюрза. Вместе со своей коровой женского рода.

Он увидел лицо Гюрзы и вынул руки из карманов. Нахмурился. Судя по всему, шутки

закончились, но он тоже был разозлен. Уж больно много на себя берет Гюрза в последнее время.

– Давай, Гюрза. Это тоже иногда полезно – выпустить пар. Только учти, я – не Кабан и твои приемчики знаю, – сказал Мика, улыбаясь, хотя ему было совершенно не до смеха. Гюрза походил на лунатика – застывший, как у манекена, взгляд, рот неприятно приоткрыт, словно у спящего. Чего доброго, еще за нож схватится...

Волна черной ненависти нахлынула на него, и его сознание совершило очередной скачок в озоновую дыру. Последнее, что он помнил – это искажившееся от страха лицо Мики.

Когда волна схлынула, он стоял с ножом в руках, а у его ног лежало бившееся в конвульсиях тело. Лица не было, вместо него темнело что-то отдаленно напоминающее рыхлый фарш, который тихо стонал. Только по куртке Гюрза определил, что это Мика.

Гюрза присел над затихающим телом. Осторожно протянул руку к тому, что раньше было лицом, и торопливо убрал, будто наткнувшись на невидимую иглу.

– Мика, – шепотом позвал он. Во рту появился мерзкий привкус, как после рвоты. Кровоточащий фарш слабо пискнул и замолк навсегда. Кулаки, крепкие каменные кулаки с нечувствительными костяшками разжались. Гюрза тупо посмотрел на нож и свою руку, почти по самый локоть забрызганную кровью. Боже, что он натворил...

В голове послышались отдаленные голоса. Кто-то безумно хохотал, кто-то отдавал кому-то приказы, отчаянно мяукала кошка, затем послышалось гнусное хихиканье, которое прорезал женский крик. Шатаясь, Гюрза встал на ноги. Лезвие ножа почти не было видно – оно все было покрыто кровью.

– Я убил Мику, – пробормотал Гюрза и скрипуче засмеялся. Никогда больше Мика не станет резать несчастных гастарбайтеров и евреев с неграми. И бездомных. Так что, по сути, он сделал доброе дело.

«Что дальше, Грязнуля? – завозилось у сердца. – Теперь ты взялся за СВОИХ».

Виски снова сдавило в тиски нестерпимой боли. Теперь Гюрза ощущал каждой клеткой, как медленно, но неуклонно разрушается его нервная система, будто прибором постепенно разваливается песочный замок, вылепленный ребятишками. Воздух со свистом рвался сквозь стиснутые зубы.

«Что дальше, спрашиваешь? – спросил сам себя Гюрза, на секунду задумавшись. – Хер его знает. Устраивает ответ?»

Действительно, дальнейшего он не представлял, да и не хотел знать, что будет потом. Его не покидало предчувствие, что «потом» просто не будет – впереди его ждет только мрак. Но и это не страшно. Может, большая порция крошечной тьмы – лучшее из того, что могут посоветовать доктора в его случае. Хирурги, в частности. Но в одном он был уверен – даже в крошечной тьме его будет ждать ангел.

Нож попал в ножны лишь с третьего раза, порвав при этом рубашку. Дорогую белую рубашку из чистого шелка.

Полюбовавшись на выглянувшую из-за облаков луну, Гюрза побрел дальше. Плывущие по черному небу облака были похожи на фосфоресцирующую вату. Он удалялся от дороги все дальше и дальше, забираясь в самую глубь свалки.

Наступила тихая безветренная ночь, весело потрескивал огонь. Роста клонило в сон, но он продолжал стоически бороться с ним. У ног вертелся Черномырдин, выпрашивая еду. Рост отрезал от жареной сардельки ломтик и кинул котенку. Жадно мурлыча, тот набросился на него, проглотив в одно мгновение, и, облизываясь, просяще посмотрел на Роста.

Настроение было паршивым, даже мысль о скором отъезде не грела его. Он облазил всю свалку, валясь с ног от усталости, но никаких следов Жгута, тот словно в воду канул.

«Наверняка заполз в какую-нибудь нору и потомство воспроизводит», – проносились у него мысли.

Кроме того, он еще не отошел от ужасной смерти Даши. Память вновь и вновь вытаскивала на поверхность сознания картину: бедная растерзанная Даша лежит на земле, правой ноги нет выше колена, все тело в царапинах и потеках, на лице выражение безмерного ужаса...

Витек с Джеки Чаном похоронили ее в ста метрах от дома, Кеша соорудил импровизированный крест.

– Давайте Дашку помянем? – негромко предложил Витек.

Они выпили, затем Рост поднялся на ноги и отозвал в сторону Витька. Он успел заметить, что по лицу бомжа пробежала тень недоверия, и это его задело. Они отошли метров на двадцать за дом.

– Говори, – потребовал Витек, нервничая.

– Слушай, – начал Рост, остановившись. Бомж замер, выжидательно глядя на Роста. – Через пять-шесть часов меня здесь не будет. Скорее всего, видимся мы в последний раз.

– Во те нате, хер в томате, – протянул растерянню Витек. – Вообще-то, я так и думал.

– Неважно, я знал, что ты догадываешься. Дрюню берегите. И вот, – Рост протянул Витьку пакет с деньгами. – Это самое большее, что я могу для вас сделать.

Витек заглянул внутрь, и руки его вздрогнули, как если бы пакет был наполнен скорпионами.

– Это... ты что, банк грабанул?

Рост изобразил на лице подобие улыбки.

– Эти деньги заработаны. Не совсем честно, но заработаны. Постарайтесь сделать себе хоть какие-нибудь документы. И проследи, чтобы с Дрюней все было нормально.

– Ну-у-у, Геныч, – протянул Витек слегка обалдевшим голосом, но Рост его прервал:

– Меня зовут Ростислав. Извини, но я не мог сразу назвать свое имя. Есть... кое-какие причины.

– Ростислав, – повторил бомж, словно пробуя имя на язык. Вид у него все еще был ошарашенный. – Тебя ищут? – спросил он и сам же ответил: – Ну да, стал бы ты сидеть на помойке с такими бабками. Ребятам-то скажешь? Насчет отъезда?

Рост медлил с ответом. Он уже успел привязаться и к Кеше, и к немногословному Джеки Чану. С другой стороны – чем меньше людей о нем знает, тем лучше.

– Не знаю, – сказал он откровенно. – Может быть... Посмотрим.

Витек шагнул вперед, и Рост с изумлением увидел, что глаза его друга блестят от слез. Он крепко обнял Роста.

– Никогда... никогда не видел такого нормального пацана, – сдавленно проговорил он. Тут же отошел, будто устыдившись внезапного проявления своих чувств.

– Все в порядке, Витек, – сказал Рост, чувствуя себя неловко. – Пошли к костру.

На горизонте появилась молочная полоска рассвета. Луна бледнела. По влажной земле стлался густой туман. Рост взглянул на часы – четыре, начало пятого. Через час нужно собираться – его ждет Сашок в своей тюбетейке и Говновонялка. К щиколотке что-то прикоснулось, и Рост увидел Черномырдина, который терся о его штанину.

– Заберешь его с собой? – неожиданно спросил Витек.

Рост хотел что-то ответить, как вдруг сзади послышался шорох. Все повернули головы на звук.

– Кто там еще? – неуверенно спросил Витек. Вместо ответа треснула ветка, и Кеша вздрогнул, как от пощечины. Некоторое время было тихо, после чего из темноты к костру кто-то шагнул. Это был явно не Жгут.

ЧАСТЬ 5

Ночь смеется, когда я убиваю...

«*Tout fini...*»[4]

Несмотря на поздний час, в дежурной части отделения милиции работа кипела. Бесконечные звонки, большей частью несущественные, но на каждый из них согласно закону должна быть соответствующая реакция, только успевай донесения записывать да наряды для проверки направлять. Дежурный, слегка одуревший от всей этой суеты, наконец улучил момент и заварил себе крепкого чаю. Его помощник, двадцатитрехлетний румяный парень, сидел рядом.

Когда чайник вскипел, он достал из стола две облезлые кружки, на одной из которых был изображен фиолетовый слоник с зонтиком. Эту он взял себе.

– Вот такие пироги, земляк, – проговорил дежурный, размешивая сахар. – Небось, уже не рад, что к нам в систему пошел работать?

Помощник неопределенно пожал плечами и отхлебнул из смешной кружки.

– Ладно, не дрейфь, привыкнешь.

– Анекдот тут вспомнил. Звонит в ментовку пьяный рокер: «У меня с мотоцикла украли руль и фару!» Ну, высылают наряд, а он перезванивает и говорит: «Извините, все нормально, просто я задом наперед сел».

Дежурный уже хотел сказать, как же нужно было так нажраться, чтобы на собственный мотоцикл сесть задом наперед, как внезапно дверь отделения открылась и внутрь вошел молодой человек лет двадцати—двадцати двух.

Милиционеры замолчали, отметив странную походку: в колени парня словно вколотили гвозди, а к лодыжкам приковали тяжелые гири. Он шел, как глубокий старик. Одет неряшливо, засаленная рубашка и протертые до дыр брюки, с разбитых туфель дохлыми червями волочились развязанные шнурки, перехваченные многочисленными узелками.

– Куда? – с равнодушным презрением спросил дежурный. Однако лицо его несколько изменилось, когда он увидел вблизи глаза парня – в них застыл смертельный испуг.

– Я... хочу написать заявление... как это... явка, – просипел юноша, наклоняясь вперед, и дежурный на мгновение подумал, что того сейчас вырвет прямо на стекло с надписью «ДЕЖУРНАЯ ЧАСТЬ». – Явку... с повинной.

– Какая явка? – повысил голос дежурный, поднимаясь с места. В отделение зашел милиционер-охранник, и дежурный крикнул ему:

– Ты чего пускаешь кого ни попадя?!

А затем парню:

– Иди пропись, дурилка. Да помойся заодно, в порядок себя приведи.

– НЕТ!!! – неожиданно заорал молодой человек и стукнул кулаком по стенке.

– Куда его? – спросил милиционер-охранник, поправляя автомат на плече.

Парень снова наклонился к окошечку и тихо прошептал, ровно для того, чтобы дежурный его услышал:

– Я убивал людей.

– Чего-о-о? Каких людей?!

– Уже почти два года... Я и еще несколько пацанов с девчонкой... УБИВАЛИ БОМЖЕЙ... РЕЗАЛИ НА СВАЛКАХ, ПОМОЙКАХ, ЧЕРДАКАХ... ПОЧТИ КАЖДЫЙ МЕСЯЦ, МОЖЕТЕ ПРОВЕРИТЬ ПО СВОДКАМ, – выпалил он на одном дыхании. – Я помню все места, могу показать хоть сейчас.

Дежурный собирался оборвать его, чтобы тот не молот чушь, но осекся. Его поразила уверенность, с которой парень произносил слова, что могло свидетельствовать только об одном: пацан истово верил в то, что говорит. Значит, либо он псих, либо (что еще хуже) прав. И

многолетний опыт подсказывал дежурному, что в данном случае, как это ни печально, ближе к истине, скорее всего, второе.

Он набрал внутренний номер, недоверчиво поглядывая на молодого человека, сделавшего столь шокирующее признание.

– Агапов! Ты свободен? Жди, сейчас к тебе приведут одного... допросишь по форме.

Закончив разговор, он с некоторой опаской взглянул на парня, устало облокотившегося на стенку. Бледное, покрытое потом лицо молодого человека выражало огромное облегчение, словно он только что узнал от лечащего врача, что смертельный диагноз не подтвердился.

– Документы, – потребовал у него дежурный, кивнув милиционеру-охраннику. Тот подошел к парню вплотную, загоразивая собой выход из отделения.

Пришедший вынул из заднего кармана обтрепавшийся паспорт.

– Оружие при себе есть?

Тот непонимающе глянул на милиционера, затем качнул головой.

Дежуривший у входа милиционер быстро обыскал молодого человека.

– Проводи его к Агапову, 209-й кабинет, – сказал дежурный милиционеру-охраннику, передавая ему паспорт Жули.

«26 я-во. Хирург»,
«85 ал-во. Хирург».

Глаза уже начинали слезиться, но следователь прокуратуры Вадим Викторович упрямо снова и снова просматривал распечатки, полученные им из службы связи. Все его коллеги давно ушли домой, но он, холостяк, никуда не спешил.

Буквально на днях все дела по массовым убийствам бездомных объединили. Что ж, указания Генеральной прокуратуры не обсуждаются, хотя дураку ясно, что вся история раздута прессой. Одни статьи в газетах чего стоят, черт бы их подрал! «Несчастливых бродяг продолжают вырезать, а правоохранительным органам не до этого!», «Бездомным соплеменникам не хочет помогать милиция!», «Власти закрывают глаза на безжалостное истербление бомжей!». Во как!

«26 я-во».

Елы-палы, что все-таки значат эти идиотские сообщения? Вадим Викторович еще раз просмотрел протокол допроса Тягушева. Крепкий орешек, но он его расколлет. И не таких колол. Он уже был почти уверен, что и Тягушев, и Стрелецкая Нелли имели непосредственное отношение к той резне. Вот только...

«85 ал-во. Хирург».

...вот только у Стрелецкой, похоже, серьезные проблемы с психикой, и она, скорее всего, не симулирует. Эту новость ему сообщили вчера утром из психиатрической больницы, и пока остается только Тягушев.

Сегодня он получил результаты биологической экспертизы рубашки, которой был перевязан Черкасский, как там его звали, Алекс, что ли... Результаты были довольно обнадеживающие – на рубашке обнаружена иная группа крови, чем та, которая принадлежит Черкасскому. Не принадлежала она и растерзанным бродягам. Это вообще была редкая группа, четвертая, так что теперь Вадим Викторович страстно желал знать группу крови гражданина Тягушева. Хорошо бы еще найти данные Стрелецкой, но их можно узнать в больнице.

Кроме того, в одной из комнат заброшенного дома была обнаружена бейсбольная бита. Все бы ничего, но она выглядела так, словно ею пользовались не один раз, и не по прямому назначению. Ею убивали. Об этом говорили не только засохшие потеки крови и характерные сколы с выщербинами, но и ряд зарубок, которые вряд ли свидетельствовали о количестве успешно отбитых мячей.

Он допросил почти всех однокурсников Черкасского, но все нити, так или иначе, упорно сводились к этому злосчастному Тягушеву и его подруге Нелли. Правда, была еще одна хорошая новость. По его запросу из лицензионно-разрешительной системы сегодня пришел ответ, из которого следовало, что у Тягушева имелся зарегистрированный травматический пистолет «Оса». Именно на месте преступления были обнаружены четыре пули от «Осы», пятая найдена в глотке обезглавленного клошара, и теперь он планировал провести еще один обыск у Тягушева.

Вадим Викторович подошел к карте районов Москвы, насвистывая какую-то песенку. Ни одной прямой улики, хотя, с его точки зрения, косвенных хватает с лихвой, чтобы упечь Тягушева за решетку.

Хирург, мать его.
26, 85, я-во, ал-во...

Разглядывая карту, он рассеянным взглядом мазнул по месту, где произошло последнее убийство бомжей. Юго-запад, район Ясенево... Затем медленно перевел взор на настенный календарь.

Внезапно он замер. Затем хлопнул себя по лбу. «Господи, какой же он идиот!» Вадим Викторович кинулся к материалам уголовного дела и стал судорожно листать толстые папки.

Хирург. 26. Твою мать, неужели?!

Вот! Протокол осмотра трупа, точнее, трупов... Место осмотра – недостроенная высотка... так, хм... район... Ясенево.

«Я-во».

Об убийствах стало известно 4 июня. Судя по результатам судебно-медицинской экспертизы, смерть наступила 2 июня. 2 июня... Вот оно и выплыло, чертово 26! Тогда, соответственно, 85 означало восьмое мая! А это чертово «ал-во» не что иное, как Алтуфьево, он сегодня изучал материалы! Какой же он дурак!!!

Значит... Черкасский заранее сообщал Тягушеву о местах предстоящих преступлений. Следователь снова достал листы с распечаткой телефонных переговоров Черкасского, сверяя их с датами преступлений. Через несколько минут он с довольным видом откинулся на спинке кресла. Зашифрованных SMS-сообщений, правда, было только два, но зато до этого почти перед каждым убийством и Черкасский, и Тягушев обязательно созванивались. Были еще звонки, номер принадлежал некоему Михаилу Жданову, который, исходя из информации от оперативников, ранее входил в группировку скинхедов... И с ним Вадим Викторович обязательно познакомится, но чуть позже. Сначала – Тягушев.

Он плюхнулся на стул и потянулся к телефону. Теперь для ареста Тягушева оснований гораздо больше. Не успел он снять трубку, как телефон сам затрезвонил.

– Слушаю?

– Вадим? Это Речкалов, приветствую. Думал, где тебя еще найти, а ты, как всегда, за прокурорским столом...

– Сергей, не тяни, говори, зачем искал. У меня времени в обрез, – с легким раздражением проговорил следователь и услышал:

– А ты не торопись. У меня тоже для тебя важная новость. Эти телефоны как... нормально работают, без всяких там штучек-дрючек?

– Нет, прослушек нет, если ты об этом беспокоишься, – сказал Вадим Викторович.

– Значит, так. Недавно в наше управление поступили материалы на некоего Федоровского, «потеряшку». Искали его недолго – работяги нашли на стройке, в котловане. Правда, рожа у него была того... выжжена до костей.

– До костей, – машинально повторил за оперативником следователь, пока не понимая, куда он клонит.

– Именно, до костей, скорее всего, какая-то кислота, – с какой-то неизъяснимой радостью подтвердили на том конце провода. – Его потом опознали, и мы дело по розыску закрыли. Как там с делом по его убийству, я не в курсе, этим прокуратура района занимается. Но вот что интересно, Вадик. Сегодня ко мне заявился один кекс, Ванякин Андрей, пацан лет двадцати. В общем, он очень хорошо знал этого Федоровского. И рассказал мне одну оч-чень интересную историю, как буквально за неделю до убийства Федоровского у них была драка с одним типом.

– И что? – теряя терпение, спросил Вадим Викторович.

– А то, уважаемый Вадим. Перед дракой с этим типом была девушка, бывшая подруга Федоровского. Собственно, из-за нее и вся заваруха началась. Так вот, Федоровский получил п... ды, а у Ванякина была собака, он ее натравил на этого парня, но та бросилась не на него, а на кота, который принадлежал этому типу.

– Блядь, Сережа, что ты мне про какой-то зоопарк рассказываешь! – закричал бедный Вадим Викторович. – Мне надо на задержание ехать!

– Не торопись, выслушай до конца. Итак, кот в пасти пса. Этот тип вынимает нож и убивает

собаку ударами в шею. Между прочим, ротвейлера. Ванякин говорит, что этот псих бил ножом так, будто всю жизнь работал на скотобойне – размеренно, четко и профессионально... После этого они расходятся. Да, девчушка, из-за которой все началось, убежала еще раньше. Ванякин признался, что Федоровский подкараулил свою бывшую подругу, которая была тогда в парке, и вытряс из нее адрес того самого типа. Далее. В плане мести они были не особенно изобретательны и не придумали ничего лучше, как нассать у своего врага под дверь и изрезать обшивку ножом. Затем Федоровский пропадает, и его с облезлым лицом находят в яме на стройке. Так вот, Ванякин дает руку на отсечение, что смерть Федоровского – дело рук этого парня.

– Сережа, короче! – взмолился Вадим Викторович.

Речкалов выдержал паузу и сказал:

– Судя по описанию, этот парень точь-в-точь похож на орешек, который мы кололи несколько дней назад в Третьем СИЗО, помнишь, по твоей просьбе? Он еще сломал нос Игорю, моему напарнику.

Глаза Вадима Викторовича вспыхнули, как копна соломы, брошенная в огонь.

– Ты... серьезно?!

– Еще бы. Вадик, я просто мечтаю увидеть снова этого гаденьша. У меня руки чешутся прилепить его зубы к его собственному затылку... ты меня понимаешь?

Да, он понимал. Вадим Викторович очень хорошо все понимал.

– Но это только цветочки, Вадик. Ты хорошо слышишь меня?

– Да-да. Говори.

– Если стоишь, то лучше присядь. В общем, мне сейчас ребята из Юго-западного позвонили и сказали, что сейчас у них в кабинете дежурного следака сидит один тип, который соловьем заливается о своих подвигах на свалках. Если ты еще не понял, он утверждает, что это он и его знакомые «чистили» помойки от разного бездомного сброда. Если мне не изменяет память, этим делом занимаешься ты.

Вот это новость!

– Ты сейчас очень занят? – быстро спросил Вадим Викторович, взглянув на часы.

– Вообще-то... а что?

– Давай дуй в Юго-западное, прокатимся к нашему орешку вместе, – бросил следователь.

Речкалов сказал, что сделает это с удовольствием.

Всю дорогу Надежду не оставляло нехорошее предчувствие. Уже в который раз она проклинала ужасное совпадение, и даже слабый внутренний голос не смог убедить ее в том, что она действовала именно так, как нужно было в этой ситуации. Хотя, казалось, все позади – дом продан, она с матерью (которая уже чувствовала себя достаточно сносно) едет домой. Алиса, ласточка... как она там? Она была обеспокоена молчанием Юры, но списывала все на его обиду. Он слишком своенравен, и Надежда не знала, как быть с их заявлением в ЗАГС. Что-то внутри нее нашептывало, что ни о каком браке этого юноши с ее дочерью не может идти и речи. И дело даже не в состоянии Алисы.

«Он мне не нравится», – вспомнила она слова Анны Сергеевны.

«И мне тоже», – чуть не вырвалось у нее, но она подавила в себе эту мысль. Надежда боялась признаться, но врать себе тоже не имело смысла – этот Юра вызывал у нее слишком противоречивые чувства.

«Не совсем так, дорогая, – сказала она себе. – Он вызывает у тебя страх, так будет точнее». Она затруднялась объяснить, в чем конкретно это выражалось, но когда она общалась с ним, у нее возникало ощущение, что она разговаривает не с человеком. А его улыбка, перед тем как он в последний раз покинул их квартиру! От этой улыбки хотелось кричать, как может вопить человек, увидев, что посиневшие губы лежащего в гробу покойника растягиваются в ухмылке.

Чувство тревоги усилилось, когда машина остановилась у их подъезда. С большим трудом ей удалось уговорить водителя помочь отнести вещи до квартиры. Усадив мать на кровать, она тут же помчалась к Анне Сергеевне, по дороге размышляя, что нужно раскошелиться на сотовый телефон. Сколько бы нервов она сохранила, будь у нее возможность знать, что с Алисой все нормально!

Она подошла к двери и нажала звонок.

Тихо. Взгляд уперся в странную бумажку с печатью рядом с замком. Позвонив еще несколько раз, она наклонилась, пытаясь разобрать написанное. Паника уже проснулась. Надежда уже знала, что произошло что-то нехорошее. Что-то очень нехорошее.

Отдел внутренних дел... понятые... число, подпись.

Вне себя от ужаса, Надежда забарабанила по двери. Рядом приоткрылась соседская дверь, и из квартиры вышла Елена, неопрятная толстушка лет сорока.

– Надюш, привет. Чего стучишь-то? – спросила она.

– Ты не видела Сергеевну? – не отвечая на приветствие, спросила Надежда, и та удивленно захлопала глазами.

– Ты что, не знаешь ничего, что ли?

– Что? – Горло у Надежды стало сухим, и царапающий нёбо язык, казалось, заполнил весь рот, перед глазами зловещей рябью стали разбегаться черные круги.

– Умерла Сергеевна, вот ведь как, – с деловым видом сообщила Елена. – Сначала псина какая-то все лаяла, а дня три назад из квартиры вонять стало, и мы участкового вызвали. Ну, а тот из ЖЭКа слесаря позвал, Семена...

– Алиса, что с ней? – Надежда едва слышала свой собственный шепот.

– Я и говорю. Дверь сломали, и мы внутрь. Зашли в комнату, а Сергеевна уже как неделю мертвая лежит.

Она вздохнула.

– Ты зачем ей свою собаку оставила? Это ведь твой мопс у нее был? Так вот, он Сергеевне пол-лица объел, Надь. С голодухи, видать. Потом стал на участкового рычать, так его усыпили.

– Где Алиса?! – как заведенная, повторяла Надежда. Краски вокруг сгущались, окутывая ее холодным тяжелым покрывалом.

– Дочка, што ль, твоя? – спросила Елена, глупо хлопая ресницами. – Да не знаю я... Не было ее внутри, чесс слово. А ты что, тоже ее с Сергеевной оставила, што ли?

Надежда не ответила. Ее мысли оборвались по крутой спирали, уводящей в мрак, и она покатилась по этой спирали, как по смазанным рельсам, все ниже и ниже, туда, где только одна темнота.

Какое-то время все в растерянности смотрели на незнакомого мужчину, затем Кеша испуганно вскрикнул, и было отчего. Освещаемая светом пламени фигура набатным колоколом возвещала опасность.

«Призрак», – это была первая мысль, которая пришла в голову Росту, как только он взглянул на лицо вышедшего в свет огня. Цвет лица этого человека немногим отличался от его белой рубашки, кожа, обтягивающая острые скулы, блестела. Рост старался себя убедить в том, что ему мерещится, но зрение не обманывало – глаза вышедшего из леса существа были без белков и зрачков – просто глубокие дыры, за которыми плескался мертвый, древний ужас, эти глаза словно служили некими зловещими оконцами Призрака, в которые совершенно не хотелось заглядывать. У него был такой вид, словно несколько минут назад его сняли с распятия. Одна рука – за спиной, и оставалось только гадать, что в ней. Пистолет? Тесак для рубки мяса? Одного только взгляда на незнакомца хватило, чтобы понять – это существо в дорогом костюме не намерено раздавать рекламные буклеты пластиковых окон. И уж совсем странно смотрелась его одежда – черный, явно не дешевый костюм, застегнутый на все пуговицы, белоснежная рубашка, галстук, на ногах изысканные туфли, подошвы которых были облеплены толстым слоем грязи.

– Че надо, говно? – в свойственной ему манере грозно спросил Витек. Рост внутренне подобрался.

– Это ваше, – прошелестел Призрак. Слова слетели с губ, как плевок или сгусток крови. Он вытянул руку, которую прятал за спиной, и швырнул на стол какой-то предмет странно овальной формы. Гулко стукнув по деревянной поверхности стола, он свалился вниз и упал, откатился в траву. На столе осталась россыпь красных капель. Только сейчас всем стало видно, что овальным предметом была голова Жгута. Кеша испуганно закричал, свалившись с бревна и болтая в воздухе костлявыми ногами...

Гюрза смотрел немигающим взглядом, ощупывая каждую фигурку по очереди. Он видел странные зигзагообразные расплывчатые линии голубоватого цвета вдоль контуров этих фигур. Ему даже начинало казаться, что окружающие предметы он видит в некоем четырехмерном измерении, как в фантастических фильмах. И эти четверо странных существ у костра были врагами, которых необходимо уничтожить. Они хотели причинить вред его ангелу, он был уверен в этом. Но черта с два он допустит такое.

Когда Вадим Викторович приехал в Юго-западное управление, оно напоминало растревоженный улей диких пчел. У въезда в здание УВД стояли дежурные машины различных спецслужб – уже приехали опера из МУРа, ГУВД и другие, а когда следователь поднимался по ступенькам, у отделения притормозил мини-автобус с огромными буквами на боку: «НТВ».

«Теперь только ФСБ не хватает, – ядовито улыбнулся Вадим Викторович. – Или ГРУ». У дежурной части его уже ждал Речкалов – высоченный мужчина в расцвете лет с широкими плечами и короткой стрижкой.

Они поднялись в нужный кабинет, допрос был в самом разгаре.
– Добрый вечер. Или, точнее сказать, ночь, – усмехнулся Вадим Викторович. – Старший следователь прокуратуры округа Гриднев. Как успехи?

Дежурный следователь протянул ему незаконченный протокол. Мельком пробегаясь по сухим официальным строкам, Вадим Викторович внимательно изучал задержанного. Ничего особенного, молодой парень, одет более чем скромно, лицо, не обремененное интеллектом, слегка опухшее, глаза красные. Неужели он и есть один из тех, которые вот уже почти два года вели охоту на нищих? Очень слабо верилось.

Наконец в тексте замелькали знакомые фамилии, и Вадим Викторович ощутил усилившееся сердцебиение. Тягушев, он же «Гюрза», «Мика» (Михаил Жданов, все-таки это он!), и, конечно же, Стрелецкая Нелли.

– Адрес Жданова, – приказал Вадим Викторович. Жуля назвал. Глаза его при этом были полуприкрыты, будто он пребывал в наркотической дреме, над левым дергалось веко.

– ГНР^[5] уже направили? – спросил Вадим Викторович у следователя, и тот виновато пожал плечами – мол, не успели еще.

– Где сейчас может быть Тягушев? – снова обратился Вадим Викторович к Жуле. Тот слабо пожал плечами.

– Дома или где? Отвечай!!! – прикрикнул следователь.
– В последнее время он живет на даче, – ответил Жуля тихим голосом и назвал адрес.
– Ладно. Поедешь с нами.

После этой фразы Жуля резко выпрямился.
– К-куда? На дачу?! – заикаясь, спросил он, казалось, очнувшись от дремы, и уставился на следователя круглыми глазами. – На д-дачу к Гюрзе?! Н-нет, я н-не поеду!

– Кто тебя спрашивает, дерьмо. Еще как поедешь, – оскалился в акульей улыбке Речкалов. – Побежишь впереди тачки, обещаю.

– Встать! – сказал Вадим Викторович, но Жуля намертво ухватился руками за стол и, пригнувшись, неожиданно заорал что было сил, да так, что даже немало повидавший на своем веку Вадим Викторович вздрогнул.

– Вызывай конвой, – бросил он дежурному следователю. Тот выскользнул из кабинета, а Жуля продолжал вопить как резаный. Лицо его стало бордовым, глаза закатились.

– Чего это с ним? Эй, слышь, симулянт е...чий, цирк уехал! – рявкнул Речкалов, при этом осознавая, что ТАК притворяться невозможно. У парня настоящий припадок. К тому времени, когда в кабинет вошли два милиционера, у Жули изо рта пошла пена.

– Тут, похоже, санитары нужны, – пробормотал Вадим Викторович, глядя на безумное, посиневшее лицо задержанного.

– Э... и че с ним делать? – с глуповатым видом спросил один из конвоиров. Второй скривился, увидев, что наступил ботинком в лужицу пены, стекающей со стола.

– К чертям е...ным, – брезгливо сказал Вадим Викторович. Увидел маячившее за дверью слегка побледневшее лицо дежурного следователя и бросил: – Оформляйте задержание. Я вернусь через два-три часа. Поедем без этого куска дерьма.

Призрак двинулся к ним, неторопливо и уверенно.

– Кеша, беги! – бросил Рост бомжу. Упрашивать того не пришлось – сидящий на корточках перепуганный юбиляр ловко перелез через бревно и на четвереньках пополз к дому.

Призрак медленно, даже с какой-то ленцой, пуговица за пуговицей расстегнул пиджак, и стала видна рукоятка большого ножа за поясом. Нижняя часть рубашки была заляпана темно-красным, и Рост не сомневался, что это кровь Жгута. Он не сводил глаз с мрачного незнакомца – тот выглядел, как сама Смерть.

«Раплата за все твои грехи, Ростик. Да-да...» – услышал он у себя в голове скрипучий голос Квадрата.

Витек копошился с фанерой, вытаскивая из-под нее свое излюбленное оружие – железный прут с припаянной цепью. Джеки Чан стал заходить сбоку, пытаясь обойти этого кошмарного пришельца со спины. Усы его приняли горизонтальное положение, губы сложились в две тонкие упрямые полоски. Однако дальше все произошло настолько быстро, что Рост даже не успел моргнуть – только едва уловимое глазом движение. После этого – захлебывающийся кашель, Джеки Чан наклонился вниз, из перерезанного горла фонтаном била кровь. Все это Призрак проделал, не сводя своих глаз-бойниц с Роста, и тот похолодел. Только сейчас он вспомнил, что он практически безоружен – за исключением перочинного ножа, которым разве что только банку с килькой вскрывать.

Гюрза внимательно следил за каждым из них. Один готов, самый слабый скрылся в лачуге, но он не представлял никакой опасности, и с ним он разберется позже. Оставались еще двое. У первого в руках какая-то железка, и вроде бы пользоваться ею он умеет. Но сейчас он очень напуган, это Гюрза видел по всем признакам – дрожащая нижняя губа, округлившиеся глаза, выступившая влага на лбу... А вот второй представлял опасность, Гюрза чувствовал это всеми порами кожи. Змеиной, холодной кожи.

Призрак сделал шаг вперед, страшный нож описал красивую дугу в предрассветном небе. Вверх-вниз, как качели. Смертельные качели.

«Он вынул нож, убил Джеки Чана, а у него даже прическа не сбилась и галстук не съехал набок. И все это за тысячные доли секунды», – как в тумане, думал Рост. Взгляд выхватил торчащую из крапивы лопату, и Рост кинулся к ней. Не ахти какое оружие, но все же лучше, чем голые руки. Черенок был перемотан синей изолентой – Рост вспомнил, что он был треснут.

Сзади к Призраку подкрадывался Витек, держа наготове арматуру. Улучив момент, он попытался нанести удар, но тот успел отклониться влево, и железный прут с силой опустился на руку, сжимающую нож. Ни единого звука не сорвалось с губ пришельца, хотя боль наверняка была невыносимая. Тем не менее нож выпал. Он развернулся и левой рукой ударил Витька. Кулак попал прямо в фурункул на подбородке бомжа, он с чавканьем лопнул, мешая кровь с гноем. Второй удар свалил Витька на землю, прямо в засыхающую лужу рвоты Кеша. Призрак вырвал у бомжа прут.

Гюрза допустил промах и недооценил это существо, оно оказалось кусачим. Теперь рука ничего не чувствовала, ее словно долгое время держали в морозильной камере. Ну ничего, это издержки производства. Он повернулся боком, чтобы хорошо видеть того, с опасным взглядом. Теперь он подкрадывался к нему с лопатой.

Вадим Викторович приказал проверить сначала квартиру. Однако она действительно оказалась пуста. К соседям за информацией обращаться на стали – как-никак, ночь во дворе. Оставалась дача, и милицейская «Газель» понеслась в область.

Их было четверо – милиционер-водитель, Вадим Викторович, Речкалов и молоденький опер, который похрапывал, убаюканный урчащим двигателем.

– Если он окажется на даче, нужно поставить в известность твоего прокурора, – зевнув, сказал Речкалов.

– Уже предупредил, – отозвался следователь. Он поглядел на часы – почти четыре утра, но спать, как ни странно, совершенно не хотелось. Чего он действительно хотел, так это схватить в охапку этого Тягушева и трясти его до тех пор, пока у него мозги с дерьмом не поменяются местами. Он вспоминал, как тот вел себя на допросах, буднично-снисходительно, будто вышел помочиться среди ночи, и это только подливало масла в огонь, бушевавший внутри него.

– Полагаю, после этого про тебя напишут в газетах, – заметил Речкалов, но следователь никак на это не отреагировал.

«На д-дачу? К Гюрзе?!» – вспыхнули в его памяти слова задержанного парня. Он сказал:

– Не могу понять, что так испугало этого «сознательного» мальчика. Судя по всему, он частенько бывал на даче у Тягушева, раз без запинки назвал место.

– Не бери ты в голову, Вадик. Сто пудов, крышу сорвало. Слыханное ли дело, кромсать бичей два года и при этом жить обычной жизнью? Меня другое интересует. ЧТО его заставило прийти с признанкой? Он не похож на человека, которого совесть задрочила.

– Вот-вот. По-моему, тут тоже есть связь. Он напуган. Только чем? Он вообще не проходил по делу, даже как свидетель. Может, Тягушев его шантажировал?

Речкалов, вспомнив Жулю, жестко рассмеялся:

– Чем его шантажировать? Нет, Вадик, тут другое. Он САМ пришел с признанкой и заложил всех, ВСЕХ, и себя в том числе.

– Приехали, – объявил водитель, притормаживая возле высокого особняка. Фары машины высветили глухие черные ворота, и сердце Вадима Викторовича екнуло – если Тягушев где-то и прячется, то только здесь.

Призрак замахнулся, и удар цепи пришелся на ухо Витька, почти полностью сорвав его. Он замахнулся снова, но в этот момент Рост нанес ему сильный удар лопатой по спине. Черенок жалобно треснул, сломавшись пополам. В руках у Роста остался короткий огрызок, хотя и острый на конце. От удара Призрак припал на одно колено, но прут из рук не выронил. Он размахнулся в третий раз, целясь Витьку в голову, но Рост, не помня себя от ярости, изогнувшись, всадил прищельцу в бок обломок черенка, погрузив его почти на треть. Только тогда призрак тихо охнул, и Рост с облегчением понял, что перед ним все же человек.

Теперь боль была ужасной. Внутри кто-то зажигал спички. Правда, этот кто-то сразу их тушил, но через мгновение зажигал снова, будто издевался. Гюрза не смотрел на рану – об этом он позаботится позже. А этот последний крепким оказался. Медленно, сантиметр за сантиметром он вынул из тела деревянный осколок и бросил его в сторону. Затем наступил ногой на горло лежащему без сознания и повернулся к другому. Взмахнул прутком. В яблочко!

Рост вскрикнул от боли – цепь попала прямо в нос. Внутри будто что-то лопнуло, рот наполнился теплым. В глазах все поплыло, но мысль была одна – не допустить смерти Витька. Нога Призрака, обутая в дорожную туфлю, все сильнее нажимала тому на кадык. Глазные яблоки Витька вылезли из орбит, пугающе большие и выпуклые, как половинки целлулоидного шарика от пинг-понга. Из глаз ручьем бежали слезы, и в первых лучах рассвета казалось, что бомж плачет кровью. Рост наклонил голову и прыгнул вперед, сбивая Призрака с ног. Они оба упали в кусты, колошматя друг друга.

Они вышли из машины, вслед за ними вылез проснувшийся оперативник. Вадим Викторович нажал на кнопку звонка. Где-то в глубине дома послышалась переливчатая трель.

– Так он тебе и открыл, – издал нехороший смешок Речкалов. Порыскав в карманах, он извлек крошечную связку отмычек. – Надеюсь, представитель прокуратуры не будет возражать? Ломать такую дверь можно только с помощью МЧС, да и понятых искать в пять утра... сам понимаешь.

Вадим Викторович махнул рукой, и через пять минут дверь была открыта. Они прошли по ухоженной тропинке и поднялись на аккуратное крылечко.

«Однако, небедно живет этот Тягушев», – подумал Вадим Викторович, оглядывая участок и дом.

– Стучать в дом будем? – деловито спросил Речкалов и, не дожидаясь ответа следователя, принялся за входную дверь, справившись с нею меньше чем за три минуты. – Ванька честный и порядочный бандит... В гости он ходил лишь через форточку, – фальшиво пропел оперативник, вынимая из наплечной кобуры пистолет.

Неожиданно в темноте раздалось мяуканье, по ногам что-то пронеслось, и Вадим Викторович вздрогнул. Из дома пулей вылетел огромный черный кот и неуклюжими скачками понесся прочь, скрывшись в траве.

– Вот поганец! – выдохнул Речкалов. – Чуть не усрался из-за него.

Он вошел внутрь, за ним шмыгнул второй милиционер, Вадим Викторович замыкал шествие.

Речкалов быстро нащупал выключатель и зажег свет. Ноздри вошедших сразу защекотал резкий запах дезодоранта и туалетной воды. У входа стояло пластиковое ведро, полностью набитое использованными баллончиками дезодоранта, освежителя воздуха и еще какими-то флаконами. Речкалов и оперативник быстро проверили все комнаты. Пусто. Вадим Викторович стоял в дверях. Почему-то, как только они вошли внутрь, он сразу понял, что Тягушева здесь нет. Вместе с тем его не оставляло чувство, что в этом доме их ждет сюрприз. Вопрос только в том, насколько он приятен.

Тем временем молодой опер обследовал подвал.

– Нету никого, – выдохнул он, брезгливо убирая с волос налипшую паутину.

Речкалов подошел к лестнице, которая вела на второй этаж. Он принюхался и посмотрел на Вадима Викторовича.

– Сдается мне, наверху нас ждет кое-что интересное. По крайней мере, ТАМ пахнет уже по-другому.

Прежде чем подняться вслед за милиционерами, Вадим Викторович обратил на одну странную особенность – все окна в доме были наглухо завешаны какими-то тряпками и проложены ватой по всему периметру, хотя и были пластиковыми. Словно тот, кто тут жил, очень не хотел, чтобы внутрь попадал солнечный свет. «Или чтобы наружу не просачивался запах», – возникла у следователя мысль, когда он вспомнил принюхивающегося Речкалова. Кроме того, в каждой комнате стояло по вентилятору.

По мере того как они поднимались по скрипящим ступенькам, сильнее становился запах – дикая, сшибающая с ног смесь дезодоранта с чем-то гниющим. Словно в отсутствие хозяина внутри каким-то образом пробралось смертельно раненное животное, залезло под шкаф и тихо умерло.

Ситуация с окнами на втором этаже – та же. Две комнаты оказались пусты, и они

направились к третьей, самой дальней. Она, единственная из всех, была плотно обложена полотенцами, простынями и даже куртками.

– Не удивлюсь, если он держит здесь часть своих трофеев, – вполголоса проговорил Вадим Викторович.

– Отрубленные головы, например, – съязвил Речкалов, и оба нервно засмеялись, чтобы как-то поддержать друг друга.

Следователя злило, что он испытывает какой-то неосознанный страх, находясь в этом мрачном доме, и подозревал, что Речкалов разделяет его чувства. О молодом оперативнике и говорить не приходилось – бледный, он маячил где-то сзади, подпрыгивая и дергаясь от малейшего шороха.

Дверь была заперта на замок, но Речкалов не стал доставать свои отмычки. Перехватив взгляд Вадима Викторовича, он с силой обрушился на дверь могучим плечом, и она вылетела в комнату, Речкалов – вслед за ней, чудом удержавшись на ногах.

В самый последний момент Вадим Викторович вдруг отчетливо решил, что больше всего на свете он сейчас хотел бы развернуться и бегом вылететь туда, где стоит милицейская «Газель», такая надежная и по-домашнему родная...

Гюрза был разозлен. Действия этого назойливого четвертого никак не вписывались в его сценарий. Развороченный бок болел все сильнее, теперь вместо спичек в его желудке появилась зажигалка. Она ровно горела, обжаривая его бедные внутренности, прямо как настоящее барбекю. Гюрза ударил его в грудь, затем приподнялся и, схватив за волосы, ударил головой об корень пня. Мерцающие глаза остановились на грязном доньшке пивной бутылки, чьи поблескивающие острые концы восходящее солнце превращало в тлеющие угольки.

Рост взвыл от дикой боли, когда его лоб наткнулся на расколотое дно бутылки. Когда он снова поднялся, стекло прилипло ко лбу, впившись острыми краями в кожу. Изловчившись, он ударил Призрака по рваной ране на боку. Пальцы, держащие его за волосы, разжались. Демон в человеческом обличье захрипел, пытаясь снова ухватить Роста за волосы, но тот погрузил пальцы прямо в его горячую рану. Ему казалось, что он видит струйки пара, выходящие вместе с кровью. Призрак снова огласил окрестность звериным рыком, лишний раз опровергая свое мистическое происхождение. Рост нащупал что-то скользкое и мягкое и что было силы ухватился за это.

Гюрза кричал. Агонизирующий от нечеловеческой боли желудок разрывали на части. Эти грязные, грубые руки с черными ногтями терзали его кишки. С огромным трудом ему удалось перевернуться на бок и левой ногой ударить противника в лицо. Тот дернулся, зеленая лепешка стекла, прилипшая ко лбу, отлетела, как грязный отслоившийся пластырь, и он отпустил его несчастный бок. Кое-как Гюрза смог встать на ноги. Теперь на смену зажигалке пришел факел...

Запах в комнате стоял такой, что Вадима Викторовича замутило, и он зажал пальцами нос. Молоденький опер робко топтался у двери, пистолет в его подрагивающей руке выглядел несколько комично, и следователь подумал, что отправь его одного на задержание Тягушева, неизвестно, кого бы из них выносили ногами вперед.

В комнате тихо работал телевизор. Ночные программы уже закончились, а утренние еще не начались, поэтому экран дорогого «Samsung» мерцал ровным серебристым изображением.

Речкалов включил свет. Около минуты никто ничего не говорил, слышалось только слабое потрескивание телевизора.

– Ага. Вот, значит, как! – гулко сказал Речкалов, но Вадим Викторович отметил, что бывалый опер чувствует себя не в своей тарелке.

Комната напоминала цветочный салон, лишь с той разницей, что большинство из букетов были засохшими. Будто продавец этого салона вышел покурить и внезапно забыл, что ему нужно продавать свой товар, оставив его усыхать в одиночестве. Цветы были везде – на столе, на подоконнике, на тумбочке, на комоде, на кровати и даже на полу в вазах. Розы, орхидеи, гладиолусы, хризантемы, герберы, тюльпаны... Роз было больше всего, никак не меньше трехсот штук, прикинул Вадим Викторович, оглядывая комнату. В каждом углу стояло по вентилятору.

В самом центре комнаты стояло кресло-качалка, в котором, как на экстравагантном троне, в небрежной позе развалился труп. Труп женщины, или даже девушки. Не без отвращения он подошел вплотную к телу.

– Как ты думаешь, кто это? – приглушенно спросил Речкалов у следователя.

– Его невеста. – Слова вырвались сами по себе, и Вадиму Викторовичу оставалось только с удивлением констатировать этот факт. – Ставлю тринадцатую зарплату.

Речкалов с изумлением разглядывал свадебное платье на трупе. Оно было очень красивым и явно дорогим – приятного голубого цвета, как сочная лазурь. Правда, его портили клейкие потеки желтоватого цвета, проступающие на разлагающемся теле. На шее – изящное сапфировое кольцо, удивительно сочетающееся с платьем. На коленях лежала фата, украшенная затейливыми узорами из поблескивающих камешков, и Вадиму Викторовичу подумалось, что это не простые стекляшки. Такие, как Тягушев, не будут размениваться по мелочам. На ногтях мертвой девушки – свежий, но неумелый маникюр, и следователя передернуло, как только он представил Тягушева, красящего ногти трупу.

– А... что он сделал с ее лицом? – подал голос молодой милиционер. С лицом и правда было что-то неладно – его попросту... закрывала мятая, в изломах фотография. Фотография лица милой, улыбающейся девушки со светлыми, золотистыми волосами и красивыми серыми бархатистыми глазами. Аккуратно вырезанная по контуру, она была пришпилена к настоящему лицу металлическими скобами. В уголках каждого прокола скопилась студенистая густая жидкость. Кое-где на фотографии виднелись подсыхающие дорожки.

Речкалов ткнул пальцем на громадный степлер с хромированной рукояткой, валяющийся на подоконнике.

– Надеюсь, он делал это уже с мертвым телом.

Молодой опер сделал шаг к креслу, после чего неожиданно развернулся и выскочил за дверь.

– Ох и молодежь пошла! – сокрушенно покачал головой Речкалов, слушая звуки рвоты. – Абсолютно непригодна для службы в органах правопорядка...

Он быстро пришел в себя и занялся привычным делом – обыском.

Вадим Викторович внимательно осмотрел тело. Он не удивился, не обнаружив на ней никаких видимых следов насилия. Возможно, девушка умерла от какой-то болезни. Он подошел к журнальному столику. Там лежали две бархатные коробочки в форме сердечек, одна – розовая, вторая – ярко-алая, как артериальная кровь. Открывая их, следователь уже не сомневался в том, что увидит обручальные кольца. Как он и предполагал, мужское кольцо лежало в алой коробочке. Рядом с коробочками лежал паспорт. Следователь взял его в руки.

– Романова Алиса Сергеевна, – прочитал он вслух. Сверил фотографию на паспорте с вырезанным фото на трупе. Бедная девочка.

– Он что, серьезно собирался жениться? – оторвал его от размышлений Речкалов, указывая на моток ярких лент, предназначенных для украшения свадебных машин. Он разговаривал, ни на секунду не отвлекаясь от поисков. В одном из ящиков комода он обнаружил упаковку ампул инсулина и несколько одноразовых шприцев. – А он, по ходу, диабетик?

– Вряд ли, – отозвался Вадим Викторович. – Он бы сказал мне, когда я его «закрывал». Инсулин он колол ЕЙ.

Он наклонился ближе к трупу. Точно, россыпь малюсеньких точек, как следы от пчелиных жал, покрывали всю руку мертвой девушки.

– Очевидно, не рассчитал дозу или просто забыл сделать вовремя укол – и вот.

– Ты хочешь сказать, что ему казалось, будто она ЖИВА?! – оторвался от поисков Речкалов. – Что он продолжал колоть ей лекарства даже после того, как она скончалась?

– Не только казалось. Он верил в это, – ответил Вадим Викторович. – Скажу больше. Хорошо, кстати, что наш эмоциональный коллега покинул комнату.

Следователь показал на электрический чайник, стоявший у кровати. Рядом в пепельнице сиротливо валялся использованный презерватив, напоминающий раздавленного слизняка.

– Наш друг трахал ее. Когда она уже была мертва. А она мертва дней десять, возможно, больше. Уж можешь мне поверить.

Речкалов озадаченно посмотрел на чайник, затем на следователя, после чего лицо его озарилось безгловым пониманием:

– Ясно, там же все слиплось... К тому же, ни чашек, ни пряников я тоже поблизости не наблюдаю. Некрофил чертов...

– Вряд ли он догадывался об этом, – сказал Вадим Викторович. Он снова повернулся к мертвому телу и осторожно отогнул краешек прищипленной фотографии. Он все еще не верил, что сидящий на кресле труп и есть та улыбающаяся жизнерадостная девушка на фотографии. Внутри что-то хлюпнуло, и по почерневшей шее трупа потекла мутная струйка, затем выпало несколько белых червяков. Вадим Викторович торопливо вернул краешек на прежнее место и отошел.

– Я другого не понимаю, – потер переносицу Вадим Викторович. – Как она здесь очутилась? У нее должны быть родственники, ее должны были искать, в конце концов. Нужно проверить по базам, не числится ли она среди «потеряшек».

– Сейчас уже не важно, силой он ее удерживал или нет. Судя по всему, у нее были парализованы ноги, – произнес Речкалов, указывая на сложенную в углу инвалидную коляску. На спинке висели перчатки от свадебного платья, тоже голубого цвета. – Поэтому, даже если бы она очень захотела, сбегать у нее не получилось бы... Смотри, Вадик, – сказал, оживляясь, оперативник. Он швырнул на столик пачку скрепленных листов. Вадим Викторович мельком глянул. Распечатки из Интернета. «Основные правила бальзамирования», «Секреты сохранения усопшего», «Тайны египетских врачей», «Бальзамирование фараонов»...

– Ладно, Сережа. Теперь главное – не допустить к этой теме прессу. Тягушева объявлять в розыск. Если у них намечалась свадьба, то вполне вероятно, что он на каком-нибудь

мальчишнике завис... Я позвоню своему заму, а ты постарайся найти понятых. Ну, сам понимаешь, чтобы ребята были сговорчивые и лишних вопросов не задавали... что да откуда, задним числом вторжение оформим. В общем, никакой утечки информации.

– Не дрейфь, Вадик. Щас каких-нибудь бомжей из «обезьянника» дернем, я ребятам позвоню, – откликнулся Речкалов. – О! Вот находочка! С тебя, Вадик, пузырь.

Речкалов повернулся, держа кончиками большого и указательного пальцев перчатку с шипами.

– Там еще одна, в коробке из-под обуви. И нож, ого-го! Таким кабана завалить можно... Можешь доставать шило и дырявить погоны для очередной звезды, товарищ следователь.

– Оставь все как есть, – бросил Вадим Викторович. – Пошли отсюда.

Перед тем как покинуть комнату, он, после секундного колебания, выключил телевизор.

Рост отполз в сторону, щупая лоб. Кости, кажется, целы, но под пальцами чувствовался разлохмаченный круг с бахромой кожи. Он повернулся к Призраку. Тяжело дыша, они смотрели друг на друга чуть ли не целую минуту, не предпринимая никаких действий. Совершенно случайно взгляд Роста упал на сломанный черенок лопаты, которым он ранил это существо. Его увидел и Призрак, и они одновременно бросились к нему. Рост был ближе и, схватив его, быстро перевернулся на спину, выставив перед собой расщепленный конец. Оскалив зубы, Призрак надвигался на него как обезумевший гризли, лицо выражало бессмысленную пустоту. Окровавленный пиджак болтался, край когда-то белоснежной рубашки выбился, галстук вяло свисал где-то сбоку, как лоскут мяса. Из пробитого живота выглядывал влажный комок кишок, напоминая красного слизня, который не мог определиться и раздумывал, остаться ему внутри или продолжить вылазку.

Рывкнув, он прыгнул на Роста, напоровшись на острие, которое с треском прорвало плоть, разрывая внутренние органы, дойдя почти до позвоночника. Его лицо остановилось в миллиметре от покрытого испариной лба Роста. Глаза медленно покрывались мутной пленкой. Губы что-то беззвучно прошептали, изо рта пошла кровь.

Гюрза вдруг почувствовал, что всеобъемлющая боль в желудке куда-то исчезла. Факел в искромсанном желудке затушили. Исчезла и раскаленная ненависть к ним, даже к этому, четвертому. Зато изнутри медленно поднимался шершавый комок, словно магнит, облепленный металлической стружкой, он раздирал трахею и гортань, пробираясь к глотке. Отвратительное существо, жившее в нем столько времени, отчаянно торопилось наружу, оно чувствовало, что тело, в котором оно так комфортно проводило время, угасало. Гюрза слышал булькающие стоны существа, оно извивалось и кусалось, рвало на куски его и без того истерзанные внутренности... Затем раздался легкий хлопок, как лопается пузырь, надутый из жевательной резинки, и все стихло. В груди стало необыкновенно легко, будто оттуда извлекли заржавевший крюк для ловли акул... Он свободен. СВОБОДЕН.

...Вокруг до самого горизонта стлалась сияющая, прохладная дымка нежно-фиолетового цвета. Торжественная Тишина, которая оглушала своей величием, и ангел. Его ангел, она мерцала в ореоле ослепляющего света над ним, как удивительной красоты звездочка, излучая приятное, успокаивающее, божественное тепло. Так зимой мерцает свеча в глухой избушке одинокого охотника, и, глядя на нее глубокой ночью, у того рождается надежда.

Юра улыбнулся.

«Я за тобой», – просто сказала ангел и тоже улыбнулась. На ней был только бриллиантовые кольца, больше ничего. Лицо ангела приблизилось. Юра улыбнулся еще шире. Так он и умер, с чистой и счастливой улыбкой на губах.

Наконец ужасный голод куда-то отступил. Последнее, что было в его рационе – какой-то бродяга, справлявший нужду в кустарнике, а потом зазевавшаяся крыса. На закуску. К слову, у этого грызуна не такое уж плохое мясо...

Теперь вместо голода пришло умиротворенно-блаженное состояние, состояние полного спокойствия и уверенности, что все будет в полном порядке. Он ликовал. Он ВЫДЕРЖАЛ.

Да, это было непросто. О-о-о-о, это было очень непросто...

Ползти становилось все сложнее, и это немудрено – конечности Жгута истончились почти до состояния лыжных палок, только кости и блеклая, желтая кожа, почти прозрачная. Кисти и ступни оканчивались твердыми грубыми когтями, с их помощью можно было без труда карабкаться по деревьям... если бы не мешали ОНИ. Груз на животе достиг максимального предела, и вот-вот все должно закончиться. Или начаться? Конечно, начаться!!!

На груди что-то лопнуло. Вот оно, началось. Шевелящийся мешок с коконами стал постепенно отслаиваться от плоти некогда бывшего человека, прямо вместе с кожей. Но боли Жгут уже не чувствовал. Его рот-хобот завился кренделем, что, видимо, означало высшую степень удовольствия.

«Снял погоны и петлицы... И уже успел напиться... Демобилизация!» – гнусаво пропел Рост. Голова раскалывалась. Он чувствовал себя грецким орехом, по которому остервенело лупят молотком. На ум пришло, что точно так же у него болела голова в первый день, когда он проснулся после похмелья в квартире Лелика и не мог вспомнить, что с ним произошло в «Баклане». Чтобы сбросить с себя стынущее тело в костюме, ему пришлось приложить последние, поистине нечеловеческие силы. Сделав это, он по-рачьи подполз к Витьку. Тот лежал на спине, наполовину оторванное ухо превратилось в красную мокрую тряпочку.

– Витек, – позвал он. Веки бомжа дрогнули, он заворочался. Рост вздохнул, слава богу, жив. – Давай, поднимайся.

– Геннадий? – раздался над ухом тонкий, надтреснутый голос. Кеша. Отличный день рождения, Кеша. Рост мрачно подумал, что юбилей господина бомжа Иннокентия, проведенный на свалке Московской области, города Дзержинского он запомнит на всю свою жизнь.

– Мне очень стыдно, что я не смог оказать вам поддерж...

– Заткнись. Помоги Витьку, – оборвал его Рост. Он поднялся на ноги, и головокружение усилилось, для чего ему пришлось опереться о стол. Из разбитого носа на стол забарабанили капли крови. Он дотронулся до носа. Так и есть, сломан.

Кеша помог Витьку встать. Ветерок донес кисловатый запах рвоты, в которой он измазался при падении.

– А Джеки Чан? – вдруг вспомнил Кеша. Он усадил Витька на бревно, а сам, поискав глазами, склонился над своим другом. – Он ранен?

– Умер Джеки Чан, – сказал Витек, морщась от боли.

Кеша заплакал, беззвучно, только худые плечи подрагивали. Рост стал приводить себя в порядок. С горем пополам удалось остановить кровь на лбу, приклеив туда бумажную салфетку, а вот из носа продолжало течь, как из крана с прогнившей прокладкой. Он долго лил на него холодную воду, и кровотечение наконец унялось. Затем еще раз взглянул на труп в костюме.

– Кто это? – спросил он, в общем-то, догадываясь.

– «Врач», – спокойно ответил Витек. – Почему-то кажется мне, что он последний.

– Очень хотелось бы верить, – задумчиво сказал Рост. Он встрепенулся – часы показывали:

05.07. Через полчаса он должен быть на трассе.

Быстро переодевшись, он подошел к потухшему костру. Витек все так же молча сидел на бревне, прижимая к уху окровавленную салфетку. Кеша продолжал плакать, закрыв лицо руками.

– Один плюс от этого врача – фурункул лопнул, – вспомнил Витек, трогая припухшую дырку на подбородке, из которой тонким ручейком сбегали остатки гноя. Кеша поднял на Роста залитое слезами лицо:

– Я трус, правда?

Рост фыркнул:

– Прекрати. Если бы остался, то сейчас лежал бы рядом.

Он помолчал и сказал:

– Ладно, прощайте, мужики. На вашем месте я бы уходил отсюда. Забирайте Дрюню из больнички и сваливайте куда-нибудь подальше... Простите, если что.

– Пока, Геныч. То есть Ростислав, – прошептал Витек вслед удаляющейся фигуре.

Он шел, как матрос по палубе во время шторма. Две бессонные ночи, продырявленное плечо, куча порезов, разбитый лоб и свернутый нос – подумаясь, фигня какая. Рост шел по свалке, не особенно глядя, куда наступает, потом начал петь. Сначала спел несколько армейских песен, потом пару из «ДДТ». Упаковки из-под DVD-проигрывателей резали ладони, ну кто, скажите на милость, придумал для них такие неудобные ручки?! В какой-то момент он даже хотел зашвырнуть эти коробки в мусор. К черту, эти деньги и есть мусор, столько крови из-за них...

Он брел вперед, до трассы оставалось не больше километра, как Росту неожиданно приспичило. Он поставил коробки на землю и некоторое время туповато разглядывал свою ширинку. Затем, решив, что впереди длинная дорога, Рост направился к кустарникам. Он не задумывался, почему решил справить нужду в кустах, ведь кругом ни души, а если бы кто-то и был, то вряд ли смутился бы от вида мочившегося Роста, но Рост не мог по-другому. Он всегда считал, что справление естественных надобностей – чисто интимное дело, даже если ты остаешься один на один с самим собой.

Как только он зашел в кустарник, желание облегчиться испарилось, как дым. Прямо перед ним лежал Жгут, вернее, то, что когда-то было им. Совершенно голый, он растянулся в неестественной позе. Его тело мелко-мелко тряслось, словно озябнув. От солнечного сплетения до самого паха – нараспашку рваная рана. Ребра торчат, как зубья старых ржавых вил. Рядом копошилась бурая желеобразная масса, из нее уже начали поочередно отпочковываться покрытые слизью яйца. Вот одно треснуло, из разлома высунулась темная лапка с бесцветными волосиками. Рост торопливо надавил на яйцо ботинком. Чпок. Из-под подошвы выползла густая жидкость. Рост хрипло вскрикнул и принялся топтать мешок, не давая откатиться ни одному яйцу. Чпок, чпок, чпок!

На него брызгала вонючая слизь, яйца скользили под ногами, как если бы пытались уползти от него, но он зорко следил, и как только какому-то из них удавалось откатиться в сторону, тут же давил его. Вскоре его штанины до колен были покрыты мерзкой субстанцией, но он все никак не мог успокоиться.

А когда все закончилось, он просто засмеялся, уставившись в небо. Грань, отделяющая его от безумия, была настолько тонкой, что даже стенка мыльного пузыря показалась бы по сравнению с ней толстенной. Он стоял и смеялся. А когда это уже начало причинять боль, он выковырял из земли камень и поднес его к голове Жгута. Рост коснулся его кожи. Холоднее стекла в неотапливаемом доме.

– Может, это и не твоя вина, Жгут, – громко сказал Рост и бросил камень в кусты. Посмотрел на лужу розовой слизи, в которой плавали безжалостно растоптанные паучки, и его вывернуло наизнанку.

Без двух минут шесть он вышел на трассу. В руках – три пакета с коробками из-под DVD-проигрывателей. Солнце уже поднялось над городом, ласково пригревая кожу.

Рост стоял и смотрел, не в силах поверить, что зрение ему не изменяет. Фуры Сашка не было. Не было Говновонялки, и все тут. Справа стояла какая-то громадная фура крикливо-желтого цвета, за ней другие, но это все не то. Грузовик Сашка был грязным, как старый башмак, полгода пролежавший на помойке, а второй грузовик, стоящий за желтой фурой, блестел, словно драгоценный камень в лучах солнца.

– Зачем дальнбойщик стучит по колесу ногой? – спросил Рост вслух. И сам же ответил: – Чтобы яйца от ляжки отлипли.

Он расхохотался. Наверное, он ошибся, и Сашок ждет его в семь, а не в шесть утра. А может, он ждал его в пять. И сейчас уже едет к нему домой, на Украину. Может, это вообще был другой день. От этой мысли, чудовищной и нереальной, но в то же время вполне разумной и естественной, Росту стало так плохо, что он почувствовал, как подгибаются ноги. Воображение с готовностью рисовало картины, одна другой ужасней: Сашок его обманул или напился до посинения, и с ним случился сердечный приступ. Сашок – сотрудник ФСБ, и сейчас за ним приедет ОМОН в касках и с автоматами. Сашок...

«Может, это вообще был сон?» – предположил его измученный мозг, и Рост уже был готов с ним согласиться, как вдруг грузовик объехал желтую фуру и поморгал ему фарами. Рост поставил пакеты на землю и потер глаза. Или ему почудилось?

Рост вопросительно посмотрел на грузовик, как вдруг из окна высунулась рука и нетерпеливо махнула ему. Не веря своему счастью, Рост поковылял к машине. Не доходя метров двадцать, он убедился, что перед ним действительно Говновонялка Сашка, только вымытая до блеска. С места водителя на него строго смотрел какой-то мужик. Рост сначала не узнал его, и только неизменная тюбетейка (на этот раз тщательно выстиранная) подсказала ему, что перед ним действительно Сашок. Но как он выглядел! Гладко выбритый, посвежевший, пахнет одеколоном (правда, не особенно качественным), в выглаженных брюках и новенькой джинсовой рубашке.

– Здорово, – буркнул он не слишком дружелюбно. – Еще бы пару минут, и от меня бы только пердячий выхлоп остался.

– Извиняй, – пропыхтел Рост, залезая в кабину.

Сашок скользнул взглядом по разукрашенному лицу Роста.

– Что, бурная ночь?

– Ага, – устало произнес Рост и прикрыл глаза. Неужели скоро он будет дома? Рост представил, как приезжает к родным в Сбруево, обнимает мать, Олеську... Но возникший образ был слишком сюрреалистичным, и Рост отогнал видение. Что толку мечтать, если впереди еще долгая дорога?

– А че шарманки-то купил? – поинтересовался Сашок, указывая на коробки с DVD-проигрывателями в руках Роста. – У меня их вона, целый кузов, – проговорил Сашок, заводя мотор. – Кидай их назад, ага, туда. Не вешай нос, а то он у тебя и так... тово... висит, почти как пэнис.

Грузовик тронулся с места.

– На вот, здесь найдешь, что нужно, – не сводя глаз с дороги, промолвил Сашок. Из-под сиденья он достал автомобильную аптечку. Рост с изумлением смотрел на дальнбойщика, все

еще не веря, что перед ним тот самый Сашок, которого он видел буквально два дня назад – вусмерть пьяного, громко храпящего с задранными на руль ногами. Сейчас он видел перед собой серьезного, уверенного в себе мужчину, трезвого как стеклышко.

Сашок перехватил взгляд Роста и слегка улыбнулся:

– Сдается мне, у тебя есть много чего рассказать. Так, Матвей? Тебя ведь Матвеем зовут?

Губы Роста разъехались в непроизвольной улыбке, даже свернутый набок нос отозвался болью.

– Зови меня Гурвинек.

Огромный грузовик выехал на основную трассу и на большой скорости понесся в сторону Украины. Солнце медленно, но неуклонно поднималось выше. Начинался новый день.

Спустя восемь месяцев...

Вырезка из «Комсомольской правды»

«Вынесен приговор изуверу, который на протяжении двух лет убивал бездомных.

По сведениям из пресс-службы прокуратуры Москвы стало известно, что московским городским судом вынесен приговор некоему Чубарову Андрею, который, по материалам уголовного дела, входил в преступную группу, в течение двух лет державшую в страхе лиц без определенного места жительства. Напоминаем, что в свое время в столице прокатилась волна немотивированных и бессмысленных по своей жестокости убийств бродяг и попрошайек. Следствие никак не могло выйти на след преступников и всячески отрицало взаимосвязь между этими кровавыми убийствами, и только после активного освещения в СМИ происходящих на городских свалках кошмаров уголовные дела были объединены в одно производство. Неизвестно, как бы развивались события дальше, если бы один из убийц не явился с повинной, им-то как раз и оказался Чубаров. Далее следствием было установлено, что в так называемый «отряд» входило еще четверо молодых людей, среди которых даже была одна девушка! Один из членов банды, Черкасский Алексей, был убит в ходе акции (так молодые люди называли свои мероприятия). Девушка, Нелли Стрелецкая, вскоре после этого попала в психиатрическую больницу, где находится по сей день. По неофициальным источникам, она состояла в близких отношениях с Черкасским и на его поминках выколола себе глаза! Еще одного убийцу, Жданова Михаила, обнаружили на свалке в районе подмосковного города Дзержинский. У органов предварительного следствия было две версии, по первой – ему могли отомстить сами бомжи, в отношении второй существует мнение, что к убийству Жданова причастен некий Тягушев Юрий. К слову, Тягушев был негласным лидером «отряда». Он единственный, о чьей судьбе пока не известно до сих пор.

Примечательно, что все члены группировки были из вполне благополучных семей, за исключением разве что самого Чубарова. Их объединяло одно – ненависть к опустившимся личностям. Обвинению удалось доказать двенадцать эпизодов, в общей сложности от рук так называемых «врачей» (так окрестили этих убийц сами бомжи) погибло порядка пятидесяти человек! Вместе с тем сыщики подозревают, что на самом деле количество убитых бродяг как минимум вдвое больше. По делу проведено около ста пятидесяти экспертиз, материалы занимают несколько десятков томов. Чтение приговора заняло почти два дня. С учетом всех обстоятельств, Чубаров приговорен к пожизненному заключению с принудительным лечением от алкоголизма. (Как алкоголику удавалось столь длительное время совершать преступления и скрываться от следствия, остается загадкой.) Даже явка с повинной не изменила решение судей. Впрочем, как стало известно нашему корреспонденту, подсудимый никак не отреагировал на приговор. Он вежливо и послушно отвечал на все вопросы, охотно поясняя такие подробности, от которых у многих на процессе волосы вставали дыбом. В своем последнем слове он даже позволил себе улыбнуться и произнести фразу: «Я рад, что эти сны закончились...» Адвокат Чубарова пока не сообщил, намерен ли осужденный обжаловать приговор.

Тягушев объявлен в федеральный розыск, и его поиски продолжаются...»

Данная книга была скачана с сайта Librs.net.

notes

Примечания

От англ. – забияка, задира.

Международная неправительственная гуманитарная организация, целью которой является оказание бесплатной медицинской помощи населению в кризисных ситуациях. Основана в 1971 году. В настоящее время представители организации работают более чем в 70 странах.

Имеется в виду пистолет Макарова.

Группа немедленного реагирования.